АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ОКТАЙ ЭФЕНДИЕВ

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ ГОСУДАРСТВО СЕФЕВИДОВ
в XVI веке

ИЗДАТЕЛЬСТВО "Э Л М"
Б А К У - 1 9 8 1

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Азербайджанской ССР

Редактор—*академик* **А. А. АЛИ-ЗАДЕ**

Издательство "Элм", 1981 г.

Э 10604-000 30-80
М-655-80

Светлой памяти
Народного поэта Азербайджана.
Героя Социалистического Труда
Р а с у л а Р з а посвящается

ВВЕДЕНИЕ

Разработка истории феодальных государств и государственных образований на Востоке является одной из важных и малоизученных проблем в советской исторической науке.

Классики марксизма-ленинизма указывали, что государство, представляя собой форму политической организации общества, относится к надстроечным явлениям. В обществе, основанном на насилии, государство выступает как диктатура эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством, как аппарат классового гнета, как машина для подавления сопротивления своего собственного народа, покорении и ограбления других народов. Как политическая надстройка над базисом государство играет важную роль в жизни общества, оказывая обратное воздействие, в частности и на ход социально-экономического развития. «Для удержания своего господства, — писал В. И. Ленин, — для сохранения своей власти помещик должен был иметь аппарат, который бы объединил в подчинении ему громадное количество людей, подчинил их известным законам, правилам,— и все эти законы сводились в основном к одному — удержать власть помещика над крепостным крестьянином... Крепостническое общество представляло такое деление классов, когда громадное большинство - крепостное крестьянство - находилось в полной зависимости от ничтожного меньшинства — помещиков, которые владели землей»[1].

XVI век знаменует начало нового этапа всемирной истории. Это был период зарождения капиталистического уклада в недрах феодального общества, разложения феодальных отношений и возникновения в ряде наиболее развитых стран Европы капиталистического производства, складывания национальных и многонациональных государств. В большинстве стран Западной Европы к этому времени уже завершился процесс политического объединение национальной территории и образования централизованных государств. Наиболее законченной формой политической централизации в условиях феодализма была абсолютная монархия. *«...Абсолютная монархия,* указывает К. Маркс, возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс

[1] **В. И.** ***Ленин.*** Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 77

буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»[2].

Однако в странах Азии сложился несколько иной тип государства. Эти государства в известной степени преодолели феодальную раздробленность, но вместе с тем существенно отличались от абсолютистских феодальных государств Европы. В отличие от последних политическое объединение в странах Азии происходило в условиях относительно слабого развития производительных сил, застойности феодальных отношений, господства натурального хозяйства, и слабых экономических связей между областями. В силу этих и других причин феодальные государства Азии, хотя некоторые из них обладали сильной центральной властью и многочисленной бюрократией, были лишены достаточной внутренней стабильности, не могли полностью преодолеть центробежные силы, подрывавшие их целостность.

Одна из характерных особенностей ряда государственных образований в странах Азии состояла в том, что в результате внешних завоеваний они быстро выходили за рамки данной страны, объединяя под своей эгидой обширные регионы.

Одной из таких держав было сложившееся в начале XVI в. Сефевидское государство, которое наряду с Османской империей и Государством Великих Моголов представляло одно из крупнейших азиатских государств той эпохи.

Сефевидское государство сыграло значительную роль в исторических судьбах народов Закавказья, Ирана и других стран, вошедших в его состав, и явилось серьезной преградой османской экспансии в восточном направлении Сефевидская держава объединила единой государственной властью многие народы и племена, находившиеся на различных ступенях социально-экономического развития, различные по языку, культуре и религии, ускорила процесс дальнейшей феодализации в подвластных ей странах.

История Сефевидского государства неразрывно связана с историей азербайджанского народа, с его дальнейшей этнический консолидацией. Объединение южных и северных областей Азербайджана в границах единого относительно централизованного государства Сефевидов создало основу для более тесного, чем в прошлом, политического, экономического, культурного и этнического сближения этих областей. В XVI в. Азербайджан после десятилетий феодальной раздробленности вновь обрел свою государственную целостность, достиг определенного прогресса в области экономики и культуры. Образование Сефевидского государства явилось важным этапом в эволюции феодального общества на территории Азербайджана и сопредельных стран.

---

[2] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 4, стр. 305.

Сефевидская держава была создана азербайджанской феодальной верхушкой, прежде всего азербайджанской племенной знатью — эмирами, чтобы служить их классовым интересам. Поэтому именно азербайджанская знать стала господствующей силой в новообразовавшемся государстве главная функция которого заключалась в упрочнении и расширении власти кызылбашских эмиров над своими соплеменниками и населением областей, которые они подчинили. В XVI в. Азербайджан с его крупнейшим торгово-ремесленным центром г. Тебризом — первой столицей державы Сефевидов — представлял основу Сефевидского государства не только в политическом, но и в экономическом отношениях.

Игнорируя указанные обстоятельства, буржуазная историография безапелляционно рассматривала и продолжает рассматривать Сефевидскую державу в XVI в. иранским государством. В этом находит проявление присущая буржуазной историографии тенденция умаления или даже полного отрицания исторического творчества, национального достоинства и самобытной культуры малых народов, их государственности, права па самостоятельное существование и развитие. На совершенно противоположных позициях стоит советская историческая наука. Ее духу чужды презрительное, высокомерное отношение к большим или малым народам, игнорирование их исторической роли и вклада в историю человечества и его культуру. Не случайно, что именно советские ученые, руководствуясь марксистско-ленинской методологией, глубоко и всесторонне исследовали историческое прошлое азербайджанского народа, показали развитие исторического процесса на территории Азербайджана с древнейших времен, охарактеризовали роль азербайджанской государственности и культуры на разных этапах их развития и в частности вскрыли роль азербайджанского народа в образовании и истории Сефевидского государства в XVI в.

Настоящая работа является первой попыткой всестороннего исследования, систематического изложения и обобщения сведений восточных и европейских источников по истории Сефевидского государства в XVI в. с учетом достижений советской и зарубежной историографии, освещения основных моментов политической и социально-экономической жизни Азербайджана указанного периода.

Одной из важных задач настоящего исследования является научное обоснование роли азербайджанского этнического элемента в возникновении и развитии этого государства в указанную эпоху.

При разработке данной темы мы руководствовались трудами классикой марксизма-ленинизма о социальной сущности государства, образовании абсолютных монархий, национальных и многонациональных государств, феодальном обществе и его особенностях на Востоке, функциях восточной деспотии, идеологии антифеодальных движений.

Книга написана на основе критического изучения и анализа обширного круга источников на разных языках, в том числе редких рукописных сочинений, впервые вводимых в научный обиход.

В ходе исследования автор в значительной мере опирался на выводы и обобщения, имеющиеся в работах крупных советских историков и востоковедов В. В. Бартольда, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского, И. П. Петрушевского, А. А. Али-заде, Б. Н. Заходера и др.

Предлагаемая вниманию читателей книга должна рассматриваться как продолжение и завершение разработки той тематики, начало которой было положено в нашей предшествующей книге «Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в.», опубликованной в 1961 г. в Баку. Поэтому период сложения государства и правления шаха Исмаила I затронут в настоящей работе лишь в той мере, в какой это казалось нам необходимым для дополнения и уточнения материалов предыдущей монографии. Это стало возможным благодаря некоторым в прошлом недоступным для нас хроникам и исследованиям, а также работам советских и зарубежных ученых, появившихся за истекший период.

Мы благодарны сотрудникам отдела истории Азербайджана XIII—XVIII вв. Института истории Академии наук Азербайджанской ССР за замечания и пожелания, которые по возможности были учтены. Устранением многих недостатков работы автор обязан выдающемуся советскому историку-востоковеду, Заслуженному деятелю науки Азербайджанской ССР ныне покойному проф. Илье Павловичу Петрушевскому, который и высказал пожелание об ее издании. С сердечной теплотой и благодарностью вспоминает автор помощь и содействие, оказанные ему в период подготовки труда членом-корреспондентом республиканской академии проф. Гулиевым Алиовсатом Наджафкули оглы.

ГЛАВА I

ОБЗОР ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Основную, и самую многочисленную группу источников по истории Сефевидского государства составляют персоязычные феодальные хроники, написанные представителями разных народностей, в том числе и азербайджанцами. Приступая к обзору нарративных источников на персидском языке, укажем прежде всего на отсутствие среди них местных хроник и сочинений, предметом которых была бы исключительно местная история Азербайджана и отдельных его частей. Сочинения типа всеобщих историй или специальные труды по истории Сефевидского (Кызылбашского) государства, служащие нашими главными источниками информации, не содержат систематического изложения истории Азербайджана. Авторы этих сочинений обращаются к этой стране от случая к случаю, обычно в связи с происходящими здесь событиями крупного масштаба. Большинство этих сочинений не издано, находится в рукописях, разбросанных по различным хранилищам мира, в частности Ближнего Востока и Западной Европы[3]. Некоторые из них опубликованы в виде литографий на Востоке и не могут отвечать требованиям научно-критических изданий. Предпринятые же за последние годы некоторые типографские издания этих сочинений в Иране не только не устранили ошибки литографий, а даже приумножили их. В распоряжении исследователей мало источников, опубликованных полностью; многие изданы в виде извлечений, экстрактов. Сводного научно-критического издания текстов важнейших источников, за редкими исключениями, все еще не существует. Очень немногие из них переведены на европейские языки. Все это значительно осложняет труд исследователей, зачастую имеющих дело с уникальными рукописными источниками по истории периода.

Хотя источники по истории Сефевидского государства в сравнении с предшествующим периодом более многочисленны, но изучены и разработаны они еще слабо. Многие из них, известные как источники иранской истории, почти или совсем не привлекались как источники по истории Азербайджана. «Следует отметить, что нарративные персоязычные источники XVI—XVIII вв. вообще изучены еще далеко недостаточно, во

---

[3] О местонахождении этих рукописей смотрите: *Ч. А. Стори.* Персидская литература. Био-библиографический обзор. Перевел с англ., перераб. и доп.. Ю. Э. Брегель, ч. I, II и III, М., 1972.

всяком случае в несравненно меньшей степени, нежели персидские исторические источники X—XV вв.»[4].

Материалы по истории Азербайджана, в особенности по социально-экономическим вопросам, скажем, как сельское хозяйство, городская жизнь, ремесленное производство, торговля, положение крестьянства и т. п., в этих источниках очень скудны. Исследователю приходится собирать сведения по этим и аналогичным вопросам буквально по крупицам путем долгих и кропотливых поисков и часто он испытывает серьезные затруднения в освещении того или иного вопроса. Это объясняется тем, что средневековые летописцы, находясь на службе феодального класса, основное внимание в своих сочинениях уделяли восхвалению и описанию деяний шахов и других представителей господствующего класса, совершенно не интересуясь положением народа.

Приступим к рассмотрению нарративных источников па персидском языке.

Садр ад-Дин - С о л т а н Ибрагим ал-Амини—автор хронологически первого нарративного источника рассматриваемого нами периода под названием «Футухат-и шахи» («Шахские победы»), являющегося историей походов шаха Исмаила I, доведенной до 918 г. х. (1513—1514 гг.). Полный список этого сочинения хранится в фонде восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР[5]. Был выявлен и описан таджикским востоковедом А. М. Мирзоевым, которому принадлежит также заслуга установления автора исторического труда «Шаханшах-наме»[6]. Авторство последнего ошибочно приписывалось Б. А. Дор гератскому поэту Камал ад-Дину Бинаи. Сопоставив тексты «Шаханшах-наме» и «Футухат-и шахи», А. М. Мирзоев доказал, что оба сочинения принадлежат перу одного автора — Садр ад-Дина Солтап Ибрагима ал-Амнни, и что «Шаханшах-наме» является вторым томом «Футухат-и шахи»[7].

Укажем на ряд моментов, подтверждающих выводы А. М. Мирзоева. Историографы Сефевидов в тексте своих сочинений нередко называют свои главные источники, откуда они черпают сведения. «Футухат-и шахи» или «Футухат-и Амини» упоминается в целом ряде источников периода. Хондемир в «Хабиб ас-сийяр», Кази Ахмед Куми в «Хуласат ат-таварих», Искендер Мунши в «Тарих-и алем арай-и Аббаси» упоминают это сочинение

---

[4] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв. Л., 1949, стр. 19.

[5] Каталог восточных рукописей Академии наук Таджикской ССР, т. I, Сталинабад, 1960, стр. 141—144.

[6] Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, каталог Б. Дорна. № 301.

[7] *А. М. Мирзоев.* Еще раз об авторе «Шаханшах-наме». «Проб, востоковед.» 1960, № 4, стр. 112—121.

в числе своих первоисточников. Так, повествуя о битве шейха Хейдара с ширваншахом Фаррухом Ясаром и его гибели (1488), Хондемир указывает, что он пересказывает ее по сочинению «Футухат-и шахи», хотя имя его автора не упоминается[8]. У Искендера Мунши «Футухат-и шахи» Ибрагима Амини упоминается в форме «Футухат-и Амини»[9]. А Кази Ахмед Куми в своей хронике «Хуласат ат-таварих», указывая на главные источники периода, первым упоминает сочинение Амир Солтана Ибрагима Амини Херeви[10].

О «Футухат- и шахи» и его авторе Ибрагиме Амини в научной литературе впервые сообщил индийский ученый Гулам Сарвар в своей книге о шахе Исмаиле I [11]. Предпринятые им настойчивые поиски списков сочинения в книгохранилищах Ирана и других стран оказались безрезультатными, в связи с чем он счел сочинение утерянным. Вместе с тем Гулам Сарвар дал в книге биографические сведения об Ибрагиме Амини, извлеченные из сочинения «Хабиб ас-сийяр» Хондемира.

А. М. Мирзоев несколько дополняет эти сведения теми, которые он извлек из душанбинского списка «Футухат-и шахи». По происхождению Садр ад-Дин Солтан Ибрагим ал-Амини принадлежал к семье образованных и знатных землевладельцев Хорасана. Свою карьеру он начал в молодости на службе у тимуридского царевича Солтан Музаффара Хусейн-мирзы. В 910 г. х. (1504—1505 гг.) отец последнего — правитель Герата Солтан Хусейн-мирза выдвинул его на пост своего личного садра (садарат-и хассе). Он продолжал исполнять эту должность и после смерти своего покровителя (911 г. х/1506 г.) до занятия Герата и Хорасана Мухаммед-ханом Шейбани в 913 г. х. (1507 г.). В числе других сановников и служителей тимуридского двора Ибрагим Амини подвергся репрессиям со стороны Шейбанидов. Он был арестован, а его земли и имущество конфискованы. Выйдя из заключения, он «избрал пребывание в углу уединения и одиночества» до 916 г. х. (1510—1511 гг.). Когда Шейбаниды были вытеснены из Хорасана, и Герат был отвоеван кызылбашскими войсками, Амини был почетно принят, осыпан дарами и милостями шаха Исмаила I, получив обратно свои владения и имущество.

Ибрагим Амини проживал в Герате до 927 г. х. (1521 г.), когда в Хорасане стало неспокойно из-за угрозы узбекских вторжений и усиления шиитско-суннитской вражды. Это заставило многих деятелей науки и

---

[8] Тарих-и Хабиб ас-сийяр фи ахбар афрад-и башар, та'лиф-и *Гияс ад-Дин б. Хумам ад-Дин ал-Хусейни* ал-мадовв *бе-Хондемир,* т. IV, Тегеран, 1333, стр. 434. («В Футухат-и шахи, являющейся источником беспредельных милостей, написано, что...»).

[9] Тарих-и алем арай-и Аббаси, та'лиф-и *Искендер-бек Туркман,* т. 1, Тегеран, 1334, стр. 14, 18, 20.

[10] Хуласат ат-таварих. Рукопись библиотеки Мехди Баяни в Тегеране, л. 3а.

[11] *Ghulam Sarwar.* History of Shah Ismail Safawi. Aligarh. 1939. pp. 3-6.

культуры, в том числе, и Ибрагима Амини, оставить Герат и перебраться в столицу Сефевидского государства. Здесь он был назначен придворным историографом и ему было поручено Исмаилом написать историю «шахских побед»[12].

Душанбинская рукопись «Футухат-и шахи» согласно А. М. Мирзоеву, состоит из двух томов (дафтар) общим объемом в 265 листов. Амини разделил первый том на пять глав, носящих название «фатх» (победа). В первой главе говорится о сотворении мира и людей, происхождении основоположника мусульманской религии — Мухаммеда. Вторая глава содержит подробное изложение жизни и деятельности пророка. Халифу Али и шиитским имамам посвящена третья глава тома. В четвертой главе повествуется о предках «Прибежища справедливости» — шаха Исмаила, родословная которого возводится в двадцать шестом поколении к имаму Муса ал-Казиму. В пятой главе рассказывается о детстве Исмаила, точнее о событиях первых двенадцати лет его жизни. Первый том «Футухат-и шахи» непосредственно не связан с походами шаха Исмаила и имеет иную цель — обосновать претензии Сефевидов на родство с седьмым шиитским имамом, а через него с самим Мухаммедом. Поэтому автор назвал этот том своего сочинения «предисловием» (мукаддаме) по отношению к последующим томам «Футухат-и шахи».

Второй том (дафтар) сочинения не делится подобно первому на большие главы. Под отдельными взаимосвязанными заголовками рассказывается обо всех походах шаха Исмаила до повторного похода в Хорасан, вызванного набегом Убейдулла-хана и Тимур-солтана в Герат в 919 г. х. (1513—1514 гг.). Таким образом, второй том охватывает события также примерно двенадцати лет[13].

Язык Амини довольно витиеватый, стиль — цветистый и малосодержательный. В рассказ в обильном количестве введены выдержки из корана, хадисов, а также стихотворные отрывки. Тексты второго тома «Футухат-и шахи» и «Шаханшах-наме», если отвлечься от частных вариантов, как указывает А. М. Мирзоев, целиком сходны. Тождественность текстов служит доказательством того, что «Шаханшах-наме» является не

---

[12] Хабиб ас-сийяр, т. IV, стр. 326—328; *А. М. Мирзоев.* Еще раз об авторе «Шаханшах-наме», стр. 113—116. Хондемир не указывает дату рождения Амини. На основании сообщения самого Амини о том, что он покинул Хорасан в 927 г. х. «на 45-ом году жизни», А. М. Мирзоев устанавливает, что автор родился в 882 г. х. (1477—1478 гг:).

[13] Во вступлении к первому тому Амини указывает, что он намеревается изложить в каждом томе события 12 лет жизни шаха Исмаила. Мы отметили выше, что до нас дошли только два тома «Футухат-и шахи», охватывающие каждый примерно 12 лет, т. е., в совокупности 24 года жизни Исмаила (1487—1514). Пока остается неизвестным, смог ли Ибрагим Амини написать еще третий том, который в этом случае должен был описать последние 12 лет жизни шаха (1513—1524). См.: *А. М. Мирзоев.* Еще раз об авторе «Шаханшах наме», стр. 117—116.

самостоятельным сочинением, а списком второго тома (вторым дафтаром) «Футухат-и шахи». А. М. Мирзоев считает «Шаханшах-наме» редакцией второго тома «Футухат-и шахи»[14].

Мы пользовались ленинградским списком второго тома, известного под названием «Шаханшах-наме». Кстати, этот список практически не был использован в историографии[15].

Ленинградская рукопись писана крупным и четким насталиком на 235 двойных листах. Она содержит восемь прекрасных миниатюр, изображающих сцены битв, шахской охоты, игр и т. п.

Труд Ибрагима Амини был хорошо известен современникам и привлекался феодальными историографами как основной источник по истории военных кампаний шаха Исмаила I. Несмотря на вычурный стиль, изложение изобилует фактическим материалом, в частности, о военных действиях Исмаила в Ширване против Фарруха Ясара, битве его с Альвендом Ак-Коюнлу, а также феодальными правителями Ирана. Хотя автор не был очевидцем этих событий, все же их описание представляет большой интерес, так как оно основано на рассказах очевидцев и участников этих походов, кызылбашских военачальников — ближайших соратников шаха Исмаила. События, связанные с Хорасаном, где Амини жил все это время, освещены детально, с живыми подробностями.

Конечно, неверно было бы ждать от Амини объективности, беспристрастности. Ведь он писал, так сказать, официальную историю походов, завоеваний Исмаила. Его задача как раз состояла в том, чтобы прославить деяния своего сюзерена. Поэтому, естественно, он выступает панегириком этих походов, приверженцем шиизма и Сефевидов. Положение народа совершенно не интересует Амини. Он говорит о событиях политического значения, часто игнорирует их датировку, взаимную причинную связь. По политической истории Закавказья и Ирана труд дает немало интересного; сведений же социально-экономического характера почти не содержит.

Анонимный историк шаха Исмаила I. Неизвестным пока автором написана хроника жизни шаха Исмаила I, получившая в литературе условное название «Тарих-и шах Исмаил-и Сефеви» («История шаха Исмаила Сефеви»). Она начинается кратким экскурсом о предках Исмаила, освещает события его юности, охватывает все царствование основателя Сефевидского государства и завершается вступлением на тебризский престол его сына шаха Тахмасиба I. Сочинение не издано. Только небольшие купюры, касающиеся

---

[14] *А. М. Мирзоев.* Еще раз об авторе «Шаханшах-наме», стр. 121

[15] О некоторых дополнительных сведениях об авторе и существующих в Иране списках сочинения см.: *Ч. А. Стори.* Персидская литература, ч. II, стр. 850—852; ч. III, стр. 1467.

ранних лет жизни Исмаила (до 1499 г.), были опубликованы с английским переводом Денисоном Россом в конце прошлого столетия[16].

Известны два списка хроники: один из них хранится в Лондоне в Британском музее[17], другой — в университетской библиотеке Кембриджа[18]. Лондонский список сочинения Анонима, которым мы пользовались[19], писан красивым насталиком на 307 листах (614 стр.) с 21 миниатюрой. Время переписки согласно Ч. Рьё — XVI в.

«Тарих-и шах Исмаил-и Сефеви» в своей значительной части, как справедливо указывалось Ч. Рьё и Д. Россом, почти текстуально совпадает с четвертой частью третьего тома «Хабиб ас-сийяр» Хондемира, также посвященного истории первого сефевидского шаха. Известно, что Хондемир завершил свое сочинение в 930 г. х. (1524 г.) за месяц до смерти Исмаила. Между тем, сочинение Анонима было написано в правление шаха Тахмасиба. Исследователи попытались несколько уточнить время его написания. На основании содержащегося в самом тексте указания на 947 г. х. (1540 г.), в котором умер тимурид Мухаммед Заман-мирза[20], была высказана мысль о том, что сочинение было завершено после 1540 г. С другой стороны, было установлено, что сочинение Анонима использовано сыном Хондемира Махмудом в его исторической хронике, к которой он приступил в 955 г. х. (1548 г.)[21]. Исходя из этих соображений, можно прийти к заключению о том, что рассматриваемое сочинение было написано в промежутке времени между 1540 и 1548 г.[22]

Ч. Рьё отмечал, что наряду с тождественностью текстов Анонима и Хондемира, говорящей о переписывании первым труда второго, анонимное сочинение содержит дополнительные подробности, что указывает на различные источники информации[23]. Д. Росс также указывал, что «Тарих-и шах Исмаил-и Сефеви» содержит много таких биографических и

---

[16] *D. Ross.* The Early Years of Shah Ismail. Founder of the Safawy Dinasty, JRAS, 1896, vol. 29, pp. 249—340.

[17] *C. Rieu.* Supplement to the Catalogue of the Persian Manuscripts in the British Museum. Lond., 1895, p. 34, or. 3248.

[18] A discriptive Catalogue of the Oriental MSS belonging to the late E.G. Browne. By E. G. Browne. Completed and edited... by R. A. Nicholson. Cambridge, 1932, p. 147, Add. 200.

[19] Микрофильмы этого списка были любезно присланы нам английским историком-востоковедом проф. Бернаром Люисом. (В дальнейшем—Анонимная история).

[20] Лондонский список, л. 277а; Д. Росс (стр. 250) считал это интерполяцией.

[21] *Ross.,* pp. 249—250. Сочинение Мир Махмуда б. Хондемира представляет хронику царствования шахов Исмаила I и Тахмасиба I, доведенную до 957 г. х./1550 г., с преимущественным вниманием к событиям в Хорасане. См.: *Ч. А. Стори.* Персидская литература, ч. II. стр. 854—855.

[22] *G. Sarwar.* p. 10.

[23] C. *Rieu.* p. 34.

географических подробностей, которых нет в сочинении «Хабиб ас-сийяр». Сравнивая эти два важнейших первоисточника по истории шаха Исмаила I, Д. Росс отдает предпочтение хронике Анонима. До 930 г. х. (времени написания «Хабиб ас-сийяр») Хондемир, очевидно, безвыездно проживал в Хорасане и на вопрос, посещал ли он другие части страны и в частности Азербайджан, скорее должен быть дан отрицательный ответ. Информацию о шахе Исмаиле и его завоеваниях он, по-видимому, получал от шахских придворных, приезжавших в Хорасан, или других неизвестных нам источников. Напротив, Аноним был, по всей вероятности, близко связан с Сефевидами и, взяв за основу своего сочинения труд Хондемира, он обогатил его материалом, который показывает личное непосредственное знакомство с Азербайджаном, с происходившими здесь событиями[24]. Возможно, он был даже участником первых походов Исмаила.

По вопросу об авторстве рассматриваемого труда, о личности Анонима высказывались различные предположения (Х. Беверидж, В. Минорский, В. Хинц и др.). Хотя полное имя автора нам неизвестно, но на то, что оно начинается со слова Биджан имеется указание на полях листа 82а лондонского списка сочинения. По мнению Г. Сарвара, эта рукопись была просмотрена и откорректирована рукой самого автора, так как в этой и ряде других приписок встречается выражение «Нижайший раб», означающее самого пишущего [25]. Вполне возможно, что Г. Сарвар прав в своем предположении, однако этим еще вопрос об авторстве сочинения, конечно, нельзя считать решенным.

Историческая наука располагает тремя первоисточниками по истории правления шаха Исмаила I — «Футухат- и шахи», «Хабиб ас-сийяр» и хроникой Анонима. Сопоставив эти сочинения, мы пришли к выводу о том, что рассматриваемое сочинение является наиболее полным, точным и подробным рассказом о правлении шаха Исмаила I, истории образования Сефевидского государства в Азербайджане и сопредельных странах в первой четверти XVI в.[26]

«Тарих-и шах Исмаил-и Сефеви» начинается с изложения генеалогии Исмаила, которая традиционно возводится к седьмому имаму Муса ал-Казиму. Очерк полулегендарного характера о предках Сефевидов частично заимствован из агиографического трактата «Саффат ас-сафа» Таваккуля ибн Беззаза[27]. После этой вводной части Аноним приступает к главной теме

[24] *D. Ross,* pp. 251—252.
[25] *G. Sarwar,* pp. 9—10.
[26] Во время написания книги «Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в.». мы не располагали микрофильмами этого сочинения.
[27] Анонимная история, лл, 2б—23б.

своего повествования. С 906 г. х. (1501 г.) [28] исторические события излагаются по годам в строгой хронологической последовательности вплоть до 930 г. х. (1524 г.) включительно.

Признавая совпадение текстов сочинений Анонима и Хондемира, нам хочется подчеркнуть здесь отличия между ними, местами очень существенные. Аноним имеет ряд преимуществ. Речь идет не об отдельных деталях и подробностях, которыми он дополняет рассказ Хондемира, а о целых тематически новых разделах, насыщенных конкретным фактическим материалом уникального характера.

Как и в трудах большинства средневековых хронистов, для анонимного автора Азербайджан не является предметом самостоятельного интереса. Он пишет о стране в связи с кызылбашскими походами туда, мятежами, шахскими охотами и другими событиями. Тем не менее приводимые им сведения очень содержательны.

Анонимная хроника содержит оригинальный и ценнейший материал о ранних этапах кызылбашского движения в Азербайджане и прикаспийских областях Ирана [29]. Большой интерес для исследователей Азербайджана представляют страницы, посвященные стойкому сопротивлению бакинцев и занятию Баку шахом Исмаилом I в 1501 г. [30] Кстати, отметим, что соответствующий рассказ Хасан-бека Румлу в «Ахсан ат-таварих» взят у анонимного автора, но при этом опущены важные подробности. То же самое надо сказать о характеристике политической обстановки в Азербайджане и Иране, феодальной раздробленности и местных правителях, отстаивавших свою самостоятельность и боровшихся с Сефевидами в начале XVI в.[31] Очень содержателен рассказ о походах кызылбашей в Ширван в 911 г. х. (1506 г.) и 915 г. х. (1509 г.)[32].

Аноним стоит на точке зрения господствующих классов, на позиции защиты шиизма и безмерного восхваления Сефевидов. Он также пользуется типичными приемами придворной историографии. Язык его становится цветистым и малосодержательным при описании сражений, шахских охот, пиршеств и т.д. В остальных случаях повествование отличается лаконичным языком, связным изложением событий, точной их датировкой, что делает данную хронику незаменимой для исследователей этого периода. Аноним пользуется условным титулованием шаха Исмаила I, заменяя его имя

[28] Там же, л. 53б.
[29] Анонимная история, лл. 20б—50а.
[30] Там же, лл. 62а—64а.
[31] Там же, лл. 77б—78б.
[32] Там же, лл. 119а, 152б—154б.

оборотом «Хакан-и Сулейманишан-и Сахиб-киран», т. е. «Достойный Сулеймана[33] государь обладатель счастливого гороскопа»[34].

Несмотря на общую тенденциозность автора, он сохраняет в известной доле объективность. Встречаются вкрапленные в повествование отдельные подробности о социально-экономическом положении Азербайджана и Ирана в конце XV—первой четверти XVI в.[35]

Помимо упомянутых нами «Саффат ас-сафа» и «Хабиб ас-сийяр», Аноним пользовался, видимо, также «Футухат- и шахи» Ибрагима Амини. Это видно, в частности, из того, что в обоих источниках сходен рассказ о вступлении Исмаила в Кашан и оказанном ему горожанами приеме, а также о торжествах в городе[36].

Авторство «Тезкирей-и ш а х Т а х м а с и б» («Тезкире шаха Тахмасиба») до сих пор вызывает споры и расхождения среди исследователей. Большинство из них (Ф. Тейфель, П. Хорн, Д. Филлот, Х. Беверидж, Э. Броун, В. Хинц) приписывает авторство «Тезкире» шаху Тахмасибу I. Против этого взгляда выступил русский иранист В. А. Жуковский в своем критическом отзыве[37] на издание текста «Тезкире», предпринятого П. Хорном[38]. Ссылаясь на петербургскую рукопись того же сочинения[39], В. Жуковский утверждал, что это сочинение не «дневник» и не «мемуары» шаха Тахмасиба, а протокол беседы шаха с османскими послами[40]. Эту точку зрения защищают И. П. Петрушевский[41] и К. Г. Табатадзе[42].

Науке известны две версии этого сочинения. Первая, сохранившаяся только в двух списках (леииградской и тбилисской), озаглавлена «Беседа шаха Тахмасиба с румскими послами». Все остальные списки под названием «Тезкире шаха Тахмасиба» почти идентичны и представляют несколько измененный вариант вышеуказанной «Беседы», которой предпослано историческое введение, содержащее рассказ шаха Тахмасиба о своем

---

[33] Библиейский царь Соломон.

[34] Имеется в виду «счастливое», с точки зрения придворных астрологов, расположение звезд на небосклоне.

[35] Анонимная история, лл. 73а, 89а, 113аб, 119а, 221а и т. д.

[36] Ср.: лл. 94б—95а у Анонима, 99а у Амини и так далее.

[37] Рецензия напечатана в Зап. Вост. отдел. Росс, археол. общества, т. VI. СПб, 1892, стр. 377—383.

[38] Die Denkwurdigkeiten des Shah Tahmasp I von Persien, Von P. Horn, ZDMQ, Bd, 4. 1890.

[39] Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, каталог Б. Дорна, № 302, датирована 1010 г. х. (1601 — 1602 гг.), которой пользовались и мы.

[40] *В. Жуковский,* стр. 382.

[41] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношении в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв., стр. 26—27.

[42] *К. Г. Табатадзе.* Тбилисская рукопись «Тезкире» шаха Тахмаспа I. Вост. сб. I, Тбилиси, 1960, стр. 169—182.

царствовании. Этот рассказ излагает события 930—938 г. х. (1524—1532 гг.) и не, связан с сефевидско-османскими взаимоотношениями.

Ленинградская рукопись сочинения состоит из пяти рассказов (хекайет); рассказ об Уламе (Улама-бек Текели)[43], о Гази-хане (Текели)[44], об Алкасе (Алкас-мирза)[45], об Искендер-паше[46] и султане Баязиде[47].

«Тезкире» носит характер памятных записей, мемуаров. Поэтому хронологическая последовательность часто нарушается, изложение действительно имевших место событий перемежается со сновидениями и личными рассуждениями шаха. Рассказ ведется везде от первого лица — шаха Тахмасиба. Описанные с точки зрения шаха события не отличаются, объективностью. Несмотря на это, сочинение Тахмасиба является ценным первоисточником, дополняющим сведения Хасан-бека Румлу и других историографов. Особый интерес представляют сообщения «Тезкире» о восстании кызылбашских племен после смерти шаха Исмаила I, о сефевидско-османских войнах первой половины XVI в., о присоединении Ширвана к Сефевидскому государству в 1538 г. и т. д. Сочинение содержит материал о сефевидской администрации, назначении правителей областей, ленных пожалованиях и пр.

Историческая хроника «Такмилат ал-ахбар» («Дополнение известий» Али Зейн ал-абдина (поэт, псевдоним Абди-бек) является всеобщей историей, разделенной на четыре глав (баб). Мусульманским династиям посвящена четвертая глава, последняя часть которой содержит изложение правления первых Сефевидов — Исмаила и Тахмасиба. Единственный в СССР список сочинения, которым мы пользовались, дефектный, обрывается на событиях 968 г. х. (1560—1561 гг.)[48].

Описание событий царствования шаха Тахмасиба насыщено фактическим материалом и такими подробностями, которых мы не встречаем в других синхронных летописях. Так, живыми красками очевидца обрисованы перипетии драматической борьбы кызылбашской феодальной знати за земли и высокие должности после смерти основателя государства. Труд содержит важные сведения о положении Ширвана после его

---

[43] Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыков-Щедрина, каталог Б. Дорна № 302. Л. 226.
[44] Рукопись ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, каталог Б. Дорна № 302. л 22б.
[45] Там же, л. 30а.
[46] Там же, л. 52а.
[47] Там же, л. 71а.
[48] Для обстоятельного ознакомления с этим, как и с другими выявленными списками этого сочинения, а также биографией его автора отсылаем читателя к след. работам: *О. А. Эфендиев.* О малоизвестном источнике XVI в. по истории Сефевидов. «Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ, наук», 1964. № 2, стр. 61—68; *Əbülfəz Rəhimov. Əbdibəy Şirazi*. Bakı, 1970; *Ч. А. Стори.* Персидская литература, ч. I, стр. 404—406, ч. III, стр. 1400.

присоединения к Сефевидскому государству, мятеже Алкас-мирзы, борьбе Абдулла-хана Устаджлу с сепаратистами выступлениями Бурхан-мирзы, Михраба и Касим-мирзы в Ширване.

В изложении крупных политических событий Али Зейн ал-абдин выступает приверженцем шиизма и Сефевидов, придерживается официальной версии. Работая мелким чиновником, он был хорошо знаком с бюрократическим аппаратом и поэтому его сообщения о всевозможных назначениях и смещениях в окружавшей его придворной среде заслуживают внимания. Язык хроники отличается лаконичностью и почти лишен высокопарности.

Хуршах ибн Кубад ал-Хусейни, вероятно, уроженец персидского Ирака, долгое время живший в Индии. Там он поступил на службу султана Бурхана из династии Низамшахов, правителей Ахмеднагара.

Хуршах был направлен Бурханом (1508—1553) в качестве посла ко двору шаха Тахмасиба и прибыл в Рей раджабе 952 г. х. (сентябре 1545 г.). Спустя месяц он добился аудиенции у шаха и вручил ему подарки своего сюзерена стоимостью в тысячу туманов[49]. Как сообщает Хуршах, он полтора года оставался при дворе сефевидского шаха и участвовал в его походах в Грузию и Ширван (1546—1547).[50] О дальнейшей жизни Хуршаха известно мало. До 971 г. х. (1563—1564 гг.), т. е. в течение 19 лет, он находился в Сефевидском государстве и был близок к дворцовым кругам. Здесь он завершил первый вариант своей исторической хроники, получившей название «Тарих-и илчи-и Низамшах» («История ннзамшахова посла»). По словам автора, шах Тахмасиб проявил большой интерес к его работе и, ознакомившись с ней, предоставил в распоряжение Хуршаха для использования копию своего сочинения, в котором он «собрал вместе и написал приятные рассказы о некоторых событиях и происшествиях, приключившихся с Его величеством шахом, прибежищем халифата, с начала румской войны до настоящего времени, разделив их на несколько глав...» (Речь идет о «Тезкире шаха Тахмасиба» — *О. Э.)*[51] И действительно, как мы видим, Хуршах почти переписал некоторые места мемуаров сефевидского шаха.

Вскоре после этого Хуршах вернулся в Индию и умер в Голконде в июне 1565 г.

«Тарих-и илчи-и Низамшах» представляет всеобщую историю, состоящую из семи глав (макала), каждая из которых в свою очередь разделена на «беседы» (гуфтар). Шестая глава посвящена правителям Кара-

---

[49] Тарих-и илчи-и Низамшах. Рукоп. Британского музея, лл. 58 б, 59а; *C. Rieu.* The Catalogue of the Persian Manuscripts of the British Museum. Lond.79. vol. 1. p.110 a.

[50] Тарих-и илчи-и Низамшах, л. 59а.

[51] Там же, лл. 43б, 44а.

Коюнлу, Ак-Коюнлу, первым двум Сефевидам, правителям прикаспийских областей и султанам Турции. Известно несколько списков труда Хуршаха, но ни один из них не содержит текста в полном виде, т. е. всех частей трактата[52]. В СССР их нет или они пока не выявлены. Ч. Шефером издана небольшая часть — извлечение по истории Ширвана и других областей Прикаспия[53]. Этот отрывок очень содержателен: помимо сведений о народном восстании каландара (дервиша) в 1537 — 1538 гг., в нем имеются некоторые данные о последних ширваншахах и их сыновьях, позволяющие восполнить пробел в их генеалогии.

Мы пользовались уникальным списком Британского музея, переписанным еще при жизни автора. Этот список наиболее ранний, достоверный и содержит очень важную для нас часть (гуфтар 3 из макале VI), посвященную шахам Исмаилу I и Тахмасибу I. Очень обстоятельный рассказ о правлении последнего доведен до заключения брата шаха Сам-мирзы в крепость Кахкаха 969 г. х. (1561 —1562 гг.), завершаясь панегириком в честь царствующего монарха. Эта часть для освещения истории Сефевидов до сих пор не привлекалась.

Хуршах побывал во многих областях Сефевидского государства — Ширване и других частях Азербайджана, Гиляне, Мазандаране, чем и следует объяснить полноту и подробность его сведений по истории этих стран. Будучи послом и подданным индийского государства Низамшахов, Хуршах, хотя и выступает сторонником Сефевидов и шиизма, но не проявляет фанатизма, сохраняя сдержанный тон и объективность.

Одним из важных источников нашей темы является сочинение Будака Казвини «Джавахир ал-ахбар» («Перлы известий»). Единственный в мире список этого труда, который считается автографом, хранится в рукописном отделении Ленинградской государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина[54] и содержит 678 страниц. Список имеет колофон, согласно которому он завершен в конце джумада ал-аввал 984 г. х. (24 августа 1576 г.), т. е. спустя три дня после коронации Исмаила II. Изложение событий доведено до указанного времени.

Некоторые весьма общие сведения об этой рукописи даны Б. Дорном и И. Петрушевским[55]. Специальную статью ей посвятил П. И. Петров, который отмечал, что рукопись написана «хорошим, простым языком, но читать ее неопытному человеку трудно, так как по крайней мере половина

[52] О списках труда см.: *Ч. А. Стори.* Персидская литература, ч.I, стр.406-407.
[53] *C. Schefer.* Chrestomatie Persane.
[54] В каталоге Б. Дорна рукопись значится под № 288.
[55] *И. П. Петрушевский.* Иранские источники по истории Азербайджана XVI—XVIII вв. ССИА, вып. 1. Баку, 1949, стр. 303.

диакритических знаков отсутствует, чем и остается объяснить упорное игнорирование ее исследователями Ирана»[56].

Будак Казвини кратко и ярко обрисовал свою жизнь и карьеру мелкого чиновника сефевидской администрации[57].

В начале правления шаха Тахмасиба, четырнадцати лет от роду[58], он поступил на работу в шахскую канцелярию (дефтер-хане). В следующем году он был принят писцом в канцелярию хранения сумм (дафтар-и арбаб-и тахавил) с жалованьем в три тумана. Спустя четыре года управляющий казначейством (мустоуфий ал-мамалик) Хадже Хусейн Каши, которому понравился почерк Будака, взял его к себе на службу и назначил жалованье в пять туманов. На шестом году его службы для регистрации доходов и расходов по стране была создана канцелярия докладов, куда был переведен Будак с окладом в восемь туманов. Начальником канцелярии был его брат Хадже Изз ад-Дин. Дядя Будака Эмир-бек Шаликани, бывший векилом и везиром Мухаммед-хана Шараф ад-Дин-оглы Текели, с назначением последнего правителем Багдада взял своего племянника в качестве секретаря дивана (мунший-и диван) арабского Ирака. Через три года Мухаммед-хан поручил Будаку еще и войсковое письмоводство (нависандагий-и лашгар) и жалованье его возросло с 20 до 30 туманов. По призванию самого Будака, он «шел к рангу везира».

Однако вскоре его успешная служебная карьера прервалась. Обидевшись на Мухаммед-хана за то, что тот передал войсковое письмоводство другому, Будак в Кермане от него сбежал. Начался беспокойный, полный лишения период жизни Будака, когда несколько лет он не работал и голодал. Гонимый нуждой Будак переходил с места на место. Наконец, в Казвине Бахрам-мирза, брат шаха, взял его к себе секретарем, и Будак (служил у него, очевидно, 4 года. Однако вовлеченный в интригу, он был арестован с конфискацией имущества. Шесть лет Будак оставался не у дел, а затем ему было пожаловано калантарство Соуджбулака и других городов. Много лет Будак прожил на разных должностях в Хорасане. Около 1565 г. он вернулся в Казвин, но по доносу вновь был арестован и оштрафован. Пять лет он оставался без работы, после чего был назначен везиром в Дамгане, Бистаме и других городах, но вновь уволен. Через пять лет Будак вновь был привлечен шахом к работе: ему было поручено составление отчета о поступлениях и расходах Казвина за десятилетие. Автобиография Будака

[56] *П. И. Петров.* Об одном редком источнике по истории Сефевидов. Соввостоковед.», 1956, № 1, стр. 111.

[57] Джавахир ал-ахбар, л. 315а.

[58] Следовательно, он родился (930—14=916) около 916 г. х. (1510—1511 гг.).

кончается его жалобой на то, что ему уже 68 лет, и он вновь сидит «в углу бедствий и недостижения цели, без работы и дела»[59].

«Джавахир ал-ахбар» является всеобщей историей, охватывающей период от доисламских правителей до вступления на престол Исмаила II. Сочинение состоит из четырех разделов (кисм), последний из коих посвяшен падишахам Кара-Коюнлу, Ак-Коюнлу и первым двум Сефевидам — Исмаилу и Тахмасибу. Труд является первоклассным источником для периода царствования шаха Тахмасиба, ибо автор во многих случаях был очевидцем и участником описываемых событий. Будучи близко знаком с правящими кругами, Будак нередко сообщает такие подробности, которые не встречаются в сочинениях хронистов - его современников. Так, интересны сведения об общем экономическом положении средних слоев населения при Ак-Коюнлу и Сефевидах, из которого явствует, что оно значительно улучшилось[60].

Описание правления Тахмасиба начинается с перечисления его достоинств. Несмотря на общий панегирический характер этого отрывка, он содержит ценные сведения о личности Тахмасиба и его внутренней политике[61]. История его царствования излагается в строго хронологическом порядке. Хотя описание событий в общем сжато и немногословно, но те из них, где автор был очевидцем, описаны живо, ярко и дополняют рассказ других нарративных источников интересными деталями. Это относится к походам султана Сулеймана в Азербайджан в 941 г. х. (1534—1535 гг.) и, в частности, к обороне Багдада Мухаммед-ханом Текели. Отступление из Багдада подробно описано Будаком, участвовавшим в этом походе.

В сочинении имеются интересные данные, вкрапленные в рассказ, о сефевидском административном аппарате, ибо как чиновник Будак был хорошо знаком с бюрократической системой. Он сообщает о новых назначениях и увольнениях в окружавшей его среде. Будак выступает ярым сторонником шиизма и Сефевидов, в описании важных событий придерживается официальной версии. Будучи по роду службы хорошо знаком с финансовой системой, он иногда приводит цифровые данные, представляющие большой интерес.

«Джавахир ал-ахбар» посвящен царствующему шаху Исмаилу II; последние страницы труда содержат яркое описание беспорядков, последовавших за смертью Тахмасиба, и добрые напутствия в адрес нового шаха.

---

[59] Джавахир ал-ахбар, лл.315а-316а.
[60] Джавахир ал-ахбар, л. 284б.
[61] Там же, лл. 296а—297а.

«Ахсан ат-таварих» — многотомное[62] сочинение азербайджанского хрониста Хасан-бека Р у м л у, последний которого охватывает период с 900 по 985 г. х. (1494—1578)[63]. Изложение захватывает восшествие на престол шаха Мухаммеда Худабенде[64]. Под каждым годом излагаются важнейшие события, а также даются биографические сведения о феодальных правителях, богословах, ученых и поэтах, умерших в этом году.

Ни в одном другом источнике события полувекового правления Тахмасиба I не излагаются с такой подробностью, как в сочинении Хасан-бека Румлу. Если труд Анонима является главным, наиболее полным источником по истории шаха Исмаила I, то для периода шаха Тахмасиба I таким незаменимым источником остается «Ахсан ат-таварих».

Для Хасан-бека Румлу история Азербайджана представляет большой интерес. Здешним событиям посвящено немало разделов в его сочинении. Многие страницы его труда отражают борьбу кызылбашской знати за высокие и доходные посты в государстве в первые годы правления юного шаха Тахмасиба I, мятеж правителя южных областей Азербайджана Улама-бека Текели, измену беглярбека Ширвана Алкас-мирзы, четыре похода султана Сулеймана в Азербайджан и т. д.

В сочинении имеется ценный материал о народных восстаниях в Азербайджане и, в частности, о крупном восстании ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571 — 1573 гг.[65]

Среди летописей по истории Сефевидского государства, почти неразработанных в науке, следует назвать также «Хуласат ат-таварих» («Экстракт историй») Кази Ахмеда Ибрагими Хусейни Куми. Списки этого сочинения очень редки. В хранилищах СССР они отсутствуют. Об этом сочинении впервые сообщил в 1935 г. Вальтер Хинц, которому и принадлежит краткое описание списка сочинения, хранившегося до войны в Прусской государственной библиотеке в Берлине[66].

---

[62] До сих пор считалось, что сочинение Хасан-бека Румлу состояло из 12 томов, а дошедшие до нас два тома — 11-й и 12-й. Между тем Ш. Ф. Фарзалиев, посвятивший специальное исследование «Ахсан ат-таварих», доказывает, что сочинение было десятитомным и следовательно, мы располагаем 9-м и 10-м томами. См.: *Ш. Ф. Фарзалиев.* Относительно томов «Ахсан ат-таварих» Хасан-бека Румлу. «Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова, серия востоковед.», 1972 № 1.

[63] A Chronicle of the Early Safavis Being the Ahsan ut-tawarikh of *Hasan-i Rumlu*. Vol. I—II, Persian text and Engl. transl by C. N. Sedden Baroda, 1931—1934 (В дальнейшем—Ахсан ат-таварих).

[64] Ахсан ат-таварих, стр. 496—505.

[65] Ахсан ат-таварих, стр. 455—457.

[66] *W. Hinz.* Eine neuendeckte Quelle zur Geschichte Irans im 16 Jahr hundert, ZDMG, Neue Folge, Bd. IV (Bd. 894 Ht. 3/4, Leipzig. 1935 SS. 315—328.

«Хуласат ат-таварих» не единственное сочинение Кази Ахмеда. Его перу принадлежат также литературная антология «Маджма'аш-шу'ара»[67] и «Гюлистан- хонар»[68], изданный проф. Б. И. Заходером в русском переводе.

Дошедшая до нас часть «Хуласат ат-таварих», как выясняется из слов Кази Ахмеда, представляет собой только последний — пятый том исторической хроники, охватывающей историю Сефевидов до 999 г. х. (1590—1591 гг.). Первые четыре тома до нас не дошли; возможно они вообще не были написаны. Мы также не знаем, осуществил ли Кази Ахмед свое намерение написать шестой том.

Кази Ахмед называет следующих сефевидских летописцев, сочинения которых были использованы им: Амир Солтан Ибрагими Амини Хереви (автор «Футухат-и шахи»), Мир Яхья Сейфи Казвини (автор «Любб ат-тааврих»), Мир Махмуд бин Хондемир, Мовлана Хайати Тебризи (?), Кази Ахмед Гаффари (автор «Тарих-и Джахан-ара»), Хасан Румлу (автор «Асхан ат-таварих»)[69].

Автор указывает, что он затратил на все пять томов двенадцать лет[70], из чего следует, что он приступил к составлению хроники примерно в 1578 г.

Сочинение является важным первоисточником для последнего десятилетия правления Тахмасиба I, Исмаила, II, Мухаммеда Худабенде и начала царствования шаха Аббаса I. Даже поверхностный просмотр сочинения показал, что речь идет о важном по достоверности источнике, который восполняет пробел между трудами Хасана Румлу и Искендера Мунши. Если для периода до Исмаила I включительно подача материала строится на важнейших событиях, то с момента воцарения Тахмасиба I деление дается по годам, т. е. главы начинаются с новогоднего праздника — новруза. Начиная с Исмаила I дробность глав растет, что объясняется более детальным изложением событий.

Хроника в целом не издана. Опубликованы лишь начальная[71] (до 909 г. х. 1503—1504 гг.) и конечная[72] (первые годы правления шаха Аббаса) части труда.[73]

---

[67] Это сочинение пока не выявлено.

[68] *Кази Ахмед.* Трактат о каллиграфах и художниках. Введ., перев. и коммент. проф. Б. Н. Заходера. М.—Л., 1947.

[69] Хуласат ат-таварих, л. 3а, Фотокопии рукописи библиотеки Мехди Баяни были любезно нам предоставлены немецким иранистом Вальтером Хинцем. Список состоит из 536 листов (1072 стр.) Имеет колофон, согласно которому переписан в 1050 г. х. (1640 г.) Абу Али ад-Дамгани. Пагинация не везде разборчива. Мы использовали также Берлинскую рукопись, представляющую, видимо, более позднюю редакцию. Микрофильмы последней были любезно предоставлены в наше пользование О. Ф. Акимушкиным, за что приносим ему глубокую благодарность. О других списках труда см.: *Ч. Стори.* Персидская литература, ч. II, стр. 864; ч. III, стр. 1469. (В дальнейшем: Тегеранский список—Т. Берлинский — Б).

[70] Хуласат ат-таварих (Т), л. 5а.

Для разработки темы впервые привлекается труд Махмуда бин Хидайатулла Натанзи под названием Нагават ал-асар фи зикр ал-ахйар (или ахбар)» («Лучшее из сочинений в рассказах о религиозных людях»)[74]. Сведения об авторе очень скудны и содержатся только в сочинении. Он родился в духовной семье. Его отец пользовался покровительством сефевидского правителя Герата брата шаха Тахмасиба Бахрам-мирзы. Как пишет автор, с юности он увлекался чтением книг по истории и богословию, занимался поэтическим творчеством. Махмуд Натанзи родился в 938 г. х. (1531 — 1532 гг.), приступил к написанию труда весной 998 г. х. (1590 г.), когда ему было уже 60 лет. Сочинение Натанзи состоит из двух томов. Первый том включает изложение важнейших событий от смерти шаха Тахмасиба (1576) до начала правления шаха Аббаса I (1587). Второй том, более обстоятельный чем первый, излагает первые одиннадцать лет царствования Аббаса до 1007 г. х. (1598—1599 гг.). Следовательно, во время завершения труда автору было 69 лет[75].

Многие события доаббасовского периода, описанные Натанзи, либо совсем не упомянуты другими хронистами, либо не содержат подробностей. К ним можно отнести, к примеру, похороны шаха Тахмасиба, появление самозванцев после смерти Исмаила II, сведения о его монетной реформе и т. и. Важные подробности даны в труде о воинах конца 70-80-х годов, внутриполитическом положении Сефевидского государства накануне вступления на престол Аббаса I.

Махмуд Натанзи не называет своих источников. Но из его изложения выясняется, что основная часть сообщенных им сведений основана на личных наблюдениях и официальных документах, а также рассказах очевидцев. Материал расположен в хронологическом порядке, без подразделения на части или главы. Заметно стремление автора излагать не только события, но и их причины[76].

Немало оригинальных сведений о Сефевидском государстве в последние годы правления шаха Тахмасиба и при Исмаиле II содержит труд

---

[71] *Erika Glassen.* Die fruhen Safawiden nach Fazl Ahmad Qumi.

[72] Die Chronik Hulasat at-tawarih des *Qazi Ahmad Qumi* (Der Abschnitt uber Shah Abbas I). Herausg. und ubers. von Hans Muller. Wlesbaden, 1964.

[73] Научный сотрудник института истории АН Азерб. ССР Шукюфа Аскерова готовит к публикации монографию, посвященную «Хуласат ат-таварих». Источниковедческий разбор труда дан в статье: Ş.K.Əsgərova, O.Ə.Əfəndiyev. Qazi Əhməd Qumi və onun "Xülasət-ət-təvarix" əsəri haqqında. «Изв. АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права», 1976, № 3.

[74] Нагават ал-асар фи зикр ал-ахйар, та'лиф- и *Махмуд б. Хидайат-аллах Афуште-и Натанзи,* беехтемам-и доктор Эхсан Эшраки. Тегеран, 1350.

[75] Нагават ал-асар, стр. 22—24.

[76] *Ч. Стори.* Персидская литература, ч. II, стр. 865—867.

Шереф-хана Б и д л и с и «Шереф-наме»[77]. Как пишет Е. И. Васильева, «Шараф-хан дает в своей хронике трезвую оценку внутриполитическим событиям в Иране» и «особенно смутного времени, наступившего после кончины шаха Тахмасиба в 1576 г.»[78]. Автор принадлежал к потомственным правителям г. Бидлиса, занимавших высокое положение в феодальной иерархии Сефевидов. Шереф-хан был очевидцем и участником многих описываемых им событий. Так, по поручению шаха Исмаила II он охранял «казну, государственное казначейство и остальные имущества покойного шаха» (Тахмасиба. — *О. Э.)* и подробно описал это.[79] Особенно любопытны его данные о внутренней жизни Азербайджана, положении населения и налоговой системе до османского вторжения в 1578 г.

В начале войны побуждаемый неудачами Сефевидов и эгоистическими интересами Шереф-хан переходит от Сефевидов на сторону турецкого султана Мурада III, принимая участие в его походах на Азербайджан. В последней части труда сказывается сильное влияние османских источников информации, поэтому сведения о 80—90-х годах, естественно, неполны и носят односторонний характер. Хотя автор и не придерживается официальной османской ориентации, в его освещении турецкое завоевание Азербайджана и других стран выступает в идеализированном свете. Иногда Шереф-хан ошибочно датирует события. Так, он упоминает поход крымского хана Мухаммед-Гирея в Азербайджан под 992 г. х. (1584 г.) [80] , между тем как он имел место пятью годами раньше, т. е. в 987 г. х. (1579 г.). Эта неточность «Шереф-наме» отразилась в некоторых работах, о чем будет сказано в соответствующем разделе.

Одним из важнейших источников для разработки темы является исторический трактат выдающегося азербайджанского историографа И с к е н д е р-б е к а Т у р к м а н а М у н ш и под названием «Тарих-и алем арай-и Аббаси» («Украшающая мир история Аббаса»).

Искендер Мунши (1560/61 —1634) получил прекрасное по тому времени образование, был искусным каллиграфом, знатоком поэзии. Работая финансовым чиновником у разных правителей, Искендер-бек сделал карьеру под покровительством первого везира шаха Аббаса Хатем бека Ордубади. Искендер-бек сопровождал шаха в его походах и поездках, был очевидцем многих событий в Азербайджане, Иране, Ираке и других странах.

---

[77] Scheref-nameh ou Historie, es Kources, par Scheref, prince de Bidlis publiee... par V. Veliaminof-Zernof. Texte persan, t. I-II. St. Pbg., 1860— 1862. (В дальнейшем—Шереф-наме). Вышел из печати русский перевод обоих томов: *Шираф-хан ибн-Шамсаддин Бидлиси.* Шараф-наме, Перев., предисл., прим., прил. Е. И. Васильевой, т. I, М., 1967; т. II, М., 1976.

[78] Шараф-наме. т. II (Предисл. К. И. Васильевой), стр. 22.

[79] Там же, стр. 231—232.

[80] Шараф-наме, т. II, стр. 246.

Сочинение Искендера Мунши состоит из введения (мукаддаме) и двух томов (сахифе), являясь важнейшим и незаменимым первоисточником по полувековому периоду царствования Аббаса I[81]. В связи с разрабатываемой темой нас интересовало «введение», где Искендер Мунши повествует о происхождении дома Сефевидов, излагает историю правления первых четырех шахов этой династии. Хотя эта часть написана автором на материалах предшествующих ему историографов, наряду с компилятивным характером введения, в нем имеются оригинальные материалы, почерпнутые автором из неизвестных нам источников. Таковы, к примеру, уникальные разделы, посвященные наиболее знаменитым современникам шаха Тахмасиба I — знатным ханам и султанам, сеидам и шиитским шейхам, везирам и мустоуфиям, каллиграфам, живописцам, поэтам, музыкантам и певцам. О каждом из этих лиц даются краткие биографические сведения с характеристикой их деятельности[82].

Разделы «введения», посвященные правлению Исмаила II и Мухаммеда Худабенде, послужили весьма ценным для нас источником, ибо ни в одном из синхронных источников мы не нашли такого полного и детального изложения событий тех лет.

От других историков сефевидского периода Искендер Мунши выгодно отличается редким для историков того времени качеством. Он не просто заимствует сведения из сочинений своих предшественников, а старается их переосмыслить, систематизировать, часто выдвигая собственное толкование событий. Он подчас игнорирует внешнюю сторону событий, упускает их датировку, уделяя основное внимание раскрытию их содержания. В этом отношении он стоит, на наш взгляд, на голову выше современных ему историков, которые были хронистами, ограничивающимися констатацией фактов.

Рассмотрим наиболее важные для разработки темы европейские источники. Ценность их состоит в том, что они проливают свет на некоторые существенные стороны социально-экономической жизни и политического строя Сефевидского государства, которые остаются в тени в сочинениях восточных хронистов.

Винченцо д'Алессандри был послом венецианской республики, аккредитованным при дворе шаха Тахмасиба. Он прибыл в сефевидскую столицу Казвин в 1571 г. и находился в стране почти два года. По возвращении он представил венецианскому дожу отчет о своей поездке в

---

[81] Подробно об авторе и его сочинении см.: *А. А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана; Баку, 1960.

[82] Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. I, стр. 138—191.

Сефевидское государство[83]. Несмотря на краткость, отчет д'Алессандри содержит интересные сведения и «наблюдения европейца о положении Сефевидского государства в последние годы правления шаха Тахмасиба.

Д'Алессандри сообщает ценные сведения о дворе Сефевидов, личности и образе жизни шаха Тахмасиба, централ правительстве, внутренней политике Сефевидов и, в частности, о налоговой политике. Так, вопреки персоязычным источникам, которые много говорят о «милости» и «справедливости» Тахмасиба и частой отмене им райятских податей, д'Алессандри указывает, что обычно спустя некоторое время после такой «отмены» шах вдруг требовал возмещения всех недоимок, что приводило к массовому разорению крестьян[84]. Очень важно сообщение об отмене Тахмасибом пошлин (тамги. — *О. Э.),* «которые были выше, чем в любой другой части мира», и замене последних более умеренным налогом (бониче — О. *Э.),* составляющим «седьмую часть торговли»[85]. Большой интерес представляют приводимые итальянцем некоторые цифровые данные о налоге с урожая, земли и поголовья овец[86]. Не менее интересными являются введения о сефевидском войске, его вооружении, шахской гвардии и т. п.

Большой интерес для нашей темы представляет сочинение другого итальянца - Д ж и о в а н н и Т о м м а з о М и н а д о и — «История войн между турками и персами».[87]

Минадои родился в 1540 г. в городе Ровиго в Италии. После завершения медицинского образования в Падуянском университете он работал врачом при лечебнице венецианского консульства в Сирии. Он находился здесь с 1579 по 1586 год и, вероятно, хорошо овладел турецким языком. Совершая по долгу службы поездки по османским владениям, часто посещая Константинополь, Минадои собирал сведения о войнах, которые велись тогда между Османской империей и Сефевидским государством. Вскоре после своего возвращения в Италию он опубликовал историю этих воин. С 1596 г. Минадои проживал в Падуе, работал профессором медицины упомянутого университета и умер там в 1615 г.[88]

Сочинение Минадои впервые увидело свет в 1587 г. в Риме. В 1588 г. в Венеции Минадои выпускает второе издание своего сочинения, разделив его на 9 глав (вместо первоначальных четырех) и дополнив новым материалом. Венецианское издание считается полным и окончательным текстом труда

---

[83] Travels of Venetians in Persia (A Narrative of Italian Travels in Persia in the XV and XVI centuries). Hakluyt Society, vol. 49, Lond, 1873, pp. 211—229. (В дальнейшем—Путешествия венецианцев).
[84] Там же, стр. 218.
[85] Там же, стр. 219.
[86] Там же, стр. 226.
[87] *Minadoi da Ravigo.* Historia della Guerra fra Turchi et Perstani. Venezia, 1588.
[88] *John R. Walsh.* Giovanni Tommaso Minadoi's History of the Turco-Persian Wars of the Reign Murad III. Труды XXV Международного конгресса востоковедов, т. II, М., 1963, стр. 448—454.

Минадои. Книга сразу привлекла к себе внимание европейских читателей. Вскоре появляются переводы его сочинения на испанский ()588), английский (1595) и латинский (1601) языки. Достаточно отметить, что в течение 14 лет труд Минадои издавался семь раз.[89] Объяснить это просто повышенным интересом европейцев к «сказочно богатым» странам Востока недостаточно. Европейское общество в тот период было охвачено беспокойством относительно дальнейших намерений османской Турции, ставшей реальной угрозой для западноевропейских государств.

Наибольший интерес для исследователей представляет вторая глава, где Минадои дает довольно обширные сведения о мусульманской религии, происхождении двух сект — «турецкой» (суннизм) и «персидской» (шиизм), сефевидских шейхах — предшественниках шаха Исмаила, возникновении государства Сефевидов. Затем приводится географическое описание Сефевидской державы с перечислением областей и крупных городов. В главе представлены Грузия с характеристикой политического положения ее царств, а также Ширвана и его городов[90]. Минадои касается государственного устройства и военной организации Сефевидского государства, приводя иногда цифровые данные по тому или иному вопросу. Очень важны его сведения о доходах государственной казны.

Словом, глава содержит материалы, значительно дополняющие картину общего состояния государства Сефевидов второй половины XVI в., данную Алессандри.

В остальных главах (кроме седьмой) дано подробное описание внутреннего состояния Сефевидского государства в последние годы правления шаха Тахмасиба, междоусобиц и распрей при дворе и борьбы среди кызылбашских феодальных клик, приведших страну на грань катастрофы. Большой научный интерес представляет детальное повествование о ходе османско-сефевидской войны до смерти Хамза-мирзы в конце 1586 г.[91]

Основным источником информации Минадои были встречи и беседы с участниками и очевидцами описываемых событий. Среди лиц, оказавших ему помощь в этом деле, он с благодарностью называет «высокочтимых послов венецианского сената в Сирии». Врачебная практика предоставляла ему возможность посещать дома высокопоставленных османских сановников

---

[89] Об изданиях и переводах см.: *J. R. Walslı,* pp. 451—452.

[90] Здесь и в дальнейшем сноски даются на английское издание Абрахама Хартвелла: The History of the Warres betweene the Turks and the Persians transl. into Engl. by Abraham Hartwell. Lond., 1595, pp. 38—81. (В дальнейшем—*Минадои).*

[91] О содержании сочинения и источниковедческий разбор см.: *О. А. Эфендиев.* Минадои и его «История войн между турками и персами». «Изв АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права». 1967, № 1, стр. 59—66.

и получать нужные сведения. Минадои не просто фиксирует полученный материал, а сопоставляя разные версии событий, записывает наиболее достоверные варианты. Главным информатором Минадои был, очевидно, кызылбашский посол Максуд-хан Зулкадар, изменивший Сефевидам и назначенный султаном правителем Алеппо.[92]

Труд Минадои был хорошо знаком его современникам, содержащиеся в нем материалы широко использовались в исторических сочинениях. Так, вторая книга сочинения Орудж-бека Баят (дона Хуана Персидского) в основе своей является сжатым пересказом труда Минадои[93].

Насколько нам известно, сочинение Минадои до сих пор не привлекало внимания советских историографов. Нет упоминания о Минадои в известной книге В. В. Бартольда «История изучения Востока в Европе и России».

Конечно, для Минадои как представителя христианского мира и турки, и персы (кызылбаши) были «неверными», «варварами». Но все же он не был беспристрастным, и это ощущается при ознакомлении с его сочинением. Нельзя не учитывать того, что в рассматриваемый период Сефевиды являлись естественными союзниками европейских государств, также боровшихся с турецкой опасностью.

Среди источников по истории Сефевидского государства особое место занимает сочинение дона Х у а н а Персидского[94]. Под этим именем в Европе получил известность азербайджанец Орудж-бек из кызылбашского племени баят. Отец Орудж-бека Султанали-бек принадлежал к знати племени баят и был заметной фигурой при дворе шаха Мухаммеда Худабенде. Со своим феодальным ополчением он принимал участие в борьбе кызылбашей с османским гарнизоном в Тебризе и погиб в одной из стычек. Командование ополчением перешло к Орудж-беку, который верно служил царевичу Хамзе-мирзе[95].

После восшествия на престол шах Аббас I в течение семи с половиной лет предпринял, как пишет Орудж-бек, более 50 военных кампаний из коих в половине он принимал личное участие[96].

В целях создания военно-политического союза с враждебными Турции европейскими странами шахом Аббасом было отправлено в Европу посольство Хусейнали-бека, в состав которого был включен в качестве

---

[92] *J. R. Walsh,* p. 453

[93] Сб этом см. ниже.

[94] Мы пользовались английским изданием сочинения Г. Ле-Стренджа. Don Juan of Persia a Shi'ah Catholic, 1560—1604, transl. and edit with introduction by G. Le Strange, Lond., 1926 (В дальнейшем—*Орудж-бек).*

[95] *Орудж-бек.* стр. 191—193, 198—199, 203—205.

[96] Там же, стр. 223.

одного из секретарей Орудж-бек Баят. С 1599 но 1602 г. он совершил путешествие по России, Германии, Чехии, Италии, Франции, Испании, Португалии. Приняв в Испании христианство и имя дона Хуана, он пожелал остаться здесь навсегда, но в 1605 г. был убит.

Сочинение дона Хуана — Орудж-бека впервые увидело свет при жизни автора (в 1604 г.) на испанском языке. Труд Орудж-бека (в издании Г. Ле-Стренджа) разделен на три книги. Во вводной части первой книги автор выражает гордость за совершенное им путешествие, сравнимое, по его мнению, только с путешествиями Марко Поло и Магеллана. Далее он дает описание областей Сефевидского государства; интерес представляют сведения об устройстве государства в правление шаха Аббаса I. Перечислены 32 кызылбашских племени и рода, знать которых занимала первостепенное, господствующее положение. Орудж-бек отмечает, что все важнейшие посты, военное командование и другие главные сферы государственной власти были в руках верхушки этих племен[97].

Затем автор переходит к изложению истории Ирана. После краткого экскурса в древнейшую историю страны повествуется об истории сасанидских царей, о времени правления в Иране мусульманских правителей вплоть до начала XVI в.

Вторая книга посвящена политической истории государства Сефевидов с момента образования до конца XVI в. (1599 г.), когда Орудж-бек навсегда покинул родину. В целом эту часть можно считать сжатым пересказом труда Минадои, несколько обогащенным сведениями, полученными автором от своего отца, и личными впечатлениями от событий.

Уделив некоторое место освещению войн шаха Исмаила I, Орудж-бек почти опускает полувековое правление Тахмасиба I, переходя к описанию междоусобной борьбы его сыновей за трон. Последние разделы посвящены подробному изложению военно-политических событий конца 70-х и 80-х годов, завершившихся оккупацией Грузии, Армении и Азербайджана армиями султана.

Описание событий, происходивших после 1585 г., носит оригинальный характер, так как основано на личных воспоминаниях самого Орудж-бека, очевидца и активного их участника. Содержание третьей книги представляет описание путешествия сефевидского посольства, членом которого он был[98].

Из европейских источников ценную помощь оказывают отчеты купцов-путешественников — агентов английской, так называемой,

[97] Там же, стр. 45—46.

[98] Подробности биографии Орудж-бека, о его путешествиях и анализ его сочинения см.: *О. А. Эфендиев.* Дон Хуан Персидский или Орудж-бек Баят? «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1966, № 2, стр. 62—70.

«Московской компании», посетивших Азербайджан во второй половине XVI в. — Антония Дженкинсона, Томаса Олкока, Ричарда Джонсона, Артура Эдвардса, Джеффри Декета и Христофера Берроу, а также записки итальянцев Анджолелло, анонимного купца, Векьетти[99]. В этих отчетах можно встретить немало сведений об экономическом положении Азербайджана и всего Сефевидского государства, в частности о городах, торговле и предметах торговли, торговых путях, состоянии и возможностях одной из ведущих отраслей хозяйства страны— шелководства.

Среди армянских источников интерес представляет краткая хроника по истории Кавказской Албании (Агванин) периода 1541—1600 гг., составленная Оганесом Цареци и включенная в качестве 55-й главы в большой труд Аракела Тебризского под названием «Гирк патмутянц» («Книга историй»)[100]. Сведения грузинских источников по истории Азербайджана XVI в. спорадичны и фрагментарны[101].

Большую помощь в изучении социально-экономических отношений, феодального землевладения и положения податного населения оказывают документальные источники — фирманы (указы) сефевидских правителей.

В деле выявления и систематизированного издания сефевидских фирманов в нашей стране за последний период проделана большая работа[102]. Достаточно вспомнить выход в свет подготовленных А. Д. Папазяном двух томов-выпусков «Персидских указов Матенадарана». Хотя опубликованные в них фирманы сефевидских правителей (в том числе 15 фирманов первых Сефевидов) относятся в основном к правам армянской церкви и армянских общин, они являются вспомогательным источником для изучения феодальных отношений в других областях государства, в частности, в Азербайджане. Два выпуска персоязычных документов из грузинских коллекций издал В. С. Путуридзе. В последние годы в Азербайджане также

---

[99] Early Voyages and Travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen. Edit. by Delmar Morgan and C. H. Coote. Vol. I—II. Lond., 1886; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Пер. с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937; Путешествия венецианцев; *G. B. Vechietti.* A. Report on the conditions of Persia in the year 1586 (in Italian) published by H. F. Brown. English Historical Review, 1892.

[100] *Аракел Даврижеци.* Книга историй. Пер. с арм., предисл. и коммент. Л. А. Ханларян. М, 1973, стр. 464—475.

[101] Histoire de la Georgie, trad. par M. Brosset. II partie, I livrasion. SPb., 1856; Matériaux pour servir a l'histoire de la Géorgie, par M. Brosset Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences, VI série. Sciences polit etc, t. V. SPb. 1841.

[102] Персидские документы Матенадарана. Указы, т. I, вып. I (XV—XVI вв.) Сост, А. Д. Папазян. Ереван. 1956; т, I, вып. II (1601—1650), Ереван 1959; Персидские исторические документы в книгохранилищах Грузии, кн. I, вып. I, изд. В. С. Путуридзе. Тбилиси, 1961; кн. I, вып. II, Тбилиси, 1962.. *T. M. Musəvi.* Orta əsr Azərbaycan tarixinə dair fars dilində yazılmış sənədlər. Bakı 1965; *его же.* Bakı tarixinə dair orta əsr sənədləri. Bakı, 1967; *его же.* Orta əsr Azərbaycan tarixinə dair farsdilli sənədlər (XVI—XVIII əsrlər). Bakı. 1977.

оживилась работа по собиранию и публикации персоязычных исторических документов указанной эпохи, имеющихся в сравнительно скудных в этом отношении местных архивах и фондах. Значительный вклад в это важное дело внес Т. М. Мусеви, издавший три сборника.

Из изданий аналогичного характера, предпринятых за рубежом[103], первым долгом отметим опубликование В. Ф. Минорским союргальной грамоты Касима Ак-Коюнлу от 1498 г. Текст и перевод этого источника в данном издании всесторонне исследован и прокомментирован, что позволило раскрыть сложную и малоизученную социально-экономическую терминологию. Эта работа вызвала большой интерес европейских иранистов к изучению и дешифровке подобных документов. Вскоре появились в свет отдельные фирманы и их сборники, из которых отметим публикации Г. Хорста и Ж. Обена, содержащие несколько грамот Ак-Коюнлу и Ссфевидов. Среди последних большой интерес представляет фирман шаха Тахмасиба I от 1565 г. об отмене тамговых сборов, относящийся к Нахичевану. В отношении разнообразия податной терминологии привлекают внимание изданные Ж. Обеном два союргальных фирмана того же шаха. Сборник персоязычных документов Британского музея, включающий 23 фирмана правителей Кара-Коюнлу, Ак-коюнлу и Сефевидов, был издай в 1959 г. Г. Буссе, предпославшим книге исследование по мусульманской дипломатике. В 1965 г. Б. Мартином были опубликованы семь грамот сефевидских правителей XVI в., непосредственно касающиеся земельных пожалований в южных областях Азербайджана — Тебризе, Ардебиле и Халхале.

В Иране пока не предпринято сколько-нибудь серьезных попыток в этой области. Имеющиеся публикации, как правило, не связаны с социально-экономической проблематикой и представляют ограниченный интерес как образцы частной и государственной переписки времени Сефевидов. В этом отношении определенный интерес представляют два сборника документов и писем правления шаха Исмаила и шаха Тахмасиба, опубликованных Абдул Хусейном Наваи[104].

---

[103] *V.Minorsky*. A Soyurghal of Qasim b. Jahangir Ag-Qoyunlu (903/1498). BSOS, vol. IX, p. 4. Lond., 1939: Zwei Erlasse Sah Tahmasps. 1. *Von Heribert Horst.* ZDMG, Bd. 110, Ht. 2, 1961; *H. Horst.* Ein Immunitatsdiplom Schah Muhammad Hudabandas vom Jahr 989/1581. ZDMQ, Bd. 105, Ht. 2. 1955; *J. Aubin*. Archives persanes commentées—2. Note preliminaire sur les archives du Tchimarud. Teheran, 1955; *H. Busse*. Unter-suchungen zum islamischen Kanzleiwesen (An Hand turkmenischer und safawidischer Urkunden). Kairo, 1959; *B.* G. *Martin.* Seven Safavid Documents from Azerbaijan. Documents from islamic Chanceries. First series. Lond., 1965.

[104] *Шах Исмаил Сефеви.* Аснад ва мукатибат-и тарихи хамрах ба йаддашатха-и тафсили, беехтемам-и доктор Абдулхусейн Наваи. Техран, 1347: *Шах Тахмасиб Сефеви.* Аснад ва мукатибат-и тарихи хамрах ба йаддаштха-и тафсили, беехтемам-и доктор Абдулхусейн Наваи. Техран, 1350.

Советские историки, достигли определенных успехов в разработке вопросов социально-экономической истории Сефевидского государства. Особенно большие заслуги в этой области принадлежат И. П. Петрушевскому, в капитальных работах которого получили глубокое и всестороннее освещение многие важные вопросы социально-экономической истории этого государства, стран и народов, вошедших в его состав. В монографии И. П. Петрушевского, посвященной феодальным отношениям в Азербайджане в позднее средневековье, дана четкая и исчерпывающая характеристика феодальных земельных институтов в Сефевидском государстве (тиул, союргал, мюльк), господствующего класса и его организации, исследованы сложная система феодальной эксплуатации крестьянства и вопросы классовой борьбы[105]. Вопрос о формах земельной собственности при Сефевидах разрабатывался также в работах Б. Н. Заходера и Н. Фильрозе[106]. Большое значение для понимания характера общественных отношений и социально-экономической терминологии рассматриваемого периода имеют труды А. А. Али-заде и И. П. Петрушевского по истории Азербайджана и сопредельных стран в XIII—XIV вв. [107] О социальном развитии и положении городов государства Сефевидов в XVI—XVII вв. интерес представляют работы К. З. Ашрафян, С. Б. Ашурбейли, А. П. Новосельцева, М.Х. Гейдарова, К. К. Куция и других[108].

Зарубежная историография пока не проявляет специального интереса к социально-экономической истории Сефевидского государства. Однако имеются работы, в которых так или иначе затрагиваются проблемы феодальных отношений на Ближнем и Среднем Востоке в указанную эпоху. На первом месте среди них по значению следует поставить исследования В. Ф. Минорского, основанные на большом и нередко новом фактическом материале[109]. Следует отметить также книгу Анны Лембтон о землевладении

---

[105] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.

[106] *Б. Н. Заходер.* История восточного средневековья. Халифат и Ближний Восток. М:, 1944; *Н. Фильрозе.* К вопросу о формах земельной собственности в государстве Сефевидов. Очерки по новой истории стран Среднего Востока; Изд; МГУ, 1951.

[107] *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956; *И. П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV веках. М.—Л., 1960.

[108] *К. З. Ашрафян.* Падение державы Сефевидов (1502—1722). Очерки по новой истории стран Среднего Востока. Изд. МГУ. 1951; *С. Б. Ашурбейли.* Очерк истории средневекового Баку. Баку, 1964; *А. П. Новосельцев.* Города Азербайджана и восточной Армении в XVII—XVIII вв. «История СССР», 1959, № 1; *М. Х. Гейдаров.* Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в. Баку, 1967; *К. К. Куция.* Из истории социальных движений в городах Сефевидского государства, (движение нуктавиев). «Народы Азии и Африки», 1966. № 2.

[109] Имеются в виду введение и обширные комментарии, написанные В. Ф. Минорским к изданию «Тазкират ал-мулук». Tadhkirat al-muluk. A Manual of Safavid Administration. Transl. and expl. by V. Minorsky, G. M. vol. XVI, Lond., 1943.

и ренте в Иране наших дней, которая содержит небольшую главу, посвященную этим вопросам в государстве Сефевидов[110]. В работе иранского ученого Таги Бахрами по истории земледелия в Иране об интересующем нас периоде говорится вскользь[111].

Вопросы политической истории государства Сефевидов, внутренней и внешней политики, торгово-экономических связей государства со странами Европы и Россией в XVI в. нашли освещение в целом ряде работ. Среди них особое место занимают труды И. П. Петрушевского, впервые давшего обоснованный первоисточниками ценный очерк истории Азербайджана XV — XVII вв. Его книга по истории ислама в Иране имеет большое значение для понимания народных оппозиционных движений в средневековом Азербайджане, проходивших под идеологической оболочкой шиизма и его крайних сект[112].

Важное значение имеют работы Н. Д. Миклухо-Маклая, раскрывающие характер политических взаимоотношений Сефевидского государства с государством Шейбанидов и социальную роль шиизма в начале XVI в.[113] Картина политической истории Сефевидского государства в XVI в., как и многие вопросы его социально-экономической истории обрисована в соответствующей главе I тома «Истории Азербайджана», написанной А. Н. Гулиевым[114]. Некоторые вопросы истории Сефевидов до XVI в., период правления сефевидских шейхов в Ардебиле получил освещение вработах Дж. Ибрагимова[115]. Ряд вопросов внешнеполитической и внутренней истории Азербайджана и Сефевидского государства изучаемого времени освещались в работах Э. М. Шахмалиева, П. И. Петрова, А. А. Рахмапи, А. П. Новосельцева, А. Н. Гусейнова и Б. Ахмедова[116]. Эпиграфический и

---

[110] *A. Lambton.* Landlord and Peasant in Persia, Lond., 1953.

[111] *Таги Бахрами.* Тарих-и кешаварзи-и Иран. Тегеран, 1330

[112] *И. П. Петрушевский.* Государства Азербайджана в XV в. ССИА, вып. 1, Баку, 1949; *его же.* Азербайджан в XVI—XVII вв. ССИА, вып. 1; *его же.* Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571— 1573 гг., ССИА, вып. I; его же. Ислам в Иране в XVII—XV вв. ЛГУ, 1966.

[113] *И. Д. Миклухо-Маклай.* К. истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI и. в Крат, сообщ. ИВАН СССР, т. IV, 1952; *его же.* Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV—XVI вв. Памяти акад. И. Ю. Крачковского. ЛГУ, 1958 и др.

[114] *А. Н. Гулиев,* Азербайджан в XVI в. В кн.: «История Азербайджана», т. 1/гл. VIII/, Баку, 1958; *Ə.N.Quliyev.* Azərbaycan-Rusiya münasibətləri tarixindən. Bakı, 1958.

[115] *C.İbrahimov.* Səfəvilərin Ərdəbil hakimiyyətinə dair. Bakı, 1958.

[116] *Э. М. Шахмалиев.* К вопросу о дипломатических сношениях первых Сефевидов с западными странами. Тр. АГУ, сер. истор. вып. 1, Баку, 1950; Дипломатические отношения Испании с Сефевидским государством во второй половине XVI в. «Уч. зап. АГУ», 1955, № 7; *П. И. Петров.* Данные источников о составе воинских контингентов шаха Исмаила I. «Народы Азии и Африки», 1964, № 3; А. П. Новосельцев. Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в., «Международные связи России до XVII в.». М., 1962, *А. И. Гусейнов.* Азербайджанско-русские отношения в XV-XVII вв., Баку, 1963; *B.Əhmədov.* 1979—1981-ci illər

нумизматический материал по теме содержится в работах Е. А. Пахомова, А. А. Алескер-заде, М. X. Нейматовой, И. Дибаджа, А. В. Рагимова и А. М. Раджабли[117].

Политической истории Сефевидского государства также посвящено немало работ, опубликованных за рубежом. Как свод фактического материала, извлеченного из источников, не содержащего однако авторских обобщений, сохраняет значение небольшая кдига индийского ученого Гулама Сарвара о шахе Исмаиле [118]. Освещению положения Сефевидского государства в конце 70 — начале 80-х годов XVI в. посвящены работы В. Хинца и Г. Рёмера[119]. Ценный материал и обобщения по этим вопросам имеются в исследованиях В. Ф. Минорского [120]. Привлекают внимание некоторые работы, появившиеся за последние годы. Наиболее интересные среди них—это исследование Жана Обена о некоторых малоизученных аспектах внутренней политики Исмаила I и статьи Р. М. Сейвори о главных должностях, о завоеваниях основателя государства, а также труд К. М. Рохрборна о сефевидской административной системе в XVI— XVII вв.[121] Большой, в значительной степени новый материал содержится в работах Фарука Сюмера и Бекира Кутюкоглу, посвященных роли «анатолийских тюрок» в создании Сефевидского государства и взаимоотношениям Османской и Сефевидской держав в последней четверти XVI в.[122]

---

ekspedisiyası və İngiltərə-Azərbaycan ticarət əlaqələrinin kəsilməsi səbəbləri. «Elmi əsərlər ADU, tarix və fəlsəfə seriyası», 1967, № 3.

[117] *Е. А. Пахомов.* Монетные находки АССР в 1924 г. «Изв. Азерб. археолог, ком-та», вып. 1, Баку, 1925; *его же.* Чайкендский клад 1935 г. Баку, 1941, *Ə.Ələsgərzadə.* Ağbil türbələrinin kitabələri. «Azərb. SSR EA məruzələri», 1956, № 10; *M. X. Nemətova.* Şirvanın XIV-XVI əsrlər tarixinin öyrənilməsinə dair. Bakı, 1959; Рахнема-и асар-и тарихи-и Азербайджан-и шарги, гардаваранде *Исмаил Дибадж;* Тебриз, 1334; А. В. Рагимов. О бакинском кладе XV—XVI вв., «ДАН Азерб. ССР», т. V, 1949, № 1; *его же.* Бакинский клад (находка 1948 г.). Материальная культура Азербайджана, вып. III, Баку, 1953; А. М. Раджабли. Атеркский клад. «ДАН Азерб. ССР», т. XVII. 1961, № 6 и др.

[118] G. Sarwar. History of Shah Ismail Safawi. Aligarh 1939.

[119] *W. Hinz.* Schah Esmail II. Berlin, 1933; *H. R. Roemer.* Der N ledergang Irans nach dem Tode Isma`lls des Grausamen, 1577—1531. Wurzburg-Aumuhle, 1939.

[120] *V. Minorsky.* The Supporters of the Lords of the Ardabil, в книге „Tadhkirat al-muluk"; Shaykh Bali-efendi on the Safavids. BSOAS, vol. XX Lond., 1957.

[121] *J. Aubin.* Etudes Safavides. I. Sah Isma'il et les notables de I'Iraq persan. „Journal of Economic and Social History of the Orient". Leiden 1959, vol. 2, p. 1; *R. M. Savory.* The Principal Offices of the Safavid State during the Reign of Isma'il I. BSOAS vol. XXIII. 1. 1950; The Principal Offices of the Safawid State during the Reign of Tahmasp I. BSOAS, vol XXIV, p. 1, 1961: Some Notes on the Provincial Administration of the Early Safawid Empire, BSOAS, vol. XXVII, p. 1, 1964; The Consolidation of Safawid Power In Persia Der Islam. Bd. 41, Berlin, 1965: *Klaus-Michael Rohrborn.* Provinzen und Zentralgewalt Persiens im 16 und 17 Jahrhundert, Berlin, 1966.

[122] *F. Sumer.* Safevi devletinin kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu türklerinin rölü. Ankara. 1976; Azerbayjanin turkleşmesi tarihine umumi bir bakış. Türk Tarih Kurumu. Belleten, cilt XXI. Sayi 83, Ankara, 1957; *B. Kütukoglu.* Osmanlı-Iran siyasi münasebetleri. I. 1578-1590. Istanbul, 1962.

За исключением некоторых работ А. Кесреви и Н. Фалсафи[123], иранская историография, можно сказать, не представлена исследованиями в этой области. Изданные в последнее время книги А. Таджбахша, С. Рахимзаде, Н. Шейбани написаны с националистических позиций и носят повествовательный характер[124]. Источниковедческая и историографическая база этих работ очень ограничена, в связи с чем они ничего нового в изучение, темы не вносят.

Книга профессора Тегеранского университета Бастани Паризи «Политика и экономика в эпоху Сефевидов» представляет собой по существу первое исследование в иранской историографии, где проявляется серьезный интерес к изучению социально-экономической жизни Сефевидской державы в XVI—начале XVIII вв.[125])

Большинство зарубежных авторов стоит на позициях, принципиально чуждых марксистско-ленинской историографии. Это выражается в непонимании исторического значения и характера классового антагонизма, сущности государства как орудия классового господства, в игнорировании роли народных масс в истории, недооценке экономических факторов в социальном развитии и т. п. Тем не менее, многие из указанных работ содержат ценный фактический материал, интересные наблюдения, критическое использование которых позволило шире осветить ряд вопросов темы.

Одним из вопросов, привлекавших внимание советских историков, был вопрос об этническом характере государства Сефевидов в XVI в.

В отечественной историографии одними из первых, кто указал на тюркское (азербайджанское) происхождение Сефевидской династии и поддерживающих ее племен были выдающиеся русские востоковеды В. В. Бартольд и А. Е. Крымский[126].

Решающая роль азербайджанской феодальной знати в создании Сефевидского государства была отмечена в первом сводном коллективном труде по истории Азербайджана, подготовленном историками Баку в 1941 г.[127] Этот взгляд получил дальнейшее развитие в аналогичном издании 1946

[123] *Ахмед Кесреви Тебризи.* Шейх Сефи ва табараш, Техран, 1324; *Насрулла Фалсафи.* Джанги-и Чалдыран. Маджалле- и данешгеде-и адабиййат, шумаре-и 2, сал-и аввал, Техран, 1332; *его же:* Зандагани-и шах Аббас-и аввал, джелд-и аввал, мукаддемат-и салтанат-и у аз веладет та падишахи, Техран, 1334. (В дальнейшем — *Н. Фалсафи,* т. 1).

[124] *Ахмед Таджбахш.* Иран дар заман-и Сефевийе, Тебриз, 1340; *Рахим-заде-и Сефеви:* Шарх-и джангха ва тарих-и зандегани-и шах Исмаил-и Сефеви. Техран, 1341; *Низам ад-Дин Муджир Шейбани.* Ташкил-и шаханшахи-и Сефевийе. Эхйа-и вахдат-и мелли: Техран, 1346.

[125] *Бастаии Паризи.* Сейасат ва егтесад- и аср-и Сефеви, Техран, 1348.

[126] *В. В. Бартольд.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира. Соч. т. II, ч. 1. М, 1963; стр. 718; *его же.* Халиф и султан. Соч., т. VI, М, 1966; стр. 54; *А. Е. Крымский.* История Персии, ее литературы и дервишской теософии, т. III. М., 1914—1917, стр. 148.

[127] История Азербайджана (краткий очерк). Изд-во АзФАН, Баку, 1941.

г.[128] В начале сороковых годов азербайджанский историк, академик И. А. Гусейнов охарактеризовал государство шаха Исмаила I, как азербайджанское государство[129]. Эта характеристика получила научную аргументацию и источниковедческое обоснование в работах А. А. Рахмани и автора этих строк.

В своих основанных на первоисточниках исследованиях И. П. Петрушевский неопровержимо доказал ведущую, определяющую социально-экономическую и политическую роль Азербайджана и азербайджанского этнического феодального элемента в создании и первом столетии истории государства Сефевидов. Он показал, что азербайджанская знать пользовалась в этом государстве исключительными правами и привилегиями. В руках азербайджанских феодалов находились высшие посты при дворе, областные наместничества, военное дело и т. д., тогда как роль персидских феодалов в государственных делах была ограничена финансами, канцелярией и частично судопроизводством.

Критикуя националистические, паниранистские представления иранской буржуазной историографии, а также аналогичные концепции реакционных буржуазных историков Запада, Н. Д. Миклухо-Маклай отмечал, что Шейбаниды не признавали Сефевидов государями всего Ирана. Считая последних преемниками и наследниками династии Ак-Коюнлу, они признавали власть Сефевидов только над Азербайджаном и Западным Ираном. «Все сказанное, — писал он, — позволяет сделать вывод, что сложившееся в XVI в. в Средней Азии отношение к Сефевидскому государству, как преемнику власти Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу XV в., было не только проявлением определенной политической тенденции, проводимой Шейбанидами, но имело под собою реальные основания, иначе говоря, сефевидское государство не было государством персидским и не рассматривалось как таковое»[130].

Касаясь роли Азербайджана в образовании Сефевидского государства, советский иранист Б. Н. Заходер писал: «Стоявший на относительно высокой ступени социально-экономического развития Азербайджан составил ядро того обширного государства, которое сложилось в начале XVI в. на территории Закавказья и Ирана. Это государство включило в себя множество племен и народностей, но длительное время преобладали в нем

[128] История Азербайджана, Баку, 1946.
[129] *И. А. Гусейнов.* Исмаил Сефеви (азербайджанский полководец XV— XVI вв.). Баку, 1943.
[130] *Н. Д. Миклухо-Маклай.* К истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI в., стр.16.

азербайджанские феодалы, на военную силу которых опирались первые Сефевиды»[131].

Ныне в советской исторической науке превалирующим является взгляд на Сефевидское государство XVI в. как на азербайджанское государство, что нашло отражение в многотомной «Истории СССР»[132].

Наиболее крупные представители иранской буржуазной историографии, вынужденные считаться с очевидными фактами, также признают руководящую роль, господствующее положение тюркоязычного (азербайджанского) этноса в Сефевидской державе. Так, автор многотомного труда, посвященного шаху Аббасу I. Насрулла Фалсафи о шахе Исмаиле и основанном им государстве пишет: «Шах Исмаил считал себя со стороны отца сеидом (т. е. принадлежащим к роду пророка Мухаммеда — О. *Э.),* потомком Али и гордился этой родословной.. Со стороны же матери он был внуком Хасан-бека Туркмана Ак-Коюнлу (т. е. Узун Хасана. — *О. Э.)* и по праву считал себя законным наследником этой династии... Его приверженцы, как это известно из всех историй периода, также были в основном из племен туркманов и татар. Даже после восшествия на трон он презирал иранское происхождение и язык — две главные основы нации. Коренное население Ирана он подчинил и сделал подвластным туркманским по происхождению кызылбашским племенам. В эпоху, когда сладостный персидский язык в Османской империи и Индии был языком политики и благовоспитанности, он сделал тюркский язык официальным языком иранского двора. Даже сам он сочинял стихи исключительно на тюркском языке, и этот чужой язык нашел такое распространение при дворе Сефевидов, что до конца правления этой династии и даже после этого он оставался официальным языком двора. Поэтому бесспорно, что ниспровержением тюркских правительств и созданием единого государства шах Исмаил не ставил себе целью восстановление национального и политического единства Ирана» [133] . Процитируем другое место: «После завоевания каждой области шах Исмаил распределял захваченные трофеи, пленных и земли между кызылбашскими полководцами. Таким образом, тюркские по происхождению и языку племена стали повсеместно господствовать в Иране над коренными персоязычными иранцами. В Иране появилось привилегированное и могущественное сословие, которое занимало все высшие военные и гражданские посты, должности и правило народом Ирана полновластно и могущественно. Поэтому, в период Сефевидов, несмотря на то, что шаха называли шахиншахом Ирана, страну Иран именовали Кызылбашским

---

[131] *Б. Н. Заходер.* Государство Сефевидов. В кн.; «Всемирная история», т. IV (гл. XXII). М., 1959, стр. 558.
[132] История СССР (в двенадцати томах), т. II, М., 1966, стр. 542.
[133] *Н. Фалсафи,* т. I, стр. «hе», «за», «йе»,

государством (мемлекет-и Кызылбаш). При иранском дворе говорили по-тюркски. Шах Исмаил слагал стихи на тюркском языке. Свое тюркское происхождение по благородству и знатности кызылбаши ставили выше коренного народа Ирана, пренебрежительно называя их (иранцев. — *О. Э.)* татами и таджиками»[134].

Один из крупных представителей современной турецкой исторической науки Фарук Сюмер в своей последней монографии также выступил против тех, кто склонен видеть в Сефевидской державе «Иранское национальное государство». Он справедливо указывает, что этот абсурдный взгляд уже не имеет сторонников в среде «серьезных ученых». В труде Ф. Сюмера собран и систематизирован большой материал, подтверждающий решающую и первостепенную роль тюркоязычиого этноса в образовании и росте Сефевидского государства. В этом и состоит, на наш взгляд, ценность его работы.

Труд Сюмера страдает недостатками и тенденциозностью, свойственной буржуазной историографии Турции. И в своих прежних работах он стремился изобразить историю Азербайджана как придаток истории Турции, представить Малую Азию — Анатолию как «Родину-мать», как источник миграций и тюркизации населения Азербайджана. Между тем хорошо известно, что Азербайджан лежал на пути миграционного движения тюркоязычных племен из Средней Азии в Малую Азию и был тюркизован значительно раньше, чем сама Турция.

В данном труде Ф. Сюмер также остался верен своим «принципам». Взяв за основу географический признак, он стремится возвеличить роль «тюрок Анатолии», приписать им исключительную роль, всячески принижая и игнорируя участие «тюрок Ирана» (т. е. азербайджанцев) в создании Сефевидского государства. Не говоря о том, что подобное деление «тюрок» не учитывает их этно-лингвистические и иные различия и в своей основе антинаучно, это положение автора неверно и фактически. Вызывает серьезные возражения и другое положение Ф. Сюмера о том, что якобы Сефевидское государство в течение всего XVI в. и позднее могло существовать и развиваться только за счет притока людских резервов из Анатолии, т. е. турецких кызылбашей. Многие из выводов, данных автором в конце работы, необоснованны и не вытекают из материалов текста, нося декларативный характер. К нашей полемике с Ф. Сюмером мы еще вернемся ниже[135].

---

[134] Там же, стр. 169.

[135] Обстоятельная характеристика этого труда Ф. Сюмера дана в рецензии: О. А. Эфендиев. Новый труд по истории Сефевидского государства. «Изв. АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права», 1979, № 4, стр. 133—138.

Трудно согласиться со взглядами, трактующими Сефевидское государство в качестве империи-конгломерата. Это понятие в советской исторической науке, как правило, употреблялось в отношении государственных образований эпохи рабовладения и раннего феодализма характеризующейся безраздельным господством натурального хозяйства, зачаточным состоянием товарно-денежных отношений, сильнейшей экономической разобщенностью областей. В силу этого понятие империи-конгломерата вряд ли правомерно распространять на государства эпохи развитых феодальных отношений, одним из которых было и Сефевидское государство XVI—XVII вв.

С другой стороны, трактовка государственных образовании древности и раннего средневековья, например, держав Ахеменидов или Сасанидов, в качестве империй-конгломератов в советской науке не была помехой для того, чтобы рассматривать их как персидские царства. При этом в понятие «персидское» вкладывается вполне определенный смысл, а именно то, что в таких империях, включивших в свой состав многие страны и области с неперсидским населением, господствующее положение, руководящая роль принадлежали социальной верхушке персидского этнического элемента. С учетом этих соображений не будет преувеличением сказать, что азербайджанскому этносу в образовании и истории Сефевидского государства принадлежит в общем не менее решающая роль, чем та, какую сыграли перси племена в указанных выше государствах.

ГЛАВА II

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ И УПРОЧЕНИЯ СЕФЕВИДСКОГО ГОСУДАРСТВА

К вопросу об этнической атрибуции династии. Следует отметить, что само по себе, как нам представляется этническое происхождение Сефевидов не является актуальной проблемой, требующей специального досконального исследования. Но этот аспект приобретает значимость в связи с настойчивыми и далекими от чисто научных интересов попытками буржуазной историографии фарсизировать, иранизировать всю династию Сефевидов. Справедливости ради следует сказать, что вопрос о происхождении Сефевидов доныне является темой полемики, однако высказанная выдающимся русским востоковедом акад. В. В. Бартольдом мнение о тюркском происхождении династии остается наиболее достоверным и подтверждается новыми данными источников. Касаясь эпонима и родоначальника этой династии шейха Сефи ад-Дина (1252—1334) и его потомков, ученый отмечал, что «эти ардебильские шейхи, несомненно, не персидского, а тюркского происхождения»[136]. Аналогичный взгляд был высказан И. П. Петрушевским: «Первые шейхи Сефевиды жили в Ардебиле, их родным языком был азербайджанский»[137].

Сложность выяснения этого вопроса связана с тем, что единственным источником, содержащим сведения о далеких предках Сефевидов, является агиографическое сочинение Таваккула ибн-Исмаила ибн-Беззаза под названием «Саффат ас-сафа («Чистота чистоты»). Труд дервиша Таваккула представляет типичное суфийское сочинение, изобилующее легендарными рассказами о чудесах и жизни шейха Сефи ад-Дина и был составлен во второй половине XIV в. Достойно внимания, как то установлено исследователями, что редкие рукописи подвергались таким изменениям и фальсификациям, как это произошло со списками «Саффат ас-сафа».

Ахмед Кесреви Тебризи, взявшийся за сравнительное изучение списков этого труда, пришел к выводу, высказанному значительно ранее акад. В. В. Бартольдом о том, что предки Сефевидов вовсе не были сейидами

---

[136] *В. В. Бартольд.* Сочинения, т. II, ч. 1, М., 1963, стр. 748.

[137] *В. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева* и *А. М. Беленицкий.* История Ирана с древнейших времен до конца 18 века. Л., 1958, стр. 252; *И. П. Петрушевский.* Государства Азербайджана в XV в., стр 205.

(потомками пророка Мухаммеда), и их родословная была выдумана позднее сефевидскими историографами и вставлена в текст сочинения ибн-Беззаза[138].

Доказав непричастность шейха Сефи к арабам, Ахмед Кесреви не считает его и тюрком, высказываясь в пользу его курдского происхождения. Другие иранские авторы, как например, С. Рахимзаде[139] и Н. Шейбани[140], игнорируя сомнения А. Кесреви и слабость его аргументации, выдают гипотезу о курдском происхождении Сефевидов за бесспорную истину, стремясь тем самым иранизировать всю династию Сефевидов.

Некоторые иранские историки, как например, М. Машкур, пишут о шахе Исмаиле не как о тюркском правителе, а как об иранце, который в силу каких-то особых обстоятельств «был вынужден» говорить по-тюркски и писать стихи по-тюркски [141]. Вот как понимает этот автор этническое происхождение азербайджанцев, проживающих в Иране: «Тюрки Ирана являются ответвлением туркманской или татарской расы. Хотя татары Азербайджана разговаривают по-тюркски, но во всех отношениях являются иранцами; они представляют собой смесь чистых иранцев с расой туркманской или татарской по происхождению»[142].

Следует отметить, что иранские авторы не одиноки в своей концепции о происхождении Сефевидской династии. Так, турецкий автор Зеки Велиди Тоган в своей статье, посвященной происхождению Сефевидов, стремится также обосновать их курдское происхождение[143]. Основываясь на предании о прибытии в Азербайджан войск курдов из «Саффат ас-сафа», которую А. Кесреви считал поздней интерполяцией и фальсификацией, Тоган идентифицирует этот «поход» с занятием Азербайджана Раввадидами в 416 г. х. (1025 г.). Тоган предполагает, что предки шейха Захида, духовного наставника шейха Сефи, как и предки последнего «прибыли в кампании Раввадидов в Гилян и Ардебиль и распространили ислам в области Мугана и Аррана»[144]. Однако до начала XVI в. потомки «курдского шейха Ардебиля» были, по словам Тогана, «полностью тюркизированы»[145]. «Нет никакого сомнения в том, — заключает свои рассуждения турецкий автор, — что государи шах Исмаил и шах Тахмасиб приложили все усилия, чтобы стереть с истории свое курдское происхождение, приписать курду Фируз-шаху качество потомка пророка и доказать, что шейх Сефи был тюркским шейхом

---

[138] *А. Кесреви.* Шейх Сефи, стр. 35—37.

[139] *Рахинзаде-и Сефееи.* Шарх-и джангха, стр. 26.

[140] *Н. Шейбани.* Ташкил- и шаханшахи- и Сефевийе, стр. 46-48.

[141] *Мухаммед Джавад Машкур.* Назари бе тарих- и Азербайджан. Техран, 1349. стр. 242—243. (Далее—М. Машкур).

[142] *М. Машкур,* стр. 253.

[143] Z. *V. Togan*. Sur l'origine des Safavides. Melanges L. Massignon, vol. III. Damas, 1957.

[144] Там же, стр. 352.

[145] Там же, стр. 353.

шиитом, автором тюркских поэм»[146]. Между тем, почему понадобилось Сефевидам скрыть свое происхождение от курдов, Тоган, как и многое другое, не считает нужным объяснять.

В «Саффат ас-сафа» имеются указания на этническую атрибуцию шейха Сефи ад-Дина. Вполне понятно «молчание» на этот счет тех авторов, которые были движимы желанием доказать иранское происхождение Сефевидов, так как нельзя не заметить, что в преданиях о путешествиях шейха Сефи его неоднократно называют «тюркским святым» («пир-и тюрк»)[147]. Весьма характерно, что когда ведется рассказ о встречах и собеседованиях шейха Сефи со своими мюридами на глубинной земле персов — Ширазе, к нему неоднократно обращаются как к тюрку: «Эмир Абдулла, имевший высокий сан и мужество которого было известно во всем Фарсе, сказал (обращаясь к Сефи. — *О. Э.):* Эй, тюркский святой...»[148]. «Мовлана Ахмед и Мовлана Ибрагим Тебризи Серави рассказывают, что (мы) прибыли в Ардебиль. В присутствии (доме) шейха, да освятит (аллах) его душу, для нас принесли черный хлеб и воду. Вдруг вошли несколько тюрок. Для них принесли белый хлеб и мед»[149]. Стало быть, в доме (келье) шейха Сефи тюркам отдавалось предпочтение. В труде Таваккуля ибн-Беззаза имеется упоминание о том, что шейх был в «тюркском селе» (дех-и тюрк)[150], что указывает на тюркское население района Ардебиля в эпоху Сефи[151].

Аналогичные указания на принадлежность шейха Сефи к тюркам имеются во всех списках «Саффат ас-сафа». Нет никаких оснований к тому, чтобы считать, будто бы Сефевиды сознательно вели дело к фальсификации этнического происхождения своих далеких предков. Гипотеза об изначально курдском или иранском происхождении Сефевидской династии не опирается на надежные сведения источников. Между тем принадлежность шейха Сефи ад-Дина к тюркскому этносу вряд ли может вызвать сомнения.

---

146 *Z. V. Togan.* стр. 356.

147 На это указал азербайджанский литературовед М. Аббаслы в своей статье «К вопросу о происхождении Сефевидов». «Изв. АН Азерб. ССР, серия литературы, языка и искусства», 1973, № 2, стр. 40.

148 Мы ссылаемся на прекрасный список «Саффат ас-сафа». ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Каталог Б. Дорна, № 300, лл. 30а, б, 37б (Пагинация в фотокопиях неразборчива).

149 Там же, л. 357.

150 Там же, л. 348.

151 З. В. Тоган допускает, что некоторые из тюркских стихов и пословиц, которые в азербайджанском переводе «Саффат ас-сафа» (датирован 942 г. х. (1542 г.) выдаются за сочинение самого шейха Сефи ад-Дина, по его мнению, и в самом деле могли принадлежать ему. Он признает, что в эпоху шейха Сефи население Ардебиля было тюркским. «Действительно, язык большинства жителей Ардебиля и особенно учеников шейха Сефи, которые посетили Золотую Орду и область Крыма, был тюркский». (*Z. V. Togan,* p. 356).

Из истории связей ардебильских феодалов с тюркоязычными племенами. Контакты Сефевидов с тюркскими племенами Малой Азии установились еще в конце XIII—XIV вв. Хорошо осведомленный автор «Тарих-и Амини» Фазлуллах бин Рузбихан отмечал, что «Эмиры Талыша превратили его жилище в свое убежище, и великие люди Рума почитали его» (Сефи ад-Дина. — *О. Э.)*[152]. Более определенные указания на эти связи относятся ко времени шейха Хадже Али (Султан Али). Известно предание о том, что когда Тимур возвращался из малоазиатского похода ему случилось пройти через Ардебиль. По просьбе шейха завоеватель освободил малоазиатских пленников и поселил их в окрестностях Ардебиля на служение сефевидским шейхам. Согласно указу Тимура правителям Рума, им предписывалось не притеснять и не чинить препятствий анатолийским мюридам посещать своего мюршида в Ардебиле. Шейх назначил своих представителей (халифе и пире) во все племена Малой Азии[153]. Потомки этих пленников и получили известность «румских суфиев» (суфийан-и румлу»)[154].

Связи Сефевидов с племенами Малой Азии и Северной Сирии укрепились во второй половине XV в. при шейхах Джунейде и Хейдаре. В 1449 г. Джунейд, вытесненный из Ардебиля Джаханшахом Кара-Коюнлу[155], ушел в Малую Азию в Караман. Здесь в Киликии он развил энергичную деятельность в среде тюркоязычного племени варсак. Изгнанный местным правителем, шейх перебрался в самую северную часть Сирии—районы Мараша, Антакьи и Килиса, подвластные мамлюкскому султану Египта. В этом регионе упоминается другое тюркоязычное племя зулькадар, в среде

---

[152] Persia in A. D. 1478-1490. An abridged translation of Fadlullah b. Ruzbihan Khunjis Tarikh-i Alam-Ara-yi Amini, by V. Minorsky, Lond. 1957. pp, 62—63. (В дальнейшем—Тарих- и Амини).

[153] Анонимная история, л. 166—17а.

[154] *Шейх Хусейн* пасар-и шейх Абдал Пирзаде-и Захиди. Силсилат ан-насаб- и Сефевийе. Аз интишарат- и Ираншахр. Берлин. 1343, стр. 48.

[155] После ухода Джунейда из Ардебиля власть в городе фактически захватил его дядя шейх Джафар. По одним сведениям, он был опекуном при молодом племяннике, по другим—претендовал на звание духовного руководителя (мюршида) ордена. По предположению Ж. Обена, раздоры между Джунейдом и Джафаром возникли из-за того, что первый был явным шиитом, тогда как последний придерживался суннизма. *(J. Aubin.* Etudes, Safavides. стр. 46).

Сын Джунейда Хейдар родился, видимо, около 1460 г. в Диярбекире. Ребенок рос и воспитывался под покровительством своего дяди по матери — Узун Хасана, на дочери которого (Алемшах-бегим, она же Марта) он впоследствии женился. Хотя Хейдар большинством мюридов был признан шейхом и мюршидом ордена «Сефевийе», но в Ардебиле по-прежнему сидел поддерживаемый Джаханшахом шейх Джафар. Девятилетний Хейдар, находясь в лагере Узун Хасана, был очевидцем его войны с тимуридом Абу Саидом (1468—1469). После гибели Джахан-шаха и падения государства Кара-Коюнлу в начале 1470 г. Узун Хасан посетил Ардебиль и торжественно посадил шейха Хейдара на наследственный пост главы ордена *(W. Hinz.* Irans Aufstieg zum Nationalstaat im funfzehnten Jahrhundert, Berlin, 1936, SS. 48 19, 72 73), оставив шейха Джафара опекуном. Таким образом, шейх Джафар оставался фактическим правителем Ардебиля с 1449 по 1470 г.

которого Джунейд вел шиитскую пропаганду. С 1456 по 1459 г. Джунейд пробыл во владениях тогда еще малоизвестного правителя Диярбекира Узун Хасана Ак-Коюнлу. Последний, желая заручиться поддержкой сефевидских шейхов в борьбе со своим врагом Джаханшахом, выдал за шейха Джунейда свою сестру. Это бракосочетание, как отмечает историк, стало известно в самых отдаленных уголках Малой Азии и Сирии и халифе «прежних шейхов» посетили Джунейда[156].

Шейха Хейдара (1460—1488) вначале поддерживали жители Рума, Талыша и Караджадага, а весной 1488 г. во время его последнего похода в Дагестан в составе его войска, помимо них, было племя ш а м л у[157].

В числе соратников шейха Султана Али (старшего сына Хейдара, выступившего на стороне Рустема Ак-Коюнлу против Байсунгура [158], упоминаются тюркоязычные племена к а д ж а р (Карапири-бек Каджар), ш а м лу (Хусейн-бек Леле Шамлу) и караманлу (Рустем-бек Караманлу)[159]. Двое последних командовали правым флангом. Перед своей гибелью (1494 г.) Султан Али назначил Исмаила своим преемником на посту шейха ордена и отправил его в Ардебиль со своими ближайшими соратниками.

События, последовавшие за гибелью Солтана Али, недостаточно отражены в литературе и поэтому остановимся на них подробнее.

Бегство сновей Хейдара в Ардебиль. Пребывание в Гиляне. После разгрома кызылбашей Султана Али у Шамаси близ Ардебиля преданные суфии помогли сыновьям шейха Хейдара Исмаилу и Ибрагиму укрыться в Ардебиле. Вслед за ними в город вступили отряды Айба-солтана, получившие задание любой ценой схватить и уничтожить сыновей Хейдара. Последние, согласно Анониму, рассказывающему об этих событиях с обстоятельностью очевидца, «протянули руки насилия и притеснения к жителям Ардебиля, приступили к убийствам и грабежам». Исмаил оставил мавзолей шейха Сефи ад-Дина, где первоначально спрятала сыновей Алемшах-бегим, и перебрался в соседний дом одного из сефевидских мюридов по имени Кази Ахмед Какули, где оставался три дня. Затем семилетний мальчик был передан на попечение женщины по имени Ханджан[160]. У нее Исмаил оставался месяц, скрытый ото всех за исключением Паша-хатун, одной из дочерей шейха Джунейда и тети Исмаила (бывшей замужем за Мухаммеди-ханом Туркманом), которая навещала его здесь[161]. Паша-хатун

---

156 Тарих-и Амини, стр. 64.

157 Там же, стр. 71.

158 См.: *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., Баку, 1961. стр. 80—83.

159 Анонимная история, л. 256—266; Изд Д. Росса, стр. 258—259.

160 Там же, л. 296.

161 До тех пор, пока Айба-султан находился в Ардебиле, местопребывание Исмаила не сообщалось даже его матери Алемшах-бегим. Таким образом, Айба-солтан в случае если бы

привела Исмаила в дом женщины по имени Уба-и Джарраха (т. е. Уба-лекарка) из племени зулькадар. Ее дом находился в квартале «румийцев» («махаллейе румийан»), потомков турецких пленников Тимура, освобожденных и поселенных в Ардебиле шейхом Хадже Али. Айба-султан получал настойчивые указания Рустема во что бы то ни стало найти Исмаила и его брата; он обыскивал Ардебиль «квартал за кварталом, дом за домом», но безрезультатно. Узнав о том, что люди Айба-султана приступили к обыскам в ее квартале, Уба осторожно вывела Исмаила из своего дома и привела его в соборную мечеть Ардебиля, поместив в склепе, где был захоронен некий Аллахвермиш-ага. Время от времени Уба извещала Алемшах-бегим о том, что ее сын жив и здоров[162]. Но через некоторое время Уба вновь почувствовала необходимость переменить местопребывание Исмаила. В той же мечети прятался один из кызылбашей, раненный в битве с Айба-султаном, который обратился за врачебной помощью к Уба. Та свела мюрида с Исмаилом, которому он сообщил о том, что 80 суфиев, спасшихся бегством из битвы у селения Шамаси и скрывающихся на горе Багров в окрестностях Ардебиля, «ищут случая служить ему». По совету Уба этот мюрид оставил Ардебиль и направился к той горе, чтобы сообщить об Исмаиле Рустем-беку Караманлы, также находившемуся в числе тех уцелевших кызылбашей. Рустем-бек в полночь со своими людьми пробрался в город, взял Исмаила из мечети и направился к упомянутой горе, спрятав мальчика в селении Каркай в доме хатиба (проповедника) Фаррухзада. Мансур-бек Кыпчахи, Хусейн-бек Леле, Кырк Сейййди Али, Чулбан-бек, Хадим-бек Халифе, Деде-бек Гек Али-бек и другие суфии стали совещаться о том, как и где можно лучше всего оградить от опасностей своего юного вождя. Было решено двинуться с сыновьями шейха Хейдара в дом правителя Решта Амире Исхака, бывшего с давних пор в дружеских отношениях с Мухаммеди-беком Туркманом (мужем тети Исмаила Паша-хатун) и его братом Ахмеди-беком[163]. Исмаила сопровождали в этой поездке Рустем-бек Караманлы, Ахмеди-бек и его брат Мухаммеди-бек Туркман с отрядом в 80 кызылбашей. Сначала они прибыли в дом правителя Тулунава Амире Музаффара. Узнав об этом, Айба-солтан послал к Амире Музаффару гонца с письмом, требуя выдачи сыновей Хейдара. Аналогичное письмо было получено им также от Джагир-бека Порнак—правителя Халхала. Игнорируя эти требования, Амире Музаффар отправил братьев в Кескер, поручив их местному правителю Амире Сиявушу, который принял их у себя дома. На четвертый день свита Исмаила

прибег к пыткам и истязаниям Алемшах-бегим, не мог бы добиться у нее сведений о местонахождении ее сына Исмаила так как она об этом попросту не знала (Анонимная история, л. 30а).

[162] Анонимная история, л. 30а.

[163] Там же, л. 306; см. также: *W. Hinz.* Irans Aufstieg. SS. 96—98: *G. Sarwar,* pp. 30—31.

двинулась в Решт. Вопреки приглашению рештского правителя приверженцы Исмаила предпочли поместить его в так называемой «Белой мечети». Во время пребывания в Реште Исмаилу постоянно прислуживал местный житель по имени Амире Наджм, бывший владельцем ювелирной лавки, расположенной по соседству с мечетью.[164] Считая Решт также небезопасным, преданные мюриды помогли Исмаилу перебраться в Лахиджан, во дворец гилянского правителя области Бийепиш Каркия Мирзы Али[165]. В Лахиджане Исмаил и его свита были радушно приняты и помещены напротив Медресе Кай Афридун. Каркия Мирза Али оказывал своим почетным гостям всевозможные знаки внимания. Один из видных местных ученых людей Шамс ад-Дин Лахиджи был назначен воспитателем Исмаила и его брата[166] с целью обучения их арабскому и персидскому языкам, чтению Корана.

Между тем правитель Ак-Коюнлу Рустем не терял надежды расправиться с Исмаилом. Вскоре после бегства Исмаила в Гилян, Айба-солтану удалось схватить лекарку Уба и выпытать у нее о месте пребывания Исмаила в Ардебиле. По приказу Рустема она была повешена на базарной площади в Тебризе. Имущество Мухаммеди-бека и его брата Ахмеди-бека, оказавших помощь в организации бегства Исмаила, было конфисковано властями[167]. Рустем-падишах неоднократно посылал к Каркия Мирзе Али угрожающие письма с требованием выдачи Исмаила, но лахиджанский правитель всякий раз под благовидным предлогом отказывался.

Исмаил оставался в Лахиджане около 6 лет. Это было необходимо, чтобы достичь совершеннолетия и подготовиться к новому выступлению. Все решали кызылбашские эмиры, по расчетам которых междоусобицы среди царевичей Ак-Коюнлу и развал их государства должны были облегчить триумф Исмаила. Сюда к Исмаилу с изъявлением покорности прибывали многочисленные приверженцы, в особенности из Рума, Караджадага, Ахара[168].

Поход в Эрзинджан. В августе 1499 г., когда тринадцатилетний сын шейха Хейдара выступил из Лахиджана в Ардебиль, его сопровождала свита из семи человек. Это были ближайшие соратники и советники Исмаила: Хусейн-бек Леле Шамлу, Абдул Али-бек Деде (Деде-бек), Хадим-бек Хулафа, Рустем-бек Караманлу, Байрам-бек Караманлу, Ильяс-бек Айгут-

---

[164] В дальнейшем Амире Наджм по прозвищу Заргяр («Ювелир», «Золотых дел мастер») выдвигается на высшие посты в Сефевидском государстве.

[165] Анонимная история, лл. 31а—32а; *W. Hinz.* Irans Aufstieg, *G. Sarwar,* p. 41.

[166] Брат Исмаила Ибрагим вместе со сводным братом Сулейманом через несколько месяцев вернулся к своей матери в Ардебиль. Уход братьев очень расстроил юного Исмаила, он надолго слег в постель. (Анонимная история, л. 306).

[167] Анонимная история, л. 32а. Но в результате вмешательства Кара Деде и уплаты штрафа в сумме 30 тыс. тенге, они получили прощение Рустема.

[168] Там же, л. 326.

оглы Хунуслу и Карапири-бек Каджар. Через Дейлем они прибыли в Таром. При остановках в пути, как сообщает современник, к свите Исмаила присоединялись приверженцы из племен «Рума и Шама». В Тароме был произведен смотр кызылбашских сил, численность которых доходила уже до 1500 человек.

- Следовательно, Исмаил направился из Гиляна не прямо в Ардебиль, а сделал небольшой крюк на юг и юго-запад в сторону Халхала. Анонимная история Исмаила сообщает, что опасаясь местного правителя эмира Хусам ад-Дина, Исмаил оставил Таром и двинулся в Халхал. Первая остановка состоялась в селении Берендук, а на следующий день он остановился на пахотных землях, принадлежащих племени шамлу и известных под названием «Шам-и Кызылузен»[169].

Тем самым племя шамлу фиксируется на берегах р. Кызылузен в районе Халхала. Значит, указанный крюк был сделан с целью привлечения под кызылбашские знамена проживавшее здесь племя шамлу.

Из приведенных сведений можно прийти к заключению, что тюркоязычные племена, получившие известность под этнонимами румлу и шамлу, проживали в Азербайджане задолго до XVI в.

Зиму 905 г. х. (1499/1500 г.) Исмаил и его отряды провели в Арджуване у Каспийского моря в районе Астары [170]. Эта остановка понадобилась, чтобы дать время сефевидским сторонникам из южной части Азербайджана присоединиться к войску. На совещании кызылбашских вождей было решено двинуться в Малую Азию в Эрзинджан. Кызылбашские вожди считали, что там Исмаил будет близок к своим приверженцам из Малой Азии и Сирии, которые, узнав о предпринимаемом им походе, встанут под его знамена[171]. Весной 1500 г. Исмаил выступил из Арджувана к южным берегам оз. Гёкча, гористому району севернее р. Аракс. В этой области в составе войск Исмаила, как сообщает Ибрагим Амини, были племена арешлу и зулькадарлу[172]. Следовательно, перед тем, как Исмаил оставил пределы Азербайджана и вступил в Малую Азию, в составе его воинских контингентов упоминаются племена шамлу, румлу, арешлу, зулькадар, а также суфии Карадага, Ахара и Талыша. О численности войск к этому моменту источники не содержат сведений, кроме цифры 1500 в начале пути (Тароме). Источники указывают, что по пути следования через Азербайджан (Халхал, Арджуван и другие местности) к Исмаилу присоединялись многочисленные приверженцы. Логично предположить, что ко времени

---

[169] Анонимная история, л. 45а; изд. Д. Росса, стр. 315.
[170] Там же, л. 456; изд. Д. Росса, стр. 317.
[171] Там же, л. 496; изд. Д. Росса, стр. 326.
[172] Футухат-и шахи, л. 18а.

вступления в Анатолию войско Йсмаила значительно выросло и достигло нескольких тысяч.

Некоторые авторы[173] придерживаются мнения, что основную массу воинских сил Исмаила Сефеви составляли кызылбаши из Малой Азии (Анатолии) и Сирии, что участие насельников Азербайджана в выступлении Исмаила было весьма незначительным. По выражению Ф. Сюмера, голова Сефевидского ордена была в азербайджанском городе Ардебиле, а тело находилось в Анатолии. Благодаря движению Исмаила в Эрзинджан, продолжает он, «голова соединилась с телом». Между тем изложенные нами выше сведения источников с выводами из них достаточны, чтобы опровергнуть подобное мнение.

Пройдя Чухурсаад, Исмаил прибыл в местечко Докуз Улам, где к нему присоединился Караджа Ильяс с группой малоазиатских кызылбашей[174]. Далее Исмаил со своим отрядом проследовал в Малую Азию и достиг яйлага Мингёл «у истоков Аракса», где проживало племя устаджлу[175]. Следуя через Кагызман и яйлаг Сарукая в районе Терджана, Исмаил достиг конечной цели — Эрзинджана. Здесь в конце лета и начале осени (нач. 906 г. х.) под знаменами Исмаила как сообщают источники, собрались 7000 «газиев» из тюркоязычных племен шамлу, устаджлу, румлу, текели, зулькадар, афшар, каджар, варсак, а также «суфиев Карадага»[176].

По сообщениям источников в Эрзинджане состоялось совещание кызылбашских старейшин, на котором обсуждался вопрос о направлении военного похода. Одни, ссылаясь на недостаточность сил, предлагали провести предстоящую зиму в Эрзинджане, дождаться подкреплений и уже весной (1501 г.) выступить с походом против Альвенда в Азербайджан; другие — совершить предстоящей зимой джихад в Грузию; третьи — направиться в район Чухурсаада и зазимовать там. Но ни одно из этих предложений принято не было. Было решено неотложно и с наличными силами направить главный удар против ширваншаха Фарруха Ясара, заклятого врага Сефевидов[177].

---

[173] См.: *П. П. Петров.* Данные источников о составе воинских контингентов шаха Исмаила I. В этой статье автор не использовал главные источники этого периода — «Анонимную историю» и «Футухат-и шахи». F. Sümer. Safevi devletinin kuruluşu ve gelişmesinde Anadolu Türklerinin rölü, ss. 12, 20.

[174] Анонимная история, л. 526.

[175] Такмилат ал-ахбар, л. 243а.

[176] Анонимная история, л. 536. В «Такмилат ал-ахбар»—12 тысяч кызылбашей.

[177] Анонимная история, лл. 536—54а; Футухат-и шахи, лл. 26а—28б; И. П. Петрушевский правильно указывает, что Исмаил оставил Гилян летом 1499 г. (Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 229—230; Ислам в Иране, стр. 370), но допускает неточность, датируя пребывание Исмаила в Эрзинджане концом того же 1499 г., Между тем конец 1499 и начало 1500 г., т. е. зиму 905 г. х., Исмаил провел в Арджуване около Астары и только в начале весны 1500 г. он двинулся по маршруту Карабах—Чухурсаад—Докуз Улам—Сарукая, достигнув Эрзинджана летом 1500 г.

Битва с ширваншахом Фаррухом Ясаром. В конце 1500 г. в местности Джабани у крепости Гюлистан состоялась битва Исмаила с ширваншахом. На правом фланге кызылбашского войска стояли члены племени шамлу, на левом — устаджлу, а сам Исмаил занял место в центре; племена текели, румлу и зулькадар были назначены в дозор (чархчиян). В числе кызылбашских предводителей, принявших участие в битве, упоминаются следующие «столпы державы» с указанием племенной атрибуции: Абидин-бек тавачи Шамлу, Хусейн-бек Леле Шамлу, Мухаммед-бек Устаджлу, Ахмед-бек Суфи-оглу Устаджлу, Байрам-бек Караманлу, Кылыдж-бек Караманлу, Караджа Ильяс Байбуртлу (Джуш-мирза), Ильяс-бек Хунуслу, Солтаншах-бек Афшар, Дана-бек Афшар, Халил-бек мухрдар Афшар, Хусейн-бек суфречи Афшар, Пири-бек парваначи Афшар, Леле Мухаммед Текели, Бекр-бек Джагирлу, Пири-бек Каджар, Салман-бек Хазин Зулкадарлу[178].

В начале сражения боевые порядки кызылбашей на обоих флангах расстроились, за исключением центра, где находился Исмаил. Ширванцы, казалось, одерживали верх. Но атака их пехоты была встречена сефевидской конницей. Хронисты сообщают, что Исмаил, которому еще не исполнилось 14 лет, сражался в передних рядах, личным примером поднимая боевой дух своих приверженцев Ширванское войско было разбито и обращено в бегство. Ширваншах Фаррух Ясар, оставшись один, поскакал в направлении крепости Бугурд. Группа кызылбашей, не зная, что это ширваншах, преследовала всадника и настигла его недалеко от крепости Гюлистан. Фаррух Ясар был сбит с коня кызылбашем по имени Шахгелды-ага, которого Анонимный историк называет стремянным (джиловдар) Хусейн бека Леле. Отрезав голову ширваншаха, он поднес ее Исмаилу Труп Фарруха Ясара был опознан пленными ширванцами, узнавшими его коня. Из голов убитых были «воздвигнуты минареты»; захваченные трофеи были распределены между кызылбашами. Три дня Исмаил оставался на поле битвы, а затем вернулся в Шемаху, встреченный представителями городской знати[179].

Один из сыновей Фарруха Ясара Ибрагим (Шейхшах), выйдя невредимым из описанной битвы, прибыл в Шахринов на Каспийском побережье[180], где приступил к сбору уцелевших войск отца. Однако узнав о походе Хадим-бека Хулафа (Хулафа-бек), сел на корабли и отплыл в Гилян. Прибывший вслед за Шейхшахом Исмаил через несколько дней оставил

Следовательно, в Эрзинджане никакой особой задержки не могло быть, так как уже осенью того же 1500 г. Исмаил двинулся обратно в Азербайджан (*G. Sarwar*, pp. 34—35).

[178] Футухат-и шахи, лл. 43а—43б.

[179] Анонимная история, лл. 56б—60а; Футухат-шахи, лл. 34б—49б; Хабиб ас-сийяр, т. IV, стр. 457—459.

[180] «Шахринов» в переводе с перс. «Новый город». Точное местоположение города неизвестно.

Шахринов и направился в Махмудабад на Мугани для проведения зимы 906 г. х. (1500/1501 г.)[181]. Здесь, как сообщают хроники, Исмаилу доложили, что жители Баку отказываются от повиновения и «выплаты хараджа» представителям Сефевидов. Тогда Исмаил выслал для захвата Баку Мухаммед-бека Устаджлу и Ильяс-бека Хунуслу.

Осада в взятие Исмаилом Баку. В XV в. Баку был крупным торговоремесленным центром Азербайджана и важнейшим портом на Каспийском море. Наряду с Шемахой, он был резиденцией правителей Ширвана; здесь находился Дворец ширваншахов с большими ценностями и сокровищами. Стремление овладеть этими богатствами занимало немаловажное место в планах кызылбашских предводителей.

Баку был сильной крепостью и взять ее было делом нелегким. Хронисты сообщают о том, что кызылбашские полководцы были поражены величественным зрелищем бакинской крепости с ее высокими стенами и башнями, которые показались им подобными легендарному валу Александра Македонского[182]. По сообщению анонимного историка, крепость с трех сторон омывалась водами Каспийского моря, а со стороны суши вдоль стен тянулся широкий и глубокий ров, который «в действительности был подобен морю»[183]. Это указывает на то, что во времена внешней опасности крепостные рвы Баку наполнялись водой. Ибрагим Амини пишет, что крепость была связана с внешним миром четырьмя воротами, из которых три выходили в море и только одни — на сушу[184].

Жители Баку с давних времен были подданными ширваншахов и особенно преданы их дербентской династии, в правление которой город достиг известного уровня экономического развития. Современники характеризуют бакинцев как людей мужественных и отважных, искусных воинов. Осажденные полагались также на неприступность крепостных укреплений, на большие запасы оружия, боевого снаряжениями продовольствия. Они осыпали кызылбашей, приближавшихся к крепостным стенам, тучами стрел, а также ружейным огнем.

Видя безуспешность попыток своих полководцев овладеть крепостью, Исмаил в начале весны 1501 г. вместе с главными силами двинулся из Махмудабада в Баку[185]. Анонимный историк сообщает, что, подойдя к городу, Исмаил в сопровождении эмиров обошел и осмотрел крепостные стены, башни, ворота и ров. Понимая, что штурм крепости сопряжен с

---

[181] Анонимная история, лл. 60а, б; Футухат-и шахи, лл. 50а—53б.
[182] Хабиб ас-сийяр, т. IV, стр. 461.
[183] «Анонимная история, л. 616.
[184] Футухат-и шахи, л. 56а.
[185] Надо иметь в виду, что Исмаилу было в это время не более 14 лет и по существу все указания и распоряжения он давал с одобрения и по совету кызылбашских эмиров.

трудностями и потерями, Сефевиды решили попробовать уговорить бакинцев на мирную сдачу. Оборону крепости возглавляла жена Гази-бека[186], сына Фарруха Ясара, имени которой источники, к сожалению, для нас не сохранили. В отличие от других источников, Аноним дает уникальную характеристику жены Гази-бека. Она «имела полноту власти и полномочий в делах управления того края, а у Гази-бека, помимо имени, не было власти, и из-за страха перед ней он ни в какие дела не вмешивался»[187].

Аноним сообщает, что Исмаил направил своего посла к «Гази-беку и его жене»[188]. В ответ на требование кызылбашского посла о сдаче жена Гази-бека приказала казнить его. Тогда бакинский даруга Абулфатх-бек [189] попытался удержать ее от этого шага, пугая гневом Исмаила. Но властная и решительная женщина велела казнить и даругу.

Упорное сопротивление осажденных заставило кызылбашских эмиров приступить к подготовке штурма крепости. Ибрагим Амини сообщает, что Исмаил приказал части воинов соорудить для себя земляные валы (мурчал)[190] и вести из-за них огонь по осажденным, в то время как другая группа получила указание засыпать землей и камнями крепостной ров, чтобы войска могли легко его перейти. «Саперы», (нагабчийан) сделали подкоп под крепостную башню и когда раскололи большой камень у ее основания, башня опрокинулась, в стене образовалась брешь. Даже после этого бакинцы не сложили оружия: они заложили пролом в стене войлочным шатром (или ковром) и держались еще три дня[191]. В конце концов кызылбашам удалось проникнуть в крепость. Желая уберечь горожан от поголовного уничтожения, группа бакинской знати, согласно Хасану Румлу, в количестве 70 человек с Кораном в руке явилась к Исмаилу и просила пощадить город. Исмаил, по сообщению Анонима, приказал прекратить убийства и грабежи (гатл-о-гарет), что указывает на то, что борьба продолжалась и после вступления кызылбашей в город. Городские власти (калантары, казии и шейхи) распахнули ворота Баку перед Сефевидами. По приказу Исмаила Хадим-бек Хулафа в сопровождении городских властей вошел в крепость и

---

[186] И. П. Петрушевский считает, что Баку в это время был уделом Гази-бека, отданным ему его отцом Фаррухом Ясаром. (Азербайджан в XVI — XVII вв.. стр. 232).

[187] Анонимная история, л. 62а.

[188] *Там же.* Хасан-бек Румлу называет правителем Баку только жену Гази-бека, не упоминая о присутствии в Баку самого Гази-бека (Ахсан ат-таварих, стр. 46). Указание Анонима на то, что «жена Гази-бека была дочерью ширваншаха» (а какого именно?) неясно.

[189] В «Ахсан ат-таварих» даруга именуется Абульфаттах-беком.

[190] Бурхан-и Кати, стр. 256; Мурчалом «называют валы (насыпь), которые роют вокруг крепости для ее взятия».

[191] Анонимная история, л. 62а—63б; Футухат-и шахи, л. 58б—59а; Ахсан ат-таварих, стр. 46; Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 460—461.

собрал у жителей «пишкеш» и «савери» в счет «пощады жизни».[192] Он вывез также казну ширваншахов с богатейшим запасом золота, драгоценных камней, наличных денег, утвари и других ценностей. Значительная часть их была распределена между кызылбашами[193]. Помимо того, по указанию Хадим-бека из могилы были извлечены и сожжены останки (кости) ширваншаха Халила (Халилулла I) отца Фарруха Ясара, виновника гибели шейха Джунейда. Под куполом его гробницы было обнаружено много золота (денег)[194]. Аноним сообщает также, что при этом был разрушен и сравнен с землей мавзолей правителей Ширвана[195]. Часть ширванского войска, разбитого Исмаилом при Джабани, продолжала сопротивление в крепостях Гюлистан, Бугурд и Сурхаб. Поэтому овладев Баку, Исмаил двинулся к крепости Гюлистан. Осажденные, рассчитывая на запасы продовольствия и мощь крепостных стен, продолжали успешно обороняться. Кызылбаши вынуждены были снять осаду. Как и всегда в подобных случаях, Исмаил объяснил свое решение указанием, якобы полученным свыше в вещем сне. В действительности же Исмаил получил тревожное известие о выступлении Альвенда Ак-Гоюнлу из Тебриза с крупными силами. Аноним сообщает, что Исмаил созвал к себе «столпов державы» — Хусейн-бека Леле, Мухаммед-бека Устаджлу, Абди-бека Шамлу, Хадим-бека Хулафа, Карапири-бека Каджара и спросил их: «Что вы хотите трон (тахтгах) Азербайджана или крепость Гюлистан?» Они ответили: «Азербайджан». На это сообщение, позднее заимствованное Хасан-беком Румлу, а также Искендером Мунши, ссылается А. А. Рахмани, делая вывод о том, что Исмаил и кызылбашская знать главной задачей считали установление своей власти в Азербайджане, отвоевание тебризского трона у «еретиков Ак-Коюнлу»[196].

Таким образом, кызылбаши оставили пределы Ширвана. Хотя государству ширваншахов был нанесен тяжелый удар, оно не перестало

---

[192] Хабиб ас-сийяр, стр. 461; Анонимная история, л. 63б—64а; Хасан Румлу сообщает, что городская знать в счет «цены крови» уплатила Исмаилу 1000 туманов (Ахсан ат-таварих. стр. 47).

[193] Футухат-и шахи, л. 61а, б.

[194] Ахсан ат-таварих, стр. 47.

[195] Анонимная история, л. 63б. Произведенные в 1946 г. археологические раскопки гробниц на территории Дворца ширваншахов в крепостной части Баку подтверждают, на наш взгляд, эти сообщения источников. Как и следовало ожидать, могилу ширваншаха Халилуллаха обнаружить не удалось. Под деревянным полом усыпальницы был найден склеп с пятью нетронутыми гробницами, в которых были человеческие останки, принадлежавшие, как полагают, членам семьи Халилуллаха. Надгробия с надписями не сохранились. Вероятно, они были уничтожены. См.: Я. *В. Минкевич-Мустафаева.* Гробницы в усыпальнице ширваншахов. «ДАН Азерб. ССР», 1947, т. III, № 1, стр. 42—43.

[196] Анонимная история, лл. 64б—65а; Ахсан ат-таварих, стр. 47; *А. А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 34—35.

существовать. О взаимоотношениях Сефевидов и ширваншахов вплоть до низложения последних мы остановимся ниже.

Разгром Альвенда Ак-Коюнлу. Во время осады Гюлистана к Исмаилу явился гонец от Муса-халифе из Тебриза с известием о том, что Альвенд выступил из столицы с большим войском, двигается в Ширван с целью соединения с остатками ширванской армии и битвы с кызылбашами[197]. Исмаил приказал Джуш-мирзе двинуться к месту слияния Куры и Аракса — Джаваду для сбора понтонного моста с тем, чтобы обеспечить неотложное форсирование реки главными силами, напасть на Альвенда прежде, чем тот попытается перейти на северный берег реки. От кызылбашского лазутчика Мухаммеда-халифе, посланного в Караджадаг для уточнения обстановки, прибыл гонец с сообщением о том, что правитель Азербайджана Альвенд-мирза прибыл в Нахичеван с 30-тысячным войском, выслав Махмуда Караджа в Гянджу и Карабах, Карчигай Мухаммеда — в район Ардебиля, а Хасан-бека Шукур-оглы — в Карадаг, чтобы воспрепятствовать переправе Исмаила через Куру[198]. Между тем Исмаил переправился чепез Куру в Джаваде и двинул Карапири-бека Каджара против Хасан-бека Шукур-оглу, который отступил назад в Нахичеван. Карчигай Мухаммед, узнав о переходе кызылбашами Куры, направился в Карабах, соединился с Махмудом Караджа, и они вместе отступили в Нахичеван к Альвенду.

Исмаил двинулся в Нахичеван выслав в авангард Карапири-бека Каджара (по прозвищу «Тоз гопаран»)[199] и Ильяс-бека Халвачи-оглу. Осман-бек Мосуллу, направленный Альвендом наперерез кызылбашам, был разбит и схвачен Ильяс-беком[200]. Альвенд послал Исмаилу письмо с требованием вернуться в Ширван и удовлетвориться управлением той областью, но получил отказ[201]. Тогда правитель Ак-Коюнлу выступил из Нахичевана на северо-запад и остановился на равнине Шарур, приготовившись к битве Исмаил, двигаясь вдоль южного берега Аракса, пересек его в районе Нахичевана и направился навстречу противнику. Здесь на Шарурской равнине и произошла решительная битва между Исмаилом и Альвендом в начале 907 г. х. (середина 1501 г.). По сведениям хронистов, Альвенд имел 30-тысячную армию, между тем как кызылбашей было не больше 7 тыс. человек[202].

[197] Во время зимовки в Махмудабаде, сообщает Ибрагим Амини, для обеспечения кызылбашей оружием и снаряжением Исмаил послал в Тебриз Муса-халифе из мюридов шейха Хейдара, который выслал оттуда оружие (Футухат-и шахи, л. 55а).
[198] Футухат-и шахи, лл. 62б—63а.
[199] По азерб. буквально «Поднимающий пыль». Это прозвище он получил за отвагу.
[200] Анонимная история, лл. 65б—67а; Футухат-и шахи, л. 63а—67б; *G. Sarwar.* p. 37.
[201] Содержание этих писем имеется в Анонимной истории, лл. 67б—68а.
[202] Иначе говоря, соотношение то же, что к в сражении с ширваншахом: один кызылбаш противостоял четырем противникам, что весьма сомнительно.

Исмаил занял место в центре, назначив на фланги своих военачальников, таких как Хусейн-бек Леле, Абдул Али-бек Деде, Хадим-бек Хулафа, Мухаммед-бек Устаджлу, Байрам-бек Караманлы, Абди-бек Шамлы, Караджа Ильяс Байбурдлы, Кара Пири-бек Каджар, Ильяс-бек Халвачы-оглу (эмиршикар), Ильяс-бек Хунуслу, Сару Али-бек Текели (мухрдар), Али-бек Румлу (прозванный Див-солтан). Не надеясь на боеспособность своих превосходящих по количеству сил, Альвенд приказал поставить верблюдов в тыл, сковать их друг с другом цепями, чтобы воспрепятствовать бегству своих воинов с поля боя. Сам он занял место в центре, назначив на фланги таких эмиров Ак-Коюнлу как Лятиф-бек, Сиди Гази-бек, Муса-бек, Карчигай-бек, Гулаби-бек, Халил-бек и Караджа Махмуд-бек[203].

В этом сражении Исмаил проявил полководческое искусство и личную отвагу, мечом сразив Карчигай-бека и многих других. В последовавшем общем наступлении кызылбашей были убиты Лятиф-бек, Сиди Гази-бек, Муса-бек, Караджа Махмуд-бек. Увидев головы своих полководцев на копьях кызылбашских газиев, воины Ак-Коюнлу в панике пустились в беспорядочное бегство. Альвенд еле унес ноги с поля брани в Эрзинджан. В руки кызылбашей попала огромная добыча: кони, верблюды, мулы, ценные товары, золотая и серебряная утварь и т. п.[204] Осенью того же 1501 г. сразу же вслед за шарурской победой Исмаил торжественно вступил в Тебриз и короновался на шахский престол[205].

Поражение Мурада Ак-Коюнлу. Расширение Азербайджанского государства Сефевидов. Весной 1503 г. шах Исмаил отправил к Мураду своего мюрида по имени Канбар-ага с письмом, в котором требовал подчинения. Напоминая о родственных связях между Сефевидами и Ак-Коюнлу, кызылбашский вождь предлагал Мураду за признание своей власти часть персидского Ирака. Ответ Мурада Ак-Коюнлу был отрицательным[206]. Тогда Исмаил выступил из Тебриза, форсировал р. Кызылузен и двинулся на

---

[203] Анонимная история, л. 69а. б; *G. Sarwar,* p. 38.

[204] Анонимная история, л.л. 70а—72а; Футухат-и шахи, лл. 68а—74а; Хабиб-ас-сийяр, стр. 463-466.

[205] Источники не датируют точно время вступления в Тебриз Исмаила. Дату 906 г. х., указанную Хондемиром и Ибрагимом Амини, следует считать ошибочной. Дата Анонима — 907 г. х. более соответствует истине, так как Исмаил вступил в Тебриз сразу после битвы при Шаруре, имевшей место в начале 907 г. х. (середина 1501 г.). Хронисты указывают, что зиму 907 г. х. (конец 1501—начало 1502 г.) Исмаил провел в Тебризе. На основе этого можно утверждать, что кызылбаши заняли Тебриз осенью того же 1501 г. (Анонимная история, лл. 75а—76б; Такмилат ал-ахбар, л. 244а; Хабиб ас-сийяр, стр. 467—468; *G. Sarwar,* pp. 38—39, см. сноску № 18). 1501 год как год коронации Исмаила в Тебризе подтверждается изданием фирмана самого шаха Исмаила, датированного 25 джумада ас-сани 907 г. х. (5 января 1502 г.) и относящегося к округу Дизмар в южной части Азербайджана (*T.M.Musəvi*. Orta əsr Azərbaycan tarixinə dair farsdilli sənədlər, стр. 188—189).

[206] Анонимная история, лл. 82а—83б.

юг к Хамадану с 12-тысячным войском. Мурад собрал большое войско в 70 тысяч человек[207].

Битва Исмаила с Мурадом произошла в местности Алма Гулаги около Хамадана 21 июня 1503 г. (24 зульхиджа 908 г. х.). В авангард были назначены Хулафа-бек и Максур-бек Кыпчахи, а Кара Пири-бек Каджар был оставлен в резерве с 1500 всадниками. Остальные кызылбашские эмиры — Деде-бек Талыш (он же Абдул Али-бек Деде), Хусейн-бек Леле, Мухаммед-хан Устаджлу, Байрам-бек Караманлы, Абди-бек Шамлы, Еган-бек Текели, Сару Али-бек (мухрдар) заняли места на флангах, а сам Исмаил — в центре. На противоположной стороне Солтан Мурад назначил Али-бека Туркмана на правый, а Мурад-бека — на левый фланг. Правитель Кума Исламиш-бек возглавлял авангардный отряд противника. В развернувшемся сражении он успешно отразил атаку кызылбашского авангарда, который вынужден был отступить в центр. Но в этот момент на него обрушился Карапири-бек Каджар; Исламиш-бек был захвачен живым, а его отряд полностью уничтожен. Шах Исмаил бросился в гущу боя и многих сразил лично. Войска Ак-Коюнлу были разбиты наголову. Али-бек Туркман с 10-тысячным отрядом был полностью уничтожен, Гёзал Ахмед Баяндур (брат Айба-солтана), а также Исламиш-бек и другие попали в плен и были казнены. Самому Мураду удалось бежать[208].

Если победа над Альвендом сделала Исмаила хозяином Азербайджана, то в результате разгрома войск Мурада в руках кызылбашей оказался Фарс и большая часть персидского Ирака.

Преследуя Мурада, шах Исмаил двинулся в глубь Ирана. Кызылбаши ворвались и овладели городом Шираз, не оказавшим сопротивления[209]. В том же 1503 г. Исмаил занимает города Исфаган, Кашан и Кум. В следующем году овладевает крепостями Гюльхандан, Фирузкух, Уста и г. Йездом[210]. К 1508 г. весь Иран (за исключением Хорасана), Армения и Ирак арабский были захвачены Исмаилом[211].

К вопросу об идеологии движения кызылбашей. Шиитско-кызылбашское движение, начавшееся в 1499 г. во главе с Исмаилом, существенно отличалось от предыдущих выступлений Сефевидов (Джунейд, Хейдар, Султан Али) «Если шейх Хейдар, по-видимому, ставил своей целью объединение одного лишь Азербайджана, — писал И. П. Петрушевский, — то Исмаилу именно активные выступления его мюридов и сторонников в

[207] Там же, л. 81б.

[208] Там же, лл. 84а—87б; Футухат-и шахи, лл. 90б—94б; Хабиб ас-сийяр, стр. 470—472; *G. Sarwar*. p 44-45.

[209] Хабиб ас-сийяр, стр. 473; Ахсан ат-таварих, стр. 73.

[210] *G. Sarwar,* pp. 45—50; *R. Savory*. The Consolidation, pp. 71—74.

[211] *G. Sarwar,* pp. 51—55; *О. А. Эфендиев*. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 91—93; *Я. Savory,* The Consolidation, pp. 75—77.

соседних странах поставили более широкую задачу. Объединив Азербайджан (к 1502 г.), он вынужден был идти навстречу желаниям своих последователей, стремившихся к созданию большой шиитской державы, которая включала бы в свои пределы ряд стран»[212].

Выступление Исмаила началось в период полного развала во владениях Ак-Коюнлу, вызванного всеобщим ростом народного недовольства и обострением междоусобиц в среде феодального класса. От предшествующих выступлений оно отличалось значительно более широкой социальной базой. Помимо кызылбашских племен, в нем активное участие приняли местные оседлые феодалы, купечество. Решающим фактором, обеспечившим успех движению, была его поддержка со стороны народа — крестьянства и рядовых кочевников. Последние привыкли связывать свои чаяния с шиитскими движениями.

Нарративные источники не позволяют нам судить об идеологии кызылбашского движения, точнее, о социальной и политической программе его участников. В этом отношении большой интерес представляет диван (сборник стихов) самого шаха Исмаила— Хатаи. Только диван, — писал В. Ф. Минорский,— дает ключ к тайной ереси ранних Сефевидов. Эти динамичные идеи, внешне мистические и религиозные, легко находят свое выражение в непосредственном действии. Они представляют политическую платформу тех элементов, которые составляли острие движения» [213]. Согласно кызылбашской доктрине, нашедшей отражение в диване Хатаи, халиф Али является богом и те, кто отказывают ему в этом, объявляются неверными. Мухаммед — лишь пророк, в то время как Али — «Воплощение бога» (məzhər-i həqq). Исмаил горд своим «происхождением» от Али и Фатимы. Он верит в перевоплощение божественной субстанции Али. Прежде, он (Исмаил) был един с богом (Али), теперь же сошел в мир. В его лице воплотились качества пророка и имама. Человек может быть воплощением божества; Исмаил — бог в человеческом одеянии (adam donuna girmiş xoda). Он пришел в этот мир как «свет бога» (nuri xoda), «печать пророков» (ənbiya xətmi), «совершенный руководитель» (Mürşid-i kamil»), «ведущий имам» (İmam-i rahnema), абсолютная истина — бог (həqq-i mütləq). Исмаил настаивает, требует обожания, поклонения, слепого повиновения (secd, socud) у своих приверженцев, которых он называет «гази», «суфи», «ахи»[214].

---

[212] *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 288.
[213] *V. Minorsky*. The Poetry of Shah Isma'il I. BSOAS, vol, X, p. 4 1942, p. 1025 a.
[214] V. Minorsky. The Poetry. стр. 1026a—1027a; стихи № 15, 101, 168, 194, 195, 204, 211, 237, 249. Интересно изложение учения кызылбашских сектантов Малой Азии, потомков кызылбашей, «сражавшихся в рядах войска шаха Исмаила», у В. А. Гордлевского: Избранные сочинения, т. 1, стр. 252— 253.

Такие черты, как обожествление Али и его потомков, инкарнация божества в человеке, многократное боговоплощение, свойственны идеологии крайних шиитских сект. Они считаются еретическими и чуждыми исламу как у суннитов, так и умеренных шиитов[215]. В. А. Гордлевский, рассматривая учение секты «ахл-и хагг» («ali ilaxi»), приходит к интересному выводу о том, что «только в народе отвлеченные философские идеи облекаются в форму обожествления Али»[216]. Как известно, вплоть до XX в. в Малой Азии кызылбашами называли именно последователей крайней шиитской секты «али-илахи» («алибожники», «обожествляющие Али») или «ахл-и хагг» («люди истины»).

Из сказанного следует, что шиизм феодальной верхушки кызылбашского движения испытал сильное воздействие крайних шиитов — идеологов народных масс. Это может служить показателем широкого участия простого народа в движении. Шаха Исмаила очень любили и боготворили кызылбаши. Огромной популярностью пользовался он также в народной среде, о чем свидетельствуют сообщения венецианских путешественников[217]. На шаха Исмаила смотрели как на Махди, Имама-Мессию, выступление которого смыкалось с надеждами беднейших эксплуатируемых слоев народа на социальный переворот[218].

По этому поводу В. А. Гордлевский писал: «...в XVI в. народная мысль опять заметалась в страстном напряжении; опять всплыли шиитские идеи: народ жил ожиданиями обетованного Мессии — Махдия, или Имама. По Малой Азии шла усиленная агитация, толпы дервишей бродили по стране, возбуждая и обманывая население». [219] Религиозный подъем, удачно использованный сефевидскими шейхами, питаясь из Азербайджана, захватил восточную часть Малой Азии, населенную тюркоязычными племенами.

Для сохранения своей независимости от посягательств османских феодалов и создания государства часть этих племен стала объединяться в военно-политические союзы. «Племена эти, — пишет Н. Д. Миклухо-Маклай, — получившие впоследствии название кызылбашских, были родственны по языку и происхождению с **азербайджанскими племенами**, создавшими государства Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, которые в XV в. последовательно владели Азербайджаном и большей частью Ирана»[220].

---

215 *И. П. Петрушевский.* Ислам в Иране, стр. 276—277.
216 *В. А. Гордлевский.* Избр. соч., т. III. М., 1962, стр. 400.
217 Путешествия венецианцев, стр. 115, 206.
218 *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 94.
219 *В. А. Гордлевский.* Избр. соч., т. I, М., 1960, стр. 256.
220 *Н. Д. Миклухо-Маклай.* Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV—XVI вв., стр. 224.

Шиитская реформа и ее значение. Как известно одним из важнейших мероприятий шаха Исмаила I было проведение религиозной реформы.

С первых дней вступления в Тебриз осенью 1501 г. шиитский толк ислама, точнее толк имамитов (двенадцати имамов — ар. «исна ашара») был провозглашен государственным вероисповеданием.

По сообщению Анонимного историка, в ночь накануне коронации Исмаил спросил совета у эмиров и шиитских улемов. Те попытались удержать его от крайностей, указывая на возможность народных волнений в Тебризе. Однако, Исмаил, твердо решив провести шиитизацию, ответил: «Если райяты скажут хоть единое слово, я с помощью аллаха Всевышнего извлеку меч и ни единого человека в живых не оставлю». Получив инструкции «свыше», Исмаил прибыл в соборную мечеть Тебриза, приказал тамошнему хатибу (чтецу) «из знатных шиитов» подняться на минбер (кафедру) и приступить к чтению хутбы. Сам Исмаил стоял у подножья минбера с занесенным над головами тебризцев-прихожан мечом; его соратники стояли рядом, готовые подавить любое сопротивление[221].

В денежное обращение были пущены новые монеты с шиитским символом веры. «Нет бога кроме Аллаха, Мухаммед — посланник Аллаха, Али — друг Аллаха». На монеты были нанесены имена двенадцати шиитских имамов и имя шаха Исмаила в уничижительной форме «Раб святого шаха», т. е. Али.[222]Монетная реформа также служила целям пропаганды имамитского шиизма, упрочения его господствующего положения в государстве Сефевидов.

В трудах-значительной части современных иранских историков вопрос о значении и роли шиизма в образовании Сефевидского государства предстает в неверном и искаженном виде. Дело представляется таким образом, что якобы до завоевания Ирана Сефевидами к кызылбашами в начале XVI в. основная часть населения Ирана исповедовала тайно или явно шиизм и поэтому приняла новую официальную религию беспрекословно.

Так, согласно Н. Шейбани, политическую и национальную свободу и единство Ирана удалось вернуть с помощью религии шиизма; благодаря ему «освободительное движение иранцев приняло религиозную окраску», шиизм способствовал укреплению национального и политического единства «иранцев»[223]. По мнению иранского историка, выступление Исмаила Сефеви нашло благодатную почву в среде населения Ирана, уже с давних времен, якобы, желавшего восстания против официального суннизма (с эпохи

---

[221] Анонимная история, лл. 73а—74а. На листе 74а используемой рукописи имеется миниатюра с изображением этой сцены.

[222] Там же, л. 74б.

[223] Я. *Шейбани*. Ташкил-и шаханшахи-и Сефевийе, стр. 4—5.

арабского завоевания). Это обстоятельство считается одним из важных факторов, придавших завоевательному движению Исмаила и основанному им государству, «национальный характер»[224]. При этом утверждается, что после введения шиитской реформы серьезного сопротивления со стороны иранцев она не встретила[225].

Между тем исторические источники рисуют нам совершенно иную картину. Дело в том, что к началу XVI в. подавляющее большинство населения Ирана исповедовало не шиизм, как это часто представляется в иранской историографии, а суннизм. Исследователи (И. П. Петрушевский, В. Ф. Минорский, Н. Д. Миклухо-Маклай и др.) показали, что в XIV—XV вв. в Иране шииты составляли меньшинство. Суннитами были феодалы и население большинства городов. Суннизм был господствующей религией всех государственных образований в Иране, за исключением шиитских эмирств Мазандарана и Гиляна[226]. Даже в Азербайджане — колыбели шиитско-кызылбашского движения сунниты составляли большинство жителей. Так, по сообщению Анонимного историка в начале XVI в. в Тебризе, население которого доходило до 300 тыс. человек, сунниты составляли 2/3 жителей[227]. Кстати, С. Рахимзаде заведомо искажает соотношение суннитов и шиитов в Тебризе в это же время: ничем не обосновано данное им соотношение как 1/2.[228]

Известно, что шиитская пропаганда, ведомая ардебильскими шейхами, больше всего сторонников и последователей нашла не в Иране как то утверждают Н. Шейбани и С. Рахимзаде, а в Азербайджане и Малой Азии, в среде не ираноязычного, а тюркоязычного населения. Так, по сведениям венецианских путешественников на рубеже XV и XVI вв. 4/5 Малой Азии, были шиитами [229]. Тюркоязычные шиитские племена, обитавшие в Азербайджане и Малой Азии, составили боевую ударную силу шейхов Ардебиля, поддерживая все их политические и военные предприятия.

Поэтому завоевание и распространение шиизма в Иране не носило столь «мирного характера», как это часто изображается иранскими авторами. Источники сообщают о том, что по мере движения Исмаила из Азербайджана в глубь Ирана многие сунниты, в основном феодальная знать и духовенство, оставляли страну и перебирались в соседние суннитские государства. Кое-где сунниты попытались даже оказать открытое сопротивление шиитизации, как

---

[224] Там же, стр. 74.
[225] Там же. стр. 90.
[226] *И. П. Петрушевский.* Ислам в Иране, стр. 351—352; *Н. Д. Миклухо-Маклай.* Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV—XVI вв., стр. 221
[227] Анонимная история, л. 74а.
[228] *Рахимзаде-и Сефеви.* Шарх-и джангха, стр. 147.
[229] *F.Babinger.* Marino Sanutos Tagebucher als Quelle zur Geschlchte der Safawijja, Cambridge, 1922, SS, 34—35.

например, в Исфагане, Ширазе, Казеруне, Йезде, где подверглись массовым казням [230]. Следует помнить, что сунниты в этот период были и рассматривались кызылбашами с полным основанием как политические противники — приверженцы низложенной ими династии Ак-Коюнлу, сторонники османской Турции и государства Шейбанидов. О том, что в этот период шиизмом интересовались скорее как знаменем политической борьбы, оппозиционного Ак-Коюнлу и другим суннитским государствам, чем как отвлеченной религиозной доктриной, свидетельствует сообщение историка XVI в. Хасан-бека Румлу. После введения шиизма в Тебризе в 1501 г. и провозглашения его государственной религией, когда встал вопрос об укреплении основ новой религии, оказалось, что мало кто хотя бы элементарно знаком с шиитским богословием. Не было даже книг по шиитскому вероучению. Единственным руководством по шиизму была признана книга шейха Джамал ад-Дина Мутаххара Хилли (1250—1325) «Каваид-и ислам» («Правила ислама»)[231].

Чалдыранская битва и ее последствия. Чалдыранская битва была важным этапом в военно-политической истории Сефевидского государства. Она не имела далекоидущих последствий для судеб государства шаха Исмаила, но показала тщетность расчетов Сефевидов на использование малоазиатских шиитов в качестве своей ударной силы Султану Селиму I еще до начала войны удалось ликвидировать опасность в тылу, исходящую со стороны шиитов Анатолии[232].

Диспозиция кызылбашской армии перед сражением была следующей. В центре размещался отряд кызылбашей под командованием Низам ад-Дина Абдулбаги, Мухаммеда Камуне и Шараф ад-Дина Али; правым флангом командовал Дурмуш-хан Шамлу, а левым флангом — правитель Диярбекира Мухаммед-хан Устаджлу. Правитель Эрзинджана Нурали-халифе Румлу, правитель Тебриза Манташа-солтан, правитель Фарса Халил-солтан Зулькадар, Хусейн-бек, Леле, Хулафа-бек (Хадим-бек). Пире-бек Чавушлу и Солтанали-мирза Афшар заняли места на флангах. Сару-пире (курчибаши) и Юсиф-бек Варсак были назначены в авангард (чархчийан). Сам шах Исмаил стоял с отборными частями на правом фланге[233].

Боевые порядки османской армии были построены по европейскому образцу. Правым флангом командовал бейлярбей Анатолии Синан-паша, левым флангом — бейлярбей Румелии Хасан-паша. В центре разместилась

---

[230] *И. П. Петрушевский.* Ислам в Иране, стр. 373—374; *Н. Д. Миклухо-Маклай.* Шиизм и его социальное лицо в Иране на рубеже XV—XVI вв., стр. 226—229

[231] Ахсан ат-таварих. стр. 60—61.

[232] *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 112.

[233] Анонимная история, л. 247а; G. *Sarwar* p. 79; *И. Фалсафи.* Джанг-и Чалдыран, стр. 97—98.

артиллерия — около 300 пушек. Перед пушками, скрывая их от взоров противника, расположились особые части (а'забы). За артиллерией находились пешие стрелки — янычары. Рабочий скот — верблюдов и мулов — поместили вместе с повозками, скрепленными между собой цепями, спереди и по бокам янычаров. Это было препятствием на пути грозной кызылбашской конницы. С той же целью ряды пушек были скреплены цепями. Султан Селим со своей личной гвардией расположился за янычарским корпусом. В арьергарде османской армии был Шади-паша, задачей коего было отражение, возможного удара с тыла[234].

Чалдыранская битва началась утром 23 августа бешеной кавалерийской атакой кызылбашского авангарда — курчиев под командой Сару Пире Устаджлу. Хотя турки и понесли тяжелые потери, но атака сефевидской конницы была отбита османским авангардом.

Шах Исмаил и кызылбашские воины, как сообщают летописцы, проявили в этой битве много отваги и подлинного героизма. Так, в разгар сражения Исмаил оказался лицом к лицу с Али-беком Малкуч-оглу, известным в османской армии своей богатырской силой и мужеством. Исмаил нанес ему по голове удар мечом такой силы, что голова вместе со шлемом раскололась на две половинки, а меч шаха вошел по грудь[235].

В самый критический момент сражения, когда пушечные ядра стали носить ряды воинов Исмаила, правитель Фарса Халил-солтан Зулькадар самовольно оставил поле битвы и бежал со своим отрядом. Но шах не дрогнул перед губительным огнем врага и повел своих воинов прямо на расположение артиллерии. Он мечом пробил себе путь через сцепленные пушки, но вынужден был остановиться перед «стеной» из верблюдов и мулов[236]. В этот момент конь шаха Исмаила потерял равновесие и вместе со всадником свалился на землю. Турецкие солдаты бросились к Исмаилу. Но в этот опасный для жизни шаха миг он был спасен Солтанали-мирзой Афшаром, который был очень похож на шаха «по внешности и одеянию». Он выступил вперед с криком: «Я шах» и сумел увлечь за собой вражеских солдат. Тем временем, некий Хызр-ага Устаджлу подвел Исмаилу другого коня, на котором шах ускакал в гущу боя[237].

---

[234] *G. Sarwar,* p. 80; Н. Фальсафи, Джанг-и Чалдыран, стр. 96—97.

[235] Анонимная история, лл. 248б—249б. На листе 249а рукописи имеется миниатюра с изображением единоборства Исмаила с Малкуч-оглы.

[236] Анонимная история, л. 251а.

[237] Анонимная история, лл. 251б—252а; Ахсан ат-таварих, стр. 149, Хюсейн. Беда' и ул-века'и. Изд. текста введ. и общая редак. А. С. Твертиновой. Аннотирован., оглавл. и указат. Ю. А. Петросяна, ч. I—II, М., 1961, лл. 438б— 439а. Солтанали-мирза Афшар был схвачен и приведен к султану Селиму. Узнав, что шах Исмаил продолжает борьбу на поле битвы, Селим приказал казнить его двойника.

По сведениям сефевидских хронистов, в чалдыранском сражении погибло 5 тыс. человек с обеих сторон. Из них 2 тыс. приписываются кызылбашам, 3 тыс. — туркам[238]. Однако мы вряд ли можем принять эти цифры на веру. Так, Шереф-хан Бидлиси только потери кызылбашей исчисляет в 5 тыс. всадников, что, видимо, ближе к истине[239]. Османские историки, напротив, сильно преувеличивают эти цифры: некоторые из них дают потери турок 30—40 тыс. человек, а кызылбашей — вдвое больше. Ссфевиды потеряли ряд своих способных полководцев: Мухаммед-хана Устаджлу, Сару Пире Устаджлу, Хусейн-бека Леле, Хадим-бека Хулафа. Из числа османских военачальников погибли Хасан-паша, Малкуч-оглы, Увейс-бек, Сулейман-бек[240].

Поражение кызылбашской армии при Чалдыране объяснялось современниками разными причинами: здесь и рыцарский нрав шаха Исмаила, избалованного предшествующими победами, не внявшего трезвым голосам своих полководцев, и самонадеянность и хмельное хвастовство Дурмуш-хана, отговорившего шаха от ночного нападения, и т. д. В этом отношении любопытна беседа, якобы имевшая место между султаном Селимом и плененным турками двойником шаха Исмаила — Султанали-мирзой Афшаром. Султан спросил «шаха Исмаила»: «Разве ты не знал, что я пришел с двумястами тысяч воинственных мужей, артилерией и янычарами; как ты мог (Вступить со мной в сражение с (такими) ничтожными силами, обрекая своих людей на смерть, а себя отдав в плен». В ответ последовало: «Я знал, что у тебя огромное войско, но я не знал, что ты бросишься в укрепление из пушек (тем самым) опозоришь себя в этом и том мире...»[241]. Как видно, Сефевиды времен шаха Исмаила I применение огнестрельного оружия считали несовместимым с человечностью и проявлением трусости, малодушия.

Шах Исмаил уступал султану Селиму не только в живой силе, но и в техническом ее оснащении, вооружении, так как у Сефевидов артиллерия почти полностью отсутствовала. Основная сила Сефевидов — кызылбашская племенная кавалерия — была бессильна против огня пушек н янычарских стрелков. Помимо того, османская армия восприняла европейскую систему военного строя и тактики ведения боя. Следовательно, поражение Исмаила было предрешено не какими-либо личными мотивами, а передовой по тому

---

238 Анонимная история, л. 253а.
239 Шереф-наме, т. II, стр. 158.
240 О Чалдыранском сражении: Анонимная история, лл. 245б—253а; Хабиб ас-сийяр. стр. 545—548; Хюсейн. Беда'и ул-века'и, лл. 436а—439б: *G. Sarwar,* pp. 78—82: *И. Фальсафи,* Джанг-и Чалдыран, стр. 98—106; *R. Savory*.The Consolidation. pp, 87—90.
241 Анонимная история, лл. 215б—252а.

времени организацией и вооружением султанской армии, широким применением ею огнестрельного оружия — артиллерии[242].

Чалдыран нанес серьезный удар по военно-политическому престижу Сефевидского государства и привел, в конечном счёте к потере им обширных владений в Курдистане.

Курдские племена и знать, до того признававшие власть шаха Исмаила I и его наместников, стали теперь открыто выступать против кызылбашских правителей, обращаясь за помощью к султану Селиму I. Огромную роль в привлечении курдских племен на сторону султана сыграл Идрис Хаким Билдиси — верный агент и проводник османской экспансионистской политики, направленной на закабаление Курдистана. Немаловажное значение в этой политической переориентировке курдов имела их общая с турками суннитская идеология[243].

Проведя зиму 920 г. х. (1514/1515 г.) в Амасье, Селим двинулся в направлении Стамбула. По пути он занял Кемах[244]. Кызылбашский правитель Эрзинджана Нурали-халифе Румлу потерпел поражение и погиб в битве с войсками османского правителя Трабзона Быйыклы Мухаммеда (персоязычные источники называют его Мустафа-паша Быглу Чавуш), а Эрзинджан был занят турками[245].

После Чалдырана Диярбекир выразил покорность султану Селиму, и поэтому шах Исмаил направил Кара-хана (брата погибшего при Чалдыране Мухаммед-хана Устаджлу) для отвоевания города. Однако кызылбаши так и не смогли сломить сопротивление мятежников. Осада продлилась свыше года. Прибытие войск Быйыклы Мухаммеда-паши, усиленных курда отрядами во главе с Идрисом Бидлиси, вынудило Кара-хана снять осаду и отступить в Мардин. В начале 1516 г. к югу от Мардина при Кочхисаре произошло решительное сражение между сторонами, окончившееся в пользу турок. Кара-хан был убит, кызылбашское войско разгромлено. В результате обширный регион от Харпута и Бидлиса на севере до Раккы и Мосула на юге оказалась в руках турок[246].

Сефевиды и Грузия. Шах Исмаил и Шекинское ханство. Столкнувшись с непримиримостью султана, шах Исмаил предпринял энергичные меры для укрепления своих позиций в странах Закавказья, в частности, в Грузии. Задача Сефевидов облегчалась тем, что Грузия в начале

---

[242] См. также высказывание об этом классиков марксизма: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, т. VII, 1940, стр. 206.

[243] Шереф-наме, т. I (Пред. Е. II. Васильевой), стр. 50—51.

[244] Анонимная история, лл. 257а, б.

[245] Там же, лл. 259б—260б.

[246] Анонимная история, лл. 264б—267б; *Хюсейн.* Беда`и ул-века`и, ч. I, лл. 449а—459а; Шереф-наме, т.1, стр. 417. См. также *М. И. Шамси.* Сочинение Шереф-хана Бидлиси «Шереф-наме» как источник по истории курдского народа. Автооеф. канд. дисс. Баку, 1967, стр. 8—11.

XVI в. распалась на ряд самостоятельных, враждовавших друг с другом царств.

Формальным поводом для кызылбашских походов в Грузию было обращение самих грузинских царей за помощью. Первый поход состоялся в 1516 г. (922 г. х.). Месхийский (самцхийский) царь Кваркваре IV (1516—1535), разбитый другим грузинским царем, «правителем Башы Ачуга» (Имеретии) Менучехром (?), прибыл в зимнюю стоянку Исмаила в Нахчеване и просил защиты. Шах Исмаил направил в Грузию ряд кызылбашских предводителей[247] во главе с Див-солтаном Румлу, которые шли по пути через Шурагел. В результате похода Манучехр был разбит и бежал за помощью в Рум (Турцию), а Кваркваре вернул себе престол[248].

В следующем году Маиучехр вернулся из Турции с отрядом турок под командой Кызыл Ахмед-оглу и вновь вторгся во владения Кваркваре. Див-султан Румлу вторично был направлен в Грузию. В районе Давила (Двина) кызылбаши сразились с турками, которые были разгромлены, а их предводитель убит. Менучехр спасся бегством в лесах[249].

Третий поход кызылбашей во главе с Див-солтаном Румлу имел место в 1521 г. (927 г. х.) и был связан с набегом отряда грузинского царя Кахетии Левенд-хана (Левана—1520—1574) на Шекинское ханство. Правитель Шеки Хасан-бек обратился к шаху Исмаилу, зимовавшему в Нахчеване, за помощью. Див-солтан, перейдя реки Канык (Алазань) и Кибри (Иори), напал на крепости Зегем и Герем. Левенд с повинной прибыл к Див-солтану; также поступили и другие правители Грузии — Кваркваре, Давуд-бек[250] и Менучехр. Вместе с Див-солтаном они прибыли к зимовавшему в Нахчеване шаху Исмаилу. Здесь грузинские цари обязались ежегодно выплачивать дань (бадж и харадж) Сефевидам, после чего вернулись в свои владения[251].

Кстати отметим, что наиболее раннее упоминание о правителе Шеки в связи с Сефевидами имеется только у Будака Казвини. В 925 г. х. (1519 г.) сообщается, что во время зимней стоянки шаха Исмаила в Тебризе к нему прибыл целый ряд соседних правителей. «На одном коврике вместе были посажены: вали Ширвана Шейхшах, Музаффар-солтан Решти, Хан Ахмед Гиляни, Мир Абдул Керим Мазандарани, Ага Мухаммед Мазандарани, Мелик Кавус Рустемдари, Мелик Бахман Рустем Аббаси, Левенд-бек Гурджи, Хасан-бек Шеки и Кваркваре Гурджи»[252]. Иначе говоря,

---

[247] Черкин-Хасан Текели, Нарин (или Назенин)-бек Каджар, Казан-бек Румлу, Хасан-бек Чота.
[248] Анонимная история, л. 271а—272а; Ахсан ат-таварих. стр. 162—163.
[249] Анонимная история, л. 277б; Ахсан ат-таварих, стр. 167.
[250] Давид VIII (1505—1525) царь Картлии.
[251] Анонимная история, лл. 288б—289а; Хабиб ас-сийяр, стр. 571—572; Ахсан ат-таварих, стр. 173.
[252] Джавахир ал-ахбар, л. 293.

перечисленные владетели выразили тем самым свою покорность и подчинение шаху Исмаилу I[253].

Весной 1524 г. (930 г. х.) Исмаил двинулся из Нахчевана в Ширван. О причине похода хроники умалчивают. Когда шах достиг Куры, была получена весть о кончине ширваншаха Ибрагима II Шейхшаха. На ширванский престол был возведен его сын Халилулла, муж дочери Исмаила (Перихан ханум). Тогда шах повернул в сторону Шеки, торжественно встреченный Хасан-беком и местной знатью. Исмаил затеял грандиозную охоту в районе между Шеки и Грузией, в которой приняли участие «газии» и шекинская знать. [254] На обратном пути из Шеки в Ардебиль Исмаилу сообщили, что правитель Кахетии Левенд-хан вновь с большим войском напал на Шеки. В битве шекинцы потерпели поражение, Хасан-бек был убит. Это вызвало гнев шаха Исмаила, и он решил наказать непокорного грузинского царя, но этому помешала его смерть.[255]

Эти факты говорят о том, что шекинский правитель Хасан-бек видел в шахе Исмаиле своего сюзерена и опирался на его помощь в борьбе со своими западными соседями — грузинскими царями.

Взаимоотношения шаха Исмаила I с ширваншахом Ибрагимом II Шейхшахом. После гибели ширваншаха Фарруха Ясара государство ширваншахов не прекратило своего существования. На ширванском престоле оказался один из сыновей его Бахрам-бек, правивший около года. После его смерти ему наследовал его брат Гази-бек. Спустя несколько месяцев он был убит своим сыном Солтан Махмудом, захватившим трон. По сообщению источников, население Ширвана, доведенное до крайности жестокостями узурпатора, послало за его дядей шейхом Ибрагимом Шейхшахом, находившимся во владениях гилянского правителя Хусам ад-Дина[256]. С 1502 г. Шейхшах воссел на трон под именем Ибрагима II, а Солтан Махмуд бежал за помощью ко двору шаха Исмаила.

Шах Исмаил счел нужным поддержать Солтан Махмуда. Как сообщает Мюнеджжим-баши, он получил кызылбашские подкрепления и двинулся в Ширван. Шейхшах заперся в крепости Гюлистан, осада которой продолжалась около трех месяцев. Положение осажденных становилось отчаянным. Но случилось неожиданное. Махмуд был убит во время сна

---

[253] В «Ахсан ат-таварих» упомянуты только Шейхшах, Музаффар-солтан (Амире Дубадж), Хан Ахмед Гиляни (Каркия Солтан Ахмед Лахиджани) и Кваркваре, причем зимняя стоянка в Тебризе отмечена 924 г. х. (1518 г.). В «Такмилат ал-ахбар» (л. 251а) упоминаются правители Мазандарана, Рустемдара, Хазарджериба, Каркия Солтан Ахмед и Амире Дубадж; зимовка в Тебризе датирована концом 924—началом 925 г. х. (конец 1518—начало 1519 г.).

[254] Анонимная история, л. 303а.

[255] Там же, л. 303б.

[256] *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 125—127.

своим слугой. Под покровом ночи голова его была доставлена в крепость. Воодушевленные этим ширванцы устроили ночную вылазку и разгромили ошеломленных кызылбашей [257]. Это событие у Мюнеджжим-баши не датировано.

В отношении датировки описанного выше кызылбашского похода в Ширван интересные наблюдения имеются у Е. А. Пахомова[258]. В 1935 г. в селении Чайкенд около Гянджи был обнаружен клад монет, содержащий чекан ширваншахов и шаха Исмаила I. Среди описанных Е. А. Пахомовым монет этого клада имеются монеты шаха Исмаила, битые в Шемахе и Шабране и датированные 911 г. х. (1505—1506 гг.). Между тем в этот период Ширваном правил ширваншах Ибрагим II Шейхшах. С другой стороны, согласно Е. А. Пахомову как в этом кладе, так и в других известных коллекциях монет Шейхшаха наблюдается полное отсутствие монет с датами 931 и 912 г. х. (1505—1507 гг.). Из этих фактов Е. А. Пахомов делает вывод о том, что в указанные годы Шемаха, Шабран и часть Ширвана были подчинены Исмаилом; только с 913 г. х. (1507—1508 гг.). Шейхшах возвращает себе Шемаху и уже чеканит монету от своего имени. Исследователь заключает, что, «во-первых, Сефевидам, помогавшим Солтан Махмуду, удалось занять не только Шемаху, но и также северные части Ширвана, как Шабран, а, во-вторых, что за эту помощь Солтан Махмуд обязался признать себя подданным шаха Исмаила и чеканить монету от его имени»[259].

Указанные выводы Е. А. Пахомова, основанные на нумизматических данных, хотя и согласуются в основном со сведениями нарративных источников, но нуждаются в некоторых уточнениях в свете следующих фактов.

Ибрагим Амини сообщает, что когда шах Исмаил осаждал крепость Уста, в которой заперся Хусейн Кия-и Челави, в шахскую ставку прибыл «Солтан Махмуд сын Гази-бека» и получил подтверждение своих прав на ширванский престол[260]. Мы знаем, что осада и взятие Уста имело место весной 1504 г. (909 г. х.)[261]. Значит поход Солтан Махмуда с кызылбашскими частями мог состояться только после этого срока.

Мы располагаем сведениями о кызылбашском походе в Ширван в том же 911 г. х. (1505—1506 гг.). Хасан-бек Румлу сообщает, что в этом году шах Исмаил «повелел, чтобы всех тех, кто в битве с солтаном Хейдаром окажется

---

[257] *В.Ф. Минорский.* История Ширвана и Дербенда. В приложениях книги опубликована часть арабского текста сочинения Мюнеджим-башы «Джами ад-дувал» с русск. переводом. (В дальнейшем— Джам'и ад-дувал), араб, текст, стр. 32—38, русск. пер., стр. 173.

[258] *Е. А. Пахомов.* Чайкендский клад 1935 г.. стр. 17—19.

[259] Там же, стр. 18.

[260] Футухат-и шахи, л. 118а.

[261] Анонимная история, лл. 102б—106а; *G. Sarwar,* p. 48.

принявшим участие на стороне (его врагов), умертвили. Расследование этого (дела) он поручил курчибаши Абдул-беку Деде. По этой причине много людей было убито»[262]. Анонимный автор приводит некоторые подробности этого события. Он пишет, что Абдул-бек Деде по приказу шаха Исмаила отправился с войском в Ширван, перебил много «туркмен» и жителей Табарсарана и Ширвана[263]. Об этом сообщают также другие источники[264].

Мне кажется, у нас нет оснований сомневаться в том, что вышеуказанные монеты с именем шаха Исмаила (битые в Шемахе и Шабране в 911 г. х.) были чеканены именно во время этого похода кызылбашей под предводительством Абдул-бека Деде.

Отмеченные факты наводят на мысль о связи между походами Солтан Махмуда и Абдул-бека Деде в Ширван. Резонно предположить, что мы имеем дело не с двумя разновременными походами, а с одним походом, в котором принял участие также Солтан Махмуд.

Вопрос о политических взаимоотношениях Сефевидов с правителями Ширвана после первого похода шаха Исмаила I все еще мало изучен. Принципиально верная оценка характера этих отношений дана в «Истории Азербайджана»: «В результате похода кызылбашей 1500—1501 гг. Ширван оказался в вассальной зависимости от Сефевидов, хотя она носила пока непрочный характер»[265].

Приводимый ниже новый материал не только подтверждает эту характеристику, он дополняет ее важными подробностями, уточняет существо этих отношений. Мы располагаем надежной информацией о том, что после ухода кызылбашей из Ширвана в 1501 г. здесь были оставлены сефевидские представители. Так, мы узнаем, что наместником Ширвана был назначен Исмаилом один из самых влиятельных соратников и его воспитатель Хусейн-бек Леле Шамлу. Последний оставил вместо себя, как это нередко практиковалось, своего служителя («Джиловдара» — «Стремянного») Шахгелды-ага отличившегося тем, что во время преследования разбитых ширванцев догнал Фарруха Ясара, сбил его с лошади и поднес голову ширваншаха Исмаилу[266]. Сообщается далее, что когда Шейхшах возвратился из Гиляна и занял вакантный ширванский трон, Шахгелды-ага, «правивший после занятия той области как заместитель Леле-бека», вынужден был оставить пределы Ширвана. В первое время Шейхшах посылал своих людей с подарками ко двору шаха Исмаила, заверяя его в своей преданности, и добился того, что Исмаил, по словам Ибрагима Амини,

---

[262] Ахсан ат-таварих стр., 88.
[263] Анонимная история, л. 119а.
[264] Такмилат ал-ахбар, лл. 245б—246а и т. д.
[265] История Азербайджана, т. I, стр. 225.
[266] Анонимная история, лл. 59а—59б; *G. Sarwar,* 36.

«пожаловал ему в правление Ширван»[267]. Через несколько лет, когда положение Шейхшаха упрочилось, полагаясь на мощь ширванских крепостей и численность войска, он попытался было полностью освободиться от зависимости Сефевидов, «закрыв двери почтения и уважения» к представителям Исмаила, прекратив выплату дани — «баджа и хараджа». Это обстоятельство и вызвало повторный поход шаха Исмаила в Ширван в начале зимы 915 г. х. (в конце 1509 г.)[268]. Кызылбашские войска, перейдя Куру по наплавному мосту у Джавада, вступили в Ширван. Избегая столкновения с превосходящими силами Исмаила, Шейхшах укрылся в крепости Бугурд. Отправив часть войск в Шемаху, Исмаил двинулся к Баку. Коменданты Баку и Шабрана преподнесли ключи от городских и крепостных ворот кызылбашскому государю. Также поступили все другие правители крепостей Ширвана, явившись к Исмаилу с подарками. Исключением явились правители Дербента Яр Ахмед и Ага Мухаммед-бек, которые, полагаясь на высоту и прочность крепостных стен, не только не прибыли к шаху, но даже не прислали традиционного «пишкеша». Тогда кызыл-баши двинулись к Дербенту и осадили его. В течение пяти дней под стены препости было проведено 12 подкопов. Видя обреченность своего положения, защитники сложили оружие[269]. Аноним указывает, что «правление страной Ширван вновь было пожаловано Хусейн-беку Леле».

Из изложенного видно, что Исмаил с самого начала принудил ширваншахов к принятию вассалитета. Мы ничего не знаем о размерах и характере дани — «баджа и хараджа», выплачиваемой ежегодно Исмаилу ширваншахом. Достоверно известно одно — при ширванском дворе находились полномочные представители Сефевидов. По-видимому, ширваншахи приняли на себя какие-то обязательства в отношении шаха Исмаила, иначе трудно объяснить присутствие в Ширване кызылбашских резидентов. Об этом мы, к сожалению, никаких конкретных сведений не имеем. Пожалование управления Ширваном Хусейн-беку Леле следует, очевидно, рассматривать как чисто формальный акт, свидетельствующий о том, что Сефевиды всегда считали эту область своим законным владением. Нам также трудно судить о степени и характере вмешательства сефевидских представителей во внутренние дела Ширвана. Вероятно, оно было довольно стеснительным для Шейхшаха, о чем можно догадываться по его попыткам освободиться от этой зависимости.

---

[267] Футухат-и шахи, л. 181а.
[268] Анонимная история, л. 153а.
[269] Анонимная история, л. 153а—154б; Футухат-и шахи, лл. 181а—184а; Хабиб ас-сияр, стр. 501—503; Любб ат-таварих, лл. 163а—163б; Ахсан ат-таварих, стр. 108—109.

ГЛАВА III

ПОЛОЖЕНИЕ СЕФЕВИДСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ТАХМАСИБЕ I. БОРЬБА С ТУРЕЦКОЙ АГРЕССИЕЙ

Деятельность основателя азербайджанского государства Сефевидов шаха Исмаила I по укреплению основ своего обширного разноязычного государства характеризует его как выдающегося государственного и политического руководителя. Выросший и воспитанный в среде азербайджанской (кызылбашской) знати, связанный с ней неразрывными узами, он пользовался непререкаемым авторитетом светского и духовного вождя. Благодаря сильной личности шаха Исмаила, сурово пресекавшего малейшие признаки неповиновения кызылбашских эмиров, престиж центрального правительства при нем был достаточно высок. Поэтому его ранняя и внезапная смерть, наступившая 23 мая 1524 г. (19 раджаба 930 г. х.) [270] на 37 году жизни привела к ослаблению центральной власти и междоусобным войнам предводителей племен.

Феодальная анархия в государстве в первое десятилетие после смерти шаха Исмаила I. Формально шахом был объявлен сын Исмаила Тахмасиб-мирза[271]. Однако десятилетний мальчик стал игрушкой в руках эмиров кызылбашских племен, боровшихся друг с другом за высокие и доходные государственные посты, за захват богатых и плодородных земель. Фактический контроль над государственными делами захватил леле (атабек) Тахмасиба Див-солтан, вождь племени могущественные эмиры племени устаджлу, такие как Кёпек солтан и Абдулла-хан не хотели допускать усиления его власти. Опасаясь выступления знати устаджлу в Тебризе, Див-солтан под предлогом отражения набега узбеков в Хорасан, выступил из столицы и направился в летовье Лар у границ Табаристана, якобы для сбора войск против внешнего врага. Сюда по его зову явились со своими ополчениями правитель Исфагана Чуха-солтан Текели, владетель (тиулдар) Хамадана Караджа-солтан Текели, правитель Мешхеда Бурун-солтан Текели, правитель Шираза Али-солтан Зулькадар и др.[272] Подарками и посулами Див-солтан привлек их на свою сторону и заключил союз против Кёпек-солтана Устаджлу. Двое из ведущих эмиров племени Шамлу правитель Герата Дурмуш-хан и правитель Астрабада Зейнал-хан, хотя лично и не

---

[270] Ахсан ат-таварих, стр 181; Родился шах Исмаил 17 июля 1487 г. (25 раджаба 892 г. х.) согласно «Тарих- и Джахан ара», Тегеран, 1343, стр. 263.

[271] Шах Исмаил оставил четырех сыновей: Тахмасиб-мирза, Алкас-мирза, Сам-мирза и Бахрам-мирза.

[272] Тякмилат ал-ахбар, л. 253а.

присоединились к Див-солтану, поддержали его претензии на регентство[273]. Некоторые из эмиров племени устаджлу также стали держать сторону Див-солтана, например, Манташа-солтан. Большинство эмиров племени устаджлу, которое по силе и количеству родов и колен превосходило другие кызылбашские племена, отказались признать права Див-солтана[274]. Осенью 931 г. х. (1525 г.), почувствовав себя достаточно сильным, Див-солтап направил Кёпек-солтану письмо с призывом подчиниться воле покойного шаха и признать его права на регентство (векалат), а сам с эмирами двинулся по направлению с Тебризу. Кёпек-солтан на совещании эмиров устаджлу высказался за мирное разрешение конфликта и направился навстречу Див-солтану. Встреча произошла в местечке Туркманкенди. Вместе они явились в Чарандаб в окрестностях Тебриза, где находился двор шаха Тахмасиба. Однако вскоре между племенами вновь разразилась война[275].

Как только Див-солтан совместно с Кёпек-солтаном вступили в столицу, первый под предлогом наказания зачинщиков раздора казнил Кариниджа-бека Устаджлу и Нарин-бека Каджара. Эмиры Устаджлу были отстранены от участия в делах государства. Кёпек-солтан «счел за благо» выйти невредимым из Тебриза и двинулся в сторону Нахчевана и Еревана, бывших его областью (ольке, вилайет)[276]. Див-солтан Румлу и Чуха-солтан Текели захватили всю власть. В указах Див-солтан титуловался «малик ал-умара» («повелитель эмиров»), а Чуха-солтан «рукн ас-салтана» («опора царства»)[277]. Стоило Кёпек-солтану оставить столицу, как Див-солтан с Чуха-солтаном разделили между собой большую часть земель, принадлежавших племени устаджлу на правах тиула (икта)[278].

Искендер Мунши осуждает действия Див-солтана, вызвавшие враждебность и войну между азербайджанскими племенами.[279] Для борьбы с племенами румлу и текели Кёпек-солтан Устаджлу в начале раджаба 932 г. х. (апреле 1526 г.) из Халхала прибыл в Султанийе. С присоединившимися к нему эмирами устаджлу, в том числе Кылыдж-ханом, Манташа-беком Шейхларом, братом Сару Пире курчибаши, Бедр-беком курчибаши и Курд-беком, Кёпек-солтан двинулся к шахской ставке. Див-солтан сделал попытку

---

[273] Мухаммед Мехди ибн Ширази «Тарих-и Тахмасбиййа». Отрывок в. издании П. Хорна *(P. Horn.* Die Denkwurdigkeiten des Sah Tahmasp I von Persien, ZDMG. Bd. 45, 1891), перс, текст, стр. 246 (далее —Мухаммед Мехди Ширази). Некоторые хронисты указывают, что шах Исмаил якобы оставил завещание, согласно которому регентом при Тахмасибе назначил его леле Див-солтана Румлу.

[274] Тарих-и илчи-и Ннзамшах, лл. 33а, 33б.

[275] Тазкире-и шах Тахмасиб. Изд. Хорна, стр. 557—578.

[276] *Мухаммед Мехди Ширази,* стр. 247; Тарих-и илчи-и Низамшах, л. 43а; Ахсан ат-таварих, стр. 189, указывает, что Кепек-солтан с племенем устаджлу участвовал в набеге на Грузию.

[277] Тезкире-и шах Тахмасиб, стр. 578.

[278] Ахсан ат-таварих, стр. 189; Шереф-наме, II. стр. 171.

[279] Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. I, стр. 47.

к примирению и послал к Кёпек-солтану Касим-халифе Варсака для посредничества, но те отнеслись с недоверием к словам и обещаниям Див-солтана.

26 мая (14 шабана) между соперничающими сторонами произошла битва в местечке Сексенджик. Сначала эмиры устаджлу одолевали своих противников. Тогда Див-солтан и Чуха-солтан «из-за безвыходности» посадили на коня юного шаха и двинулись с ним к полю битвы[280]. В бой против эмиров устаджлу вступили шахские гвардейцы (курчии), и перевес оказался на стороне эмиров румлу и текели. Войско устаджлу обратилось в бегство и через Абхар прибыло в Таром во владения правителя Решта Музаффар-солтана[281]. В это же время Абдулла-хан Устаджлу, сын покойного Кара-хана, вместе с правителем Кермана Ахмед-солтаном Суфи-оглы Устаджлу выступил против племен Румлу и Текели и между ними также произошло сражение в местности Харзавил[282]. Несмотря на поддержку гилянцев, отряды устаджлу вновь потерпели жестокое поражение и из их голов в Казвине был «воздвигнут минарет»[283].

В следующем 933 г. х. (1526—1527 гг.) Кёпек-солтан повел свое войско из Решта в Ардебиль через Халхал, нанеся поражение и убив местного правителя Баденжан-бека Румлу. Затем он двинулся в Чухурсаад, новое местопребывание племени румлу. Узнав об этом, Див-солтан, Чуха-солтан и Мухаммед-хан Зулкадар-оглы, с восемью тысячами кручиев направились в западный Азербайджан. Стороны встретились у Арпачая в Нахчеване, где и произошло решительное сражение между сторонами 30 июня 1527 г. (29 рамазана 933 г. х.). Устаджлу были наголову разбиты, а Кёпек солтан убит[284].

Вследствие междоусобиц кызылбашских племен центральная власть по существу перестала действовать, была парализована. В стране господствовала анархия и неразбериха. Так, многие гызылбашские племена Хорасана были вовлечены в гражданскую войну. Хуршах сообщает, что большинство эмиров, владевших в Хорасане и Астрабаде землями (икта), со своими племенами (ил-у-улус) направились в Ирак. Например, правитель Нишапура Череке-солтан, правитель Исфераина Пиркули-солтан, правитель Астрабада Зейнал-хан, тиульдар Дамгана и Бистама Алаш-солтан самовольно оставили свои области и поселились в Рее и Харе. Узбекские эмиры немедленно воспользовались этим. В начале 933 г. х. (конце 1516 г.) сни

[280] *Мухаммед Мехди Ширази,* стр. 248.
[281] Тезкире-и шах Тахмасиб, стр. 579.
[282] Там же; Тарих-и Джахан-ара, стр. 283.
[283] Такмилат ал-ахбар, л. 254а; Ахсан ат-таварих, стр. 191—194.
[284] Ахсан ат-таварих, стр. 198—200; Тазкире-и шах Тахмасиб, стр. 581; По Хасан-беку Румлу битва произошла в местности Шарур.

вторглись в Хорасан, беспрепятственно овладели им, подвергая грабежу и опустошению[285].

Избавившись от третьего соперника, Див-солтан Румлу и Чуха-солтан Текели вскоре сами столкнулись, оспаривая друг у друга регентство (векалат-и эмир ал-умараи). В шаввале 933 г. х. (июле 1527 г.) Див-солтан был убит по подстрекательству Чуха-солтана. Согласно сведениям Шереф-хана Бидлиси, Чуха-солтан убедил юного шаха, что Див-солтан является виновником раздоров и междоусобиц среди племен, и когда тот входил в диван, шах пустил в него стрелу, а затем его прикончили шахские слуги[286]. На этом кончился период правления знати румлу.

Руководство делами государства перешло в руки знати текели в лице Чуха-солтана, который и стал единоличным регентом. Он обладал такой властью, что Тахмасибу «было оставлено только имя шаха», «большинство областей он распределил между своими родичами из племени текели и каждого (из них) возвысил до титула хана и степени солтана»[287]. Однако вскоре престиж Чуха-солтана и племени текели сильно упал. Это произошло после битвы с узбеками у Зирабада в 935 г. х. (1529 г.) где из-за бегства с поля боя эмиров текели сефевидское войско едва не потерпело поражение[288].

Между тем вождь племени шамлу Хусейн-хан, проявивший большую отвагу и храбрость в битве с узбеками, занял должность правителя Герата[289], который испытывал тяжелые последствия предшествующей осады и острый недостаток в провианте. Как только кызылбашское войско покинуло Хорасан, Убейдулла-хан вновь вторгся сюда и осадил Герат, в котором заперся Хусейн-хан с горсточкой кызылбашей. Чуха-солтан откладывал посылку кызылбашского войска на выручку осажденным в Герате. Хорошо понимая, что Чуха-солтан добивается, чтобы он попал в руки узбеков, Хусейн-хан вступил в переговоры с Убейдулла-ханом. Ему было разрешено беспрепятственно покинуть город вместе со своим отрядом и отступить в Шираз через Систан[290]. 17 июня 1531 г. (2 зулька'да 937 г. х.) Хусейн-хан с Сам мирзой прибыли в ставку шаха у Исфахана[291]. Чуха-солтан решил, что наступил момент для избавления от своего опасного соперника и задумал осуществить на торжествах убийство. Но этот план стал известен Хусейн-хану. С наступлением ночи он с отрядом вооруженных людей направился к палатке Чуха-солтана. Тот бежал в диванхане в поисках убежища. Дело дошло до того, что борьба перенеслась в шахский шатер, и две стрелы,

---

[285] Тарих-и илчи-и Низамшах, лл, 35а, 35б.
[286] Шереф-наме, II, стр. 172—173; Ахсан ат-таварих, стр. 205.
[287] *Мухаммед Мехди Ширази,* стр. 252; Тарих-и илчи-Низамшах. л. 35б.
[288] Ахсан ат-таварих, стр. 216—219.
[289] Там же, стр. 220.
[290] Там же, стр. 221—222.
[291] Такмилат ал-ахбар, л. 255б.

пущенные людьми Хусейн-хана, попали в корону шаха. Шахские курчии из племени зулькадар, несшие охрану шахской особы в ту ночь, перешли на сторону Хусейн-хана, и один из них нанес Чуха-солтану смертельную рану.

После смерти Чуха-солтана эмиры текели выдвинули на пост векила его старшего сына Шах Кубада. Против этой попытки текели сохранить свое господство выступили эмиры других кызылбашских племен—устаджлу, румлу, зулькадар, и афшар, которые натерпелись от феодалов текели. Между сторонами разразилось недалеко от Хамадана настоящее сражение. По указанию шаха Тахмасиба, которого один из воинов текели попытался похитить и увезти к своим соплеменникам, племя подлежало полному уничтожению. Многие из племени были перебиты, а уцелевшие бежали в Багдад, где правил их соплеменник Мухаммед-хан Шереф ад-Дин оглы. Последний в знак своей лойяльности к шаху казнил некоторых из них и головы отослал ко двору[292].

В 937 г. х. (1530—1531 гг.) текели сделали еще одну безуспешную попытку захватить пост векила в лице правителя (эмир ал-умара) южной части Азербайджана Улама-бека Текели[293]. Встретив сопротивление, Улама восстал против шаха, разграбил Тебриз и ушел с частью племени в Турцию, приняв затем участие в походах султана Сулеймана I в Азербайджан.

Время господства знати текели (1527—1531) сменилось верховенством феодалов шамлу. После смерти Чуха-солтана Хусейн-хан Шамлу стал самым могущественным феодалом, заняв должности векила (регента) и эмир ал-умара. Подобно своему предшественнику Хусейн-хан первым долгом приступил к благоустройству своего племени, «распределив лучшие области (в икта) между эмирами шамлу» и не давая шаху возможности вмешиваться в дела государства[294].

Хусейн-хан заправлял государственными делами до 940 г. х. (1533—1534 гг.), когда внезапно был отстранен от власти и казнен. В источниках указывается, что Хусейн-хан Шамлу был обвинен в заговоре с целью отравления шаха Тахмасиба. Попытка примешивания яда в шахский кубок была сделана неким Башдан Кара, одним из соплеменников Хусейн-хана, когда Тахмасиб был в Герате. Хусейн-хан был обвинен в действиях, направленных на свержение шаха Тахмасиба в пользу его брата Сам-мирзы, воспитателем (леле) которого он был. Об измене Сам-мирзы, сообщает также «Шереф-наме», согласно которому Сам-мирза признал себя вассалом султана

---

[292] Ахсан ат-таварих. стр. 235—236; Тарих-и Джахан-ара, стр. 285; Такмилат ал-ахбар, лл. 255б—277 а; *Мухаммед Мехди Ширази,* стр. 269—271.

[293] Тезкире-и шах Тахмасиб: стр. 587. Сравните с рук., лл. 3б—4а. Сообщается, что во времена шаха Исмаила Улама был в рядах ясавулов, затем стал эшикагасы, получив титул эмира. Во время регентства своего соплеменника Чуха-солтана Текели был назначен на пост правителя южной части Азербайджана.

[294] *Мухаммед Мехди Ширази,* стр. 272; Тарих-и илчи-и Низамшах, л. 43а.

Сулеймана I[295]. Хусейн-хана подозревали в сотрудничестве с вторгшимися в страну турками, в намерении перехода на сторону врага. Когда шаху сообщили о готовящейся измене Хусейн-хана, как указывает Хасан-бек Румлу, он вызвал его к себе и «был изрублен на куски»[296].

Со смертью Хусейн-хана Шамлу кончается время хозяйничанья кызылбашских феодалов, продолжавшееся в течении десяти лет — с 1524 по 1534 г. Нет сомнения, что власть знати шамлу вскоре вызвала недовольство знати других племен, которые были оттеснены от руководства государственными делами. Да и сам шах Тахмасиб уже повзрослел и решил покончить со стеснительной опекой кызылбашских эмиров и взять наконец государственные дела в свои руки. Казнь Хусейн-хана и назначение на должность векила Кази Джахана Казвини показывают решимость шаха Тахмасиба усилить и укрепить центральную власть.

Начало войны между Турцией и Сефевидским государством. Попытки османской Турции захватить Азербайджан при Селиме I, как мы видели, не имели успеха. Хотя османам удалось проникнуть в глубь Сефевидского государства и занять его столицу Тебриз, удержаться здесь им не удалось.

При султане Сулеймане I Кануни (1520—1566) османская верхушка не оставила попыток расширения владений в восточном направлении. Экспансия Османской империи на востоке усиливалась по мере возрастающего сопротивления завоеваниям Турции на европейском континенте и прежде всего в Венгрии и Австрии.

Война на этот раз вспыхнула из-за обладания Ираком арабским[297]. В конце весны 934 г. х. (1528 г.) владетель Кальхура в Луристане Зульфугар-хан (бин Али-бек), известный как Нохуд-солтан Мосуллу поднял мятеж против Сефевидов, напал на Багдад, где правителем был его дядя Ибрагим-хан, убил его, вырезал весь его род и стал править всем Ираком арабским. Затем Зульфугар подчинился турецкому султану, выслав ему ключи от города[298].

В 935 г. х., (1529 г.) шах Тахмасиб с большой армией двинулся на Багдад. Сильную крепость Багдада не так-то легко было взять, и осада затянулась. Наконец, 3 шавваля (10 июня) Зульфугар-хан был убит в крепости сторонниками шаха, которые открыли ворота и впустили его в

---

[295] Шереф-наме, II, стр. 185.

[296] Ахсан ат-таварих, стр. 253—254.

[297] Ирак арабский с Багдадом был занят шахом Исмаилом 1 в 1508 г. *G. Sarwar,* 54—55; *R. Savory.* The Consolidation. pp. 76—77.

[298] Ахсан ат-таварих, стр. 223; Шереф-наме, II, стр. 174—175: Такмилат ал-ахбар, л. 2546; Тарих-и Джахан-ара, стр. 284.

город. Правление областью Багдада было передано Мухаммед-солтану Шереф ад-Дин оглы Текели с титулом хана[299].

В 938 г. х. (1531 —1532 гг.) при поддержке 50-тысячного войска османского правителя Диярбекира Фил-Якуб-паши Улама-бек вытеснил из Бидлиса местного правителя Шереф-хана, который обратился за помощью к кызылбашскому двору. В «Тезкире» говорится о том, что Тебриз направил в Стамбул своего уполномоченного Хабил-бека с требованием выдачи Улама-бека. Однако султан ответил отказом, требуя в свою очередь выдать ему Шереф-хана[300]. Шах еще раз попытался умиротворить султана и выслал новое посольство во главе с векилом Хусейн-ханом Шамлу. Однако предложение обменять Улама-бека на Шереф-хана не было принято; султан занял непримиримую позицию. Тогда шах двинул войско против Уламы и отвоевал Бидлис. Вскоре после этого, воспользовавшись походом кызылбашей против Убейдулла-хана в Хорасан, Улама-бек повторно в 940 г.х. (1533г.) атаковал Бидлис. Шереф-хан был убит, город захвачен Уламой[301].

Первый поход султана Сулеймана I в Азербайджан. Источники говорят, что Улама-бек стал уговаривать турецкого султана совершить поход в Азербайджан и Ирак. Он убеждал, что главные силы шаха сейчас заняты отражением узбекского вторжения в Хорасан, и поэтому хондкару (т. е. султану) будет не трудно овладеть страной, где нет кызылбашских войск. Летом 1534 г. султан Сулейман двинулся с огромной армией в Азербайджан. В авангарде шел великий везир Ибрагим-паша с 90-тысячным войском. Вперед был выслан Улама-бек с 10-тыс. человек.

Некоторые кызылбашские сановники, связанные с Уламой, изменили Сефевидам и перешли на сторону врага. Так, везир Муса-солтана Мосуллу[302] Хадже Шахкули послал к султану своих людей, приглашая его в Тебриз. Застигнутый врасплох кызылбашский правитель южной части Азербайджана Муса-солтан из-за эпидемии чумы, вспыхнувшей в войсках, вынужден был оставить столицу[303]. Улама-бек с османскими войсками вступил в Тебриз. Через несколько дней у города разбил лагерь Ибрагим-паша. Улама был послан в Ардебиль, а османский полководец Хосров-паша — для овладения

---

[299] Ахсан ат-таварих, стр. 223; Шереф-наме, II, стр. 177; Такмилат ал-ахбар, л. 255а; Тарих-и Джахан-ара, стр. 284—285.

[300] Ахсан ат-таварих, стр. 239—240; Тезкире-и шах Тахмасиб, лл. 5а—6б.

[301] Речь идет о деде автора «Шереф-наме» — Шереф-хане Бидлиси. (Ахсан ат-таварих, стр. 246; Такмилат ал-ахбар, лл. 258а, б). Согласно «Шереф-наме» этот поход имел место осенью 940 г. х., т. е. в конце 1533 г. Турецкие источники датируют это событие октябрем 1533 г.; см. также: *J. Hammer*. Osmanli devleti tarihi (cilt I), çeviren: Mehmet Ata. Istambul. 1966. стр. 33.

[302] Был назначен правителем (эмир ал-умара) южной части Азербайджана в 939 г. х. (1532—1533 гг.) после бегства в Турцию своего предшественника.

[303] Такмилат ал-ахбар, лл. 259а, б.

крепостью Алинджа. Многие местности южной части Азербайджана были заняты турками.[304]

Точная датировка первого похода султана Сулеймана дается в турецких источниках, согласно которым части Ибрагим-паши вступили в Тебриз 13 июня 1534 г. (1 зульхиджа 940 г. х.)[305]. Главные же силы османов с Сулейманом достигли Тебриза 27 сентября[306].

Во время пребывания османских войск в Тебризе в городе-имели место большие беспорядки, вызванные притеснениями и насилиями завоевателей. Турецкие солдаты грабили и убивали горожан, что узаконялось суннитскими улемами, считавшими это дозволенным в отношении шиитов[307].

Получив известие о вторжении врага, шах двинулся из Хорасана и достиг Рея. Кони и верблюды кызылбашей, совершив быстрый переход, выбились из сил, и многие из них пали во время утомительного пути. К тому же войско шаха исчислялось не более 7 тыс. человек, между тем как армия султана, по образному выражению Хасан-бека Румлу, была «многочисленнее песчинок пустыни и листьев осени». Шах двинулся в Казвин, а оттуда в Абхар, где созвал эмиров на совещание. Каждый из них высказал свое мнение. Хусейн-хан Шамлу сказал: «Наши кони истощены, мы не можем выйти навстречу румийскому войску». На это шах Тахмасиб ответил: «Разве я сказал, что мы хотим воевать с румийцами лицом к лицу? Я не поступлю по правилу моего отца. Этот враг очень силен»[308].

Султан Сулейман направил шаху Тахмасибу письмо, в котором обвинял его в трусости и призывал принять сраженение. В ответ шах писал, что он не безумец и не может сразиться с врагом в неравных условиях, когда одному кызылбашу противостоят десять турок[309].

Авангардные части кызылбашей во главе с Бахрам-мирзой вошли в соприкосновение с войсками Ибрагим-паши у Кара-агача на берегу р. Кызылузен. Сражаясь, кызылбаши отступили к горе. Османские войска шли нескончаемым потоком, что поколебало ряды кызылбашей, и они отошли к шахскому лагерю. В этот момент в ставку шаха явился правитель Кух Гилуйа (Фарса) Альвенд-хан Афшар со свежими силами. Поступило сообщение о том, что султан Сулейман с огромным войском прошел Миянедж и достиг Султании. В среде кызылбашских эмиров в этот опасный момент вспыхнули раздоры. Мухаммед хан Зулькадар-оглы с Хусейн-ханом Текели и другими

---

[304] Ахсан ат-таварих, стр. 247.

[305] J. *Hammer*. Histoire de l'Empire Ottomane, trad. de J. Hellert, t. V, p. 209; Ибрагим-паша якобы построил в городе цитадель, оставив в ней гарнизон в тысячу человек.

[306] Там же, стр. 212.

[307] J. *Hammer*. Histoire de l'Empire Ottomane. t. V. p. 210.

[308] Джавахир ал-ахбар, л. 308а; Тезкире-и шах Тахмасиб, стр. 597.

[309] Тарих-и илчи-и Ннзамшах, л. 47а; Тезкире-и шах Тахмасиб. стр. 598—599.

перешли на сторону врага. Шах не доверял и Хусейн-хану Шамлу, Гази-хану Текели и Мёлик-беку Хойскому, и это вынуждало его избежать встречи с войсками протйвника.

В районе Султании в конце осени ударили жестокие морозы с сильным снегопадом. Османская армия потерпела большой урон из-за сильных холодов и недостатка провианта. Для того, чтобы предовратить захват артиллерии кызылбашами, османы сожгли в пути сотню пушек, которые они дальше везти были не в состоянии[310]. Для зимовки султан повернул в сторону Багдада и выслал Уламу в Тебриз. Узнав об этом через захваченных пленных, шах Тахмасиб двинулся на Тебриз. В это время Гази-хан Текели изменил шаху и, раньше него прибыв в Тебриз, сообщил Уламе о приближении шахского войска. Они бежали и заперлись в крепости Ван имевшей высокие башни и стены, окруженные со всех сторон глубоким рвом. Кызылбашские войска осадили крепость. Осада длилась до конца зимы[311].

Когда кызылбаши были близки к взятию крепости, шаху сообщили об измене его брата Сам-мирзы, которого хондкар назвал «своим сыном» и признал правителем «Аджама». Поэтому шах снял осаду и спешно направился в Азербайджан.

Тем временем Сулейман с большими трудностями через Шахризур подошел к Багдаду. Беспорядки в городе заставили его правителя Мухаммед-хана Шереф ад-Дин оглы Текели оставить город туркам без всякого сопротивления. Дело в том, что когда были получены сведения о приближении Сулеймана по словам участника этих событий Будака Казвини, Мухаммед-хан собрал своих «ага» и сообщил о создавшемся положении. Племя текели, насчитывавшее около 3 тыс. человек, отказалось вернуться к шаху и вместе с тем заявило, что будет защищать Багдад от султана. Видя, что его уговоры не помогают делу, Мухаммед-хан объявил: кто держит сторону турок, пусть в выйдет из города с женами, детьми и имуществом. Ушло около 700 семейств. Полагаясь на остальных, хан вновь созвал людей и вновь получил отказ: племя текели отвернулось от шаха. Тогда хан, чтобы избавиться от зачинщиков беспорядков и раздоров, пошел на хитрость. Он заявил, что раскаивается в своем желании уходить к шаху и хочет сдать крепость туркам: самые отъявленные главари были направлены к султану с письмом и ключами от крепости. После этого, Мухаммед-хан с группой преданных ему людей с боем переправился на правый берег Тигра, предвари-

---

[310] J. *Hammer*. Histoire de l'Empire Ottomane, t. V. p. 213.

[311] Ахсан ат-таварих, стр. 248—252; Такмилат. ал-ахбар, лл. 260а—261а; Тарих-и Джахан-ара, стр. 289; Тезкире-и шах Тахмасиб, стр. 602—603; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 66—68.

тельно предав огню крепостные припасы и отдав на разграбление оставшееся имущество[312].

Второй поход султана Сулеймана I в Азербайджан. Проведя зиму 941 г. х. (1534—1535 гг.) в Багдаде, султан Сулейман в начале весны 1535 г. двинулся на Тебриз. Перед этим шах эвакуировал из Тебриза жителей, оставив его пустым; племена, жившие в этом районе, были переселены в Ирак и Фарс; оросительные каналы и кяризы были засыпаны землей, хлеба (галлат) и посевы, (мазру'ат) были сожжены, а остальное было скормлено скоту. Приняв эти меры, шах отошел, в Султанию. Вслед за ним в Тебриз вступили турецкие войска. Шах дважды пытался наладить мирные переговоры с султаном и Ибрагим-пашой, направив к ним своих послов, но получил отказ. Шахские войска сжигали посевы на пути из Султании в Дереджезин. Когда турецкая армия достигла района Султании, голод и вспыхнувшая чума нанесли большой урон живой силе султана. Здесь в Дереджезине передовые части (чархчиян) кызылбашей во главе с Амир-солтаном Румлу Чыраг-солтаном Устаджлу столкнулись с войсками румийцев. Османы атаковали кызылбашей, но были разбиты. Оказавшись в тяжелом положении, турецкие войска стали отступать.

Бахрам-мирза с группой эмиров — Манташа-солтаном, Амир-солтаном, Шахкули-халифе мухрдаром, Мухаммед-Амин-беком суфречи был направлен для преследования Ибрагим паши, между тем как сам шах направился к крепости Ван. Для оказания помощи османам, осажденным в крепости, султан выслал правителя Диярбекира Мухаммед-пашу и Уламу с 2 тыс. янычаров и 10 тыс. всадников. У Востана они встретились с курчиями шаха из племени туркман. Узнав о том, что изменник Улама находится поблизости, шах выступил против него с 2 тыс. человек.

Не вняв предостережениям Уламы, Мухаммед-паша решил дать бой кызылбашам, понадеявшись на свое численное превосходство и построив янычаров на переднем краю. Но правитель Шираза Гази-хан Зулькадар с отрядом курчиев из племен туркман и зулькадар атаковал противника. По словам Хасан-бека Румлу, «в одно мгновение» около четырехсот турок было убито кызылбашами и их головы были «брошены под копыта шахского коня». Несколько сановников султана было захвачено в плену Кызылбаши преследовали врага вплоть до Бидлиса. В их руки попали большие трофеи, Бахрам-мирза с эмирами направился к Эрджишу, защитники которого встретили кызылбашей перед крепостью. Турки не выдержали натиска кызылбашей и заперлись в крепости, запросив помощи у султана. Хондкар двинул сюда войска во главе с Синан-пашой. Но они были встречены и наголову разбиты отрядом Будак-хана Каджара. Сотня турок вместе с Синан-

---

312 Джавахир ал-ахбар. лл. 309б—310б.

пашой и другими османскими военачальниками были уничтожены, а головы доставлены шаху, находившемуся у Вана. Получив известие о гибели Синан-паши, султан Сулейман передал отборные части своей армии под командование Ибрагим-паши и направил в помощь осажденным в Эрджише. Однако высланный отряд Ибрагим-паши также был разгромлен кызылбашами. После этого Ибрагим-паша ушел из крепости, захватив с собой его жителей,. Таким образом районы Вана и Эрджиша были заняты шахом[313].

Последние ширваншахи. Присоединение Ширвана к Сефевидскому государству. Пользуясь перерывом, наступившим в войне с Турцией, шах Тахмасиб присоединил Ширван к своему государству. От ширваншаха Ибрагима II Шейхшаха осталось трое сыновей:[314] Солтан Халил, Мухаммед-мирза и Музаффар-мирза. Ширванский престол перешел к старшему сыну Шейхшаха Солтан Халилу или как его принято именовать, Халилулле II, женатому на дочери шаха Исмаила Перихан-ханум.

---

[313] Ахсан ат-таварих, стр. 256—260; Тарих-и илчи-и Низамшах, лл. 49б—50б; Такмилат ал-ахбар, лл. 261а—262б; Тарих-и Джахан-ара, стр. 289—291; Шереф-наме, 11. стр. 185—187; Тезкире- и шах Тахмасиб, стр. 605—611; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 68—69.

Ч. Седдон в примечаниях к английскому переводу «Ахсан ат-таварих» (т. II, стр. 264—265) на основе «дневника Сулеймана» дает подробный маршрут движения османской армии, который приведен в цитированной нами «Истории Османской империи» Хаммера.

Сулейман оставил Скутари 10 июля 1534/28 зульхиджа 940 г. х. Далее он двигается так: Кутахья—Кара-хисар—Акшехир—Конья (в это время Ибрагим-паша достигает Тебриза)—Эрзинджан—Карс—Эрзурум—Эрджиш—Хой—Тебриз—Уджан—Мияне—Кызылузен—

Султанийе (Улама направляется в Тебриз)—Мазьян—Дереджезин—Карабулак-чайи—Саинкале—Касри-ширии-Токкуз Улум—Багдад (зимовкой Сулеймана в Багдаде кончается первый поход). Здесь было получено сообщение, что шах направился в Тебриз, вытеснил турок и пошел на Султанийе. Затем Улама запросил о помощи. Султан оставляет Багдад и в апреле—мае (шаввале) начинает второй поход: Сулухан Чайири— Нилан—Хаской—Ханани кенди—Гезал Дере (Улама сообщает, что шах оставил Ван)—Ситаре—Кил—Хан Кедуги—Гундилан—Тукан (Улама соединяется с армией)—Саруджа камиш—Арвари—Саадабад (Тебриз — Уджан—Хан Аббас—Мияне—Кызыл Узен—Хан Сарджам—Охан Никбай— Зенджан—Султанийе—Кидар Наби—Чорул—Тахти Сулейман—Дехне—Дереджезин—затем назад в Тебриз через Никбай Хан и Уджан (остановка поблизости от Шамби Газана); султан оставляет Тебриз в августе—сентябре (сафаре)—Маранд—Хой—Банди Махи—Эрджиш—Адильджеваз—Ахлат (поступает известие о том, что Улама встретился и сразился с шахом) — Гезал Дере— Бидлис—Башри (на Евфрате)—Салах чайи—Айарчайи—Амид (Диярбекир) — Карабаг (форсирование Евфрата)—Телхала—Хаилан — Алеппо — Антиохиа (Антакья) —Бозук —Эскишехир—Енишехир —Никея—Никомедия—Константинополь (султан достигает Стамбула 8 июня 1536 г. и кончается второй поход).

[314] По Мюнеджжим-баши от него осталось 7 сыновей, но имен их он не указывает. (Джами ад-дувал, арабск. текст, стр. 31, русск. пер., стр. 133); по сообщению Хуршаха Мухаммед-мирза впоследствии прибыл ко двору Тахмасиба I и погиб в бою с узбеками у Зирабада в 935 г. х. (1528—1529). Другой брат Халила Музаффар-мирза ушел в страну Шамхала и оставался под его покровительством. От него родился сын по имени Шахрух, который еще юношей был посажен на трон Ширвана (1535—1538). См. Тарих-и илчи-и Низамшах, стр. 58—59.

Шах Тахмасиб давно вынашивал план полного подчинения Ширвана тебризскому престолу и искал удобного момента для осуществления своего замысла. Халилулла предоставил убежище при шемахинском дворе правителю Гиляна Бийе-пас Амире Дубаджу[315], который перед этим был разгромлен кызылбашами. В Шемаху прибыли послы шаха с требованием выдать беглеца. Однако Халилулла отказался. Имеются также сведения о том, что этот ширваншах посылал в 1534 г. ценные подарки турецкому полководцу Ибрагим-паше, оккупировавшему Тебриз[316].

Со смертью в 1535 г. Халилуллы II, не имевшего сыновей, ширванский трон остался без наследника. Поэтому ширванская знать посадила на трон племянника Халилуллы II и сына Музаффара сына Шейхшаха—Шахруха, который был немедленно доставлен в столицу Шемаху из «страны Шамхала», где он находился[317].

Однако фактическая власть в стране полностью осталась в руках ширванской знати во главе с векилом (регентом) неким Хусейн-беком, действовавшим от имени малолетнего Шахруха. Феодальная знать стала чинить беззаконие и произвол. Искендер Мунши указывает, что в Ширване «исчез всякий порядок, и смуты и беспорядки в той стране стали явными»[318].

К этому времени из Махмудабада и Сальян выступил каландар и с «бесчисленным войском» двинулся на столицу Ширвана. Отсутствие единства среди эмиров и беспорядки в войске заставили шемахинский двор отказаться от сопротивления каландару и укрыться в считавшейся неприступной крепости Бугурд.

Восставшие, не встречая сопротивления, овладели Шемахой. Но, не имея ясных целей и крепкого руководства, они не сумели организовать свою власть и поэтому продержались в городе не более 40 дней.[319] Когда известие об отступлении каландара дошло до Бугурда, ширванская знать с Шахрухом выступила из крепости и стала преследовать восставших. Недалеко от Сальян Шахрух настиг каландара; произошла битва, в которой повстанцы были разгромлены[320].

---

[315] Он же Музаффар-султан. Явившись в ставку шаха Исмаила в 1518 г. (924 г. х.) по Яхья Казвини, или в 1519 г. (925г . х.) по Хасан-беку Румлу, Амире Дубадж получил почетное прозвище Музаффар-солтана. Одну из своих дочерей по имени Ханыш-бегим Исмаил выдал за него замуж. Но затем Амире Дубадж изменил Сефевидам, явившись в 1534 г. в Уджан к султану Сулейману, временно занявшему Тебриз. Впоследствии он был схвачен в Ширване и передан в руки Тахмасиба, который казнил его. См.: Ахсан ат-таварих, стр. 273; Тарих-и илчи-и Низамшах, стр. 74—75, 81—86.

[316] J.*Hammer*. Osmanli devleti tarihi: c. I, s. 334.

[317] Тарих-и илчи-и Низамшах, стр. 60.

[318] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 59.

[319] Тарих-и илчи-и Низамшах, стр. 61.

[320] Ахсан ат-таварих, стр. 282.

Источники не содержат точную датировку этого события. Будак Казвини не указывает дату восстания. Хуршах, дающий наибольшие подробности о восстании, ограничивается намеком на сезон зимних холодов. Хасан-бек Румлу относит его к событиям, имевшим место в 944 г. х. (1537—1538 гг.), иначе оно падает на конец 1537 и начало 1538 г.

Сведения Будака Казвини о выступлении каландара очень скудны, но содержат некоторые важные подробности, подтверждающие выводы И. П. Петрушевского о народном, классовом характере возглавляемого им восстания [321]. После смерти ширваншаха Халилуллы «объявился некий каландар, который сказал, что я—Мухаммед Амин, попал в руки узбеков при Джаме и спасся в одеянии каландара». Мухаммед Амин, поясняет Будак Казвини, был братом Султана Халила (т. е. Халилуллы II) и находился на службе у шаха Тахмасиба, а этот каландар прежде был мулязимом (слугой) Мухаммеда Амина. «Народ примкнул к нему и посадил его на престол» — кратко говорит историк о ходе восстания[322].

Беспорядки, гражданская война в Ширване были на руку Тахмасибу I, искавшему предлог для вмешательства в ширванские дела.

Вдова ширваншаха Халилуллы Перихан-ханум, видимо, действовавшая, как правильно отмечал И. П. Петрушевский, по тайным инструкциям своего брата шаха Тахмасиба, вступила в связь с каландаром, поддержав его претензии на ширванский престол. На заигрывание сестры шаха с каландаром указывает и Будак Казвини, по сообщению которого каландара хотели даже женить на Перихан-ханум, но этот шаг не получил одобрения шаха. После этого «дело каландара не продвинулось вперед, и он умер, а власть над Ширваном перешла к сестре шаха»[323].

Весьма характерным является публичное надругательство, учиненное сефевидским шахом над трупом каландара в Тебризе. По словам Будака, труп был помещен в клеть и после издевательств в сопровождении толпы «подонков», «голодранцев» и «черни» перенесен на центральный рынок Кайсерий. Здесь он был выставлен на всеобщее обозрение. На специально сооруженных местах сидели шах, его братья, эмиры и музыканты. Платные стихоплеты слагали едкие эпиграммы, где всячески высмеивали народного вожака. Через несколько дней подобных торжеств клетка с трупом была перенесена на главную площадь Сахибабад, подвешена на минарете и сожжена[324].

---

[321] См.: *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 323—324; *его же* Азербайджан в XVI—XVII вв. стр. 265—266.

[322] Джавахир ал-ахбар, л. 313а.

[323] Там же.

[324] Там же, лл. 313а, 313б.

После расправы над каландаром Перихан-ханум направилась в Тебриз, известив своего брата, что в Ширване царят «разброд и растерянность» и что момент для его завоевания наступил[325]. Курчибаши Падар[326] с группой военных людей прибыл из Ширвана в Тебриз и обратился за помощью к Тахмасибу I, прося его восстановить «порядок» в стране. Летом 1538 г. двадцатитысячное войско во главе с братом шаха Алкас-мирзой, а также ополчениями Карабаха и Мугани вступило в Ширван[327]. Армию сопровождал упомянутый Падар, «хорошо знакомый со всеми входами и выходами в той стране». Были взяты крепости Сурхаб, Горджи, а также Кабала. Затем кызылбаши двинулись к крепостям Гюлистан и Бугурд. В последней заперлась ширванская знать. Бугурд или Кале-и Бугурд, согласно Хуршаху, «располагается на горе, окруженной большими лесами»[328]. Осада Бугурда длилась несколько месяцев, несмотря на тяжелое положение осажденных, страдавших от нехватки продовольствия и болезней. Слух о стойкости защитников дошел до шаха и он с большим войском подошел к стенам крепости. В результате ввода в действие пушек, которыми располагало теперь кызылбашское войско, защитники крепости прекратили сопротивление и сдались на милость победителей. Кале-и Бугурд являлся традиционным казнохранилищем ширваншахов и, по словам Хуршаха, количество денег, драгоценностей и товаров, хранящихся там было неисчислимо. Все это было лично конфисковано шахом Тахмасибом I[329].

Под предлогом борьбы с зачинщиками беспорядков и притеснителями народа Ширвана Тахмасиб казнил многих представителей местной знати (в том числе и векила Хусейн-бека), конфисковав их имущество и передав их земли верхушке кызылбашскнх племен. Шахрух был увезен в Тебриз и позже казнен[330].

Тем самым, государство ширваншахов перестало существовать и вошло в состав Сефевидского государства в качестве одного из его беглярбекств. Первым беглярбеком Ширвана был брат шаха Алкас-мирза. Ширванская знать еще долго не мирилась со свершившимся фактом и потерей своих привилегий. Стремление отдельных потомков династии к восстановлению утерянного трона использовалось впоследствии османскими султанами в их попытках овладеть Азербайджаном[331]. Вхождение Ширвана в состав азербайджанского государства Сефевидов сыграло объективно

---

[325] Тарих-и илчи-и Низамшах, стр. 61; Ахсан ат-таварих, стр. 285.

[326] О его личности никаких подробностей не сообщается. Известно, что он участвовал в подавлении восстания каландара и убил его ударом своей булавы (Ахсан ат-таварих, стр. 282).

[327] Ахсан ат-таварих, стр. 286—290.

[328] Тарих-и илчи-и Низамшах, стр. 62.

[329] Там же, стр. 64.

[330] Джами ад-дувал, араб, текст, стр. 33, русск. пер., стр. 174.

[331] Об этих попытках будет сказано ниже.

положительную роль в истории азербайджанского народа. Объединение южных и северных областей страны в рамках азербайджанского государства Сефевидов способствовало дальнейшему экономическому и культурному подъему Азербайджана.

Мятеж ширванского беглярбека Алкас-мирзы: Перед новым османским вторжением положение Сефевидского государства осложнилось в связи с мятежом бегляр-бека Ширвана брата шаха Алкас-мирзы. Используя сепаратизм местной ширванской знати, Алкас-мирза решил объявить себя независимым государем.

В конце 952 г. х. (начале 1546 г.) во время зимовки в Казвине к шаху явился некто Орудж-ага Румлу, бежавший из Ширвана, и сообщил о готовящемся Алкас-мирзой мятеже. Пока при дворе обдумывали это известие, прибыли Солтан Махмуд-мирза, сын Зейнал-хана, бывший мухрдаром, и Керем-мирза, также сбежавшие от Алкас-мирзы. Сомнений в мятеже больше не оставалось. Однако эмиры, как сообщает Будак Казвини, высказались за то, чтобы притвориться незнающими, арестовать бежавших и отослать их к Алкас-мирзе. Шах высказал несогласие с их мнением: «Это что за речи? После того, как они доставили указ этого презренного, где он поставил падишахское тугра и приложил печать вместо меня, как я могу допустить, чтобы были уничтожены люди, которые проявили ко мне искреннюю привязанность и пришли! Если я поступлю так, отныне никто ко мне не придет». Он тут же пожаловал Солтан Махмуду ханство, а Орудж-аге должность мехмандара[332].

Весной 1546 г. шах Тахмасиб с войсками двинулся к Тебризу и выслал Ургендж-оглы в Ширван для переговоров с Алкас-мирзой, который в начале отказался подчиниться, но узнав о подходе шаха с войсками, выслал свою мать Ханбеги-ханум и старшего сына Солтан Ахмеда в Черендаб, где находился шахский двор. Мать сообщила шаху о раскаянии своего сына и его просьбу о прощении с обещанием, что этого больше никогда не повторится. Вместе с Ханбеги-ханум шах направил к Алкас-мирзе для переговоров своих уполномоченных эшикагасибаши Сейид-бека Мухаммеда Камуне, курчибаши Севиндик-бека Афшара, мухрдара Шахкули-халифе Зулькадара, эмира дивана Бадр-хана Устаджлу, мутаваллия ардебильской гробницы Масум-бека Шейхавенда (Сефеви) и других именитых лиц. Встреча с Алкас-мирзой состоялась в Джаваде. Некоторые эмиры из свиты Алкас-мирзы уговаривали его арестовать шахских послов, но тот не согласился. Послы шаха Тахмасиба взяли у него клятву в том, что он обязуется ежегодно вносить в казну деньгами тысячу тебризских туманов и посылать тысячу всадников для военной службы. Была достигнута договоренность о том,

[332] Джавахир ал-ахбар, л. 319б.

чтобы предстоящей зимой предпринять походы в «страну неверных». Зимой 953 г. х. (начало 1547 г.) шах Тахмасиб с большим войском двинулся через Шурагел в Грузию на «священную войну». Одновременно Алкас-мирза с той же целью двинулся в Черкесию.*

Но после возвращения эмиров из Ширвана, воспользовавшись междоусобицами кызылбашской знати в столице [333], Алкас-мирза вновь обьявил себя независимым, введя в мечетях хутбу и чеканя монеты от своего имени. Поэтому шах Тахмасиб при возвращении из похода в Грузию решил расправиться со своим мятежным братом.

Возвращаясь из грузинского похода, шах прошел Гянджу и остановился в местечке Евлах. Отсюда он выслал в Шемаху Ибрагим-хана Зулькадара, Хусейнджан-солтана Румлу, Гёкча-солтана Каджара, Шахверди-солтана Зияд-оглы, Хадже Басана с 5 тыс. всадников. Эмир Алкаса Мехтар Девлет Яр, узнав об этом, взял с собой семью Алкаса и заперся в крепости Гюлистан. Шахские эмиры осадили крепость. 11 зульхиджа (2 февраля) шах форсировал Куру у перехода Коюн Улуми, прошел Ареш и прибыл в Али Шабан (?)[334]. Некто Сулейман Челеби был отправлен шахом из-под крепости Гюлистан с отрядом в 600 чел. против Дербента. В одном фарсахе (6—7 км) от крепости он столкнулся с отрядом калантара Кабалы и разбил его. Сулейман Челеби нанес поражение также Сару Креймасибу и Делу Креймасибу, скрывшимся за стенами Дербента.

Тем временем, после встречи с посланниками шаха в Джаваде Алкас-мирза с шеститысячным войском двинулся через Дербент в южный Дагестан (дияр-и Черкес). Здесь, как сообщает Хасан-бек Румлу, из-за холодов войско Алкаса успеха не добилось. На обратном пути в сражении с «черкесами» Алкас
потерпел поражение: брат шекинского хана Дервиш Мухаммед хана Шахназар, также принимавший участие в этом походе, был сбит с коня ударом копья и погиб. Погибли также Парванди-ага Румлу и многие приближенные Алкас-мирзы. Воодушевленные этой победой «черкесы» собрали свои силы и вновь атаковали Алкаса, но в этот раз были вынуждены отступить.

---

*Термином «черкес» персоязычные источники обозначают земли, лежащие к северу от Дербента.

[333] В это время в Тебризе вспыхнула ссора между племенами афшар и зулкадар, едва не перешедшая в кровопролитные столкновения. Предметом спора были доходные посты и земельные пожалования. Только благодаря вмешательству шаха мир был восстановлен. Шахкули-халифе, Ибрагим-хан и Али-солтан из племени зулкадар и Шахкули-солтан. Севиндик-бек и Махмуд-хан из племени афшар явились во дворец и поклялись в том, что «впредь никогда в жизни они друг с другом ссориться не будут». (Ахсан ат-таварих стр. 315—316.)

[334] По тексту можно предположить, что эта местность находилась в районе Шемахи. В «Такмилат ал-ахбар» (л. 67б) и «Тарих-и Джахан-ара» (стр. 296) — Али Чубан.

Алкас с поредевшим войском достиг Дербента, пройдя через Тарку, владения Шамхала.

Здесь Алкас-мирза узнал о том, что шах Тахмасиб с тридцатитысячной армией находится в Ширване и выслал против шаха отряд под началом Сару Кеймасиба и Делу Кеймасиба. Они встретились у берегов р. Самур с войсками Шахверди-солтана Зияд-оглы Каджара, Мухаммеди-бека Туркмана, Сулейман-бека Челеби Чанани и Мухаммед-бека Ширбахт-оглы Талыша и были разгромлены. Другой отряд Алкаса под командой Мухаммед-бека Афшара был разбит под Кабалой. Получив известие о возвращении Алкаса, шах направил в Дербент Шахкули-халифе мухрдара, Бадр-хана Устаджлу, Хусейджан-солтана Румлу и Чыраг-солтана Устаджлу. Алкас бежал в Хыналык. Войско стало массами переходить на сторону шаха. Из Хыналыка Алкас с остатками войска двинулся на север и перешел р. Самур. Передовые части кызылбашей, преследуя его, настигли в селении Мискиндже округи Ахты «у предгорий Ширвана» и разбили его: Алкас в бою был ранен. С горсточкой людей Алкасу все-таки удалось скрыться в горах и добраться до владений Шамхала. Затем он перебрался к Азовскому морю и достиг Кафы (Феодосии), откуда направился в Стамбул[335].

Еще некоторое время после бегства Алкаса его приверженцы оказывали сопротивление шахским войскам в крепостях Гюлистана и Дербента. Мехтар Девлет Яр продолжал сопротивление шахским войскам и крепости Гюлистан. Осажденными был казнен посол шаха, направленный к ним для переговоров. В течение трех месяцев кызылбаши безуспешно осаждали почти неприступную крепость. Хасан-бек Румлу указывает, что крепость была взята благодаря женщинам, которые, обозлившись на Девлет Яра, бросили шатерные веревки курчиям шамлу и подняли их на крепостные стены. Крепость Гюлистан была взята и по приказу шаха разрушена. Шахкули-халифе и Хусейнджан-солтан прошли мимо Дербента и, опустошив Кайтак, вернулись с награбленной у жителей большой добычей[336].

На подмогу осаждавшим Дербент эмирам пришли Бахрам-мирза и Абдулла-хан Устаджлу с войсками. Кухне Шахверди — комендант дербентской крепости подготовился к длительной осаде. В течение двух-трех месяцев кызылбаши делали подкоп под крепостную башню и применили пушки. Лишь после того, как стена была разрушена, Кухне Шахверди вместе с матерью Алкас-мирзы Ханбеги-ханум вышли из крепости и сдались шаху.

[335] Ахсан ат-таварих, стр. 314—321; Такмилат ал-ахбар, л. 267а—268а; Джавахир ал-ахбар, л. 319б—320б; Тарих-и Джахан-ара, стр. 296—297; Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. I, стр. 69—70. См. также: *B. Dorn*. Beltrage zur geschichte der Kaukasischen Lander und Volker, aus morgenlandischen Quellen. II Geschichte Schirvans unter den Statthaltern. von 1538—1820. Mem. l`Acad. Imp. des sciences, VI serie, sc. pol, hist. philol., t. V, SPb. 1841, SS. 321—323.

[336] Ахсан ат-таварих, стр. 321—322.

В это же время, сообщает Хасан-бек Румлу, правитель крепости Сулут некий Масих Ширвани явился к шаху и также сдал крепость. Таким образом, Ширван по существу был «во второй раз» завоеван шахом Тахмасибом. Новым беглярбеком Ширвана был назначен сын шаха Исмаил-мирза (будущий шах Исмаил II); в помощники ему был оставлен его леле Гёкча-солтан Каджар. Осенью 1547 г., очистив ширванскую администрацию от мятежников, приверженцев Алкас-мирзы, шах Тахмасиб возвратился в Тебриз[337] .

Третий поход султана Сулеймана I в Азербайджан. Весной 955 г. х. (1548 г.) султан Сулейман с огромной армией собранной, как сообщает Хасан-бек Румлу, со всех подвластных владений Османской империи — Венгрии, Афлака (Валахии), Боснии, Сербии, Мореи, Молдавии, Анатолии, Манташа-ели, Карамана, Марата, Халеба, Сирии, Египта, Хиджаза, Йемена, Диярбекира, Ирака арабского и Кафы вторгся в Азербайджан.

По сообщению Шереф-хана Алкас-мирза, уговаривая султана пойти походом на Сефевидов, предсказывал ему, что как только султан вступит в Ирак, кызылбаши отвернутся от шаха. Но, как отмечает историк ни один из кызылбашей не встретил свиту султана и более того, мулязимы Алкаса, ушедшие с ним в Стамбул, стали покидать его и возвращаться к шаху[338]. Не имея достаточных войск, чтобы противостоять огромной турецкой армии, шах Тахмасиб оставил Тебриз и отступил в Шамби Газан, где в течение месяца собирал войска. Здесь к нему присоединились беглярбек Ширвана Исмаил-мирза и другие правители со своими войсками.

Для затруднения движения турецкой армии кызылбаши специально опустошали территорию от османских границ до самого Тебриза. Здесь врагу не было оставлено «ни зернышка, ни даже травники», все было уничтожено огнем. Жители Тебриза, известные своей самоотверженностью, закрыли источники воды, оросительные каналы (канавы и кяризы) таким образом, что «не осталось даже столько воды, сколько им самим нужно было для питья»[339].

Султанскую армию сопровождали изменники Улама-бек и Алкас-мирза. По Хасану Румлу, Сулейман направился в Азербайджан по дороге Эрзурум—Хой—Тебриз[340]. Улама с отрядом турок был послан для захвата крепости Ван. Из Хоя султан выделил ряд пашей, в том числе Алкаса с сорокатысячным войском, для нападения на кызылбашей в Маранде.

[337] Ахсан ат-таварих, стр. 322—323, 325; Тарих-и Джахан-ара, стр. 297.
[338] «Шереф-наме, II, стр. 198.
[339] Ахсан ат-таварих, стр. 328.
[340] По дневнику Сулеймана, он двигался по маршруту Эрзурум — Эрджиш—Банди Махи—Хой—Суфиян—Шамби Газан—Тебриз; возвращался через Шабустар—Тасудж—Салмас—Аваник—Ван—БандиМахи—Эрджиш—Адильджеваз—Малазкерт—Бидлис—Диярбекир (Ахсан ат-таварих, т. II, стр. 275, прим. Ч. Седдона).

Османские войска столкнулись с авангардными частями кызылбашей во главе с Абдулла-ханом Устаджлу, Шахверди-солтаном Зияд-оглы и Али-солтаном Текели. Большую храбрость в битве проявил Шахверди-солтан. Под натиском превосходящих сил османов кызылбаши вынуждены были отступить к ставке шаха в Эшкамбаре. Оставив берега р. Эшкамбара, шах отступил к р. Ахар, где к нему должны были присоединиться эмиры Хузистана, Фарса, Кермана и Ирака.

Тем временем султан Сулейман с главными силами вступил в Тебриз, где оставался всего 4 дня. Эти дни были очень мрачными для османской армии. Хасан бек Румлу сообщает, что из-за отсутствия фуража у турок погибло 5 тыс. лошадей, верблюдов и мулов. В городе не было продовольствия, и поэтому воины приступили к грабежу горожан. «И народ, — пишет Хасан-бек Румлу, — вознес свои вопли и крики до небес». 2 июня 1548 г. (24 раби ас-сани 955 г. х.) султан вынужден был оставить Тебриз. Жители восстали против иноземных захватчиков. «Чернь и подонки Тебриза (т. е. население. — *О. Э;)* протянули руки насилия к лошадям и свите султана и многих его людей умертвили», — повествует летописец[341].

Кызылбашские войска также не давали покоя завоевателям. Они день и ночь кружили вокруг врага, совершали налеты, уничтожали и брали в плен отдельные группы турок. Искендер Мунши отмечает, что кызылбаши внезапными налетами нагнали на турок такой страх, что они «не могли отлучиться от своей стоянки ни на шаг, чтобы добыть себе пищу»[342].

Растущее сопротивление населения Азербайджана, тяжелое положение с провиантом и налеты шахских войск сделали невыносимым дальнейшее пребывание османских войск в Тебризе. Султан отступил через Курдистан к Вану. Овладев крепостью Ван, он передал ее Искендер-паше, а сам вернулся в Диярбекир. Ибрагим-хан и Мухаммеди-бек Туркман двинулись вслед за отходящим войском султана. У Шабустара произошла ожесточенная битва с пашой Сирии и Диярбекира и пашой Мараша, в которой им был нанесен большой урон[343].

После отхода османской армии шах вступил в Хой. Здесь Ибрагим-хан и другие эмиры со своим ополчением присоединились к шаху. В Чалдыране правитель Кермана Шахкули-солтан и Махмуд-хан Афшар также присоединились к войску шаха.

---

[341] Ахсан ат-таварих, стр. 330.

[342] Ахсан ат-таварих, стр. 329—330; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 71. Описание времени пребывания турок в Тебризе Шереф-ханом Бидлиси представляется несколько тенденциозным. Согласно Шереф-хану, во время османской оккупации городская жизнь в Тебризе и торговля якобы шли своим обычным порядком. (Шереф-наме, II, стр. 199).

[343] Ахсан ат-таварих, стр. 330.

В это время Тахмасиб получил известие, что султан послал кулларагаси Османа Челеби с четырехтысячным войском для восстановления крепости Карс. Против него был выслан старший сын Тахмасиба Исмаил-мирза с Гёкча-солтаном Каджаром. Внезапной атакой принц уничтожил около 2 тыс. воинов, а также 5 тыс. крестьян и ремесленников, согнанных сюда для восстановительных работ из Амасьи, Токата, Сиваса, Акшехира, Эрзинджана, Байбурта, Кемаха, Терджана, Эрзурума и других местностей[344]. Часть из них спаслась в крепости, но через три дня и они сдались кызылбашам. Осман Челеби, захватив с собой 600 человек явился в ставку принца, где, внезапно обнажив меч, напал на него. Люди Османа по примеру своего главаря кинулись на кызылбашей. Однако Исмаил-мирза проявил хладнокровие, не растерялся. Ни один из турок не сумел спастись. Крепость Карса была разрушена кызылбашами.

В том же году Шахкули-солтан с большим войском был выслан шахом для опустошения приграничных османских районов. Они разграбили племена в районе Ахлата и угнали около 5 тыс. коней, 100 тыс. овец и 50 тыс. голов крупного рогатого скота[345]. Шах опустошил и сжег район Хыныса и направился в Пасин. Здесь принц Исмаил и Бахрам-мирза присоединились к шаху.

Искендер Мунши указывает, что для того, чтобы отвлечь основные силы кызылбашей и увести без урона свои главные силы, султан Сулейман двинул Алкаса и Уламу с войсками в разных направлениях. Алкас-мирза с пятитысячным войском был направлен через Шахризур в сторону Ирака, а Улама с эрзурумским и сивасским пашами с тринадцатитысячным войском был послан султаном для защиты Эрзурума; сам же Сулейман быстро прошел Бидлис и достиг Диярбекира.

Али-солтан Тати-оглы с десятитысячным отрядом был послан шахом для проведения опустошений в районе Ахлата, Гезел Дере, Адильджеваза и Муша. Получив сообщение о нахождении Уламы в Терджане, шах через Суфиян двинулся за ним, но Улама поспешно бежал. Тогда шах из Терджана двинулся по направлению к Эрзинджану. Около Байбурта авангардные части принца Исмаила столкнулись с отрядами Мухаммед-паши Тек-оглы. Турки были разгромлены и бежали. Эрзинджан был взят и разграблен. В начале ноября шах направился в Иреван (Ереван) и разбил лагерь в Уч-килиса.

Когда шах был в Эрзинджане, Алкас-мирза с пятитысячным отрядом двинулся через Курдистан в Хамадан и затем в Кум. Вслед за этим он вступил в Кашан. Получив весть о приближении шаха, он спешно двинулся на юг в Исфаган. Население города приготовилось к обороне. Шахские отряды Бахрам-мирзы и Ибрагим-хана достигли Кашана. Стремясь уйти от

---

[344] Ахсан ат-таварих, стр. 331.

[345] Там же, стр. 332.

преследователей, Алкас повернул в сторону Фарса, овладел крепостью Йездхас (на пути Шираз—Исфаган), устроив резню. Затем он прошел Шираз и вступил в Бехбехан, Дизфуль, а оттуда через крепость Баят вышел к рубежам Багдада[346].

Антисефевидские восстания в Ширване. На примере мятежа Алкас-мирзы мы имели возможность видеть, что в Ширване были очень сильны тенденции к восстановлению былой самостоятельности, государственной независимости Ширвана. Едва Сефевиды расправились с мятежом Алкаса, как в Ширване вспыхнуло новое антисефевидское восстание. Во главе восстания встал отпрыск свергнутой династии ширваншахов Дербенди, по некоторым сообщениям сын покойного ширваншаха Халилуллы II (1524—1535) Бурхан Али-солтан или Бурхан-мирза. Еще при Алкас-мирзе Бурхан вел себя неспокойно и в 951 г. х. (1544 г.) выступал из Кайтага и вторгался в Ширван, но неоднократно терпел поражение от войск Алкас-мирзы[347].

В 954 г. х. (1547 г.) Бурхан вновь выступил из Кайтага и разбил лагерь в Кулхане. Здесь в лесах и чащах к нему собрались «мятежники и остатки ширванских солдат (сипахийан)». Вскоре они были разгромлены и рассеяны правителем Ширвана Исмаил Мирзой и Гёкча-солтаном Каджаром, но Бурхану удалось бежать в Кайтаг. Воспользовавшись уходом ширванского правителя на войну со вторгшимися в южную часть Азербайджана турками, Бурхан вновь пришел в Ширван и беспрепятственно занял Шемаху и другие местности[348].

После ухода турецких войск из южной части Азербайджана шах назначил правителем Ширвана вождя племени устаджлу Абдулла-хана и возложил на него задачу ликвидации мятежников Ширвана. В 956 г. х. (1549 г.) Абдулла-хан перешел Куру у Джавада и остановился лагерем в местечке Али-шабан (или Али-чубан). Мятежники расположились в ущелье (дере) Бугурда. Кызылбаши не решались их атаковать, так как последние имели

---

[346] Ахсан ат-таварих, стр. 327—336, 339—340; Шереф-наме, II, стр. 198—202, Тарих-и Джахан-ара, стр. 298—299, Такмилат ал-ахбар, лл. 268а-270б: Тазкире-и; шах Тахмасиб, стр. 622—628; Тарих-и алем аран-и Аббаси. т. I, стр. 71-75.

В 1549 г. Алкас-мирза поссорился с султаном. Он вернул шаху семью Бахрам-мирзы, взятую им прежде в Хамадане, и отказался вернуться в Стамбул по требованию Сулеймана. Поэтому против него было направлено тридцатитысячное войско Мухаммед-паши. Спасаясь от султана, Алкас бежал в крепость Мериван, где правил Сурхаб-бек. Согласно Хасан-беку Румлу, шах послал к Сурхабу Бахрам-мирзу с двадцатитысячным войском. Обещаниями и угрозами последний заставил выдать Алкаса и доставил к шаху, который заключил своего мятежного брата в крепость Кахкаха, где он вскоре был убит.

[347] Джами ад-дувал, арабск. текст, стр. 33—34; русск. пер. стр. 174.

[348] Согласно турецким источникам, Бурхан явился в Адилъджевазе к двигавшемуся в Азербайджан султану Сулейману, был назначен им правителем Ширвана и с отрядом османских войск двинулся для отвоевания Ширвана у Сефевидов (Джами ад-дувал, там же).

большие силы. Но в этот момент умер глава мятежников Бурхан[349], и повстанцы выдвинули вместо него на трон (салтанат) одного из сто родственников юношу Мехраба. Абдулла-хан напал на мятежников и нанес им поражение, Мехраб со многим приверженцами бежал. Однако уцелевшие от разгрома ширванцы проявили упорство в непризнании власти шаха и выдвинули претендентом на трон ширваншаха родственника Мехраба по имени Курбан Али. Они укрепились на одном из островов Каспийского моря, который источники называют Деров или Дерав. По словам Али Зейн ал-абидина, остров находился вблизи берегов Каспия: «река Кура с двух ее сторон втекает в море»[350], т. е. выходит, что остров находился на р. Куре вблизи от ее впадения в Каспийское море. После того, как мятежники отвергли мирные предложения Абдулла-хана, зимой (конец 1549— начало 1550 г.) кызылбаши на конях вплавь добрались до острова и уничтожили Курбана Али и большинство его людей[351].

Указанные восстания против власти Сефевидов имели целью восстановление государства ширваншахов. Не надеясь на свои сравнительно небольшие силы, ширванцы, как сообщают турецкие хроники, обращались за военной помощью к могущественному врагу Сефевидов—турецкому султану. Последний, оказывая помощь, преследовал свою цель — руками ширванцев вытеснить кызылбашей из Ширвана и выйти к берегам Каспия.

Присоединение Шеки к государству Сефевидов. К этому же времени относится падение последнего независимого государства Азербайджана — Шекинского владения.

При сыне и преемнике Хасан-бека Дервиш Мухаммед-хане отношения Шекинского ханства с Сефевидами ухудшились. Когда шах Тахмасиб в 1538 г. двинул кызылбашские войска для завоевания Ширвана, Дервиш Мухаммед-хан с шекинскими войсками пришел на помощь ширваншаху Шахруху, осажденному в крепости Бугурд, и предпринял ночную атаку против кызылбашей[352].

Потеряв союзников в лице правителей Ширвана, присоединенного Сефевидами к своим владениям в 1538 г., правитель Шеки встал на путь сближения с шахом Тахмасибом, надеясь сохранить независимость Шеки. Так, Дервиш Мухаммед-хан уже через год после низложения ширваншахов в

---

[349] Согласно Мюнеджжим-баши, Бурхан в качестве правителя (вали) оставался в Ширване два года и умер в 958 г. х, (1.551 г.). что не согласуется с персоязычными источниками, указывающими дату его смерти 956 г. х. (1549 г.).
[350] Такмилат ал-ахбар, л. 271а.
[351] Ахсан ат-таварих, стр. 326—327. 340—341; Такмилат ал-ахбар, л. 271а; Тарих-и Джахан-ара, стр. 299—300; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 81; *B. Dorn.* Belträge zur Geschichte, SS. 324—326; *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 267—268. В датировке описываемых событий мы несколько расходимся с Б. Дорном и И. Петрушевским.
[352] Ахсан ат-таварих, стр. 288.

946 г. х. (1539— 1540 гг.) вступил в династический брак с Сефевидами; он женился на сестре шаха Тахмасиба вдове ширваншаха Халилуллы II Перихан-ханум [353] . Однако после ее смерти [354] эти отношения вновь испортились.

Дервиш Мухаммед-хан, как было указано выше, поддержал Алкас-мирзу в его попытке отложиться от Сефевидов и оказал ему военную поддержку, послав к нему своего брата Шахназара с войском. Поэтому тут же после возвращения султана Сулеймана из Азербайджана шах Тахмасиб в конце 1548 г. направляет из Карабаха Севиндик-бека Афшара с 2500 курчиями в Шеки для «наказания» Дервиш Мухаммед-хана, который заперся в крепости Киш. Совершив опустошение и захватив добычу, кызылбаши вернулись обратно[355].

Наконец, в 958 г. х. (1551 г.) шах Тахмасиб решил покончить с независимостью Шеки. Кызылбашские войска сделали остановку в Ареше, где к ним присоединился кахетинский царь Леван—вассал Сефевидов. Дервиш Мухаммед-хан не только не вышел встречать, но ответил отказом на требование кызылбашей о явке к шаху. Это послужило формальным поводом для перехода кызылбашей в наступление на Шеки. При этом шекинцы полагались на свои сильные крепости Киш и, в особенности, почти неприступную Гелесен-гёресен («Придешь—увидишь»), где заперся сам шекинский хан со знатью. Часть шекинцев обосновалась в Сыхнахе — убежище у горных подножий. Кызылбаши повели наступление одновременно на все три пункта сопротивления шекинцев. Курчибаши Севиндик-бек, Бадр-хан и Шахкули-султан Устаджлу были направлены против крепости Киш. На Абдулла-хана Устаджлу и кахетинского царя Левана была возложена задача овладения крепостью Гелесен-гёресен. Шахкули-халифе мухрдар с отрядом кызылбашей был двинут против шекинцев в Сыгнахе.

Несмотря на подавляющее превосходство своих врагов, шекинцы оказали упорное сопротивление, отбивая все атаки кызылбашей. Так, Шахкули-халифе атаковал Сыгнах, но был отброшен ружейным огнем шекинцев. Кызылбаши ввели в действие пушки и «другие средства борьбы с крепостями». Через 20 дней крепостные стены и башни Киша были разрушены. Комендант крепости Махмуд-бек, считая продолжение сопротивления бесполезным, сдался, вручив ключи от ворот шаху. Узнав о падении Киша, защитники Сыгнаха также постепенно прекратили борьбу, группами сдаваясь шаху. Видя безвыходность своего положения, Дервиш

---

[353] Такмилат ал-ахбар, л. 265б.

[354] Там же, л. 271б. Год смерти ее нам неизвестен, но есть основания полагать, что это произошло до мятежа Алкас-мирзы (1547).

[355] Ахсан ат-таварих, стр. 334.

Мухаммед-хан ночью вышел из крепости Гелесен-гёресен и с четырьмястами своих людей попытался пробиться сквозь линию осаждавших крепость кызылбашей. Но беглецы были настигнуты отрядами Абдулла-хана и царя Левана и перебиты. Дервиш Мухаммед-хан был убит, а его голова была доставлена шаху.

Таким образом, Шекинское владение было ликвидировано и вошло в состав Сефевидского государства. Первым кызылбашским правителем Шеки был назначен Тойгюн-бек Каджар[356].

Вторжение Сефевидов в османские владения. В 959 г. х. (1552 г.) шах Тахмасиб переходит от обороны к активным действиям, вторгаясь в турецкие владения. Поводом послужили набеги правителя Эрзурума Искендер-паши в кызылбашские владения в Чухурсаадской (Ереванской) области.

В начале 1552 г. Искендер-паша вторгся во владения Сефевидов в районе Хоя, а затем прошел в Чухурсаад, поджег городской рынок и возвратился к себе. Эрзурумский паша писал кызылбашским эмирам хвастливые, полные угроз письма, в которых величал себя «правителем Ширвана и Гурджистана (Грузии)»[357].

Летом 1552 г. по приказу шаха Тахмасиба было объявлено о сборе войска, разделенного на 4 части и двинутого в четырех направлениях.

1) в Эрджиш и Баргири — (Ма'сум-бек Сефеви, Аллахкули-бек Айджак-оглы, Али-солтан Текели, Шамсаддин-хан Бидлиси, Халифе-и Ансар, Хамза-бек Талыш, Улугхан-бек Саадлы и др.);

2) в Пасин (Шахверди-солтан Зияд-оглы и Адхам-бек Румлу);

3) в Ирак арабский (Ибрагим-хан Зулькадар, Шахкули-солтан Афшар, Чыраг-солтан);

4) в Давил[358] (Байрам-бек Каджар, Тойгюн-бек Каджар и грузинский правитель Кейхосров —вассал Сефевидов)[359].

Эта экспедиция имела целью опустошение приграничных областей османской Турции, а также захват военной добычи. Перед новым вторжением врага кызылбаши стремились затруднить движение османских армий через эти районы. Шах Тахмасиб принял личное участие в этой военной кампании. Так, в районе Ахлата было захвачено 30 тыс. овец, 10 тыс. крупного рогатого скота, 3 тыс. коней. Крепость Ахлат была сравнена с землей. В районе Вана были уничтожены дома и посевы, Муш был сожжен.

---

[356] Ахсан ат-таварих, стр. 348—351; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 82—83; *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 268; История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, стр. 233—234.

[357] Тезкире-и шах Тахмасиб, л. 52б.

[358] Двин.

[359] Ахсан ат-таварих, стр. 355—357.

Районы Бидлиса, Востана, Адильджеваза, Эрджиша, Муша, Пасина были опустошены, преданы огню и мечу. В боях было уничтожено много турок и курдов. Кызылбаши вернулись из похода с большими трофеями[360].

Было решено «наказать» заносчивого правителя Эрзурума Искендер-пашу. Против него шах двинул армию под командой своего сына Исмаил мирзы[361].

Помимо ополчений именитых эмиров, таких как правитель Карабаха Шахверди-солтан Зияд-оглы, Бадр-хан Устаджлу, правитель Чухурсаада Шахкули-солтан Устаджлу, Мухаммеди-хан Мосуллу Туркман и других, в походе приняли участие «тысяча тегеранских и шестьсот нахчеванских курчиев». Надеясь на численное превосходство своих сил (турок и курдов из Эрзинджана, Терджана, Байбурта, Кемаха, Мараша, Трабзона, Курдистана и Грузии), Искендер-паша решил выйти из крепости и дать бой Исмаил-мирзе. В полуфарсахе (3—4 км) от города турки приняли боевой порядок.

Наблюдая нарастающий нажим кызылбашей на левом и правом флангах, Искендер-паша ринулся вперед, но был окружен ими и вынужден повернуть назад. Исмаил-мирза находился в это время на холме, примыкавшем к полю битвы. Турки не выдержали натиска кызылбашей и обратились в паническое бегство по направлению к крепости. Многие из них попадали в ров, окружавший крепость Эрзурума. Он был забит людьми и конями. В спешке турки забыли запереть ворота, и три кызылбаша проникли в крепость. Храбрый принц Исмаил лично рвался в бой, но курчии его не пустили. Помимо тех, кто погиб во рву, было убито 2576 турок. В плен попали крупные османские сановники: правитель Трабзона Мустафа-бек, правитель Мараша Кебир Иса, кулларагаси султана Мухаммед-бек, брат Искендер паши Рамазан-бек, правитель Малатьи Хайр ад-дин-бек и многие другие[362].

Затем Исмаил-мирза присоединился к шахскому лагерю у Эрджиша. Воины крепостного гарнизона убили коменданта и сдали крепость кызылбашам. Форт был по приказу шаха разрушен. Затем была взята крепость Баргири. Исмаил направился в Курдистан. В этом походе в руки «газиев» попали большие трофеи: товары, кони, мулы, рогатый скот и пленные. Шах вернулся из похода в Нахчеван в месяце раби ас-сани 960 г. х. (в марте—апреле 1553 г.)[363]. В том же году Тахмасиб выслал для мирных переговоров к султану эмира Шамс ад-Дина Дилджани[364]. Однако посол вернулся, по словам Хасана Румлу, с письмом, в котором султан не проявил

[360] Ахсан ат-таварих, стр. 358—361.
[361] Был беглярбеком Ширвана (после Алкас-мирзы) в 1547—1548 гг.
[362] Ахсан ат-таварих, стр. 361—367; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 75—77.
[363] Ахсан ат-таварих, стр. 370—373.
[364] Там же, стр. 379.

достаточной почтительности к падишаху «Востока и Запада» (т. е. Тахмасибу). В ответ на это шах вновь послал принца Исмаила с войсками в Курдистан. Они опустошили Ван, Востан, Эрджиш, Адильджеваз и вернулись с добычей в шахскую ставку в Нахчеван[365].

Четвертый поход Сулеймана I. Султан Сулейман весной 961 г. х. (1554 г.) с огромной армией двинулся в Азербайджан и занял Нахчеван. Следуя своей тактике, Тахмасиб избегал столкновения с главными силами противника, предпринимая опустошительные рейды на предполагаемых путях движения султанского войска. Шах отошел к летовьям на Базарчае (притоке Аракса). Согласно Искендеру Мунши, на пути движения султана в Нахчеван кызылбашские отряды производили внезапные налеты на османов, уничтожая и беря в плен отдельные отряды[366].

По приказу шаха один отряд кызылбашей под командой Исмаил-мирзы, Ма'сум-бека Сефеви и Шахкули-халифе был послан в район Вана и Востана, а другой—под началом Султан Хусейн-мирзы (сына Бахрам-мирзы) и Шахверди-солтана Зияд-оглы — в Пасин. Целью этих набегов было опустошение местностей на пути отступления врага, чтобы «не оставить ничего от благоустройства в том краю».

Испытывая острый недостаток продовольствия, султан покинул Нахчеван, предварительно предав его огню, и направился обратно в Эрзурум. Кызылбашские войска (числом около 40 тыс. по Искендеру Мунши) вслед за отступающими турками вступили в османские земли. В одном бою кызылбаши разбили большой отряд турок и взяли в плен Синан-бека, одного из приближенных турецкого султана.

Усталые и изнуренные походом войска султана проявляли недовольство. Да и сам султан и его ближайшее окружение вынуждены были считаться с настроением армии, а также бесплодностью своих походов в Азербайджан. Поэтому турецкая сторона выразила свое согласие на ведение-переговоров о мире, на чем Сефевиды неоднократно настаивали[367].

Антисефевидское восстание Касима в Ширване. Когда турецкий султан двинулся в свой четвертый поход на Азербайджан, он выслал через Кафу в Ширван Касима из рода ширваншахов с отрядом янычаров и артиллерией. В Дагестане, по указанию султана, к нему присоединились войска Кумыка и Кайтага. Во главе с Касимом через Дербент они вторглись в Ширван. Казалось, что после неоднократных безуспешных попыток вернуть власть местной династии ширванцы будут безразличны к появлению нового отпрыска из рода ширваншахов. Однако действительность показала

---

[365] Там же, стр. 37б.

[366] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 78.

[367] Ахсан ат-таварих, стр. 377—379; Тезкире-и шах Тахмасиб, стр. 637—642; Тарих-и алем и арай-и Аббаси, стр. 77—78.

обратное. Едва Касим вступил в Ширван, как ширванцы стали покидать Абдулла-хана и уходить к Касиму очевидно, рассчитывая на обещания турецкого султана о поддержке. В это время значительная часть войск ширванского правителя была направлена в Нахчеван на войну с турками. Невзирая на слабость наличных сил, Абдулла-хан с ширванскими эмирами Ибрагим-беком Шамлу и Аликули-беком Каджаром немедленно выступил против мятежников и атаковал Касима в местечке Тенге в Табарсаране. Однако кызылбаши не добились успеха против укрепленных позиций повстанцев и вернулись в Шемаху. Преследуя Абдулла-хана, Касим пришел в крепость Бугурд и пробыл там 40 дней с целью сбора своих приверженцев и подготовки к борьбе. Здесь под его знаменами собралось несколько тысяч[368] турок и ширванцев, с которыми он двинулся против Абдулла-хана. Кызылбашские старейшины были обеспокоены своей малочисленностью и советовали воздержаться от битвы исход которой внушал сомнение. Но Абдулла-хан, сообщают летописцы, «уповая на помощь аллаха и силу счастья шаха», с двумя тысячами [369] кызылбашей вступил в битву с мятежниками под крепостью Гюлистан. Сражение было жестоким и длилось весь день. Только к вечеру стало заметным преобладание кызылбашей; на поле боя полегло около полутора тысяч мятежников. Уцелевшие от разгрома бежали в Табарсаран. Остался ли в живых сам Касим, как утверждает Гаффари, или погиб в бою, осталось неизвестным.

Благодаря этой победе власть Абдулла-хана в Ширване упрочилась. Он сумел внушить «ширванцам и жителям Табарсарана и Дагестана» такой страх, что о непокорности ему уже никто не решался «даже подумать»[370].|

Мир 1555 г. в Амасье. Убедившись в бесплодности своих попыток завоевать Азербайджан, султан Сулейман склонился к мирным переговорам с Сефевидами. Уже на обратном пути из Нахчевана он дал соответствующие указания своему главному везиру Мухаммед-паше, который направил письма пограничным кызылбашским эмирам с просьбой к шаху освободить Синан-бека и направить с ним своего представителя для ведения переговоров. Синан-бек был освобожден из-под стражи и вместе с ним был отправлен один из старейшин племени Каджар Шахкули-бек[371] . После возвращения Шахкули-бека к султану был направлен сефевидский посол эшикагаси Фаррухзад-бек, один из старых «карадагских суфиев», который догнал

[368] Али Зейн ал-абидин и Гаффари называют цифру в 20 тыс., Хасан-бек Румлу—2 тыс. Искендер Мунши—12 тыс.

[369] По Искендеру Мунши—12 тыс.

[370] Ахсан ат-таварих, стр. 382—383; Тарих-и Джахан-ара, стр. 299; Такмилат ал-ахбар, лл. 273а, б; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 82; *B. Dorn.* Beitrage zur Geschichte. SS. 327—328; *И. П. Петрушевский:* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 268.

[371] Ахсан ат-таварих, стр. 379; Тарих-и Джахан-ара стр. 302.

султана, когда тот был в Амасье[372]. В результате имевших здесь место переговоров был заключен мирный договор, известный под именем «Амасийского мира».

Персоязычные источники не содержат точной датировки этого мира. Так, у Хасан-бека Румлу сообщение о посольстве Фаррухзад-бека помещено под 961 г. х. (1554 г.) То же самое можно сказать о хрониках Гаффари и Али Зейн ал-абидина[373]. Точная датировка этого события имеется в турецких источниках, согласно которым мир в Амасье был заключен 8 раджаба 962 г. х., т. е. 29 мая 1555 г.[374] Хаммер называет этот мир первым официальным миром заключенным между османской Турцией и Сефевидским государством[375].

Согласно миру 1555 г., области западной Грузии — Имеретия, Менгрелия и Гурия перешли в сферу влияния Турции, а ее восточные области Месхия, Картлия и Кахетия попали под власть Сефевидского государства[376]. Точно так же западная Армения оказалась под владычеством турецкого султана, а восточная — отошла к Сефевидам.

Ничем не обоснованным и извращающим исторические факты выглядит утверждение турецкого историка Исмаила Хаккы Узунчаршылы о том, что по этому миру Азербайджан с Тебризом перешли якобы под владычество Турции[377].

Турецко-кызылбашские войны являются самым значительным фактором внешнеполитической истории стран Закавказья в первой половине XVI век. Стремление османских султанов Селима и Сулеймана завоевать Азербайджан диктовалось прежде всего экономическими соображениями, а именно, тем обстоятельством, что страна являлась крупным поставщиком шелка сырца, была богата природными ресурсами и, наконец, через Азербайджан проходили доходные пути европейско-азиатской транзитной торговли. Турция изо всех сил стремилась выйти к Каспийскому морю и установить непосредственные сношения со странами Средней Азии.

---

[372] Ахсан ат-таварих, стр. 384.

[373] Тарих-и Джахан-ара, стр. 302; Такмилат ал-ахбар, л. 273а, Искендер Мунши датирует его хронограммой т.е. 1+30+90+30+8+600+10+200=969 г. х. (1561 —1562 гг.), что не соответствует действительности (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр.79).

[374] *J. Hammer*. Histoire de l`Empire Ottomane, t. VI. p. 70.

[375] Источники не содержат каких-либо указаний о перемирии между шахом Исмаилом и султаном Селимом после Чалдыранского сражения. Между тем в некоторые наши работы прокралась непроверенная и необоснованная мысль об имевшемся якобы между ними мире в 1515 г. См.: *А. Крымский* История Турции. Киев, 1923 (на укр. яз.), стр. 125; *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 241.

[376] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 87.

[377] *İ.H.Uzuncarşili.* Osmanli tarihi, II cilt, İstanbulun fethinden Kanuni Sultan Suleymanin ölümüne kadar. Ankara, 1949. стр. 319-356.

Надо помнить, что в XVI в. Османская империя переживала период своего наивысшего могущества, когда ее границы были раздвинуты на европейском, азиатском и африканском материках. Империя располагала неисчислимыми людскими и материальными ресурсами, огромным военным потенциалом. Османская империя была грозным противником не только для Сефевидов, но и для крупных европейских держав. Поэтому в Сефевидском государстве страны Европы видели своего естественного и сильного союзника, который отвлекал значительные военные силы Турции.

Насколько угрожающей казалась турецкая опасность для европейского государственного деятеля, можно видеть из высказывания Бусбека—посла германского императора при дворе султана Сулеймана: «Только Персия (Сефевидское государство.— *О. Э.),* писал он, — стоит между нами и гибелью. Турция с радостью покончила бы с нами, если бы Персия не удерживала ее. Эта война между ними дает нам лишь передышку, но не избавление»[378].

Османская армия имела значительное преимущество перед сефевидской армией не только в численности и техническом оснащении (наличие большого артиллерийского парка, чего не было у Сефевидов), но и в войсковой организации, дисциплине. К чести кызылбашей следует признать, что несмотря на это, они смогли оказать турецким войскам стойкое сопротивление, при каждом вторжении вынуждая их к отступлению из Азербайджана. При этом надо учесть, что Сефевидскому государству часто приходилось вести войну на два фронта как против турок, так и против узбеков, непрерывно вторгавшихся в Хорасан. Усилия османской дипломатии в это время были направлены на то, чтобы побудить суннитские государства, в том числе Шейбанидское государство, объединиться с Турцией в борьбе против «кызылбашских еретиков»[379].

Для стратегии Сефевидов в этот период характерным является ответ шаха Тахмасиба на опасения одного из его соратников: «Я не поступлю по правилу моего отца. Этот враг (османский султан.— *О. Э.)* очень силен. Я пе стану лицом к лицу против него, но буду действовать так, как действовал Хасан-падишах (Узун Хасан Ак-Коюнлу. — *О. Э.)* против султана Абу Саbда, когда он кружился вокруг него и не допускал, чтобы люди того вышли из войска и вошли в него. Я так и поступлю»[380].

---

[378] *Creasy*. History of the Ottoman Turks. Lond., 1877, pp. 171—172 (Цит. по книге Э. Броуна “A Literary History of Persia”, vol. IV. Modern Times (1500—1924) by Edward G. Browne, Cambridge, 1959 p. 11).

[379] Имеются сведения о том, что султан в 1554 г. посылал Шейбанидам триста янычаров и отряд артиллеристов. См.: *J.Hammer*. Osmanli devleti tarihi. c. II, стр. 28.

[380] Джавахир ал-ахбар, л. 308а.

Сефевидская армия состояла в основном из конных частей, подвижных и маневренных. Нередко, чтобы принудить противника к отступлению, отвлечь его силы, кызылбашские кавалерийские отряды совершали глубокие рейды в османские владения, чиня опустошения в тылу турецкой армии.

Так как в этих войнах Турция была агрессивной, нападающей стороной, кызылбаши строили свою стратегию главным образом на обороне. Для того, чтобы максимально затруднить продвижение турецкой армии по территории Сефевидского государства, ими проводился ряд мер, а именно: по пути предполагаемого движения османской армии уничтожались запасы продовольствия, засыпались источники питьевой воды, сжигались посевы пшеницы и других культур. Таким образом, османская армия оказывалась перед перспективой голода и эпидемий. Не прекращалась борьба и во время пребывания турок на территории Азербайджана. Кызылбашские части устраивали внезапные налеты, уничтожали отдельные группы османских войск, создавали для них невыносимые условия для дальнейшего пребывания. Поэтому турки всякий раз оставались в стране недолго и вынуждены были уходить обратно.

Последняя стадия борьбы с противником состояла в том, что кызылбашские войска шли по пятам изнуренной тяжелым походом, голодом и болезнями отступающей османской армии, нанося ей чувствительные потери в живой силе и, продолжая следовать за врагом, сами вступали на территорию, подвластную султану и чинили большие опустошения в Курдистане и восточной Анатолии. Кызылбаши старались опустошить и обезлюдить районы, находящиеся на стыке между османской Турцией и Сефевидской державой. Это преследовало цель затруднения походов врага на случай возможных войн"[381].

Вышеуказанная стратегия и тактика войны кызылбашей хорошо изложена самим шахом Тахмасибом в его «Тезкире». «На войне, — пишет Тахмасиб, — нельзя давать врагу благоприятную возможность, и если враг стремится к битве, надо в пределах возможности (избегать) боя с ним лицом к лицу»[382]. Тактика опустошения целых областей в приграничной полосе оправдывалась шахом следующими любопытными соображениями. «Мы рассчитали, — рассуждает Тахмасиб, — что хондкар (турецкий султан. — *О. Э.)* имеет с собой, помимо куллукчиев (обслуживающего персонала. — *О. Э.)* приблизительно около 300 тыс. боевой конницы. И если у каждого (всадника) один куллукчи (слуга), получается 600 тыс. чел. Помимо янычар в войске султана нет пехоты. И если у каждого имеется по одному коню и верблюду, то выходит 600 тыс. лошадей и верблюдов. А каждому ослу надо ежедневно 2 мана ячменя, а всего 12 тыс. харваров сто манов ячменя. Из 600 тыс. чел.

---

[381] *А. А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 50.
[382] Тезкире-и шах Тахмасиб, л. 39а.

каждый ежедневно потребляет полмана продовольствия, а всего получается 3 тыс. харваров 100 манов, так что в сутки выходит 15 тыс. харваров 100 манов хлеба. Предположим, что у хондкара имеется в наличии 150 тыс. харваров и 100 манов хлеба. У войска также есть 150 тыс. харваров хлеба[383]. Между тем, для перевозки этих 300 тыс. харваров хлеба потребуется 500 тыс. верблюдов. Это кроме тех верблюдов, которые носят боевое снаряжение, пушки и другое имущество. 300 тыс. (харваров) хлеба хватает им на 20 дней, и после того, как мы сожжем все земли и съедим все и не будем воевать с ними лицом к лицу и будем кружиться вокруг них, что они смогут делать? И кроме возвращения им ничего не остается. И откуда добудут более пищу? А от золота их какая для них польза?»[384].

Хотя численность османских войск здесь сильно преувеличена, однако, по-видимому, это сделано для того, чтобы для надежной обороны иметь в виду максимальное количество вражеских войск. Описанный выше Тахмасибом метод борьбы против османского вторжения приводил к опустошению целых районов Азербайджана, Армении, Курдистана, являвшихся главными объектами вражеских нашествий. Нет сомнения, что это обстоятельство отрицательно сказывалось на экономическом развитии этих стран.

По утверждению шаха Тахмасиба, центральное правительство принимало якобы во внимание это вынужденное опустошение и тяжелое положение крестьян этих областей и стремилось возмещать этот ущерб уменьшением или полным упразднением государственных налогов. Так, он пишет, что «когда султан был в Сивасе, я вызвал к себе кетхуд и райятов каждого махала и сказал, что если мы не используем ваш хлеб, то его употребит хондкар. Поэтому надо, чтобы мы съели его, а то, что не сможем использовать, сожжем. И в возмещение за это мы особождаем ваше имущество от налогов в течение трех лет»?[385].

Тахмасиб не был первым в проведении тактики «выжженной земли». Она не без успеха применялась его отцом шахом Исмаилом I против вторгшихся в 1514 г. в Азербайджан войск Селима I[386].

Тактика «выжженной земли» диктовалась подавляющим превосходством сил Османской империи. Во время походов в Азербайджан османские султаны выступали с огромной армией, собранной не только из подвластных ей Сирии, Египта, Ирака арабского, Курдистана, но также и из завоеванных ею европейских стран, Венгрии, Боснии, Сербии, Молдавии и

---

[383] Тезкире-и шах Тахмасиб, л. 39б.

[384] Там же, л. 40а.

[385] Там же, л. 39а.

[386] *О. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 114—115.

др. Эта тактика становилась бессмысленной в войнах с узбеками, где отсутствовал тот перевес сил противника, который неизменно был в войнах с Турцией. В период сефевидско-османских войн кызылбаши не ограничивались опустошением только своей приграничной полосы, но в гораздо большей степени они наносили ущерб соседним территориям Турции. Так, по рассказу Искендера Мунши, во время третьего похода Сулеймана I, когда османским войскам пришлось уходить из Азербайджана, кызылбашские войска, преследуя отступающего врага, совершили огромные опустошения в восточной Анатолии. Историк завершает изложение похода следующим образом: «Ввиду того, что урон и ущерб, причиненные приходом султана Сулеймана в страну Аджам (Сефевидское государство — *О. Э.),* были возмещены в десятикратном размере и в этом походе около 20 тысяч турок прошли по дороге небытия благодаря мечам мщения победоносных газиев, (Тахмасиб) повернув обратно из Эрзинджана, прибыл в Ереван, а оттуда двинулся по направлению к Карабаху»[387].

Борьба Сефевидского государства против вторжений Шейбанидов. С начала XVI в. Шейбаниды стремились овладеть всем Хорасаном, но прочно смогли укрепиться только в северо-восточной части, а именно, Балхской области. Остальные три области тогдашнего Хорасана— Гератская, Мешхедская и Мервская — так и остались под властью государства Сефевидов[388].

Суннитское духовенство Средней Азии всеми мерами разжигало религиозный фанатизм по отношению к шиитам и всемерно поддерживало Шейбанидов в их борьбе с Сефевидским государством. Борьбу с кызылбашами за владычество в Хорасане Шейбаниды проводили под лозунгом «священной войны» против «еретиков (рафизитов) — шиитов[389].

Мотив религиозной вражды характерен для взаимоотношений Сефевидской державы не только с османской Турцией, но и с Шейбанидским государством[390]. Шейбаниды, как и Сефевиды называли войну друг против друга джихадом, газаватом. Это не только освящало войну в глазах народов, но и позволяло феодальной знати обоих государств на «законном» основании уводить мирное население в рабство и плен; известно, что шариат запрещает обращение в рабство мусульман, но разрешает это в отношении кафиров (неверных), каковыми сунниты и шииты теперь объявили друг друга. Джихад давал феодальной знати обеих сторон самые широкие возможности для грабежа мирного трудового населения.

---

[387] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 73.
[388] *Н. Д. Миклухо-Маклай.* К, истории политических взаимоотношений Ирана со Средней Азией в XVI в., стр. 11.
[389] Там же, стр. 14.
[390] См. текст письма Убейдулла-хана шаху Тахмасибу. Ахсан ат-таварих, стр. 226—229.

Воспользовавшись смертью шаха Исмаила и смутами в стране в связи с междоусобицами кызылбашских племен, сын и преемник Шейбани-хана Убейдулла-хан предпринимает неоднократные набеги на Хорасан. Узбекские вторжения имеют место почти ежегодно. Сефевидскому государству было трудно бороться одновременно с турками и узбеками, которые создают нечто вроде союза против «мятежной толпы кызылбашей».

В 930 г. х. (.1524 г.) Убейдулла двинулся к Герату, но столкнувшись с войсками беглярбека Хорасана Дурмуш-хана Шамлу, ушел обратно[391].

В 932 г. х. (1526 г.) воспользовавшись смертью Дурмуш-хана и смутами в Хорасане, узбеки форсировали Амударью, осадили и взяли Тус[392]. В следующем 933 г. х. (1527 г.) у Бистама кызылбаши вновь потерпели поражение. Узбеки заняли Астрабад[393].

В 934 г. х. (1527—1528 гг.) Убейдулла осадил столицу Хорасана Герат. Он снял осаду только через семь месяцев, когда получил известие о приближении шахской армии[394].

Пожалуй, самое крупное столкновение произошло в 935 г. х. (1528 г.) у местечка Сарыкамыш Джамского вилайета. О масштабах битвы можно судить по тому, что Убейдулла собрал свои силы из «Мавераннахра, Кашгара, Туркестана, Андижана, Отрара, Сейрана, Кабула, Турфана, Гылмана, Казака и степей Кыпчака и Киргизии» в таком количестве, что «со времен Чингиз-хана и до сих пор Амударью не переходило такое многочисленное войско [395]. В начале сражения фланги кызылбашской армии не выдержали натиска узбеков и отступили, но центр фронта, где стоял шах Тахмасиб, был нерушим. Благодаря вступлению в битву свежих сил кызылбаши нанесли поражение узбекскому войску. Убейдулла едва спасся бегством.[396] Но после ухода шаха на подавление мятежа Зульфугар-хана в Багдад Убейдулла занял Мешхед, а затем и Герат[397].

В конце 1529 г. (936 г. х.) 70-тысячное шахское войско вновь заняло Хорасан. Шах оставил в Герате своего брата Бахрам-мирзу в качестве правителя Хорасана с его леле Гази-ханом Текели. Повсеместно были назначены кызылбашские правители[398].

---

[391] Ахсан ат-таварих, стр. 185—187; Дурмуш-хан Шамлу был леле (воспитателем) брата шаха Тахмасиба Сам-мирзы.

[392] Там же, стр. 196.

[393] Там же, стр. 201—202.

[394] Там же, стр. 205—208.

[395] Там же, стр. 215.

[396] Там же, стр. 209—220. Хасан-бек Румлу утверждает, что кызылбаши якобы сражались один против двадцати узбеков.

[397] Там же, стр. 220—222.

[398] Ахсан ат-таварих, стр. 225—233; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 57—59.

В 1531 г. (938 г. х.) Убейдулла предпринял новый поход в Хорасан. Узбеки заняли Мешхед и осадили Герат. Осада его продолжалась полтора года. В крепости кончились запасы продовольствия. Гази-хан вывел из нее жителей города, чтобы за их счет продержалось войско. «Племя текели во время этих смут очень притесняло и угнетало бедных райятов»[399]. С каждой выведенной из города семьи брали триста тебризских динаров. Дома оставивших город жителей подвергались кызылбашами разграблению. В Герате разразился такой страшный голод, что осажденные стали есть «мясо кошек и собак». В конце 1532 г., получив весть о походе шаха, узбеки сняли осаду Герата и ушли[400].

Вследствие беспрерывных войн на территории Хорасана местное население было доведено до грани полного обнищания. Оно страдало одинаково как от притеснений узбекских полчищ[401], так и от угнетения и произвола кызылбашской провинциальной администрации. Так, вступив в Герат после отхода Убейдулла-хана, шах вынужден был, как указывает хронист, сместить с поста правителя Хорасана Гази-хана и его подчиненных за то, что во время осады Герата узбеками они «грабили имущество угнетенных», притесняли народ. Из казны были розданы деньги «бедным» и «слабым». Новым правителем Хорасана был назначен Агзивар-хан Шамлу, ставший одновременно и атабеком (леле) принца Сам-мирзы, номинального правителя области[402].

Вспыхнувшая в 1534 г. в связи с убийством векила Хусейн-хана Шамлу междоусобная война в среде кызылбашских племен привела к феодальным смутам и в Хорасане. Хорасанский беглярбек Агзивар-хан соплеменник Хусейн-хана, поднял мятеж против центральной власти. Вольно или невольно в его мятеже принял участие опекаемый им брат шаха Сам-мирза. Мятежники подвергли грабежу имущество горожан Герата, а затем, выступили в поход с целью захвата Кандахара, подвластного в то время шаху Хумаюну из Великих Моголов. После двухмесячной безуспешной осады крепости на помощь осажденным пришел брат Хумаюна Мирза Камран с двадцатитысячным войском. В битве с превосходящими силами противника

[399] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 59.
[400] Ахсан ат-таварих, стр. 240—243.
[401] Так, например, о поведении войск Убейдуллы в занятом узбеками в 1529 г. Герате Хасан-бек Румлу пишет: «Многие сунниты были убиты как шииты из-за их богатства, а многие бедствующие шииты и некоронованные слуги остались невредимыми благодаря тому, что они не обладали богатством». (Ахсан ат-таварих, стр. 222). Искендер Мунши пишет, что Убейдулла «вновь поднял знамя притеснений и волнений в той стране. Узбекское войско очень угнетало и притесняло население Хорасана. Польстившись на имущество, они умертвили многих суннитов, обвинив их в рафизитстве и шиизме» (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 57). Среди казненных был и известный поэт Бадр ад-Дин Хилали из Астрабада.
[402] Ахсан ат-таварих, стр. 246; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 61.

мятежники были разбиты, погиб и сам Агзивар-хан. После этого Сам-мирза, желая реабилитировать себя в глазах Тахмасиба, казнил нескольких «зачинщиков мятежа» и послал их головы шаху[403].

Тяжелое положение, в котором оказалось Сефевидское государство в связи с вторжением полчищ Османской империи на западе и смутами в Хорасане, побудило среднеазиатских правителей, и в первую очередь Убейдулла-хана, вновь перейти к активным действиям. Высланные им два отряда вторглись в Хорасан, но были один за другим разбиты кызылбашским правителем Мешхеда Суфиан-халифе Румлу. Вслед за этим в район Герата вторгся правитель Гарджистана[404] Байрам-оглан. Не имея достаточных сил для отпора, гератские власти принудительно собрали ополчение из жителей города и окрестных районов. Это ополчение во главе с 80-летним правителем Герата Халифе-солтаном Шамлу было разгромлено узбеками в битве в районе Исфизара 22 мая 1535 г. (19 зулькада 941 г. х.)[405].

Оказавшись без правителя и без войск, гератские власти обратились за помощью к правителю Мешхеда Суфиан-халифе Румлу, который прибыл в Герат с войсками. Своими притеснениями и грабежами он довел жителей «до крайности».

Осведомленный о положении в Герате Убейдулла-хан счел момент благоприятным для нового вторжения в Хорасан. Когда Суфиан-халифе узнал об осаде узбеками Мешхеда, он оставил в Герате своих заместителей Хызра Челеби и Нур ад-Дина Мухаммеда Исфагани, а сам двинулся против узбеков. Встреча произошла в районе Нишапура у деревни Абдулабад 13 января 1536 г. (20 раджаба 942 г. х.). Битва окончилась полным разгромом кызылбашского войска и гибелью Суфиан-халифе[406].

Тем временем в Герате положение осложнилось. Доведенные до отчаяния жители его восстали против Хызра Челеби и его подчиненных. В этом антисефевидском выступлении, помимо городской знати, приняло активное участие крестьянство окрестностей (белюкат) Герата, недовольное гнетом и самоуправством кызылбашских эмиров. Благодаря предательству, Хызру Челеби удалось раскрыть заговор городской знати, и инициатор его калантар Герата Мухибб Микал был схвачен и казнен. Однако справиться с восстанием гератских крестьян оказалось не просто. Хызр Челеби пытался уговорить и успокоить крестьян, атаковавших фирузабадские ворота Герата. Их неоднократные попытки пробиться в город не дали результатов и тогда (не без происков местной знати) они послали своих представителей к

[403] Ахсан ат-таварих, стр. 260—263.
[404] Местность между Гератом и Меймоне в Афганистане.
[405] Ахсан ат-таварих, стр. 364—265; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 62—63.
[406] Ахсан ат-таварих, стр. 265—268.

Убейдулла-хану с призывом о помощи. Последний не замедлил откликнуться на этот призыв.

11 марта 1536 г. (18 рамазана 942 г. х.) Убейдулла-хан с большим войском подошел к Герату и осадил его. И только спустя пять месяцев 15 августа 1536 г. (27 сафара 943 г. х.) узбекам удалось проникнуть в Герат и после короткой схватки овладеть им. Знаменитая гератская крепость Ихтиар ад-Дин, где засел Хызр Челеби со своей семьей и близкими, также была взята через некоторое время обманным путем[407]. На этот раз Убейдулла оставался в Герате свыше года. 29 января 1537 г. (17 шабана 943 г. х.) узбеки оставили Герат и вернулись в Бухару, опасаясь столкновения с большим кызылбашским войском, во главе которого шах Тахмасиб пришел в Хорасан, который вновь перешел под власть кызылбашских эмиров[408].

Итак, походы Убейдулла хана в Хорасан не дали каких-либо результатов. Сефевидам удалось сохранить за собой эту важную область и отбить все набеги узбеков. Таким образом, военные действия Сефевидского государства против узбеков, как и на западном фронте против турок, носили оборонительный характер. Узбекские ханы в своих вторжениях не раз доходили до района Астрабада, неоднократно брали столицу Хорасана — один из крупнейших городов государства Сефевидов — Герат. Успехи узбеков в значительной степени облегчались здесь тем что местное таджикское население, как феодальная знать, так и крестьянство, было настроено враждебно к кызылбашским властям, допускавшим жестокие притеснения и вымогательства. Эта враждебность иногда выливалась в открытое выступление народа против своих классовых угнетателей, что мы видели на примере гератского восстания 1535—1536 гг.

Походы узбекских ханов в Хорасан продолжались и в последующие годы — в 950/1543, 952/1545, 955/1548, 957/1550, 962/1555, 965/1558, 967/1559—1560, 971/1563—64, 974/1566—67, 977/1569—70 гг.[409] Борьба с этими вторжениями осложнилась для Сефевидов восстанием против центральной власти туркменского племени яка в районе Астрабада в 1550 г. Во главе восстания стоял Аба—юноша из знатной семьи. В борьбе с шахскими войсками он неоднократно обращался за поддержкой к узбекским ханам, которые прибывали сюда с войсками. Только в 1558 г. после предательского убийства Аба это восстание было подавлено[410].

---

[407] Ахсан ат-таварих, стр. 269—272; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 64, см. также: *Н. Д. Миклухо-Маклай.* Гератское восстание 1535—1536 гг. «Уч. зап. ЛГУ, серия востоковед, наук». 1966, № 195, стр. 58—68.

[408] Ахсан ат-таварих, стр. 274—277: Тарих-и алем арай-и Аббаси. стр. 65.

[409] Ахсан ат-таварих, стр. 305, 313, 336—338, 343—344, 386—387, 401—404, 413, 421, 430—431, 444—445.

[410] Ахсан ат-таварих, стр. 346—347, 405—406.

Походы Сефевидов в Грузию. Грузия занимала важное военно-стратегическое положение между Османской империей и Сефевидским государством. Османская Турция раньше Сефевидов вторглась и укрепилась в западной Грузии, угрожая расширением своей агрессии. В противовес султану, шах стремился во что бы то ни стало укрепить свои позиции в восточных областях Грузии, чтобы создать барьер перед османской экспансией в Азербайджан. Выше было сказано, что Османская империя ставила себе целью захватить богатые шелководческие районы Азербайджана — Шеки и Ширван, установить свой контроль над торговлей по Каспию. Турецкая агрессия в указанном направлении обозначилась в последней четверти XVI в., и Грузия явилась, как мы увидим ниже, своего рода трамплином для османского вторжения в эти области.

К началу XVI в. Грузия окончательно распалась на Картлийское, Кахетинское, Имеретинское царства, княжество Самцхе-Саатабаго [411] . Естественно, что распавшаяся на отдельные мелкие царства она не могла дать надлежащего отпора агрессии двух могущественных государств Ближнего Востока, таких как Османская империя и Сефевидская держава. Грузинские цари лавировали между султаном и шахом, пытаясь сохранить целостность своих владений.

Основным объектом кызылбашских походов были Картлия, Кахетия и Месхия (Самцхе-Саатабаго). Искендер Мунши указывает, что, находясь по соседству с Шеки и Ширваном, грузинские цари в прошлом часто вторгались в эти края и «нападали на мусульман». После присоединения этих областей к владениям Сефевидов, продолжает историк, кахетинский царь Левая (Левенд-хан) [412] стал вассалом шаха. Атабек Месхии Кейхосров [413] также вступил в «число мулязимов высокого шахского порога». Но картлийский царь Луарсаб[414] (Лавасан), царь Имеретии (Башы ачук) Баграт[415] и правитель Менгрелии Дадиан «выказывали враждебность и не проявили должной покорности», нападая уа шахских вассалов Левана и Кейхосрова[416].

Сефевиды еще в первой четверти XVI в. попытались подчинить Картлию и Кахетию. Но последовательную борьбу за покорение Грузии они начали при шахе Тахмасибе I. С 1540 по 1554 г. шах Тахмасиб четырежды совершал походы в Грузию.

---

[411] *Н. А. Бердзенишвили, В. Д. Дондуа, М. К. Думбадзе, Г. А. Меликишвили, Ш. А. Месхиа.* История Грузии, т. I, Тбилиси, 1962, стр. 268.
[412] Леван II (1520—1574). Histoire de la Georgie, trad. par M. Brosset 1-e partie, 1-e livrasion, St. Ptb., 1856, стр. 150.
[413] Кейхосров II (1545—1573). См. там же, стр. 216.
[414] Луарсаб (1534—1558), там же, стр. 27.
[415] Баграт III (1510—1548), там же, стр. 253.
[416] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 84.

По персоязычным источникам, в частности по Хасан-беку Румлу, походы шаха Тахмасиба в Грузию имели место в 947[417], 953[418], 958[419] и 961[420] гг. х., соответствующих 1540—1541, 1546—1547, 1551 и 1554 гг.

Датировка и многие подробности указанных экспедиций у Искендера Мунши совпадают с описанием Хасан-бека Румлу, на материалах которого в значительной части и основано его повествование[421].

Грузинские источники существенно расходятся с восточными хрониками в датировке кызылбашских походов в Грузию. Так, согласно грузинскому хронисту Вахушти, сефевидский шах вторгался в Грузию в 1536, 1548, 1563 и 1558 гг.[422] М. Броссе датирует эти походы по грузинским источникам; превосходное сочинение «Ахсан ат-таварих» осталось ему неизвестным. Дело в том, что Хасан-бек Румлу был не только современником этих походов, но и лично принял участие в боевых операциях, в частности во втором походе шаха Тахмасиба, о чем он особо упоминает[423]. Между тем Вахушти писал свою историческую хронику в XVIII в., не доведя ее до своего времени; об источниках его сочинения мы знаем крайне мало[424]. Кроме того, даты Хасан-бека Румлу полностью подтверждаются хроникой «Тарих-и Джахан-ара» Ахмеда Гаффари, также современника описываемых событий.

Так называемая «Грузинская хроника» не дает в этом отношении ничего нового[425]. Хронологическая таблица Аракела Тебризского содержит упоминание и датировку только первого похода Тахмасиба в Грузию, совпадающую с восточными хрониками[426].

Эти походы предпринимались под благовидным предлогом борьбы с «неверными», священной войны «джихада», считавшейся по Корану богоугодным занятием. Кызылбашская военно-феодальная знать использовала эти походы для «распространения ислама». Источники указывают, что при взятии грузинских крепостей сохранялась жизнь только тем, кто принимал ислам.

---

[417] Ахсан ат-таварих, стр. 296—298; Тарих-и Джахан-ара, стр. 294; Такмилат ал-ахбар, л. 265б.
[418] Ахсан ат-таварих, стр. 316; Тарих-и Джахан-ара, стр. 296; Такмилат ал-ахбар, л. 267б.
[419] Ахсан ат-таварих, стр. 351—355; Тарих-и Джахан-ара, стр. 300; Такмилат ал-ахбар, л. 271б.
[420] Ахсан ат-таварих, стр. 379—382; Тарих-и Джахан-ара, стр. 302; Такмилат ал-ахбар, л. 273а.
[421] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 84—88.
[422] Histoire de la Georgie, pp.386—388, 452; У Э. Броуна (A Literary History, т. IV, стр. 95) датировка второго похода шаха Тахмасиба в Грузию ошибочна; вместо 953 г. х. (1546—1547 гг.) там значится 950 г. х. (1543—1544 гг.).
[423] Ахсан ат-таварих, стр. 316.
[424] Вахушти Багратиони (1676—ок. 1770) был сыном картлийского царя Вахтанга VI. См. *И. А. Бердзенишвили* и др. История Грузии, т. I, стр. 349—351.
[425] Matêrioux pour servir a l'Histoire de la Gêorgie par M. Brosset. pp. 226—288.
[426] *Аракел Даврижеци.* Книга историй, стр. 484.

Кызылбашские походы в Грузию наносили экономике страны большой ущерб. Во время войн уничтожались посевы, фруктовые сады, угонялись масса рогатого скота, табуны овец, опустошались целые районы. Кызылбаши захватывали не только материальные ценности, но уводили в плен большое количество людей. Сефевидские историографы в угоду правящим кругам хвастают победами над «габрами», как они часто называют грузин. Так, во время первого похода (1540 г.) был взят и разграблен Тбилиси. Во время четвертого похода (1554 г.) кызылбашами было взято более 30 тыс. пленных, в том числе женщины и дети. От вторжений кызылбашских войск в первую очередь страдало трудовое население и мелкие феодалы Грузии, а феодальные правители часто откупались данью или поступали на службу завоевателям, принимая ислам.

Выше нами указывалось, что согласно миру 1555 г. в Амасье, Грузия была разделена на сферы влияния между османской Турцией и Сефевидским государством. Однако наиболее стойкие и непримиримые борцы за независимость Грузии картлийский царь Луарсаб, а после его смерти сын его Симон (1558—1560) продолжали сопротивление. Вторжения Сефевидов в Картлию имели место и позже. Так, беглярбек Карабаха Шахверди-солтан Зияд-оглы трижды в 963 (1556 г.)[427], 964 (1557 г.)[428], 968 гг. х. (1560—1561 гг.)[429] вторгался сюда с войсками и чинил опустошения. В битве с ним погиб царь Луарсаб, а Симон при участии перебежавшего на сторону кызылбашей своего брата Давида (Давуд-бека) был схвачен в 976 г. х. (1568—1569 гг.) Шамхал-беком Черкесом и по указанию шаха заключен в крепость Аламут[430].

Отношения Сефевидов с индийским государством Великих Моголов. На юго-востоке Сефевидское государство граничило с государством Великих Моголов, основанным в 1526 г. Бабуром. В отличие от других своих соседей Сефевиды еще при шахе Исмаиле установили с Бабуром союзные отношения. Их взаимоотношения не были омрачены религиозной враждой, так как сам Бабур склонялся к принятию шиизма. У них был общий враг — узбекские правители Мавераннахра, которые предпринимали набеги не только в Хорасан, а также в Афганистан и Северную Индию.

Конфликт между Сефевидами и Моголами возник из-за обладания городом-крепостью Кандахар, который являлся важнейшим военно-стратегическим пунктом; воротами, ведущими из Индии в Иран и обратно, Кандахар имел так же большое торгово-экономическое значение. Ежегодно через него «из Индии в Иран проходило около 14 тысяч навьюченных

---

[427] Ахсан ат-таварих, стр. 392—393.
[428] Там же, стр. 401.
[429] Там же, стр. 414—415.
[430] Там же, стр. 441-443; Histoire de la Georgie, p. 389. Согласно Вакушти, это произошло в 1569 г.

товарами верблюдов»[431]. Естественно поэтому, что он стал яблоком раздора между Сефевидами и Моголами и переходил из рук в руки.

В начале 1537 г. (зимой 943 г. х.) шах Тахмасиб двинулся из Герата для отвоеваиия Кандахара. Правитель крепости Хадже Калан без сопротивления сдал город кызылбашам. Оставив правителем области Кандахар Будак-хана Каджара, шах вернулся в Герат[432]. Но уже в следующем году брат могольского государя Хумаюна Мирза Камран прибыл в Кандахар с войском и вытеснил кызылбашей[433].

Знаменательным событием в сефевидско-могольских отношениях было обращение Хумаюна к шаху Тахмасибу с просьбой о военной помощи. Дело в том, что Хумаюн был разгромлен афганским правителем Шер-ханом и был покинут даже своими братьями, которые выступили против него. Положение его было столь тяжелым, что он в сопровождении жены, ее служанки и 40 своих самых близких людей вынужден был спасаться от погони во владениях Сефевидов[434].

В 1544 г. (951 г. х.) Хумаюн был принят правителем Систана Ахмед-солтаном Шамлу, оказавшим ему царские почести, и препровожден в Герат. Он был с большим почетом встречен также беклярбеком Хорасана Мухаммед-ханом Шереф ад-Дин оглы, вышедшим со своей свитой ему навстречу далеко за городскую черту[435]. Пробыв несколько дней в Герате, Хумаюн затем двинулся в сторону Ирака, где находился шах в то время. «В каждой области, в которую он прибывал, местные эмиры и сардары совершали обряды преданности, преподносили ему достойные подарки,— пишет Хасан-бек Румлу[436]. В одном фарсахе от шахской стоянки в яйлаге Сорлуг, недалеко от Султанийе, Хумаюн был встречен братьями шаха Бахрамом и Самом, везиром Кази Джаханом, курчибаши Севиндик-беком и другими высочайшими чинами государства. Когда Хумаюн приблизился к шахскому шатру, сообщает Хасан-бек, он слез с коня и направился к нему. Увидев его, шах Тахмасиб вышел из шатра и сделал несколько шагов вперед и присутствующие стали свидетелями «соединения двух светил». В числе даров Хумаюна, преподнесенных шаху упоминается «алмаз весом в четыре

---

[431] *Н. К. Синха, А. Ч. Банерджи.* История Индии. М., 1954, стр. 227—228.
[432] Ахсан ат-таварих, стр. 277.
[433] Там же, стр. 283.
[434] *К. А. Антонова.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Акбара (1556—1605). М., 1952, стр. 40.
[435] Шах Тахмасиб направил специальный фирман правителю Герата Мухаммед-хану Шереф ад Дин оглы Текели, содержащий подробные инструкции о приеме индийского государя с упоминанием даров, которые следует ему преподнести, и различных мероприятий *(Шах Тахмасиб Сефеви.* Сборник исторических документов и писем с подробными заметками доктора Абдул-Хусейна Наваи. Тегеран, 1970, стр. 53—61).
[436] Ахсан ат-таварих, стр. 309.

мискаля и четыре данга, равного которому не созерцало око судьбы на протяжении веков и столетий и ухо времени не слышало о подобном»[437].

Хумаюн был очень тепло принят шахом Тахмасибом, оказавшим ему всевозможные признаки гостеприимства и дружбы. В его честь был дан грандиозный пир, после которого состоялась церемония вручения шахских даров, в числе коих упоминаются осыпанные драгоценными камнями корона и пояс вышитые золотом ткани, франкские (европейские) товары, боевое снаряжение и оружие, арабские кони и т. п. Затем Хумаюн оставил шаха и двинулся в Тебриз и Ардебиль. Тебриз был празднично украшен жителями: красочный наряд оделись базары и особенно центральный рынок Кайсерийе. В честь высокого гостя на площади Сахибабад тебризцы продемонстрировали свое искусство в игре чоуган (поло) и других видах развлечений. В Ардебиле Хумаюн «поклонился» гробнице шейха Сефи ад-Дина, а после этого вернулся ко двору. В распоряжение Хумаюна Тахмасибом было передано, по разноречивым сведениям, от 6 до 12 тысяч кызылбашей во главе с Будак-ханом Каджаром и Шахверди-беком Устаджлу[438]. С этим военным подкреплением Хумаюн двинулся в Индию, разбил своего врага Шер-хана и вернул себе престол. За эту помощь Хумаюн уступил Сефевидам Кандахар, дающий ежегодно 40 тыс. туманов дохода[439].

Отношения с Турцией. Мятеж царевича Баязида и его бегство к Сефевидам. После 1555 г. в отношениях Сефевидского государства с Турцией наступил мирный перерыв, продолжавшийся до конца правления шаха Тахмасиба.

В конце 1559 г. (мухаррам 967 г. х.) ко двору Тахмасиба в Казвин прибыл царевич Баязид со своей семьей и двенадцатитысячным отрядом. Сын турецкого султана Сулеймана Баязид восстал против отца, был разбит и, спасаясь от высланной за ним погони, вступил в сефевидские владения в районе Чухурсаада. Ему была устроена пышная встреча в кызылбашской столице, которая подробно описана присутствовавшим на казвинской площади на церемонии встречи Кази Ахмедом Гаффари[440]. Шах не скупился на угощения и подарки, на которые было потрачено около 10 тысяч туманов.

---

[437] Шереф-наме, II, стр. 196; русск. перев., стр. 191.

[438] Ахсан ат-таварих, стр. 307—312; Тарих-и Джахан-ара, стр. 295; Такмилат ал-ахбар, л. 266б—267а; Джавахир ал-ахбар, лл. 317а—318а; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 96—100.

[439] Шереф-наме; II, стр. 196—197. Одним из условий оказания помощи было принятие Хумаюном шиизма. Один из приближенных могольского правителя, бывший с ним все время, рассказывает, что Хумаюн сначала решительно отверг это предложение. Но затем он все же подписал какую-то бумагу, поданную ему везиром шаха Кази Джаханом, и после этого получил войска. См.: *К. А. Антонова.* Очерки общественных отношений и политического строя Могольской Индии времен Абкара, стр. 41—42. Подробно о пребывании Хумаюна в Сефевидском государстве см.: *Sukumar Ray. M. A.* Humayun in Persia. Calcutta, 1948.

[440] Тарих-и Джахан-ара, стр. 304—305.

Расчетливый Тахмасиб думал о том, как бы выгоднее для себя использовать перебежку к нему сына Сулеймана. Около трех лет пробыл у него царевич Баязид, уговаривая его предпринять поход против турецкого султана. Шах был далек от мысли возобновить войну, которая принесла стране столько бедствий. Взамен выдачи Баязида шах требовал у султанских послов передачи своему сыну Хейдар-мирзе Багдада или же назначения одного из своих сыновей санджакбеем в османских владениях и допуска кызылбашского служителя для надзора в шиитских гробницах Кербелы: Все эти домогательства шаха были отвергнуты султаном, настаивавшем на безоговорочной выдаче своего мятежного сына, угрожая ухудшением османско-сефевидских отношений.

В июле 1562 г. (зулька'да 969 г. х.) в Казвин прибыло большое посольство султана во главе с правителем Вана Хосров-пашой[441]. Основной его задачей было добиться у шаха выдачи Баязида. Движимый не то страхом перед перспективой нового военного конфликта с Турцией, не то польстившись на золото, шах Тахмасиб выдал Баязида с его четырьмя сыновьями в руки посланников султана. Они были тут же казнены, а трупы их увезены на родину. Ужасной была судьба пятого сына Баязида; трехлетний ребенок, проживавший в Бруссе, был задушен агентами султана. За эту «услугу», по сообщению Шереф-хана Бидлиси, турецкие послы вручили шаху 400 тысяч флоринов от султана и 100 тыс. флоринов от царевича Селима, в общей сложности сумму, равную 30 тыс. иракских туманов[442].

Как бы то ни было, назревавший конфликт был исчерпан и мир был куплен ценой вероломства. В «Тезкире» шах Тахмасиб неуклюже оправдывается тем, что он обещал Баязиду не выдавать его лично в руки Сулеймана и поэтому, передав его в руки посланников султана, он, мол, не нарушил данного им слова.

Политические контакты Сефевидского государства со странами Европы. Мы уже говорили о том, что на основе общих интересов борьбы с единственной, подлинной военной державой Средневековья»[443] османской Турцией, дипломатические отношения Сефевидского государства со странами Западной Европы значительно оживились.

Первой из европейских стран, с которой интересы Сефевидского государства пришли в непосредственное столкновение, была Португалия.

Открытие морского пути в Индию вокруг Африки португальцем Васко де Гамой в 1498 г. нанесло тяжелый удар торговле Европы с Индией по

[441] Там же, стр. 307—308.
[442] Ахсан ат-таварих. стр. 407—412. 417; Такмилат ал-ахбар, лл. 275б—277а; Шереф-наме, II, стр. 212—219; Тезкире-и шах Тахмасиб, стр. 642—649; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 100—104.
[443] *К. Маркс.* Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 189.

старому средиземноморскому пути, проходившему через Иран, Турцию и сирийские порты. С захватом в 1515 г. Ормуза и других островов Персидского залива португальцы очутились в непосредственной близости от сефевидских владений, диктуя им свои условия морской торговли с Индией. Португалия враждовала с Турцией, стремившейся помешать ей установить регулярную торговлю с Индией по океанскому пути, так как всячески старалась сохранить подконтрольный ей средиземноморский путь европейско-азиатской торговли, приносивший большой доход.

В борьбе с османской Турцией португальцы стали сближаться с Сефевидским государством, которое пошло на этот союз в период войн с Турцией. По некоторым сообщениям, Португалия предоставляла Сефевидам военную и финансовую помощь против Турции не только в виде огнестрельного оружия, но якобы даже войсками. Так, по сведениям Ф. Крузинского, в 1549 г. шах Тахмасиб получил от португальцев 10 тысяч воинов и 20 пушек[444]. Сефевидский посол в Венеции в семидесятых годах XVI в. некий Хадже Мухаммед сообщает, что король Португалии дал указание отправить Сефевидам деньги в сумме 20 тыс. цехинов[445].

В этой связи интересно отметить, что персоязычные хроники упоминают всего о двух франкских (европейских) посольствах, прибывших ко двору шаха Тахмасиба I. Обе эти миссии были отправлены Португалией. Послы португальского короля Жуана III (1502—1557 гг.), прибывшие в Казвин в 958 г. х. (1551 г.), были тепло приняты при дворе[446]; в это время шла война Сефевидского государства с Турцией. Посольству преемника Жуана III дона Себастьяна (1557—1578 гг.), которое прибыло в 982 г. х. (1574—1575 гг.), было отказано шахом в приеме Хасан-бек Румлу объясняет это недовольством шаха Тахмасиба поведением португальцев на захваченных ими островах Персидского залива, притеснениями мусульман[447]. Главная причина, по-видимому, заключалась в том, что Тахмасиб не желал осложнять установленных с Турцией после 1555 г. мирных отношений принятием послов враждебного султану государства. Искендер Мунши сообщает, что вплоть до своей смерти Тахмасиб не разрешал этому посольству возвратиться на родину. Они получили возможность выехать из страны только при шахе Мухаммеде Худабенде[448].

Угроза турецкого нашествия продолжала сильно беспокоить европейские государства. Непосредственная опасность вторжения нависла

---

[444] A Chronicle of the Carmelites in Persia and the Papal mission of the XVII and XVIII centuries, vol. 1—2, Lon., 1939. (В дальнейшем: Хроника кармелитов, т. 1).
[445] *G. Berchet.* La Republica di Venezia et la Persia. Turin. 1965, p. 185.
[446] Ахсан ат-таварих, стр. 335; Тарих-и Джахан-ара, стр. 300; Шереф-наме. II, стр. 204.
[447] Ахсан ат-таварих, стр. 429.
[448] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 116—117.

над владениями Венеции, Испании, австрийских Габсбургов. Большую активность в создании антитурецкого союза проявлял, как и прежде, папа Римский. Он ставил целью создание союза христианских государств с привлечением к нему враждебных султану азиатских стран, в числе которых главная роль отводилась Сефевидской державе. При этом расчет делался на расчленение военных сил Турции на два фронта—западный и восточный. Оккупация в 1571 г. султаном острова Кипр, находившегося под властью венецианцев, ускорила оформление антитурецкого «священного союза» в составе Венеции, Испании и Ватикана.

Как указывалось, примерно в это же время Венеция направила к Сефевидам своего дипломата Винченцо Алессандри с предложением союза против турок. В следующем году (1572) папа Пий V в письме к шаху Тахмасибу заявляет о том, что наступил подходящий момент для совместного выступления шаха с его христианскими союзниками против своего заклятого врага. Католический глава уговаривал Тахмасиба начать военные действия против Селима II, предсказывая ему успехи в овладении Месопотамией и Сирией, так как туркам будет трудно отстоять их ввиду отвлечения их сил против совместно выступивших войск европейских государств[449].

Все эти дипломатические контакты с Сефевидами не дали результатов, так как шах Тахмасиб в этот период твердо решил воздерживаться от ухудшения отношений с Турцией. К тому же, стремясь толкнуть Сефевидов на войну с Турцией, западноевропейские монархи сами отнюдь не помышляли серьезно участвовать в этой войне. Они стремились лишь использовать Сефевидское государство для того, чтобы обречь Турцию на затяжную войну с ним, тем самым ослабляя со стороны султана опасность для себя и своих владений. В этом отношении любопытен набросок инструкций папы Григория XIII (1572—1585) для своего посла к сефевидскому шаху, хранящихся в архиве Ватикана. Послу предписывалось добиться от шаха начала военных действий в ближайшие 2—3 года с обещанием присылки денег в сумме 100—150 тыс. скуди, а также 2 тыс. аркебуз и 15—20 орудий[450].

Дальнейший ход событий подтверждает это мнение. Так когда в 1578 г. османская Турция бросила свои полчища против государства Сефевидов, шах Мухаммед Худабенде направил в Португалию посольство с просьбой ко всем христианским королям Европы совместно выступить против султана Мурада III[451]. В это тяжелое для Сефевидского государства время, когда

[449] *Э. Шахмалиев.* Дипломатические отношения Испании с Сефевидским государством во второй половине XVI века, стр. 120.
[450] Хроника кармелитов, т. I, стр. 23.
[451] Там же, стр. 22—23.

Турция оккупировала почти все Закавказье, ни Португалия, ни Испания не вступили в войну против турок. В 1582 г. к шаху Мухаммеду Худабенде был направлен приор августинцев в Ормузе брат Симон, представлявший папу Григория XIII и Филиппа II. В письме к папе Симон сообщал, что шах готов продолжать войну с турками и хотел бы направить своего посла к испанскому королю, если бы знал, что христианские государства также хотят воевать с султаном[452]. В задачу брата Симона также входило побудить сефевидское правительство к продолжению войны с Турцией, обещая, как обычно, артиллерию, деньги и совместное выступление европейских государств.

Аналогичная задача была поставлена перед другим папским послом к шаху Мухаммеду — Джиованни Баттиста Векьетти, прибывшего в Сефевидское государство в 1586 г.

Азербайджанское государство и Россия. Первые дипломатические контакты Азербайджанского государства с Русским государством относятся к последним годам правления шаха Исмаила I. Сохранилось известие о том, что крымский хан сообщил турецкому султану Сулеймаиу I, что в Москву в 1521 г. прибыло сефевидское посольство, получившее от московского князя «пушек много и мастеров и доспехов».[453] Это первый-контакт, зафиксированный русскими архивными документами. Сообщение вызывает интерес и тем, что указывает на появление у шаха Исмаила стремления к получению огнестрельного оружия и пушек, которых так недоставало Сефевидам при Чалдыране.

Установлению дипломатических отношений России с Азербайджаном мешали соседи с юга и востока — приволжские ханства, ориентировавшиеся на Турцию, а также разорительные набеги крымских татар. В середине XVI в. Московское государство стало продвигаться вдоль Волги на юг, стремясь выйти к северным берегам Каспия, овладеть каспийской торговой артерией.

Нам известно также, что в 1553 г. в Москву прибыло сефевидское посольство Сейид Хусейна[454]. Хотя у нас нет сведений о содержании переговоров, но можно полагать, что они касались также вопроса о военном союзе против Турции. Это было время, когда полчища султана Сулеймана в третий раз вторгались в Азербайджан, и шаху Тахмасибу приходилось вести тяжелую и неравную борьбу с вражеским нашествием. Азербайджанский шах именно на севере искал союзника, способного перекрыть пути наступления крымско-татарской конницы через Дагестан и Дербент.

---

[452] Там же, стр. 26.

[453] *И. П. Бушев.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976, стр. 36.

[454] *А. П. Новосельцев.* Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в., стр. 448.

Политика переживавшего экономический подъем Московского государства в этот период диктовалась потребностью выхода к внешним рынкам и обеспечения безопасности своих юго-восточных границ с учетом обращения малых народов Кавказа к московскому царю за помощью в борьбе против турецко-татарских завоевателей. Так возникала общность интересов Русского (Московского) государства и Азербайджанского государства Сефевидов в борьбе против общего врага — османской Турции.

В 1561 г. в Москву прибыл кызылбашский посланник, имя которого осталось неизвестным. О нем сообщает Дженкинсон с которым они проделали путь из Москвы в Астрахань в июне 1562 г.[455] 1 ноября 1563 г. в Москву прибыло посольство ширванского беглярбека Абдулла-хана Устаджлу[456].

Вероятно, шах Тахмасиб не строил иллюзий относительна долговечности мира 1555 г. с османской Турцией и стремился к сближению с Россией. Существование русских крепостей на Северном Кавказе могло бы помешать переброске турецко-татарских частей в Дагестан и Ширван, что отвечало жизненным интересам Азербайджана в ту эпоху.

Хотя Московское государство было отвлечено изнурительной для нее Ливонской войной и не желало обострения отношений с султаном, Иван IV в 1569 г. направил к шаху Тахмасибу посольство Алексея Хозникова. Он вез в Казвин 100 пушек и 500 ружей —значительную для Сефевидов военную технику[457].

Присоединение Иваном IV Казанского и Астраханского ханств вызвало сильную тревогу при дворе Сулеймана I. Турция сама стремилась к захватам в бассейне Волги и на Северном Кавказе. Но занятый войнами в юго-восточной Европе и против Азербайджанского государства Сефевидов султан Сулейман не мог помешать Русскому государству в его завоеваниях. В 1569 г. султан Селим II вместе с крымским ханом Девлет Гиреем предпринял было поход с целью вытеснения русских из Астрахани. Для использования своего флота в войне, турки попытались даже прорыть канал между Доном и Волгой[458]. Но эти попытки окончились неудачей. Россия сохранила Астрахань, но укрепиться на Северном Кавказе не смогла.

Тяжелая для Азербайджанского государства война с Турцией в 1578—1590 гг. показала насколько важным было бы наличие русского военного заслона против турок на Тереке. В 1578—1581 гг. полчища крымского хана

[455] Английские путешественники, стр. 200—201.

[456] *Ахмед Гусейнов.* Азербайджанско-русские отношения, стр. 117.

[457] *П. Бушев.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг., стр. 44.

[458] *П. А. Садиков.* Поход татар и турок на Астрахань в 1569 г. «Историч, зап.». кн. 22, 1947; *Н. А. Смирнов.* Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. I, М., 1946, стр. 93—120.

именно через Северный Кавказ перебрасывались к Дербенту, совершая отсюда опустошительные рейды в Азербайджан. Это привело к быстрому занятию турками Ширвана и выходу к западному берегу Каспия.

Личность шаха Тахмасиба I. Личность старшего сына шаха Исмаила — Тахмасиба I вызывает в общем отрицательную оценку у исследователей. Большинство сходится на том, что шах «ничем не напоминал своего гениального отца». Ему приписывается вялый характер, пассивность, безынициативность. Тахмасиб выглядит в этих оценках заурядным, малоспособным государственным деятелем, религиозным фанатиком.

Отнюдь не собираясь переоценивать, идеализировать шаха Тахмасиба, мы считаем эту характеристику тем не менее несколько строгой. Многое говорит за то, что в лице Тахмасиба I мы имеем умного, осторожного политика. Обратимся к сведениям его современников.

Тахмасиб родился 3 марта 1513 г. (26 зульхиджа 918 г. х.)[459], а умер 14 мая 1576 г (15 саффара 984 г. х.). Короновался на престол десятилетним мальчиком из-за ранней смерти своего отца 24 мая 1524 г. (19 раджаба 930 г. х.). Вполне понятно, что он стал игрушкой в руках вождей кызылбашских племен и беспомощно наблюдал их кровавую борьбу за власть и богатство. Как пишет Будак Казвини, юный Тахмасиб успешно занимался науками, так что за сравнительно короткое время овладел всеми тонкостями мусульманского права (шар'иййе) и обычного права ('урфиййе). Ввиду большого влечения юноши к каллиграфии и рисованию для занятия с ним были привлечены прекрасные преподаватели, каждый из коих был «единственным» в своем искусстве. Таковы были каллиграфы — Молла Абди Нишапури, Шах Махмуд Нишапури, Молла Рустем Али Хереви; живописцы — Солтан Мухаммед, Бехзад, Мирек Исфагани, Мир Мусеввир и Дуст Диване. Тахмасиб очень любил своих учителей. Один из поэтов некий Бук ул-ишк сказал по этому поводу двустишие:

«Их было четыре, кто в гору пошел:
Писец, живописец, казвинец, осел».

Смысл стиха Будак разъясняет так: упоминание писца (каллиграфа) и живописца понятно; казвинец здесь потому, что его управляющим делами (векил) стал Кази Джахан Казвини; что же касается упоминания осла, пишет

[459] Дата рождения дана согласно Анонимной истории, л. 218б. Дата 22 февраля 1514 г. (26 зулхиджа 919 г. х.), данная *И. П. Петрушевским* (Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 244), основана на «Ахсан ат-таварих» и, видимо, неточна.

историк, то это потому, что в детские годы Тахмасиб любил сажать верхом на осла группу детей, кататься с ними и играть[460].

Уже к двадцати годам, достигнув совершеннолетия, Тахмасиб решительно взял в свои руки государственные дела. Здесь и проявились способности его как государственного и политического деятеля. Современные авторы, как обычно, рисуют личность правящих шахов в виде сплошного панегирика. Характеристика шаха Тахмасиба не представляет в этом отношении исключения. Так, Будак Казвини, перечисляя достоинства шаха, указывает, что из-за его справедливости «у его векилей, везиров, мустоуфиев и других чиновников совсем не осталось возможности произвольно убавить или прибавить хотя бы один карат. Он разделил неделю на части, чтобы каждый день заниматься определенным делом. Садры, судьи и законоведы были все время наготове, чтобы рассматривать дела по шариату. По его указу были отменены все издержки (ихраджат-и хукми), которые числились в канцеляриях. Он пожертвовал тамгу по областям, что составляет ежегодно около 80 тыс. туманов, и то, что причиталось с райятов за 10—20 лет, оставил у них. Словом, ни в какое время райяты не пользовались таким спокойствием и отдыхом. И как только какой-либо подданный, хотя бы без имен и звания, заявлял жалобу во дворец на правителя, последний после разбора жалобы увольнялся». Будак Казвини указывает, что шах Тахмасиб собственноручно исправлял черновики писем, которые отправлялись государям Турции, Индии и Мавераниахра. Благодаря своей поразительной памяти Тахмасиб помнил год за годом зимовки и летовки за пятьдесят два года своего царствования; «всех вельмож (арбаб), старшин (калантаран) и знатных лиц (ашраф) он знал по имени и в лицо». Самым удивительным было то, что у него были три тысячи курчиев и до трех тысяч ясавулов, букавулов, должностных лиц и внутренней стражи (гал'ачи); обо всех он знал, «кто в какое время стал мулязимом, какую доблесть и храбрость проявил в походах и у какого хана и султана служил прежде»[461].

Другой современник Хасан-бек Румлу также отмечает, что, достигнув зрелого возраста, Тахмасиб «с утра до вечера занимался государственными делами и всю работу делал сам, так что векилы и везиры без его разрешения не могли выдать никому и фельса». «Он был мнительно чистоплотен, подозрителен, не любил есть в обществе кого-либо. Последние 20 лет жизни шах не садился на коня. На внешность он был высоким с вытянутым лицом и длинными руками, желтым цветом лица и совершенно седой бородой. Его

---

[460] Джавахир ал-ахбар, л. 296б. Поэтому, в свете объяснения Будака неправильно было бы приписывать Тахмасибу идиосинкразию. (См.: *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 264).

[461] Джавахир ал-ахбар, лл. 296а—297а.

воины, — продолжает историк, — были ему столь преданы, что ни один не жаловался, хотя 14 лет им не выдавалось жалованье»[462].

Венецианский посол Алессандри описывает шаха в возрасте 64 лет как человека «среднего роста, с правильными чертами лица, хотя и угрюмым выражением, толстыми губами и седой бородой...» «Он меланхолического нрава, не покидал своего дворца в течение 11 лет». Далее, он характеризует Тахмасиба как «человека очень небольшой храбрости», мало заботящегося о законе и справедливости, но больше — о женщинах и деньгах, как скупца, «покупающего и продающего с ловкостью мелкого торговца»[463]. Но при этом, как отмечает итальянец, «Благоволение и любовь народа по отношению к королю невероятны, так как они почитают его не как короля, а как бога ввиду его принадлежности к роду Али—большого объекта их поклонения». Алессандри приводит сведения о необычных формах этого почитания, доходящего до обожествления, которое не ограничивается жителями крупных городов, но распространяется также на членов шахской семьи и - придворных, как и на население далеких окраин государства[464].

По словам Хасан-бека Румлу, среди мусульманских государей по продолжительности царствования Тахмасиб уступает только фатимидскому халифу Мустаисир ал-биллаху[465].

Источники не сохранили для нас сведений о каких-либо социальных реформах, кроме религиозной, шаха Исмаила I. Возможно, что в период образования и политической консолидации государства в этой области не ощущалось особой надобности. Но для шаха Тахмасиба в интересах сохранения единства государства проведение некоторых социально-экономических реформ стало насущной необходимостью. Важной его реформой была окончательная отмена тамги, размеры которой были высоки и тормозили рост городской жизни и торговли. Имеются также сведения о попытке облегчения им податного бремени в областях с шиитским населением, введении штрафов для пресечения злоупотреблений, реформе в области монетного дела и т. д.[466].

---

[462] Ахсан ат-таварих, стр. 488—489.
[463] Путешествия венецианцев, стр. 215—219.
[464] Путешествия венецианцев, стр. 223; Английские путешественники стр. 212—218.
[465] Фатимидский халиф правил 58 лет (1036—1094), а Тахмасиб—52.
[466] Мероприятиям шаха в этой области посвящена статья Ш. К. Мамедовой: «I Şah Təhmasibin hakimiyyəti dövründə Azərbaycan Səfəvi dövlətinin iqtisadi siyasəti haqqında». «Изв. АН Азерб. ССР, серия истории, философии и права», 1978, № I (рез. на русск. яз.).

ГЛАВА IV

ОСЛАБЛЕНИЕ И УПАДОК АЗЕРБАЙ-ДЖАНСКОГО ГОСУДАРСТВА СЕФЕВИДОВ. ОККУПАЦИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА ОСМАНСКОЙ ТУРЦИЕЙ

Обстановка при дворе в последние годы жизни Тахмасиба. Раскол в среде знати. Чтобы свалить часть забот по управлению страной на более молодые плечи, шах Тахмасиб стал рано доверять одному из своих сыновей Хейдар-мирзе выполнение административных дел. В 1571 г. когда ему было 18 лет, Алессандри называет его заместителем шаха[467], управлявшим по существу всеми делами. При таких условиях рано пробудилось честолюбие юноши, его претензии на наследование престола, хотя по возрасту он следовал третьим после Мухаммед-мирзы и Исмаил-мирзы. Он завоевал расположение шаха тем, что, как пишет Искендер Мунши, «во всем поступал с одобрения своего отца»[468].

Цитируемый нами венецианский посол представляет Хейдар-мирзу человеком маленького роста, но очень красивым. Он был способным оратором, изящным и искусным наездником. По словам Алессандри, «он очень любит слушать беседу людей о войне, хотя и не считает себя подходящим для подобных упражнений из-за своей слишком деликатной и почти женской натуры»[469]. Благодаря влиянию и роли в государственных делах он заслужил уважение придворных, хотя братья и сестры ненавидели и завидовали ему. Для того, чтобы разобраться в событиях, последовавших за смертью Тахмасиба, необходимо остановиться на положении при дворе и расстановке сил, определивших исход борьбы за трон.

У шаха Тахмасиба осталось 9 сыновей. Это—Мухаммед-мирза и Исмаил-мирза, рожденные от Солтаным, дочери Иса-бека Мосуллу Туркмана; Сулейман-мирза, Махмуд-мирза и Ахмед-мирза— от сестры Шамхала и черкесских невольниц; Хейдар-мирза (о котором речь шла выше), Имамкули-мирза, Мустафа мирза и Али-мирза — от грузинских рабынь[470].

Вопрос о престолонаследии не вставал до тех пор, пока шах был здоров. Но стоило Тахмасибу в 1575 г. (982 г. х.) тяжело заболеть, как этот вопрос стал главной темой обсуждений при дворе[471]. Противоречия при

---

[467] Путешествия венецианцев, стр. 215, 220.
[468] Тарих-и алем арай-и Аббаси, I, стр. 133.
[469] Путешествия венецианцев, стр. 215.
[470] Шереф-наме, II, стр. 252. Тарих-и алем арай-и Аббаси, I. стр.. 133—135. Из них. как это будет показано в дальнейшем, престола достигли Исмаил-мирза (Исмаил II) и Мухаммед-мирза (Худабенде). См.. также: Ахсан ат-таварих. стр. 489—490.
[471] Ахсан ат-таварих, стр. 458.

сефевидском дворе обострились, наметились группировки, выдвигавшие своего кандидата в качестве наследника трона.

Старшим сыном Тахмасиба, который, казалось, имел неоспоримые права на престол, был Мухаммед-мирза. Но в действительности, его шансы были ничтожными из-за тяжелого недуга — прогрессирующей слепоты. Остальные сыновья шаха, за исключением Исмаил-мирзы, были малолетними и поэтому в счет не принимались.

Исмаил являлся серьезным соперником Хейдар-мирзы, также пользовавшимся большой популярностью и поддержкой сильной группировки кызылбашской знати. Однако положение Исмаила осложнялось тем, что он уже около двух десятков лет томился в заключении в крепости Кахкаха[472].

Исмаил-мирза, известный под именем шаха Исмаила II, вступил на политическую арену четырнадцатилетним юношей. Когда в 1547 г. (954 г. х.) брат шаха Алкас-мирза взбунтовался и перебрался ко двору турецкого султана, юному Исмаилу было поручено вместо него правление Ширваном. Его воспитателем, советником (леле) при этом был Гёкча-солтан из племени каджар[473]. Молодому принцу пришлось получить боевое крещение в битве с Бурханом — одним из потомков низложенной династии ширваншахов.

Вскоре Исмаил-мирза попытал счастья в более трудных сражениях с первоклассной по тому времени армией османского султана Сулеймана I. В битвах с врагом ярко проявился полководческий талант молодого принца. Ужасающее впечатление на турок оказала решительная победа кызылбашских войск под командой Исмаил-мирзы над османским правителем Эрзурума, заносчивым Искендер-пашой в 1552 г. (969 г. х.). В этой битве Исмаилу удалось осуществить тактический маневр, заключающийся в том, что кызылбаши путем ложного отступления вывели противника из крепости, а в открытом поле окружили и наголову разгромили войска Искендер-паши, взяв в плен ряд знатных сановников турецкого султана[474].

Этот блестящий триумф Исмаила принес ему славу непобедимого полководца. Турки, на которых он наводил ужас своими дерзкими молниеносными рейдами, назвали его «безумным Исмаилом» («Дели Исмаил»)[475]. Даже через двадцать лет предание о подвигах Исмаила было еще живо в Азербайджане и, как бывает в этих случаях, непомерно приукрашивалось. Так, в 1574 г. английский купец Джеффри Декет сообщает,

---

472 Крепость находилась между Ардебилем и Тебризом в горах Савалан.
473 Ахсан ат-таварих, стр. 319—320.
474 Там же, стр. 361—367. Этот маневр Исмаила очень напоминает тактику его деда шаха Исмаила I, который таким же образом в 1510 г. разбил Шейбани-хана у Мерва.
475 Des Alteren Tage-Buch... Herfur gegeben durch seinen Enckel M. Samuelem Gerlachium, Frankfurt, 1674, S. 207. (Цит. по кн.: *W. Hinz.* Schah Esmail II, s. 32).

что в битве Исмаила с Искендер-пашой погибло якобы около 100 тыс. турок[476].

Когда в 1555 г. в Амасье наступила длительная передышка в османо-сефевидских войнах, шах Тахмасиб вернулся из Карабаха в Тебриз, решив отпраздновать заключение мира и достойным образом чествовать героя войны с турками. В Тебризе был устроен праздник таких размеров, что он «до сих пор не сходит с языка среди кызылбашей», — пишет Искендер Мунши[477]. Тут же состоялась пышная свадьба Исмаила с дочерью Шах Нейматуллы Йезди[478].

До сих пор, казалось, что отношения, между отцом и сыном не оставляли желать ничего лучшего. «Но в ответ на благосклонность и милости шаха он проявил неблагодарность и позволил себе многие поступки, которые его почтенный отец не одобрял»,— пишет Искендер Мунши[479]. Вследствие этого, сообщает историк, дальнейшее пребывание принца при дворе стало для шаха нежелательным, и он в 1556 г. (963 г. х.) был отослан в Герат, чтобы в качестве правителя сменить своего старшего брата Мухаммед-мирзу.

Искендер-Мунши сообщает, что некто Али-солтан Текели по приказу шаха должен был доставить Исмаила в Герат и забрать с собой принца Мухаммеда ко дворцу шаха. При возвращении Али-солтана с Мухаммедом из Герата недалеко от Соуджбулака, где находился шах, он был насмерть избит одним из шахских курчиев. Искендер Мунши, не раскрывая причину суровой расправы с Али-солтаном, ограничивается указанием, что при сопровождении Исмаила в Герат он нарушил данные ему шахом указания.

В чем состояла вина Али-солтана, раскрывает В. Хинц, привлекая материалы из «Хуласе-и макал» Мухаммеда Тахира Казвини.

Али-солтан при сопровождении Исмаила в Хорасан получил от шаха письмо, которое он должен был передать лично эмир ал-умара Герата Мухаммед-хану Шереф ад-Дин оглы Текели, состоявшему в качестве леле при царевиче Мухаммед-мирзе. Согласно письму, Исмаил-мирза должен был во всем действовать только с согласия и одобрения эмира и находиться под его полной опекой. Ознакомив Исмаила с содержанием письма, Али-солтан утаил его от эмира; на требования Мухаммед-хана отдать ему письмо шаха, тот невозмутимо отвечал, что он должен передать ему устный приказ Тахмасиба, согласно которому эмир и его сыновья во всем должны подчиняться царевичу. Мухаммед-хану не оставалось ничего другого, как непосредственно обратиться к шаху с письмом, где он поставил его обо всем

---

[476] Английские путешественники, стр. 257.
[477] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 132.
[478] Шах Нтйматулла был женат на сестре Тахмасиба Ханыш-ханум; от их брака родилась эта дочь. (Джавахир ал-ахбар, л. 324б).
[479] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 132.

в известность, и шах отозвал Али-солтана назад. Таким образом Али-солтан смертью расплатился за свою преданность Исмаил-мирзе. Между тем Исмаил в Герате отстранил своего леле Мухаммед-хана от участия в государственных делах, все вопросы решая самовольно [480]. Так например, Алессандри указывает, что Исмаил, не спрося шаха, послал правителям областей письма с требованием, чтобы они немедленно собрали войска и в нарушение Амасийского договора вторгнулись в османские владения [481]. Подобные сообщения подтверждаются и другими европейскими источниками.

Отстраненный от государственных дел и оскорбленный Мухаммед-хан сообщил шаху о поведении его сына, прося отозвать его обратно. К тому же везир шаха Ма'сум-бек Сефеви, имевший на шаха большое влияние, показал ему несколько писем, адресованных Исмаилом правителям областей с призывом о сборе войск для похода против султана[482]. Шах не мог одобрить подобные опасные признаки неповиновения, тем более, что еще свежи были в его памяти тяжелые удары, нанесенные ему родными братьями Алкасом и Самом. К тому же шаху хорошо была известна популярность его сына в среде кызылбашских воинов. Логично предположить, что Тахмасиб серьезно опасался того, что Исмаил стремится отстранить его от престола и занять его место.

Опасаясь дальнейшей деятельности Исмаила, Тахмасиб немедленно послал в Герат начальника своей гвардии (курчибаши) Севиндик-бека Афшара с приказом отстранить Исмаила. На его место правителем Герата вновь был назначен Мухаммед-мирза. Севиндик-бек доставил Исмаила через Табес и Йезд в Саве[483], где он был передан в руки Ма'сум-бека, который заключил его в крепость Кахкаха[484]. Мухаммед Тахир Казвини сообщает, что Исмаил имел своих активных приверженцев при дворе, которые были в это время репрессированы: Хамза-бек рекабдарбаши, Хайр Мирек, Сулейман-бек[485]. Близкий к царевичу Шахрух-бек Тати-оглы был брошен в крепость Истахр[486].

Исмаил томился в заключении 19 лет, 6 месяцев и 21 день [487]. Двадцатичетырехлетним, полным сил и энергии переступил он порог

[480] Хуласе-и макал, л. 141а—143б. Цит. по кн.: *W. Hinz.* Schah Esmail II, s, 35.
[481] Путешествия венецианцев, стр. 214.
[482] Там же.
[483] Город южнее Казвина.
[484] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 132—133.
[485] *W. Hinz.* Schah Esmail II, s. 35—36; см. также: The Travels and Adventures of the Turkish Admiral Sidi Ali Reis in India, Afganistan, Central Asia and Persia during the years 1553—1556. Trans. from Turk., with notes, by A. Vambery, Lond., 1889, p. 91.
[486] Там же, стр. 37.
[487] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 133. «Ахсан ат-таварих» вообще обходит факт заключения Исмаила в Кахкаха.

крепости и смог выйти из нее только сорокатрехлетним человеком, надломленным морально и физически. Это заключение оставило непоправимый след в душе Исмаила, оно отразилось в дальнейшем в его нечеловеческих жестокостях во время короткого правления.

Во время пребывания Исмаила в Кахкаха произошло событие, которое предопределило волнения при дворе и раскол в среде знати после смерти шаха Тахмасиба.

Как сообщает нам Шереф-хан Бидлиси, в 979 г. х. (1571 — 1572 гг.) из крепости Кахкаха[488] пропали слитки золота и серебра. Комендант крепости Хабиб-бек Устаджлу обвинил принца в краже исчезнувших слитков. Исмаил же обвинил в этом дочь Хабиб-бека. Для расследования дела на месте шах послал в крепость группу казылбашских эмиров. Хусейнкули-халифе Румлу и Вели-халифе Шамлу правитель Кума высказались за принца. А между тем представитель племени Устаджлу Пире Мухаммед-хан и правитель Карадага Халифе Ансар взяли сторону Хабиб-бека, поддержав его обвинения. Возвратившись в Казвин, они в присутствии шаха обрушились друг на друга. «И с того дня, — пишет Шереф-хан, —вспыхнула вражда в среде казылбашских племен»[489].

О той напряженности, которая сразу же создалась при дворе во время первого приступа болезни Тахмасиба в 1575 г., и борьбе за трон мы опять черпаем сведения у Искендера Мунши. Он сообщает, что в дни болезни придворная знать раскололась на две группы, причем каждая из них хотела посадить на престол своего кандидата. По словам Искендера Мунши, «большинство народа из числа военных и райятов были приверженцами Исмаил-мирзы». Эмиры устаджлу такие как Мурад-хан суфречи, Хусейн-бек юзбаши, Пири-бек, Мухаммед-бек эмирахурбаши и Аллахкули-солтан Айджек-оглы, занимавшие в это время важные государственные посты, объединились для отстаивания прав Хейдар-мирзы. Сын Ма'сум-бека-Сефеви Садр ад-Дин-хан, ставший леле Хейдар-мирзы после своего отца, немедленно связался с племенем шейхавенд и грузинской знатью, заключив с ними клятвенный союз в борьбе за права своего подопечного.

В противоположном лагере, защищавшем интересы Исмаила, были Хусейнкули-халифе Румлу, Амираслан-солтан Афшар, Хейдар-солтан Чабук Туркман. Племена афшар, румлу и туркман в полном составе входили в число его приверженцев. Активной сторонницей Исмаила являлась также принцесса Перихан ханум, наделенная острым умом и способностями, любимая дочь Тахмасиба, единственная из дочерей, допускавшаяся на государственный совет[490].

---

[488] Крепость служила не только тюрьмой, но и хранилищем части государственной казны.
[489] Шереф-наме, II, стр. 243.
[490] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 119.

Однако на этот раз Тахмасиб обманул надежды обеих группировок и, благодаря искусству своего лекаря Мовлана Гияс ад-Дина Али Каши, выздоровел[491]. Мать Перихан-ханум по поручению дочери сразу сообщила шаху о кознях сторонников принца Хейдара, стараясь настроить шаха против него. Но еле оправившийся Тахмасиб не придал значения проискам знати.

Любопытно, что первым долгом Тахмасиб позаботился об охране жизни своего сына в Кахкаха. Дело в том, что шах опасался того, что Фаррухзад-бек эшикагасибаши — предводитель (ришсефид) племени карадаглы, ярый приверженец Хейдар-мирзы и родственник коменданта крепости Кахкаха Халифе Ансара из того же племени — может через него организовать убийство беспомощного Исмаила. Для предупреждения этого Тахмасиб выслал в Кахкаха группу курчиев из племени афшар. Эта мера шаха придала силы сторонникам Исмаила.

Помимо этого, Тахмасиб решил несколько ослабить позиции знати устаджлу в столице. С этой целью он стал временами отсылать их влиятельных, представителей с разными поручениями на периферию. Так, Мурад-хан получил задание захватить крепость Коджур и двинулся на Рустемдар, Пири-бек был назначен правителем Рея и направился туда. Хусейн-бек юзбаши, которого шах также хотел направить в Стамбул во главе кызылбашского посольства в связи со смертью Селима II и восшествием на трон его сына Мурада III, отказался от этой миссии[492] под предлогом посещения священной гробницы имама Резы в Мешхеде. Хусейн-бек опасался того, что во время его отсутствия обстановка при дворе может измениться в пользу Исмаила. Но вскоре шах стал равнодушен к проискам сторон. В это время умер Назар-солтан Устаджлу, леле царевича Мустафа-мирзы и вместо него опекунам царевича был назначен Хусейн-бек юзбаши. Искендер Мунши замечает, что после этого «пламя вражды и интриг между кызылбашскими племенами» несколько угасло.

Кровавые события 14 мая 1576 г. и их оценка. В начале мая 1576 г. шах Тахмасиб и вновь слег в постель. Придворным врачам, присматривавшим за шахом, болезнь показалась вначале пустячной. Однако в ночь с 13 на 14 мая (15 сафара)[493] Тахмасиб почувствовал себя значительно хуже: резко поднялась температура и силы стали покидать его. Все бывшие в столице сыновья к дочери, а также придворные столпились у изголовья больного. В полночь шах вдруг приказал всем уйти. Все разошлись по домам, за исключением принца Хейдара.

[491] Ахсан ат-таварих, стр. 458.
[492] Вместо него в Турцию был послан другой эмир устаджлу, правитель Чухурсаада Мухаммед-хан Тохмак.
[493] Ахсан ат-таварих, стр. 464.

Искепдер Мунши пишет, что имеются две версии о том, почему Хейдар-мирза остался при шахе. Одни говорят, что он остался по приказанию шаха. Правда, на другой день после смерти Тахмасиба на свет была вытащена бумага, якобы являвшаяся завещанием шаха, согласно которой он назначил своим преемником царевича Хейдара. Но хронисты указывают, что завещание было подложным и было составлено самим царевичем[494].

Другие, что кажется более вероятным, утверждают, что мать Хейдара, боясь, что ее сын может пострадать от врагов вне дворца, уговорила его остаться. Она сказала ему, что «в состоянии отца произошел перелом к худшему и, вероятно, в эту ночь он распростится с жизнью, ты преемник своего отца, куда хочешь идти, оставив трон падишаха. Тебе следует остаться в довлет-хане. И как только произойдет ужасное событие, ты оденешь на голову отцовскую корону и сядешь на коврик Августейшего во дворце благословенного в Чехел Сотун». Мать убеждала Хейдара, что в случае мятежа, имея во дворце свободный доступ к казнохранилищам и арсеналу, он мог бы обеспечить себе трон путем подкупа жадных до золота юзбашиев, курчиев и охраны. Когда же подоспеют во дворец приверженцы принца и состоится коронация, сторонникам Исмаил-мирзы не останется ничего другого, как выразить свою покорность новому шаху. Вняв доводам матери, принц остался при дворце. Ранним утром 14 мая 1576 г. шах скончался[495].

В. Хинц называет поведение шаха Тахмасиба перед смертью «противоречивым и двойственным». С одной стороны, пишет он, шах позаботился о личной охране принца Исмаила в Кахкаха, а с другой — появился приказ, который он отдал своему послу Тохмак-хану Устаджлу, о том, чтобы тот позаботился о беспрепятственном унаследовании трона царевичем Хейдаром [496]. Последнее сообщение не подтверждается персоязычными источниками. Вероятнее всего, что Тахмасиб, не веря в свою близкую смерть, не составил завещания. Этим шах невольно способствовал возникновению мятежа тут же после своей кончины.

Итак, оставшись во дворце, Хейдар-мирза был уверен, что он у желанной цели. Утром он даже надел на голову корону отца и привязал его меч[497]. Однако всё складывалось против него.

Во-первых, выяснилось, что в эту ночь охрану дворца несут курчии из племен румлу, афшар, каджар, баят и варсак[498] под начальством Вели-бека Афшара юзбаши гарема. Все эти племена были приверженцами царевича Исмаила. Тут же вслед за смертью шаха ими были закрыты все входы и

---

[494] Ахсан ат-таварих, стр. 466; Джавахир ал-ахбар, л. 335а.
[495] События изложены согласно Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 119—122.
[496] *W. Hinz. S*chah Esmail II, s. 45.
[497] Шереф-наме, II, стр. 248.
[498] Ахсан ат-таварих. стр. 466.

выходы из дворца. По словам Искендера Мунши, «действуя по совету неразумной женщины, царевич пребывал внутри дворца, оставив (своих) сторонников и приверженцев вне дворца»[499]. Хейдар-мирза таким образом оказался пленником своих противников, закрывших его сторонникам возможность прийти к нему на помощь.

С другой стороны, он не сумел обезвредить сторонницу Исмаила— умную, но коварную сестру свою Перихан-ханум, которой удалось его провести. Найдя себя в то утро пленницей Хейдара в шахском гареме, она решила, что единственным путем выйти из дворца и помешать осуществлению планов брата является притворство и обман, на которые она была мастерица. Она немедленно явилась к Хейдару и, всем своим видом изображая покорность и подобострастие, с жаром умоляла брата простить ее, «неразумную женщину», если она в чем-либо по недомыслию провинилась перед ним, и убеждала, что впредь она будет беззаветно служить ему, стараясь вернуть былые дружеские отношения. При этом она бросилась к брату и поцеловала ему ногу, повернулась к стоявшей тут матери и сказала: «Будь свидетельницей, что никто не опередил меня в поздравлении Его Величества с восшествием (на трон) и целовании ноги его»[500].

После этого она поклялась на Коране, попросив разрешить ей пойти домой якобы для того, чтобы сообщить своему брату царевичу Сулейману и дяде Шамхалу эту новость и привести их во дворец для услужения ему. Наивный и легковерный Хейдар поверил в наигранную искренность своей сестры и тем самым обрек себя на гибель.

Получив, разрешение уйти, принцесса Перихан-ханум спешно открыла собственным ключом потайную комнату, ведущую из сада гарема на дворцовую площадь («Мейдан-и асп») и ввела своего дядю Шамхала в курс последних событий.

Оставшись во дворце, принц Хейдар осыпал золотом и подарками сотников (юзбашиян), курчиев, эшикагасиев (церемониймейстеров), представителей дворцовой охраны и придворных и всем им что-либо посулил. Но его попытки подкупить охрану дворца, чтобы открыть доступ к нему его приверженцам, были тщетными. Искендер Мунши рассказывает со слов вышеупомянутого Вели-бека Афшара, что принц Хейдар в то утро предложил ему правление Керманом и должность курчибаши, если тот даст приказ курчиям открыть ворота дворца и впустит его сторонников. Вели-бек прошел до ворот, вернулся к царевичу и сказал, что «бессовестные» курчии отказываются как впустить, так и выпустить кого-либо из дворца. Тогда принц взялся за меч и хотел покончить с собой, но его мать, с криком

---

[499] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 192.
[500] Там же.

бросившись к нему, помешала этому. Принц повернулся и пошел в гарем. И до конца того дня он «то входил, то выходил» из помещения гарема[501].

Как только весть о смерти шаха Тахмасиба, несмотря на все попытки скрыть ее, распространилась в столице, утром 14-го мая Амираслан-хан Афшар с принцем Ахмедом, а также Мухаммед-мирза пришли в дом Хусейикули-хулафа Румлу. Сюда собрались приверженцы Исмаила.

Племена шейхавенд, устаджлу, грузины и другие сторонники Хейдара Ма'сум-хан Сефеви, Хамза-солтан Талыш, Сейид-бек Камуне, Алихан-бек (грузин), Аллахкули-хан Айджек-оглы Устаджлу собрались в доме Хусейн-бека юзбаши. Здесь был принц Мустафа и сюда прибыл также сын Бахрам-мирзы Ибрагим-мирза.

Отсиживались у себя дома, ожидая дальнейшего хода событий: Хейдар-султан Чабук Туркман, Кули-бек Афшар, Мухаммедкули Зулкадар мухрдар, Мирза Али-солтан Каджар и др.

Сторонники Хейдара были уверены в своих силах и не особенно беспокоились за исход борьбы. Они думали войти во дворец и поставить на престол принца Хейдара, а тех, кто помешает, убрать с пути[502].

Что касается Исмаила, они рассчитывали, что он находится под надежной охраной их сторонника Халифе Ансара Карадаглы и после восшествия на престол Хейдара с ним поступят согласно указаниям нового шаха. Некоторые из них предупреждали, что в случае прорыва во дворец, курчии могут покончить с царевичем прежде, чем его сторонники сумеют прийти к нему на помощь. Они часто меняли свое решение и, наконец, пришли к тому, что так как в эту ночь охрана дворца должна была перейти к курчиям из племени устаджлу, то надо ждать до вечера. Аллахкули Айджек-оглы предложил вместо того, чтобы идти во дворец, тайно проникнуть в дом Хусейнкули-хулафа и, пока там не собрались все сторонники Исмаила, убить его и рассеять его группу. Как только весть об этом достигнет дворца, убеждал он, объятые страхом защитники дворца снимут охрану ворот и перейдут на нашу сторону. По мнению Искендера Мунши, это было наиболее здравое решение, но оно не было принято.

Между тем Хусейнкули-хулафа Румлу человек умный, предприимчивый и много видевший на своем веку, серьезно опасался того, как бы сторонники Хейдара не вздумали напасть на его дом. Первым долгом он направил двух ришсефидов Будака Румлу и Шахкули-солтан Тебет-оглы Зулкадара к Хусейн-беку юзбаши, чтобы они повели переговоры о мире и предупредили бы враждебные действия. Противной стороне предлагалось заключить союз; сначала похоронить покойного шаха, а после этого на совете ришсефидов обеих сторон спокойно обсудить вопрос о том, какой из

---

[501] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 192—193.

[502] Там же, стр. 193.

претендентов наиболее достоин по своим личным качествам занять место покойного шаха («согласно требованиям веры и трона»). Он прекрасно знал, что переговоры бесполезны, но послал их, чтобы выиграть время.

Кроме того, он выслал своего человека на один фарсах от города с тем, чтобы тот, прискакав в город, сообщил бы народу о «прибытии» Исмаила. В полдень в город прибыл весь вспотевший всадник и сообщил, что скоро в город прибывает Исмаил-мирза и распространил слух, что покойный шах двенадцатью днями раньше тайно посылал человека за принцем Исмаилом и поэтому его скоро доставят в Казвин. Население столицы пришло в волнение, и большая группа горожан направилась к дому Хусейнкули-хулафа Румлу. Приверженцев же Хейдара эта весть ввергла в замешательство и уныние. Правда, к вечеру выяснилось, что это известие ложное и является выдумкой изобретательного Хусейнкули.

Ряд эмиров, которые первоначально держались в стороне от борьбы, как например Мухаммедкули-халифе мухрдар, Хейдар-солтан Чабук Туркман пошли в дом Хусейнкули, примкнув к сторонникам Исмаила. В рядах приверженцев Хейдара наблюдалась растерянность. Так, к вечеру 14 мая Хусейн-бек юзбаши и другие приверженцы Хейдара, наконец, решились двинуться ко дворцу. Но в самом начале пути царевич Ибрагим (сын Бахрам-мирзы, брата Тахмасиба) отказался идти дальше и вернулся домой. Его примеру последовал Аллахкули-солтан Айджек-оглы Устаджлу. Это, конечно, вызвало упадок духа в группировке Хейдара. Сначала Хусейн-бек двинулся ко дворцу по главной улице, но когда они достигли дома Халифе мухрдара и Кули-бека Афшара, им преградили путь, стреляя из ружей и луков с крыш. Хусейн-бек, не ввязываясь в перестрелку, повернул на другую дорогу, проходящую позади здания казначейства. Полагая, что имеет дело с грабителями, стража открыла огонь по ним. Тогда Хусейн-бек крикнул: «Мы не хотим сражаться ни за кого. Идем сменять караул (дворца). Чего вы хотите от нас?» Услышав это, стража прекратила стрельбу и пропустила отряд Хусейн-бека. Добравшись до дворца, отряд застал ворота закрытыми и забаррикадированными. В это время они получили сведения о том, что Хусейнкули-хулафа со своими людьми по главной улице пробрался на площадь «Мейдан-и асп», примыкавшей к садику гарема. Приверженцы Хейдара опасались и, как мы увидим, не без основания, что противная сторона, очевидно, имеет целью проникнуть в сад гарема и убить принца. Хусейн-беку удалось взломать двери и прорваться во дворец. В этот момент принц Хейдар находился в гареме. Он метался по помещению, пытаясь найти выход, но все двери оказались наглухо закрытыми.

Приверженцы Хейдара проникли в шахскую столовую и, двигаясь из комнаты в комнату дворца, громко звали: «Шах Хейдар!». Но с другой стороны дворца Хусейнкули-хулафа Румлу со своими людьми и Шамхалом

открыли двери сада гарема и стали отыскивать по всем углам Хейдара. Видя приближение врагов, Хейдар вновь бросился к женским покоям и сел рядом со своей матерью в надежде, что кызылбаши не посмеют войти в шахский гарем. Однако надежды его не оправдались. Кызылбаши ворвались в гарем и потребовали выдачи им принца. Принц смешался со служанками и женщинами гарема. Одев женское платье, он покинул гарем.

Направляясь к другому зданию, он был узнан одним из эшикагаси гарема Али-беком Шамлу, который воскликнул: «Вот тот, кого вы ищете!». На принца набросились Джемшид-бек Черкес (гулям принца Сулеймана) и Велихан-бек юзбаши Румлу и, схватив Хейдара, вывели его. По знаку Хулафа и Шамхала юноша был тут же обезглавлен. И в момент, когда к дверям гарема пробились, наконец, Алихан-бек, дядя Хейдара (брат его матери) и Зал-бек с отрядом грузин, с крыши веранды гарема под ноги к ним была брошена окровавленная голова принца с насмешливым криком: «Вот вам голова вашего шаха!». Приверженцы Хейдара были ошеломлены случившимся. В ярости они пробили себе обратный путь из дворца и рассыпались кто куда. Хусейн-бек юзбаши и принц Мустафа, покинутые всеми, бежали в Луристан[503].

В тот вечер отряд кызылбашей был отправлен в крепость Кахкаха за принцем Исмаилом. После трагической гибели царевича Хейдара многие эмиры устаджлу перешли в лагерь приверженцев Исмаила и двинулись также в Кахкаха.

На следующее утро 15 мая, эмиры и принцы собрались во дворце. Сюда прибыли Ибрагим-мирза и Аллахкули-солтан Айджек-оглы, не принявшие участия во вчерашнем кровопролитии. Были взяты из своих домов и казнены Зал-бек (грузин), Хамза-бек Талыш и группа приверженцев погибшего принца. Лекарь Тахмасиба Абу Наср Гиляни был обвинен в отравлении шаха и симпатиях к принцу Хейдару. Во время событий 14 мая он спрятался в одном из каминов дворца, но был извлечен оттуда курчиями и разорван на куски. Имущество разгромленных принцев Хейдара было конфисковано кызылбашами[504].

После этой победы власть перешла в руки Перихан-ханум и Хусейнкули-хулафа Румлу, авторитет которого значительно возрос в среде кызылбашской знати.

---

[503] События 14 мая 1576 г. изложены по: «Тарих-и алем арай-и Аббаси», стр. 192—198; Хуласат ат-таварих, лл. 365б—369а; Ахсан ат-таварих, стр.163-475; Джавахир ал-ахбар, л. 335 а, б. См. также: *Н. Фальсафи,* т. I, стр. 16—19; *W. Hinz,* Schah Esmail II, SS. 44—45.

[504] Ахсан ат-таварих, стр. 473.

В главной мечети Казвина в пятницу в торжественной обстановке в присутствии эмиров, царевичей и публики была прочитана хутба в честь воцарения принца Исмаила.

В эти дни Перихан-ханум осуществляла всю полноту власти. «Никто не осмеливался превысить приказ и веление госпожи».

Теперь попытаемся дать оценку событиям 14 мая 1576 г.

В. Хиуц для этого свел описанные выше события к нижеследующим сведениям о составе обеих группировок, боровшихся друг с другом за власть:

Группировка Хейдара:

Хусейн-бек — самый влиятельный эмир племени устаджлу, воспитатель (леле) принца Мустафы, глава этой группировки.

Зал-бек — грузинский военачальник, дядя принца Имамкули.

Алихан-бек — грузинский дворянин, дядя принца Хейдара.

Мурад-хан, Пири-бек, Мухаммед-бек — эмиры устаджлу, занимавшие должности при дворе.

Аллахкули-солтан Айджек-оглы, один из авторитетных вождей устаджлу.

Халифе Ансар Карадаглы — начальник крепости Кахкаха, тюремщик принца Исмаила.

Хамза-солтан — вождь талышей.

Садр ад-Дин-хан — сын везира Тахмасиба Ма'сум-бека Сефеви, принадлежал к старейшинам племени (рода) шейхавенд. В роли опекуна принца Хейдара сменил своего отца.

Сейид-бек Камуне — влиятельный шиитский духовник.

Племя устаджлу, грузины, племя шейхавенд и талыши.

Группировка Исмаила:

Хусейнкули-халифе, очень сильный и хитрый, вождь племени румлу, глава этой группировки.

Шамхал-солтан, предводитель черкесское гвардии дворца, дядя принцессы Перихан-ханум и принца Сулеймана.

Амираслан-бек, вождь племени афшар, влиятельный эмир, воспитатель принца Ахмеда.

Вели-бек-Афшар, начальник стражи дворца несший караул в ночь с 14 на 15 мая.

Хейдар-солтан Чабук, вождь племен туркман.

Делу Будак Румлу, Махмуд-бек Афшар, Сулейман-бек Туркман, Хан Везир-бек Бахарлы, представители кызылбашской знати, принявшие активное участие в описанных событиях.

Принцесса *Перихан-ханум* — дочь Тахмасиба от черкешенки, сестра принца Сулеймана, 30 лет, красивая, умная, очень влиятельная.

Племена румлу, афшар, туркман, шамлу, каджар, зулкадар, баят, варсак и черкесы.

Из приведенных данных В. Хинц делает вывод о том, что «чистокровного тюрка» Исмаила поддерживала исключительно тюркская кызылбашская (помимо черкесов) знать, а Хейдара— племя устаджлу, шейхавенд, талыши, высшие представители персидской духовно-бюрократической знати, а также грузины[505].

Словом, В. Хинц усматривает в событиях 14 мая 1576 г. выступление персидской (таджикской) знати в союзе с другими силами против властвующей тюркской военно-кызылбашской аристократии с целью свержения ее с господствующих позиций[506]. Однако с доводами В. Хинца трудно согласиться по следующим причинам. Дело в том, что в среде приверженцев Хейдар-мирзы, которых В. Хинц выдает за персов, основной силой были отнюдь не персы, а те же тюрки, азербайджанцы. Главной силой этой группировки, как мы видели, было могущественное кызылбашское племя устаджлу. Род (племя) шейхавенд, которое безоговорочно отнесено В. Хинцем к персидским племенам, не было таковым, а являлось, как и устаджлу, тюркским родом, племенем[507]. Родственными персам были лишь талыши, игравшие второстепенную роль в группировке Хейдара.

Другой исследователь Р. М. Сейвори считает, что борьба шла между кызылбашской военной знатью и новыми при сефевидском дворе элементами — грузинами и черкесами[508]. Однако упомянутые грузины и черкесы (представители феодальной знати Грузии и социальной верхушки северной части населения Кавказских гор, принявшие мусульманство в форме шиизма и поступившие на службу к Сефевидам) не являлись в отдельности самостоятельной политической силой и сыграли в указанных событиях второстепенную роль.

В этот период персидская знать была еще слишком слаба, чтобы выступать как самостоятельная политическая сила. Поэтому кровопролитные столкновения 14 мая следует рассматривать только как новую вспышку междоусобиц отдельных группировок кызылбашской знати в борьбе за

---

[505] *W.Hinz.* Schah Esmail II, SS. 16—47.
[506] Там же, стр. 48—49.
[507] Сефевидских шахов называли также «шейхзаде» или «шейхоглу», а всех их потомков по боковой ветви и родственников — «шейхавенд». К концу XVI в. их было около двух тысяч. Жили они, как и прежде, в Ардебиле и его окрестностях. Старейшины рода выделялись своей знатностью,ползовались большим авторитетом в Сефевидском государстве, занимая высокие посты везира, мухрдара, курчибаши и т. п. В списке именитых эмиров времени шаха Тахмасиба упоминаются Садр ад-Дин Сефеви, сын Масум бека и Сейид бек Сефеви бывший правителем Астрабада (Тарих-и алем арай-и Аббаси, I, стр.141). Потомки Сефевидского рода «шейхавенд» и сейчас живут в Иране, входя в число тюркоязычных родов племени кашкай (Современный Иран. М., 1957, стр. 629).
[508] *R.M.Savory.* The Principal Offices of the Safawid State during the Reign of Tahmasp I, p. 71.

власть и влияние в государственных делах. Защищая претензии Хейдара на престол, племя устаджлу, точнее племенная знать, надеялась на сохранение своих ведущих позиций в государстве, которые она занимала в последний период правления шаха Тахмасиба. Против этого объединилось подавляющее большинство кызылбашских племен (румлу, афшар, туркман, шамлу, каджар, зулкадар, баят, варсак) с тем, чтобы вытеснить феодалов устаджлу с занимаемых ими высоких постов и захватить их места.

Восшествие Исмаила II на трон. В это время, когда происходили описанные события, принц Исмаил находился в крепости Кахкаха, под охраной семи курчиев, посланных Тахмасибом. Когда до него дошло известие о смерти отца и убийстве царевича Хейдара, Халифе Ансар Карадаглы, комендант крепости был на охоте. Исмаил не доверял Халифе Ансару, считая его сторонником Хейдара. Помимо того, он подозрительно относился к вестям из Казвина, полагая, что все это ловко придуманная против него ловушка. На всякий случай он принял меры для обеспечения своей безопасности. Люди Халифе Ансара, сторожившие крепость, были обманным путем схвачены и обезврежены им с помощью курчиев. Все входы и выходы из крепости были ими забаррикадированы на случай возможного нападения.

Халифе Ансар, получив весть о победе приверженцев Исмаила в столице, возвратился в крепость. Несмотря на неоднократно выраженные им заверения в подчинении, Исмаил не пустил его в крепость. Лишь через 3 дня, когда к подножью крепости привалили толпы народа из южной части Азербайджана и представители столичной знати, ворота крепости настежь распахнулись.

Здесь же у крепости по приказу Исмаила была казнена группа приверженцев Хейдара из племени устаджлу. Уцелевшие спаслись бегством в Ардебиль в гробницу Сефевидов. Исмаил вышел из крепости и остановился в палатке Хейдар-солтана Чабук Туркмана, специально посланного кызылбашской знатью из Казвина для сопровождения его в столицу. Сюда ежедневно стекались нескончаемые толпы народа для выражения преданности и «удостаивались чести целования порога». Через несколько дней Исмаил снялся с места и направился в Ардебиль для традиционного посещения «священных могил» своих предков.

На лугах Зенджана Исмаила встречали принц Ибрагим и назир Мирза Салман, чиновники покойного шаха, довлетхане (дворца), гарема, диванхане и буютат (дворцовых мастерских), посланные принцессой Перихан-ханум. Процессию возглавлял принц Ибрагим, радушно принятый Исмаилом. Исмаил сердечно обнял его, назвав «своим братом». Сюда из Гиляна прибыл Пире Мухаммед-хан Устаджлу совместно с принцем Имамкули. Пире Мухаммед-хан был единственным среди знати устаджлу,

которого соплеменники обвиняли в приверженности к Исмаилу. Исмаил также лицемерно заключил в свои объятия царевича Имамкули и назвал его «своим сыном». Плоды этой братской и отеческой «любви» мы увидим ниже.

13 июня (16 раби ас-сани) Исмаил достиг окрестностей Казвина и сделал остановку. Сюда встречать его пришли принцы, Хусейнкули-хулафа Румлу и «великие эмиры». Был также приведен пойманный во время бегства Хусейн-бек юзбаши, предводитель сторонников Хейдара, но вопреки ожиданиям Исмаил не казнил его, а приказал бросить в тюрьму.

На следующий день шахский кортеж остановился в парке Саадабад. Затем несколько дней он оставался в доме Хусейнкули Румлу. Сюда к нему доставили царевича Мустафу, которого Исмаил «горячо» расцеловал и усадил среди братьев, принявших его холодно. К ним он обратился со следующими словами: «Если вы будете относится ко мне с любовью и правдой, то видит аллах, я буду обращаться с вами так, как ни один падишах не обращался со своими братьями». Но, по образному выражению Искендера Мунши, «его сердце не ведало о том, что говорил его язык».

Но если братья были ему хоть внешне покорны, то не так обстояло дело со знатью кызылбашских племен. Ее представители по-прежнему собирались во дворце у принцессы, который по роскоши не только не уступал, а превосходил дворец покойного шаха. Властолюбивая по натуре Перихан-ханум надеялась, что в благодарность за ее неоценимую помощь в битве за престол Исмаил не ограничит ее роль в государственных делах, а, наоборот, будет содействовать ей. Однако надежды ее не оправдались.

Искендер Мунши указывает, что кызылбашские эмиры и сановники стали сознавать, что, посещая дворец принцессы, они тем самым умаляют значение Исмаила, который решил пресечь вмешательство своей сестры в дела государства. Да и некоторые влиятельные эмиры осуждали вмешательство женщины в государственные дела, считая это противоестественным.

Изменилось также отношение Исмаила к Хусейнкули-хулафа Румлу. Внешним поводом к этому явилось его заносчивое поведение. В действительности же Исмаилу донесли, что в первые дни после смерти шаха, когда из Кахкаха не было никаких вестей, Хусейнкули выдвигал на трон кандидатуру принца Махмуда. Перихан-ханум в свое время также поддержала эту кандидатуру. Узнав обо всем этом, Исмаил более не сомневался, что Хусейнкули-хулафа надо убрать со своего пути. Однако сделать это было нелегко, так как Хусейнкули был главой племени румлу, которое в тот момент в столице насчитывало 10 тыс. человек. Занимая должность халифат ал-хулафа, Хусейн-бек был для суфиев румлу заместителем Мюршид-и камил, т. е. шаха, как главы ордена Сефевидов. Поэтому Исмаил не мог снять его без серьезной на то причины, опасаясь

мятежа суфиев, беспрекословно преданных своему предводителю. После долгого раздумья Исмаил нашел наконец выход: он вызвал Хусейнкули и предложил ему принять должность государственного канцлера (векалат-и диван-и а'ла), оставив пост халифат ал-хулафа. Но Хусейнкули хорошо понимал, что если он примет предложение шаха, то потеряет свою силу и независимость как халифе, причем потом в любой угодный ему момент шах может снять его и с поста векила дивана. Подумав, он решил отказаться. Тогда Исмаил вызвал к себе эмиров румлу и обратился к ним с вопросом о том, что следует сделать с суфием, который пренебрег советом своего мюршида. Они, как и следовало ожидать, ответили, что подобный суфи заслуживает наказания. Об этом разговоре сообщили Хусейнкули. На следующее утро, когда он явился к шаху, его не впустили. Ему пришлось виновато сидеть на пороге своего собственного дома, в котором оставался шах. На третий день по указу шаха Хусейнкули был назначен начальником курчиев в Мешхеде. Покинутый соплеменниками, он в одиночестве отправился в Хорасан. В Дамгане он был остановлен и ослеплен по приказу шаха одним из своих соплеменников.

После этого Исмаил перебрался из дома Хусейнкули в дом эмира Шахкули-солтана Еган Устаджлу, располагавшийся у дворца Перихан-ханум. Шах принял сестру довольно недружелюбно. И наконец, «в час, назначенный им самим»[509], Исмаил переступил порог шахского дворца. Первым долгом он приступил к его перестройке. Подготовка к коронации Исмаила, час которой был назначен им по гороскопу и объявлен по всей стране, шла в столице полным ходом. Со всех сторон казылбашские племена стекались в столицу, на улицах Казвина была ужасная сутолока. К резиденции шаха прибывали с подношениями послы соседних государей, эмиры, правители окраин и группы населения[510].

«Так как им был назначен час для своего восшествия (на трон), то все государственные дела были отложены до дня коронации», — пишет Искендер Мунши. Люди отсчитывали дни в ожидании этого события.

Коронация принца Исмаила, известного под именем шаха Исмаила II, состоялась 22 августа 1576 г. (27 джумада ал-аввал 984 г. х.)[511]. В дворцовом зале Чехел Сотун был устроен пышный прием по этому случаю. Присутствовали все эмиры, принцы и государственные сановники. В

---

[509] Причина, по которой Исмаил не сразу вошел во дворец, состоит в том, что как все мусульманские правители, он ждал «благоприятного для этого расположения звезд» - «счастливого гороскопа. Исмаил сам был искусным толкователем звезд, мюнеджжимом.

[510] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр.199-200; Хуласат ат-таварих, лл. 373б-379а.

[511] Датировки Искендера Мунши, Кази Ахмеда и Хасана Румлу совпадают (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 207; Хуласат ат-таварих, лл. 380а, б; Ахсан ат-таварих, стр. 483). Но первый излагает убийство принцев до коронации, а остальные – наоборот. Мы считаем изложение Хасана Румлу и Кази Ахмеда хронологически более надежным.

торжественной обстановке в шахском одеянии и украшениях Исмаил вошел в зал и воссел на престол своего отца. Затем началась традиционная церемония присяги на «верность трону». К месту, на котором восседал новый шах, вначале подходили принцы, за ними следовали сейиды, улемы, муджтехиды, грузинские князья—Иса-хан сын Левана и Симон сын Луарсаба[512]. Затем последовали Шах Рустем Лур, высокопоставленные эмиры и кызылбашская знать, везиры и высшие чиновники, провинциальная знать, послы индийского государя Низамшаха, Ибрагим-хана правителя Луристана, Мирза-хана правителя Мазандарана и сейид Саджада правителя Арабистана. В конце к трону «для целования ног» подошли франкские (европейские) послы короля Португалии Дона Себастьяна. Все подношения и подарки, которые получил Исмаил со дня освобождения из крепости, были сложены у его ног[513].

Мы уже говорили о преследованиях, которым подверглось племя устаджлу в столице. Весть об этом послужила сигналом для ниспровержения его представителей с господствующих позиций в провинциях. Так, в Хорасане (Герате), где важные посты были в руках знати этого племени, произошел мятеж племени афшар совместно с другими кызылбашскими племенами. В результате этого, правитель Хорасана Шахкули-солтан Еган[514] был убит, племя разгромлено и рассеяно. Правителем Герата и эмиром ал-умара Хорасана с присвоением титула хана шах назначил Аликули-хана Шамлы[515].

Уцелевшие члены племени устаджлу потянулись к Казвину, чтобы во что бы то ни стало выпросить у шаха Исмаила прощение их проступков и поступить к нему в услужение на равных правах с другими кызылбашскими племенами. Но и здесь они встретили недружелюбный прием. Выступлением на стороне принца Хейдара они навлекли на себя ненависть кызылбашских племен. «Племя устаджлу, — пишет Искендер Мунши, — среди кызылбашей денно и нощно переживало свой позор и страдало»[516].

Вступив на престол, Исмаил первым долгом решил укрепить свою власть. Для этого он считал необходимым обезвредить всех возможных претендентов на престол из династии. Мы уже указывали, что долголетнее пребывание в одиночном заключении сделало Исмаила крайне подозрительным и варварски жестоким. Он не мог забыть, что принц Мустафа был заодно с Хейдаром в событиях 14 мая, а принц Сулейман после

---

[512] Эти князья были специально приведены из крепости Аламут для участия в коронации. СМ.: Histoire de la Georgie. pp. 153, 455.
[513] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 207.
[514] Был леле маленького принца Аббаса (впоследствии шах Аббаса I).
[515] Внук Дурмуш-хана Шамлы (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 204).
[516] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 205.

смерти Хейдара выдвигался своей сестрой Перихан-ханум и предводителем черкесов Шамхалом в качестве кандидата на престол.

Исмаил решил в первую очередь разделаться с указанными принцами. Для этого он поручил царевича Мустафу «попечению» одного из знатных эмиров устаджлу Пире Мухаммед-хана [517] . Соплеменники устаджлу понимали, что шах задумал ужасный способ испытания их «верности трону». Хотя, как говорит Искендер Мунши, Пире Мухаммед и не хотел обагрять свои руки кровью представителя шахской династии, но он не мог уклониться от приказа грозного шаха, стремясь загладить перед ним вину своего племени. Итак, Мустафа был доставлен в дом Пире Мухаммед-хана и через несколько дней задушен.

Не менее ужасной была участь царевича Сулеймана. Он по приказу шаха был убит своим дядей Шамхалом, дрожавшим за свою жизнь. Эти убийства произошли в ночь на 1 ноября 1576 г. (7 шабана)[518].

Но Исмаил не думал останавливаться на полпути. По образному выражению Искендера Мунши, он рассматривал своих братьев как «шипы в цветнике своего государства».

До тех пор, пока был жив Султан Хусейн-мирза [519] , правитель Кандахара, которого Исмаил очень опасался [520] , он лицемерно выражал сочувствие своим братьям, стараясь усыпить их бдительность. Но поведение его по отношению к братьям резко изменилось как только было получено из Хорасана известие о смерти Султан Хусейн-мирзы[521]. Шах искал повод для того, чтобы расправиться с остальными братьями, которые собственно ничем не провинились и страдали от его несправедливых упреков.

Однажды на столичной площади между суфиями румлу и мулязимами даруги Казвина возник спор, перешедший в драку. Вскоре сюда подоспел сам даруга Абдулгани-бек Устаджлу с отрядом своих людей. Но и он был избит суфиями, которых было гораздо больше. Исмаил приказал Мусеиб-хану Текели и Муртузакули-хану Порнак двинуться для подавления мятежников. Эмиры двинулись к «жилищам того народа», устроив резню среди людей, совершенно не причастных к потасовке на площади[522].

Воспользовавшись беспорядками, Исмаил поручил своим людям расправиться с находящимися в столице принцами. Были убиты Мухаммед-

---

[517] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 207.
[518] Ахсан ат-таварих, стр. 484; Хуласат ат-таварих, лл. 382а, б.
[519] Сын Бахрам-мирзы, брат Ибрагим-мирзы.
[520] Он не признавал Исмаила в качестве шаха.
[521] Хуласат ат-таварих, лл. 382а, 383а.
[522] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 208—209; Нагават ал-асар, стр. 34.

Хусейн-мирза[523], принц Махмуд и его годовалый сын Мухаммед Бакир, принцы Имамкули и Ахмед[524], а также Ибрагим-мирза[525].

Затем Исмаил II взялся за двоюродных братьев и их мужское потомство на периферии. Так, по его приказу были убиты сын Бахрам-мирзы Бади аз-заман-мирза со своим сыном Бахрамом в Систане[526], а Солтан Али-мирза, пребывавший в Гяндже, был ослеплен. На этом убийства временно прекратились. Собственно, нетронутыми оставались только сыновья его родного брата (от одной матери) Мухаммед-мирзы: Солтан Хасан-мирза, Хамза-мирза, Аббас-мирза, Абу Талыб-мирза и Тахмасиб-мирза.

Государственная деятельность шаха Исмаила II. Положение народа в последние годы правления шаха Тахмасиба было особенно тяжелым. На протяжении последних 8 лет, по свидетельству Алессандри, разбойниками было убито более 10 тыс. человек. Дороги стали небезопасными, нападения на купеческие склады стали обычным явлением[527].

По словам Хасан-бека Румлу, смерть шаха Тахмасиба вызвала большой страх и смятение в среде знати. Сейиды, казии и улемы опасались за свою жизнь, боялись восстания «подонков и черни» (ронуд ве оубаш)[528]. О том, что эта угроза была не воображаемой, а реальной, можно судить по сведениям Искендера Мунши, сообщавшего, что в течение десяти дней после кончины шаха в Казвине преобладали смуты и беспорядки. «Чернь (аджамире) и подонки (оубаш) кварталов подняли головы для мятежа и смут», — пишет Искендер Мунши. Разумеется, в первую очередь нападениям подверглись дома имущих горожан. В эти дни никто не решался «высунуть голову из своего дома». Так продолжалось до 24 мая 1576 г., когда власти решили пресечь опасный поворот событий. В этот день глашатаи объявили по городу приказ, что улицы должны быть очищены от баррикад и «впредь каждый, кто посягнет на другого, будет казнен»[529].

В дни коронации ко двору шаха прибывали толпы народа с требованием разбора своих дел. Среди них были «тюрки, таджики, военные и райяты»[530]. Чтобы предотвратить взрыв возмущения крестьян и горожан, Исмаил поручил своему двоюродному брату Ибрагим-мирзе совместно с Мухаммеди-ханом Тохмаком Устаджлу, Мирза Али Каджаром и везиру Мирзе Шукрулла заседать в зале правосудия (диван-и а'дл) для рассмотрения

[523] Сын правителя Кандахара Солтан Хусейн-мирзы.
[524] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 209—210; Ахсан ат-таварих, стр.489—490; Хуласат ат-таварих, л. 384б.
[525] Хуласат ат-таварих, лл. 385б—386а.
[526] Там же, л. 391б.
[527] Путешествия венецианцев, стр. 216.
[528] Ахсан ат-таварих, стр. 465.
[529] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 197.
[530] Там же, стр. 206—207.

жалоб народа по налоговым и административным делам. Им было предоставлено право выдавать имеющие законную силу бумаги с подписью и печатью «высочайшего дивана».

В течение одного-двух месяцев после воцарения Исмаила светские и государственные дела решались в диван-и а'дл. Но более важные дела, такие как назначение правителей областей, которые должен был решать сам шах, откладывались. Исмаил был занят наслаждениями, используя власть, чтобы наверстать упущенное. Вскоре после этого везир Мирза Шукрулла Исфагани, вызвавший недовольство шаха, был снят со своей должности и вместо него был назначен Мирза Салман. Искендер Мунши указывает, что он пользовался большой самостоятельностью в решении государственных дел, в то время как сам Исмаил почти не вмешивался в дела управления. Мирза-Салман получил от Исмаила указание не допускать постороннего участия в делах и не пасовать перед кызылбашскими эмирами[531].

При шахе Исмаиле II были произведены некоторые изменения в составе придворных должностей и правителей областей. Разумеется, на эти должности, как и прежде, назначались представители азербайджанской знати кызылбашей. Роль персов (таджиков) ограничивалась чисто гражданскими делами. Придворная должность эшикагасибаши (главный церемониймейстер) была дана Хусейнкули-солтану Шамлу. Миршах Гази стал мустоуфий ал-мамалик (главный казначей), Мусеиб-хан Шереф ад-Дин оглы Текели был назначен правителем Рея с присвоением ему титула хана. Сулаг Хусейну Текели пожаловали правление районом Алашкерта в Курдистане. Мы уже говорили о том, что Аликули-хан Шамлы стал правителем Герата и эмир ал-умара Хорасана. Муртузакули-хан Порнак получил в правление Мешхед. Юсиф-халифе Зияд-оглы эмир ал-умара Карабаха и правитель области Гянджи был убит Пейкер-солтаном из того же племени каджар. На эту должность был назначен Имамкули-хан Каджар. Аллахкули-бек Афшар, правитель Кермана, был возведен в должность начальника шахских гвардейцев (курчибаши), а в Керман был назначен Махмуд-солтан Афшар. В область Шираз был назначен Вели-хан Галханчи-оглы Зулкадар, ставший вскоре воспитателем только что родившегося сына Исмаила Шахшоджи[532]. Шереф-хан Бидлиси, автор «Шереф-наме», получил должность «эмира эмиров» Курдистана[533].

Попытка реформы религии. Мы располагаем очень немногими сведениями о деятельности шаха Исмаила II как государя. Среди них особый интерес заслуживают сообщения о мероприятиях шаха в области религии.

[531] Тарих-и алем арай-и Аббаси. стр. 206-207.
[532] Там же, стр. 212—213.
[533] Шереф-наме I, стр. 453.

Наиболее полные сведения по этому вопросу мы вновь находим в «Тарих-и алем арай-и Аббаси» Искендера Мунши.

Уже через несколько месяцев после коронации Исмаила в народ просочились беспокойные слухи о его просуннитских высказываниях в узком кругу лиц и поэтому его стали подозревать в приверженности к суннизму[534]. Шиитские духовники двора не осмеливались открыто возразить, но между собой осуждали подобные речи шаха. Один из придворных улемов Мирза Махдум Шерифи, который еще во времена Тахмасиба обвинялся в симпатиях к суннизму, поддержал выпады шаха против шиизма и добился большого влияния у Исмаила, который, вскоре отбросив всякие опасения[535], открыто выступил в поддержку суннитов с требованием отмены «проклятия первых трех халифов».

Несмотря на сопротивление шиитского духовенства, Исмаил запретил впредь обычай публичного проклятия (теберра`и) Абу-бекра, Омара и Османа на улицах и площадях города. Он осыпал милостями представителей духовенства, ставших известными как сунниты, таких как Мирза Махдум Шерифи, мовлана Мирзаджан Ширази и Мир Махдум Лале.

Однажды Мирза Махдум пожаловался шаху, что во время проповеди в мечети шииты продолжают проклинать халифов и насмешливо отзываются о нем. Исмаил приказал группе курчиев пойти в мечеть и присутствовать на следующей проповеди, чтобы наказать тех, кто осмелится произнести проклятия. В конце пятничной проповеди дервиш по имени Камбар закончил свои слова следующим стихотворением: «Али и дому его благословение от души и сердца. Врагам же Али вечное проклятие, да будет!». Мирза-Махдум обвинил дервиша в дерзости, а стоявшие тут гвардейцы немедленно набросились на него и разбили ему голову дубинками. Это происшествие укрепило подозрения населения Казвина в суннитских убеждениях шаха[536].

Исмаил стал даже на путь преследования шиитских богословов. Так, Мир Сеид Хусейн муджтехид, Мир Сеид Али хатиб и другие были изгнаны из двора. Книги Мир Сеид Хусейна были опечатаны и изъяты, а дом его был снесен.

Приверженцы суннизма попытались привлечь на свою сторону народ. Было объявлено, что тем мусульманам, которые в течение своей жизни ни разу не проклинали сподвижников пророка, будет выплачена определенная сумма. Мирза Махдуму Шерифи было поручено выявить таких людей. Нуждающаяся часть населения Казвина, желая получить обещанную сумму, утверждала, что никогда в жизни не принадлежала к шиитам. Так как многие

---

[534] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 214.

[535] Болгар-халифе Румлу, занявший пост халифат ал-хулафа после Хусейнкули, был избит и снят с должности только за то, что отстаивал шиитскую точку зрения во время беседы с Исмаилом.

[536] Тарих и алем арай-и Аббаси, стр. 214.

казвинцы в прошлом были суннитами и придерживались шафиитской секты, то рассчитывали, что их еще много осталось в столице. Мирза Махдум выплатил установленным таким путем «суннитам» около 200 туманов[537].

Но Исмаил и просуннитски настроенные духовники не думали останавливаться на полпути. Мухтасибу (начальнику стражи) Казвина было дано указание удалить со всех стен и ворот мечетей стихи о любви к имаму Али. Мухтасиб Мир Зейн ал-Абидин Каши, сам слывший шиитом, чтобы угодить Исмаилу, велел стереть заодно все надписи, содержащие описание доблестей имамов и даже их имена.

Весть об убийстве дервиша и осквернении мечетей переполнила чашу терпения фанатичных кызылбашей. Толпы их знати в порыве крайнего возмущения собрались перед дворцом в парке Саадабад. Они не знали, как должны вести себя мюриды (суфии), если глава шиитской общины мюршид-и камил явно намерен отказаться от веры своих предков. Некоторые предлагали спросить об этом самого Исмаила, ведь только шах, как наследственный глава общины, мог разрешить их сомнения. Против этого шага возразили старейшины (ришсефиды): по нх мнению, подобное поведение не соответствовало принятым обычаям и могло быть воспринято как мятеж против шахской династии. «Да и кто осмелится задать подобный вопрос Исмаилу?».

Предводитель племени текели Эрдогду-халифе договорился вместе с вождем племени туркман Амир-ханом пойти к шаху и просить его разрешить их беспокойство по вопросу веры. Среди присутствовавших здесь эмиров нашлись люди, которые спешно скрылись и сообщили шаху, что главы племен текели и туркман заключили между собой союз и намереваются свергнуть шаха, обвинив его в вероотступничестве, и посадить на трон принца Хасана[538], находящегося в Тегеране.

Разъяренный Исмаил немедленно потребовал к себе Амир-хана и сурово сказал ему: «Вы поносите меня среди кызылбашей, (утверждая) что я избрал веру суннитов и подрываете веру народа ко мне!». Амир-хан мужественно ответил ему: «Мы не думаем так и наша вера в Его Величество шаха непоколебима. Мы полагаем, что если имеет место небрежность к вопросам веры со стороны Августейшего наместника, то это из-за (занятости) государственными делами и является делом рук врагов. Но Мирза Махдум Шерифи снял покрывало с этого дела, опозорил шаха и открыто говорит народу, что Его Величество шах имеет склонность к (принятию) суннизма. И

---

[537] Искендер Мунши отмечает, что эти деньги были возвращены при Мухаммеде Худабенде и у их получателей «кроме позора суннизма в кармане их доверия ничего не осталось» (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 215).

[538] Племянник шаха Исмаила II, старший сын его родного брата Мухаммед-мирзы (будущего шаха Мухаммеда Худабенде).

он спорит с шиитскими улемами о достоинствах той веры. Если шах считает эти слухи ложными, то пусть накажет его, а мы разве виноваты в чем-либо?». Далее Амир-хан продолжал: «Почему Его Величество шах прислушивается к словам (наших) недругов о нас (его) доброжелателях и, не проверив их правоту и ошибочность, считает (нас), искренне преданных, за (его) врагов?». Исмаил сказал: «Если я недостоен быть падишахом кызылбашей, то согласно вашему сговору и решению доставьте из Тегерана Солтана Хасана и сделайте падишахом!»[539].

Эрдогду-халифе был по приказу Исмаила арестован, а Амир-хану Исмаил сказал, что если правда то, что они не намерены посадить на трон принца Хасана, то пусть он и Мусеиб-хан Текели докажут это на деле. Это был открытый намек на убийство царевича Хасана. Эмиры поняли это и вскоре царевич был убит в Тегеране специально посланными для этого людьми[540]. После этих событий Исмаил стал подозрительно относиться к племенам туркман и текели, приближая к себе знать устаджлу.

Шах, однако, скоро понял, что в своем религиозном рвении зашел далеко. Опасаясь мятежа кызылбашской знати и беспорядков со стороны возбужденного народа, он вызвал Мирза Махдума и публично обрушился на него с упреками и обвинениями. «Это было по душе населению и таким образом подозрения народа были устранены»[541]. Впредь на придворных собраниях он никогда не поднимал вопросов о вере.

Суннитские симпатии шаха Исмаила II наиболее ярко проявились в чеканенных в его правление монетах. После воцарения Исмаила некоторое время монет с именем нового повелителя не было. Поэтому мастера чеканки (заррабийан) в интересах доходов монетного двора (заррабхане) подняли перед шахом вопрос об обновлении монет. Искендер Мунши сообщает, что Исмаил выразил при этом сомнение в правильности арабского изречения, которое обычно стояло на одной стороне монеты, а именно: «Нет божества, кроме аллаха, и Мухаммед — посланник аллаха, Али — друг аллаха». При этом он сказал, что динары и дирхемы с именем аллаха во время торговли попадают также в руки евреев, армян, огнепоклонников-индусов и других «неверных», что противоречит предписаниям веры. Конечно, не это было настоящей причиной возражений Исмаила. Искендер Мунши указывает, что Исмаилу в этом изречении не по душе была последняя часть, а именно шиитская формула «Али — друг аллаха».[542]

Махмуд Натанзи сообщает, что по указу Исмаила были выпущены золотые и серебряные монеты без примеси достоинством в десять дангов. На

[539] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 216.
[540] Там же, стр. 211—212; Нагават ал-асар, стр. 45; Хуласат ат-таварих, л. 395б.
[541] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 216.
[542] Там же, стр. 217.

одной стороне золотых монет был выбит бейт шейха Аттара, на другой — имя и титулы падишаха и место чеканки. Отказ от традиционной шиитской формулы на монетах вызвал сильную оппозицию духовенства, но это не изменило решения Исмаила II[543].

В чем же смысл и цель просуннитской религиозной политики шаха Исмаила II? Дать ясный ответ на этот вопрос на основе имеющихся у нас материалов очень трудно. Современник описываемых событий Шереф-хан Бидлиси пишет, что до того, как Исмаил укрепился у власти, он вопреки обычаю своих предков предпринял меры для создания в стране таких порядков, при которых «сунниты и шииты — каждый следовали своей вере и в дела друг друга не вмешивались»[544].

При заключении мирного договора между султаном Сулейманом и шахом Тахмасибом в 1555 г. с османской стороны был сделан упор на то, чтобы Сефевиды признали бы и «первых трех халифов, если они хотят жить в мире с султаном»[545].

Можно поэтому высказать только предположение, что шах Исмаил II, вступивший на престол почти одновременно с султаном Мурадом III, стремился установить с последним мирные отношения и в этих полях хотел смягчить шиитско-суннитский антагонизм. Очень возможно, что именно поэтому за короткое правление Исмаила II на сефевидско-османской границе царило спокойствие; ни одна сторона не нарушала мир.

После волнений в Казвине в связи с новым религиозным курсом шаха и убийства принца Хасана, недоверчивость и подозрительность Исмаила к окружающим стали возрастать, как и у всякого деспота, который чем больше проливает кровь для укрепления власти, тем в большей мере теряет уверенность в себе.

И на самом деле, многочисленные казни и тяжесть налогового пресса не могли не привести народные массы на грань разорения и нищеты. Недовольство охватило и кызылбашские войска и ближайшее окружение шаха Исмаила. Но страх, внушаемый им жестоким и кровожадным деспотом, мешал проявиться этому недовольству открыто.

Мы говорили о том, что Исмаил уничтожил своих братьев, являвшихся претендентами на престол. Убив своего старшего племянника принца Хасана, Исмаил, все еще движимый страхом за свою власть, решил добраться до другого своего племянника, семилетнего принца Аббаса, проживавшего в

---

[543] Нагават ал-асар, стр. 40. Эти сведения подтверждаются нумизматическими находками. Одна из очень редких вообще монет Исмаила II, чеканенная в Шемахе, описана Е. А. Пахомовым в работе «Монетные находки АССР в 1924 г.» (стр. 83); *А.М. Раджабли.* Из истории монетного дела в Сефевидском государстве при Исмаиле II. МИА, т. V, Баку, 1962, стр. 77—85.

[544] Шереф-наме. II, стр. 254; русск. пер., стр. 233.

[545] *W. Hinz.* Schah Esmail II, s. 76.

далеком Хорасане. Эта задача выпала на долю Аликули-хана Шамлу, правителя Герата и опекуна Аббаса[546]. Однако тот не то из жалости, не то из-за суеверия отложил осуществление кровавой расправы до конца «священного» месяца рамазана. Но прежде чем этот срок истек, гонец принес в Герат радостную весть о смерти шаха Исмаила II.

24 ноября 1577 г. (13 рамазана 985 г. х.) в нетрезвом состоянии Исмаил вышел переодетым из дворца и в поисках развлечении пошел по улицам города, сопровождаемый сыном придворного кондитера (халвачи) Хасан-беком и свитой. В полночь он зашел отдохнуть в дом Хасан-бека, где был найден на следующий день мертвым.

Есть много версий о смерти шаха Исмаила II. Одни утверждали, что он умер вследствие острого приступа желудочной боли, другие, — что вследствие чрезмерного употребления опиума, третьи, — что он был задушен и т. п.[547]

Наиболее правдоподобной является одна из версий, приводимых Искендером Мунши[548], согласно которой недовольная пренебрежительным отношением Исмаила Перихан-ханум руками невольниц гарема примешала яд к принятой шахом наркотической смеси. И на самом деле, честолюбивая и мстительная Перихан-ханум должна была быть крайне оскорблена отстранением ее от государственных дел Исмаилом, для которого она так много сделала. Но одна Перихан-ханум вряд ли решилась бы на такой рискованный шаг. По-видимому, мы имеем здесь дело с заговором среди кызылбашских эмиров, которые, как мы видели выше, находили крайне опасным религиозные эксперименты Исмаила II.

Ухудшение внутреннего положения Сефевидского государства при Мухаммеде Худабенде. Со смертью шаха Исмаила II при Казвинском дворе создалась напряженная обстановка. Вражда между кызылбашскими племенами (устаджлу и шамлу, с одной стороны, туркман и текели, с другой), сопровождавшаяся кровопролитием и едва угасшая, казалось, вот-вот вспыхнет с новой силой. Однако везир Мирза Салман и Халил-хан Афшар, человек влиятельный и мудрый, решили немедленно предотвратить столкновения. На дворцовую площадь Казвина были созваны важнейшие сановники и эмиры племен. Здесь состоялось «примирение» старого вождя племени туркман, Амир-хана с молодым предводителем племени устаджлу Пире Мухаммед-ханом: они заключили, по выражению Искендера Мунши, договор «отца и сына». Их примеру последовали остальные эмиры. Затем стали решать вопрос о наследнике престола. Хотя были выдвинуты и другие кандидатуры (в том числе 11-летний сын Мухаммед-мирзы Хамза и 9-летний

[546] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 217.
[547] Ахсан ат-таварих, стр. 495—496; Шереф-наме, II, стр. 254—255.
[548] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 218—219.

Аббас, и даже грудной ребенок, сын Исмаила II Шахшоджа)[549], эмиры крупных племен сошлись на старшем сыне шаха Тахмасиба Мухаммед-мирзе. Когда эмиры сообщили о своем решении Перихан-ханум, та «вообразила себя падишахом», сказав, что не возражает дать своему брату имя шаха, между тем как заправлять всеми государственными делами будет она сама. По ее приказу были освобождены эмиры и представители знати, брошенные в темницы шахом Исмаилом II[550].

В момент смерти своего брата Мухаммед-мирза находился в Ширазе. Это был почти слепой, кроткий и неспособный для государственной деятельности человек. Эти его недостатки очень устраивали предводителей кызылбашских племен, которые стремились захватить всю полноту государственной власти в свои руки.

В первые дни после смерти Исмаила II в стране создалось нечто вроде двоевластия. В стольном городе Казвине власть в свои руки прибрала Перихан-ханум, поддержанная своим дядей Шамхал-солтаном. Все эмиры и «столпы державы» вначале подчинились ей. При ней даже было создано нечто вроде совета старейшин (ришсефидов) кызылбашских племен; в него входили от племени туркман — Амир-хан, от племени устаджлу — Пире Мухаммед-хан, от племени шамлу—Солтан Хусейн-хан, от племени текели — Мусеиб-хан Шереф ад-Дин оглы, от племени афшар — Кули-бек курчибаши. Они получали указания Перихан-ханум в ее дворце через Шамхал-солтана. Она осуществляла единоличное руководство государственными делами[551].

Тем временем в Шираз, где находился Мухаммед-мирза, прибыл из Казвина Мирза Салман. Он быстро втерся в доверие шаха и его жены Хейр ан-Ниса-бегим[552]. Эта энергичная и властная женщина и вела, собственно, все государственные дела вместо своего мужа, даже производила назначение угодных ей лиц на государственную должность.

Так, по ее (Махди Улья — «Высокая колыбель») велению из заключения был освобожден мустоуфий Шираза Мир Кавам ад-Дин Хусейн и был произведен в ранг ее везира. «Ее высочество, Махди Улья, — пишет Искендер Мунши, — стала организатором и устроителем государственных

[549] Хуласат ат-таварих, лл. 398а, б.
[550] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 219—221.
[551] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 222—223; Хуласат ат-таварих, л. 398б. Перихан-ханум, была любимой дочерью шаха Тахмасиба, родившейся от черкешенки. Умная, привлекательная, она пользовалась большим влиянием в государстве, часто участвовала на заседениях «Высочайшего меджлиса» в последние годы правления своего отца. (Нагават ал-асар, стр. 70—72). Она родилась в 955 г. х. (1548 г.) (Такмилат ал-ахбар, л. 268б), т. е. во время описываемых событий ей было 30 лет.
[552] Она была дочерью наследственного правителя Мазандарана Мир Абдулла-хана.

дел. Ни одно важное дело не решалось без ее веления и указания»[553]. По ее желанию Мухаммед освободил из крепости Истахр, восстановив в должности правителя Гиляна Ахмед-хана, бывшего с ней в родстве. Упомянутый выше Мирза Салман[554] был сразу же возведен ею в должность везира «высочайшего дивана» с присвоением почетного титула «э'тимад ад-довле» («доверие державы»).

Мирза Салман торопил шаха и его жену с переездом в Казвин. Он убеждал Махди Улья, что если Перихан-ханум укрепит свою власть в столице, то для ее мужа останется только лишь «имя шаха», а ей самой придется удовлетвориться ролью его жены. Доводы перса оказали немедленное действие. Шахский двор двинулся на север по маршруту Исфаган—Кашан—Кум—Саве—Казвин.

Перихан-ханум, узнав о приближении шаха, решила не сдаваться без борьбы. Ее дядя Шамхал-солтан собрал у ее дворца своих людей для оказания вооруженного сопротивления. Но все обошлось без стычек. Кызылбашские эмиры стали покидать Перихан-ханум и переходить на сторону вступающего в столицу Мухаммеда. Имущество Перихан-ханум, оцениваемое в 10—15 тыс. туманов, было подарено ее леле Халил-хану Афшару за его измену.

Восшествие на престол в Казвине Мухаммеда состоялось 5 зульхиджа 985 г. х. (13 февраля 1578 г.)[555] Первым делом были устранены главные враги шаха. Перихан-ханум его тридцатилетняя сестра, была предана казни 17 февраля. Ее дядя Шамхал-солтан был обманным путем схвачен и убит. Не забыли также уничтожить годовалого сына шаха Исмаила II Шахшоджу как возможного наследника трона. С первых дней восшествия Мухаммеда Худабенде на престол его жена Махди Улья «с полным величием и независимостью взяла в свои руки государственные и царские дела»[556]. Она была «возведена в должность векила высочайшего дивана (векалат-и диван-и а'ла)». «И было установлено, чтобы ее печать ставилась на обороте указов и грамот падишаха над печатью везира»[557].

Многие из представителей знати, как обычно практиковалось при восшествии на трон нового шаха, получили почетные одежды и дары, подтверждения своих прежних должностей и привилегий.

Эмиры кызылбашских племен бесконтрольно хозяйничали на местах. Амир-хан Туркман (Мосуллу) получил Тебризский, а Пире Мухаммед-хан

---

553 Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 223.

554 Как сообщает Искендер Мунши, он происходил из фамилии Джабирие—знатного рода Исфахана (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 288).

555 Ахсан ат-таварих, стр. 502; Хуласат ат-таварих, л. 401а; Тарих-и алеем арай-и Аббаси, стр. 225. По Искендеру Мунши, Мухаммед прибыл в Казвин 3 зульхиджа (11 февраля).

556 Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 224—226.

557 Там же, стр. 226.

Устаджлу Ардебильский эйалет. Беглярбекство Чухурсаада было отдано Мухаммеди-хану Тохмаку Устаджлу, правителем Карабаха был вновь утвержден Имамкули-хан Каджар, а беглярбеком Ширвана — Арас-хан Румлу. Керман был отдан Вели-хану Афшару, Хамадан — Вели-солтану Текели, Кух Гилуйе — Халил-хану Афшару, Кашан — Мухаммед-хану Туркману (Мосуллу), Казвин — Султан Хусейн-хану Шамлы, Фарс—эмирам племени зулкадар и т. д.[558]

Характеризуя внутреннюю политику Мухаммеда Худабенде, Шереф-хан Бидлиси указывает, что страна по существу была разделена между главами кызылбашских племен, которые мало считались с центром и управляли областями по своему усмотрению. Мухаммеду Худабенде они оставили только имя шаха. Эмиры вручили дела государства, по словам Шереф-хана, в руки «слепого государя и лишенного света зрения везира»[559].

По сообщению Кази Ахмеда Куми, стоимость всех ценностей государственной казны составляла в это время 900 тыс. туманов. Сюда входило также все то имущество, которое шах Исмаил II присвоил путем конфискации собственности уничтоженных им принцев и других насильственных действий[560].

Все это огромное богатство, в значительной степени накопленное за период полувекового экономного правления шаха Тахмасиба, в течение одного года полностью исчезло из казны. Хасан-бек Румлу сообщает, что новый шах сразу выдал армии сполна всю ту сумму жалованья, которую Тахмасиб не выдавал за последние четырнадцать лет, а шах Исмаил II выплатил едва лишь сотую долю его[561].

Искендер Мунши ярко описывает состояние Сефевидского государства в первые годы правления шаха Мухаммеда Худабенде. Шах «открыл дверцы» государственной казны и «достиг предела расточительности». Везир Мирза Салман за год или два авансом выдавал ссуды эмирам. Многие курчии, которые около 10 лет не получали жалованья, получили все сполна. «Ежедневно из госудаственной казны целыми сундуками растаскивали чеканное золото и подолами раздавали курчиям. Двери выгоды открылись перед должностными лицами дивана и расцвело взяточничество. Кызылбашские племена при попустительстве своих предводителей поднялись против (власти) и взятками ублажая везиров и столпов государства, добивались всего того, чего хотели... кызылбашские племена, сочтя достижение своих целей образцом самоотверженности, стали

---

[558] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 227; Ахсан ат-таварих, стр. 503; Хуласат ат-таварих, л. 402б—404б.
[559] Шереф-наме, II, стр. 256. Везир Мирза Салман также был слаб зрением.
[560] Хуласат ат-таварих, л. 405б; *H. Roemer*. Der Niedergang Irans, S.23.
[561] Ахсан ат-таварих, стр. 503.

мало считаться с интересами государства и веры и вскоре казна была полностью опустошена и в ней не осталось чего-либо от наличных денег и товаров». Из казны исчезли даже драгоценные камни, добытые в копях за последние 15 лет[562].

Азербайджанский историк Искендер Мунши возмущается антипатриотичным поведением кызылбашских племен, междоусобицами в среде знати, неподчинением кызылбашских феодалов центральной власти, наносящими непоправимый ущерб Сефевидскому государству и его обороноспособности.

Шах Мухаммед и его ближайшие советники переусердствовали в попытке купить верность кызылбашской знати путем щедрой раздачи денежных, земельных и иных пожалований. Это нанесло невосполнимый ущерб государственной власти, сведя ее почти к нулю. Искендер Мунши указывает, что шахская власть при Мухаммеде Худабенде была столь слаба, что была совершенно беспомощна перед знатью племен. Так, например, «для каждого племени (оймак) были назначены вторые эмиры, а так как все области (ольке) и страна были уже распределены (между эмирами), то для них пришлось выплатить жалованье из государственной казны и приверженцы каждого племени поднимали голову для мятежа и смут, стараясь взять верх над своими соперниками и установить знамя независимости»[563].

Феодальные междоусобицы и распри в государстве Сефевидов были желанными для внешнеполитических недругов Сефевидов, в частности, для османской Турции, которая давно ждала только подходящего момента для возобновления войны. «Вести о междоусобицах, расстройстве и беспорядках в делах кызылбашей распространились... Соседние падишахи и враги, дожидавшиеся этого дня, сочли момент благоприятным и с востока и запада проявили стремление к захвату Аджама (Сефевидского государства. — *О. Э.)*. Султан Мурад выказал желание к захвату стран Азербайджана и Ширвана, а окраинные вассальные правители, которые долгие годы держали голову в обруче подчинения, выступили с претензией на самостоятельность и власть...»[564].

Мятеж курдских племен 1577 года. Тяжелым внутренним положением Сефевидского государства немедленно воспользовалась Турция, давно искавшая удобного момента для возобновления войны за Закавказье. Османский правитель Вана Хосров-паша получил указания поднять мятеж пограничных курдских племен против Сефевидов. Первым выступил владетель Салмаса и Тасуджа Гази-бек, сын Шахкули Булбулана, права

---

562 Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 228.
563 Там же. стр 228.
564 Там же.

которого были подтверждены грамотой Исмаила II. Войска Хосров-паши совместно с курдами внезапно обрушились на Хой, тем самым нарушив договор 1555 г., подписанный султаном Сулейманом. Правитель Хоя Махмуд-солтан Румлу, застигнутый врасплох вероломными врагами, оказал отчаянное сопротивление и погиб.

Затем курды обрушились на правителя Урмии Хусейнджан-солтана Хунуслу, который после месячного сопротивления обманным путем был схвачен и убит. Враги взяли в плен многих мальчиков и девушек из кызылбашского лагеря, разграбили «также скарб и имущество угнетенных и райятов». Вслед за этим курды захватили крепости Гегерчинлик и Урмию[565].

Назначенный к этому времени правителем Азербайджана Амир-хан Туркман, прибыв в Тебриз, начал стягивать войска для подавления мятежа курдов. Собрав 10—15 тыс. человек, он двинулся к границе. Мятежники, не выдержав натиска, укрылись в крепостях. Однако Амир-хан и эмиры не сумели закрепиться в этих районах ввиду больших опустошений, совершенных курдами до их прихода. «И указанные передвижения (войск),— повествует Искендер Мунши, — были причиной страшного разорения той страны. Многие жители Хоя, Салмаса и Урмии стали покидать (те места) и те, кто потом вернулся, невольно подчинялся врагам и те края оказались подвластными им (курдам)». Воодушевленные слухами о скором османском вторжении, восстали и другие курдские племена. Так, племя мукри, жившее в районе Сулдуза и Мияндуаба (близ Мараги), предводительствуемое Амира-беком, подступило к Мараге и увело табун лошадей, бывших собственностью (хассе) шаха Тахмасиба I. Этот табун состоял из 10 тыс. отборных арабских коней. Амир-хан Туркман попытался настичь их и отбить табун, но безуспешно[566].

Восстание Абубекра в Ширване. К этому же времени в Ширване вспыхнуло антисефевидское восстание, также подстрекаемое османским султаном. Искендер Мунши сообщает, что сын Бурхана Абубекр-мирза, «бывший из рода прежних султанов Ширвана», до того скрывался в Дагестане и Черкесски[567]. Он собрал вокруг себя 2—3 тыс. чел. из племен лезгин и карабёрк (из остатков бывшей ширванской армии) и обратился за поддержкой к турецкому султану. За эту помощь он обещал быть вассалом султана после изгнания кызылбашей. Группа ширванцев отправилась в Стамбул и под предлогом защиты единой веры (суннизма) просила у султана помощи для освобождения от «угнетения и тирании кызылбашей»[568].

565 Шереф-наме, II, стр. 256; Ахсан ат-таварих, стр. 303—504; Хуласат ат-таварих, лл. 408а, б.
566 Тарихи алем арай-и Аббаси, стр. 231—232.
567 В «Хуласат ат-таварих»—в Кумыке и Кайтаке.
568 Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 232; Хуласат ат-таварих, лл. 411а— 412а.

Для восстания в Ширване были объективные условия. Кази Ахмед сообщает, что здесь не был собран налог (малуджихат) на сумму в 200 тыс. туманов. Это делалось по распоряжению шаха Тахмасиба, запретившего выдавать какие-либо документы на взимание податных сумм с этой страны[569]. Это сообщение подтверждается Шереф-ханом Бидлиси, который указывал, что в последний период правления упомянутого шаха «мал-у-хараджж в Азербайджане, Ширване и Арране не взимали в некоторых местах по семи, а иногда и по девяти лет»[570]. Очевидно, эта мера была необходима ввиду крайне тяжелого положения народа, из которого выжимали последние соки, раз такой жадный до денег правитель как Тахмасиб пошел на это. Вот об этой недоимке вспомнили в Казвине после вышеописанного расхищения государственной казны. Финансовые чиновники выпустили ассигновки (хавале) на право взимания податей, которые были розданы курчиям в счет жалованья. Это облегчило задачу Абубекр-мирзы из рода ширваншахов, который воспользовался недовольством ширванцев и возглавил аитисефевидское восстание «подонков и черни», начавшееся резней кызылбашей в Дербенте и Шабране[571].

Об этом восстании и о личности самого Абубекра, некоторые подробности сообщает Мюнеджжим-баши. Согласно его рассказу, Абубекр-мирза после смерти своего отца Бурхана Али, будучи еще ребенком, был увезен его сподвижниками в Дагестан, где оставался около 20 лет. Оттуда он в 978 г. х. (1570 г.) отправился в Крым. Крымский хан Девлет-Гирей (1551—1577) оказал ему «высокое уважение и почет, женил его на своей дочери и доложил о нем Высокому порогу османской империи». Ему было назначено содержание, и он оставался там вплоть до вторжения османской армии в Ширван[572].

Вторжение турецких войск в Закавказье в 1578 году. Чылдырское сражение. Османский султан Мудад III (1574—1595) провел тщательную подготовку к войне с Сефевидами. Он вновь использовал испытанный лозунг «священной войны» правоверного ислама (суннизма) против «еретиков-шиитов». Мы уже видели, что антикызылбашские восстания курдов и восстания в Ширване, инспирированные султаном, были звеньями одной цепи. Главнокомандующий турецкими войсками Мустафа Леле-паша собрал в Эрзуруме стотысячную армию. Не полагаясь на свои силы, Турция потребовала от своего вассала крымского хана Мухаммеда-Гирея II (1577—1584) участия в этом походе татарских войск[573]. Помимо этого, феодальным

[569] Хуласат ат-таварих, л. 285б; *И. Roemer*. Der Niedergang Irans, S.
[570] Шереф-наме, II, стр. 252.
[571] Хуласат ат-таварих, л. 412а.
[572] *В.Минорский*. История Ширвана и Дербента, араб, текст, стр. 34, русск. пер., стр. 174—175.
[573] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 232.

правителям Дагестана, в частности правителю Кумыка и Кайтага Читлав Шамхалу, правителю Табарсарана Гази Салеху и аварскому правителю Тоджа Лав Бурхан ад-Дину, предписывалось быть со своими войсками готовыми к оказанию поддержки Турции в завоевании Грузии и Ширвана[574].

Первым долгом Мустафа Леле-паша в нарушение договора 1555 г., по которому область Карса была признана демилитаризованной зоной, восстановил крепость Карса и ввел туда войска[575]. Правитель соседней с Карсом сефевидской области Чухурсаад Мухаммеди-хан Тохмак Устаджлу сообщил в Казвин о движении турок и попытался задержать их на границе.

В этот опасный для родины момент кызылбашские предводители не проявили надлежащей выдержки для объединения своих сил и организации отпора. Когда турки двинулись из Эрзурума в Карс, Мухаммеди-хан Тохмак для пресечения османского вторжения послал к правителю южной части Азербайджана Амир-хану Туркману и правителю Карабаха Имамкули-хану Каджару человека с призывом к объединению сил в Чухурсааде. Но Амир-хан «из крайнего упрямства и вражды, которая существовала между племенами туркман и устаджлу, хотел, чтобы ни одного знатного человека из того племени в живых не осталось», а поэтому проявил преступную беспечность к вооружению и снаряжению своих войск, откладывая выступление[576].

Имамкули-хан Каджар откликнулся на зов беглярбека Чухурсаада и явился сюда с ополчением из Карабаха. У них вместе было не более 15 тыс. человек. В ожидании подхода отрядов Амир-хана они расположились к северо-востоку от Карса на берегу озера Чылдыр. Кызылбашские военачальники намеревались отрезать врагу путь в Грузию.

Вначале, столкнувшись с передовыми частями турецкой армии, кызылбаши одержали победу. Они уничтожили около 2—3 тыс. человек. Воодушевившись этой победой, азербайджанские воины стали преследовать бегущего врага. Узнав о поражении авангарда, Мустафа-паша срочно направил против кызылбашей новое войско в 20—30 тыс. человек. Преследующие турок азербайджанские части на 2—3 фарсаха (12—20 км) оторвались от главных сил. Эти части были разгромлены и рассеяны[577].

Орудж-бек считает, что Мухаммед-хан Тохмак, командовавший кызылбашскими войсками, оказался жертвой заблуждения. Основываясь на донесении своих лазутчиков, он принял сорокатысячное войско Дервиш-

---

[574] *B. Kutukoglu, s.* 38 (со ссылками на рукопись «Нусрет-наме» Али Гелиболулу Мустафы б. Ахмеда).

[575] Хуласат ат-таварих, л. 410б.

[576] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 233; *H. Roemer.* Der Niedergang Irans, SS. 31—32; *А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 64.

[577] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 233—234; H. *Roemer.* Der Niedergang Irans, S. 32—33.

паши и Бахрам-паши за главную ударную силу турок и обрушился на него. Но когда из укрытия вышло семидесятитысячное войско Мустафа-паши и ударило по правому флангу кызылбашей, Мухаммеди-хан понял свою ошибку, но было поздно. Все же кызылбашское войско избежало полного уничтожения, по словам Орудж-бека, благодаря двум счастливым обстоятельствам. Во-первых, это благодаря полководческому искусству, проявленному Тохмаком, а, во-вторых, наступлению темноты. Кызылбаши потеряли основную часть своей армии: 7 тыс. человек погибло, 3 тыс. — попали в плен к туркам. Часть войска Мухаммеди-хану удалось спасти и, пользуясь темнотой, увести через горные проходы и тропы[578].

Османские источники тенденциозно преуменьшают силы турок и преувеличивают число войск кызылбашей. Так, согласно их данным, перед Чылдырским сражением турки располагали силами в 30 тыс. человек, между тем как число кызылбашей колебалось от 25 до 50 тыс. человек. Но даже османские историки отмечали стойкость и мужество кызылбашей и указывали, что бейлербей Диярбекира Дервиш-паша вначале потерпел поражение, потеряв в битве 30 своих ага и 7 санджакбеев. Кызылбаши были разбиты только тогда, когда в битву вступили свежие части Оздемир-оглы Осман-паши, который прибыл на помощь Дервиш-паше с большим войском[579].

Главная причина поражения Сефевидов в Чылдырской битве, по мнению Искендера Мунши, заключается в том, что кызылбашские эмиры «от избытка спеси и самонадеянности считали войну с румийцами легкими простым (делом)». Поэтому они сочли возможным вступить с 10—15 тыс. воинов в битву против стотысядвого войска Мустафа-паши. По словам Кази Ахмеда, один кызылбаш противостоял десяти румийцам[580].

«Если бы между кызылбашскими эмирами было единодушие и один подчинялся бы другому,— сетует Искендер Мунши,— если бы соединились все войска Азербайджана и Ширвана, вместе составляющие 50 тыс. человек, а к ним примкнули бы также цари Грузии, то вторжение Леле-паши в тот край было бы нелегким. Но из-за распрей эмиров, раздоров между племенами и безынициативности была потеряна не только страна, но погибли также уважаемые предводители кызылбашей, азербайджанское войско было уничтожено, а накопленные в течение ряда лет имущество и снаряжение были отданы на разграбление»[581].

---

[578] *Орудж-бек,* стр. 137—138.

[579] *B. Kütükoglu,* ss. 49—53. Османские источники содержат также датировку Чылдырской битвы, которая произошла 9 августа 1578 г. (5 джумада 2 986 г х.). Кутюкоглу указывает на ошибку Хаммера и датировке битвы. «Хроника Месхийской псалтыри» также датирует Чылдырское сражение 9 августа (СМОМПК, вып. XXVIII, Тифлис, 1900, стр. 201).

[580] Хуласат ат-таварих, л. 411а.

[581] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 234.

После Чылдырского сражения Мухаммеди-хан Тохмак с остатками войска ушел в Чухурсаад на свой риск и страх, а Имам-кули-хан вернулся в Карабах.

Турки в Грузии. Чылдырская битва, выигранная Мустафа-пашой, открыла туркам ворота в Грузию. Среди грузинских феодальных правителей в грозный час турецкого вторжения были ссоры и раздоры[582]. Одни из них держали сторону Сефевидов, другие—турок. Поражение Сефевидов сильно подорвало их престиж в Грузии и побудило некоторых грузинских правителей согласиться на подчинение Турции, чтобы сохранить свои владения.

Первым после Чылдыра на сторону турок подался мехсийский принц Менучехр и его брат Кваркваре, за которыми были сохранены их родовые поместья. Первый сопровождал Мустафа-пашу в качестве гида в его походе в Ширван и обратно[583].

После занятия Ахалцихе Мустафа-паша двинулся в Кахетию. Он послал к картлийскому царю Симону и кахетинскому царю Александру человека с призывом к «подчинению и покорности румскому хонкару». «И так как, — указывает Искендер Мунши, — они также враждовали друг с другом», Симон отказался от подчинения и повел партизанскую войну с турками, нанеся им ряд чувствительных ударов[584].

Между тем Александр, «человек хитрый и дальновидный», в той обстановке счел для себя выгодным выразить покорность Мустафа-паше. Турецкие войска двинулись для овладения крепостью Тбилиси, которая «по неприступности и величию тягается с небесами». Город находился во владении Давида (Давуд-хан), которому шах Тахмасиб передал Картлию, отняв царство у его брата Симона. Теперь Давид, не рассчитывая на помощь со стороны своего брата, оставил Тбилиси. 24 августа османская армия заняла покинутый жителями Тбилиси, а затем и Гори. В Тбилиси завоеватели оставили шеститысячный гарнизон под командованием Мухаммед-паши. Правитель Зегама и Герама также покорился туркам. После того, как Грузия была занята турецкими войсками, правитель Шеки Иса-хан[585] оставил свое владение и ушел к Сефевидам[586].

---

[582] Хуласат ат-таварих, л. 412а.

[583] Шереф-наме, II, стр. 257; *B. Kütükoglu, s.* 53.

[584] Симон некоторое время был в заключении у Сефевидов в крепости Аламут, затем был освобожден и вступил на престол Кахетии. Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 227.

[585] Выше отмечалось, что первым сефевидским правителем Шеки был Тойгюн-бек Каджар (1551 г.). Следующее упоминание о правителе Шеки имеется при изложении событий 967 г. х. (1559—1560 гг.), где сказано, что «правитель Загама, сын Левенда Гурджи по имени Иса, удостоился принятия ислама и возвысился до истинной веры. Шахский диван препоручил ему управление вилайетом Шеки, и был он поименован Иса-ханом» (Шереф-наме, II, стр. 216; русск. пер., стр. 205). Затем Иса-хан в чем-то провинился, так как он упоминается среди лиц, участвовавших в

Вторжение в Ширван. В начале сентября 1578 г. османские войска достигли р. Каньк (Алазань). Они проходили по Ширакской степи, лишенной населения и растительности, и испытывали острый недостаток в продовольствии.

Голод и изнурительный поход основательно подорвали моральный дух завоевателей. Сипахии (кавалеристы) и янычары отказались идти дальше и потребовали возвращения. Группа воинов явилась даже к главнокомандующему и, как сообщают османские летописцы, заявила ему: «Ты доведешь нас до сумасшествия. До каких пор ты будешь идти по этим пустым и безжизненным степям. Тебе надо вернуться. Мы убьем тех наших товарищей, кто выступит против этого. Для нас (важна) сначала жизнь, а потом (весь) мир. Мы не хотим ни перехода через Каньк, ни завоевания страны Ширван»[587].

По сведениям Искендера Мунши, Амир-хан с десятитысячным войском выступил с большим опозданием из Тебриза на помощь Мухаммеди-хану Тохмаку. Когда до него дошла весть о разгроме при Чылдыре и продвижении Мустафа-паши в направлении Грузии и Ширвана, он двинулся в Карабах, где к нему присоединился Имамкули-хан, и они совместно атаковали (крупный отряд османской армии на берегу Алазани. Кызылбашами было убито около 2 тыс. человек. В их руки попала огромная добыча[588].

Это сообщение подтверждается турецким историком Мюнеджжим-баши, который добавляет, что при этом кызылбашам досталась 1 тыс. верблюдов со снаряжением и 3 тыс. лошадей[589].

Кроме того, ряд османских предводителей попал в плен к кызылбашам[590]. После этой победы над турками Амир-хан думал вернуться в Карабах и дождаться подхода главных сил сефевидского царевича Хамза-мирзы. Но его сын Султан Мурад-хан с отрядом кызылбашских «молодцов бойцов» перешел Алазань и еще раз нанес неприятелю удар. Однако его отряд был окружен турками и разбит. В этой битве погибли 2—3 тыс.

церемонии коронации Исмаила II, причем был доставлен в Казвин (зместе с Симоном, сыном Луарсяба) из крепости Аламут. Освобожденный из заключения, он, по-видимому, был вновь назначен в Шеки.

[586] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 234; Шереф-наме, II, стр. 257; *Орудж-бек,* стр. 139—144; Хроника Месхийской псалтыри, стр. 202—203; Histoire de la Georgie, pp. 389-390; *H. Roemer.* Der Niedergang Irans. SS. 33—34. *B. Kutukoglu.* ss. 53—55.

[587] Нусрат-наме, л. 99б, Кунх ад-ахбар, л. 311 а, пит. по *B. Kutukoglu,* s. 56, сн. 129; Об отказе турецких солдат от продолжения похода сообщает и Орудж-бек (стр. 144).

[588] Другая версия этой битвы изложена в «Шереф-наме» (т. II, стр. 257-258). По данным османских источников битва имела место у переправы «Коюн» недалеко от впадения Алазани (Каньк) и Иоры (Кабур) в Куру 9 сентября 1578 г. *(B. Kutukoglu.- ss.* 56—57).

[589] *Мюнеджжим-баши.* Сахаиф ал-ахбар, т. III, Стамбул, 1868, стр. 202.

[590] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 235.

кызылбашей. После этого Амир-хан счел благоразумным с остатками своих войск вернуться в Тебриз[591].

При вступлении османской армии в Ширван вспыхнул новый мятеж. Дело в том, что узнав о приближении кызылбашского правителя Ширвана Арас-хана Румлу, Мустафа-паша поспешил форсировать р. Алазань. 10 сентября с утра османские части начали переправу на левый берег реки. Переправа затянулась до сумерек, когда вследствие разлива реки часть солдат утонула. Это вызвало панический страх у оставшихся на правом берегу. Утром следующего дня группа армейских представителей явилась к Мустафа-паше и стала настаивать на немедленном прекращении похода, возвращении на родину, ссылаясь на приближение зимы, усталость солдат, истощение от недоедания. Главнокомандующий пустил в ход всю силу своего убеждения, посулив им захват большой добычи, избыток продовольствия в Ширване, а также стращая их расплатой в день «страшного суда», если они «изменят» своим единоверцам — суннитам Ширвана, которым они должны «помочь» свергнуть власть шиитов—кызылбашей. Все же около 2 тыс. янычар наотрез отказались идти дальше и выстрелами пытались помешать тем, кто переправлялся через реку. Согласно Орудж-беку, эта переправа и переход до Ареша стоили туркам 8 тыс. жизней. 16 сентября Мустафа-паша вступил в Ареш[592].

Здесь турки оставались около 3 недель, отдохнув и обеспечив себя месячным провиантом для продолжения похода. Построив крепость, турки оставили в ней пятитысячный гарнизон во главе с Кайтас-пашой[593].

Беглярбек Ширвана Арас-хан Румлу, благоразумный и инициативный празитель, перед лицом многократно превосходящих сил врага оставил Ширван и расположился на южном берегу Куры. К тому же в это время в Ширван с Дагестана вторгся Абубекр-мирза с трехтысячным отрядом лезгин и ширванцев[594].

Турецкая армия без особого труда заняла, кроме Ареша, города Шемаха, Кабала, Баку, Шабран, Махмудабад и Сальян. И. Петрушевский правильно указывает, что оккупация Ширвана Турцией «была облегчена переходом на их сторону знати многих курдских кочевых племен в южной

---

[591] Там же; Орудж-бек (стр. 145—146) добавляет, что кызылбашами было уничтожено 12 тыс. турок, которые были посланы в ближайшие местности для захвата продовольствия и пищи для армии, и еще 3 тыс. «отборных» воинов.

[592] *Орудж-бек,* стр. 147; *B.Kutukoglu,* ss. 58—59; Мюнеджжим-баши указывает (Сахаиф ал-ахбар, III, стр. 541), что при вступлении в Ареш османская армия насчитывала 100 тыс. человек. Шеки был оставлен кызылбашами и занят Мустафа-пашой в начале сентября 1578 г. *(J. Hammer.* Osmanli devleti tarihi. c. II, s. 97).

[593] *Орудж-бек,* стр. 147; Шереф-наме, II, стр. 257; *B. Kutukoglu,* s. 60.

[594] *Мирза Хасан Алкадари.* Китаб-и асар-и Дагестан. Пб., 1902. стр. 53—54.

части Азербайджана и Армении, части северо-азербайджаиской (суннитской) знати, а также раздорами среди кызылбашских эмиров и нежеланием их подчиняться общему командованию»[595]. Жители (райяты) некоторых местностей Ширвана, как указывает Искендер Мунши, не только не оказывали сопротивления, но даже поднялись на «мятеж и борьбу с кызылбашами»[596]. Это объяснялось как тяжелым гнетом кызылбашских феодалов над оседлым земледельческим населением Ширвана, так и тем, что местная суннитская знать не теряла еще надежды на восстановление былой самостоятельности ширванского государства и связывала свои чаяния с приходом султанской армии. Так, сефевидский правитель Дербента Чыраг-халифе с 300 кызылбашей был уничтожен в результате мятежа дербентцев перед вступлением в город османских войск.[597].

После занятия Ширвана Мустафа-паша созвал в Шемахе совет (диван) османских военачальников, на котором обсуждались меры по закреплению в стране власти султана. В Ширване была введена турецкая военно-административная система управления. Османский летописец Али в своем «Куих ал-ахбар»[598] сообщает, что Ширван был разделен на две области (бейлярбейства) — Шемаху и Дербент, которые состояли из округов (санджаков). Шемахинская область состояла из следующих санджаков:

1) Лахидж, 2) Акташ, 3) Кабала, 4) Сальян, 5) Зердав, 6) Шеки, 7) Баку, 8) Саде-ру, 9) Кара Улус, 10) Ахты и Ихир, 11) Дику, 12) Сирйан (или Сирhан); 13) Османи, 14) Худаверд (или Худадерд), 15) Махмудабад, 16) Ареш.

Дербентская область состояла из санджаков:

1) Демиркапы (Дербент), 2) Шабран, 3) Ахты (указан также как 10-й санджак Шемахи), 4) Куба, 5) Мускир (или Мескур)[599], 6) Куре, 7) Чырак, 8) Рестав[600].

Спустя месяц Мустафа-паша двинулся в обратный путь. К этому его побуждал ряд причин. Кровопролитные бои с кызылбашами, неоднократные нападения из засады в Грузии, чувствительные потери во время стихийных бедствий — все это оказало большое влияние на дух османской армии.

Мы уже были свидетелями недовольства походом, переходившим в открытые мятежи. Наступающая зима в незнакомой стране также не сулила

---

[595] *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 272.
[596] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 234.
[597] *B. Kutukoglu*. s. 60.
[598] Библиотека Нуруосманийе, № 3409, л. 314а—314б; Нусрет-наме, № 4350, л. 120б—121в; цит. по *B. Kütükoglu,* ss. 63—64. сн.159.
[599] Это, очевидно, Маскат (или Мушкур), соответствующий северной части Кубинского района. См.: *В. Минорский.* История Ширвана и Дербенда, стр. 78—79.
[600] *B. Dorn* (Beltrage zur Geschichte. S. 334). Ссылаясь на Хаммера, указывает всего на 14 санджаков в Ширване.

ничего утешительного османским солдатам. Поэтому Мустафа-паше казалось неблагоразумным оставаться в стране дольше, чем этого требовала крайняя необходимость. Завоеватели чувствовали себя в завоеванной стране крайне неуверенно. Характерным в этом отношении является тот факт, что турецкому главнокомандующему оказалось нелегко найти охотника среди своих полководцев для защиты завоеваний в Ширване. Бейлярбей Диярбекира Дервиш-паша и бейлярбей Халеба (Алеппо) Мухаммед-паша, которым было предложено командование османскими войсками в Ширване, поспешили отказаться от этого. Мустафа-паше удалось возложить эту задачу на Оздемир-оглы Осман-пашу[601]. Последний избрал своей резиденцией Дербент, выгодный благодаря своей непосредственной близости к поддерживавшим султана правителям Дагестана. Перед своим возвращением на зимовку в Эрзурум, Мустафа-паша укрепил крепости в Шемахе, Ареше, Баку и других городах, оставив здесь османские гарнизоны[602]. За верную службу султану Мустафа-паша не забыл вознаградить правителей Дагестана: правитель Кумыка и Кайтага Читлав Шамхал получил санджак Шабрана, а аварскому правителю Тоджа Лав Бурхан ад-Дину был пожалован санджак Ахты и Ихир[603].

Обратный путь османской армии через Тбилиси в Эрзурум был также усеян трупами турецких солдат. Даже по признаниям османских летописцев, в результате снежного бурана, разразившегося 25 октября, между Тбилиси и Гори погибло 5—6 тыс. турецких солдат[604]. В районе Тбилиси Мустафа-паша подвергся совместной атаке войск карабахского беглярбека Имамкули-хана и картлийского царя Симона, устроивших засады в лесах и чащах на пути следования турок. Было убито около 20 тыс. вражеских солдат, захвачены богатые трофеи[605].

После ухода Мустафа-паши из Ширвана Осман-паша согласно турецким источникам совершил набег на Гянджу. Османский отряд во главе с Кайтас-пашой перешел Куру и напал на одного из гянджинских беков Партал-оглу Ахмед-бека. Последний бежал, а местность подверглась грабежу и опустошению. Затем Осман-паша выслал отряд в Сальян, где собирал силы Арас-хан Румлу. Но атака турок была отбита кызылбашами, которые вынудили Хуррем-агу к отступлению. Потерпев неудачу против Арас-хана, Осман-паша решил укрепиться в Шемахе и дожидаться подхода войск

---

[601] *B. Kutukoglu. s.* 61.
[602] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 235.
[603] *B. Kutukoglu* s. 67.
[604] Там же.
[605] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 235; Шереф-няме, II, стр. 258; H. *Roemer*. Der Niedergang Irans, S. 36. *А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 65, *B. Kutukoglu* s. 68.

крымских татар. В это же время Кайтас-паша в Ареше подвергся нападению войск Имамкули-хана Каджара. Кызылбаши разгромили турок и взяли Ареш. Кайтас-паша был убит, а один из османских военачальников Абдуррахман-бей попал в плен. Часть турецкого гарнизона была вырезана восставшими жителями, которые оказали тем самым поддержку кызылбашам. Когда весть, о падении Ареша была доставлена в Шемаху одним из уцелевших воинов Осман-паша арестовал вестника и скрыл это известие от солдат[606].

Мы говорили о том, что Абубекр-мирза был готов принять власть в Ширване даже из рук султана, которому он существенно помог в завоевании края. Однако надежды ширванских феодалов, поддерживавших претензии Абубекра на власть в Ширване, как и следовало ожидать, не оправдались. Мустафа-паша поручил Абубекру помогать Осман-паше в деле окончательного подчинения страны, успокоив его лживым обещанием, что, возвратившись на родину, он будет добиваться у султана о его назначении правителем Ширвана[607].

Кызылбашское контрнаступление. Когда при сефевидском дворе было получено тревожное известие о движении турецкой армии к Карсу, эмиры стали совещаться о том, что предпринять. Наконец, было решено послать султану вежливую ноту и заявить протест против нарушения границ, причем дело представлялось так, что речь идет о локальном инциденте — нарушении со стороны пограничных правителей. В ноте указывалось также на незыблемость Амасийского мира, которая всегда соблюдалась сефевидской стороной. Задача доставки этого письма в Стамбул была возложена на Вели-бека Устаджлу, одного из мулязимов Мухаммеди-хана Тохмака. Он отправился в путь, но был задержан на турецкой границе местным правителем до тех пор, пока войска Мустафа-паши не проследовали из Эрзурума в Карс[608].

На этом рухнули последние надежды кызылбашей избежать военного столкновения ввиду тяжелого внутреннего положения страны. Поэтому не оставалось ничего другого, как принять вызов. Так как турецкий султан не счел нужным принять личное участие в этом походе, то и с этой стороны было решено, что кызылбашские войска возглавит не сам шах, а его сын Хамза-мирза, проявивший в борьбе с турками талант полководца. Он должен был выступить с ополчениями (лешгер) Ирака, Фарса и Кермана в южную часть Азербайджана и, соединившись с. местными войсками, принять «необходимые меры по защите и обороне [609] . Так как управление государственными делами фактически находилось в руках жены шаха Хейр

---

[606] Нагават ял-асар, стр. 86—8ч; *B.Kutukoglu,* ss. 78—80.
[607] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 235.
[608] Там же, стр. 232.
[609] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 233.

ан-Ниса-бегим, она также приняла участие в этом походе, сославшись на то, что ей тяжело расстаться со своим сыном. 27 сентября Хамза-мирза со своей матерью выступили из Казвина в Мияне (Миянедж) с войсками. Здесь была сделана десятидневная остановка в ожидании подхода отдельных эмиров со своими ополчениями и изучения последних сообщений о событиях в Грузии и Ширване.

В Мияне состоялся совет, на котором эмирами был разработан план боевых действий[610]. Некоторые предлагали прежде двинуться в Тебриз, чтобы подавить восстание курдских племен в районе озера Урмия, о котором было сказано выше. Затем нужно было, по их мнению, идти по направлению к Эрзуруму и Эрзинджану, разрушить крепость Карса и зимой вторгнуться в пределы Турции. Когда известие об этом достигнет Мустафа-паши, который к тому времени уже был в Ширване, для защиты Эрзурума он вынужден будет отойти назад. Большинство эмиров, однако, возразило против этого предложения и сочло целесообразным двинуться на помощь эмирам Ширвана, которые были слабы для оказания сопротивления большой османской армии[611].

В соответствии с этим Хамза-мирза с тридцатитысячным войском двинулся через Ардебиль в Карабах, не занятый турками.

Было решено, что главная ставка войск останется с принцем и его матерью в Караагаче, в то время как эмиры с войсками и везиром Мирза Салманом перейдут Куру и двинутся для освобождения Ширвана от турок[612].

Поражение Арас-хана Румлу. Когда до Арас-хана Румлу дошло известие о переходе Куры и приближении кызылбашских эмиров с войсками, опасаясь обвинений в уступке страны врагу и бездеятельности, он решил немедленно выступить на север, осадить крепость Шемаху и взять ее, прежде чем туда придут эмиры и тем самым реабилитировать себя в глазах ставки. С этим намерением Арас-хан перешел Куру и спешным маршем пошел к Шемахе. Осман-паша вышел из города и приготовился к обороне.

В то время как Арас-хан и кызылбаши делали героические усилия для овладения Шемахой и были близки к этому, через Дербент на Ширван обрушилось двадцатитысячное войско крымских татар во главе с братом крымского хана Мухаммед-Гирея и наследником престола (калгай) Адиль-Гиреем[613]. Некоторые эмиры предлагали пробиться через вражеское кольцо и вернуться на южный берег Куры. Но Арас-хан не мог примириться с этой

---

[610] Там же, стр. 235—236.

[611] Хуласат ат-таварих. В тегеранской рукописи (Т) —лакуна. Поэтому мы ссылаемся на Берлинскую рукопись (Б), л. 287а; *N. Roemer.* Der Niedergang Irans, SS.37-38.

[612] Согласно «Хуласат ат-таварих» (Б), л. 287б, количество войск кызылбашей возросло до 50 тыс. человек. По сведениям Махмуда Натанзи, в Карабахе количество войск кызылбашей доходило до 60 тыс. (Нагават ал-асяр, стр. 95).

[613] Шереф-наме, II, стр. 258—259, число татарского войска указано 15 тыс.

мыслью о бегстве и к тому же было уже поздно. Будучи окружены османскими войсками и крымскими татарами, а также лезгинами, карабёрками и ширванскими повстанцами Абубекр-мирзы, Арас-хан и кызылбаши проявили непоколебимую стойкость, бросив дерзкий вызов смерти. Но в конце концов их сопротивление было сломлено. Арас-хан с группой кызылбашей был взят в плен и казнен. Только часть войска смогла избежать резни и спаслась бегством[614].

После этого Осман-паша вернулся в Шемахинскую крепость, а Адиль-Гирей вместе с Абубекром двинулись на юг в Муганскую степь с целью разграбления лагеря Арас-хана. «В этой войне племя румлу постигло бедствие», — писал Искендер Мунши. Большинство именитых людей этого племени было убито, а «неисчислимое» имущество и богатство, накопленные в течение долгих лет «спокойного и благополучного» правления в Ширване, попало в руки врагов[615]. Эрдогду-халифе Текели и несколько других эмиров, в том числе два сына Арас-хана, выйдя из битвы невредимыми, донесли до кызылбашской ставки, достигшей к этому времени Карабаха, скорбную весть о разгроме Арас-хана. Эмирам Талыша было приказано вместе с остатками войск Арас-хана сосредоточиться у переправы через Куру и не допустить перехода на южный берег крымских татар.

Выполняя приказ ставки, эти войска заняли переправу у Джавада и построили мост, чтобы перенести на этот берег раненых кызылбашей, когда поступило известие о приближении татар и лезгин. Кызылбаши едва успели разрушить мост через реку, однако это не удержало врагов. Они отважно бросились в воду, добрались до берега и между ними и кызылбашами завязался жестокий бой. Кызылбаши мужественно сопротивлялись до тех пор, пока не узнали, что новые отряды врага, переправившиеся через реку, с помощью хорошо знакомых с местностью ширванских повстанцев, зашли к ним в тыл. Оказавшись в тисках вражеского войска, кызылбаши обратились в массовое бегство. Каждый из беглецов думал о спасении только собственной жизни. Группа из них достигла стоянки своих войск и сообщила о случившемся. Здесь были заняты тем, что отсылали свое имущество. Когда появились передовые отряды врага, началась неимоверная паника, и все бросились врассыпную. Нагруженные всевозможным добром верблюжьи караваны перешли в руки татар; ими было захвачено в плен также много женщин и девушек. Адиль-Гирей вместе с татарами и лезгинами, захватив с

---

[614] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 236. По сведениям Махмуда Натанзи, из четырнадцатитысячного войска Арас-хана в этой битве погибло 8000 чел. (Нагават ал-асар, стр. 95).
[615] Там же.

собой несметное количество трофеев, в тот же день двинулся на север, в Ширван[616].

Разгром крымских татар при Моллахане. Между тем Мирза Салман и эмиры[617] спешно двинулись из Карабаха и, перейдя Куру у переправы Коюн Улуми, вступили в Ширван, осадив Осман-пашу в крепости Шемаха.

Во время осады кызылбаши перехватили нескольких татар, пытавшихся проникнуть в крепость и имевших при себе письмо Адиль-Гирея к Осман-паше. Из него кызылбашские эмиры узнали, что тараский хан вместе с Абубекр-мирзой разграбил лагерь племени румлу, а теперь спешно двигается на север на помощь Осман-паше[618]. Эмирам показалось слишком опасным оставаться под Шемахой, так как было ясно, что до прихода татар они едва ли смогут занять крепость, где Осман-паша успешно оборонялся. С другой стороны, эмиры сомневались, что они вряд ли выиграют битву, сражаясь одновременно на нескольких фронтах, в случае подхода татар с юга[619]. Об этом свидетельствовала трагическая судьба Арас-хана.

Поэтому эмиры приняли единственно правильное тактическое решение. Оставив у Шемахи трехтысячный отряд под командой Вели-халифе Шамлу, Мирза Салман вместе с курчибаши Кули-беком Афшаром, Шахрух-ханом мухрдаром, Мухаммед-ханом Туркманом, Пире Мухаммед-ханом Устаджлу, Султан-Хусейн-ханом, Мусеиб-ханом Шереф ад-Дин оглы Текели, Имамкули-ханом Каджаром, Амир Хамза-ханом и другими «именитыми эмирами» двинулись на юг против татар[620].

Адиль-Гирей и его братья Саадат-Гирей и Аскер-Гирей, узнав о прибытии войск Хамза-мирзы и осаде ими Шемахи, двинулись на север на выручку осажденному Осман-паше. Стороны встретились в местечке Моллахасан, на берегу р. Аксу 28 рамазана 986 г. х. (28 ноября 1578 г.)[621]. Адиль-Гирей выставил против Сефевидов двенадцатитысячное войско татар, подкрепленное четырех-пятитысячным отрядом лезгин, караберков и ширванцев. С этой стороны выступили Амир Хамза-хан Устаджлу (черхчи) и другие эмиры. «Поле битвы, — образно замечает Искендер Муиши, —

---

[616] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 236—237; Шереф-наме, II, стр. 258; *Орудж-бек,* стр. 150; *H. Roemer.* Der Neidergang Irans, *SS.* 38—40; *B. Dorn* Beitrage zur Geschichte, SS. 334—337; *B. Kutukoglu,* ss. 80—83.

[617] В числе «именитых» эмиров упомянуты: Солтан Хусейн Шамлу, Пире Мухаммед-хан Устаджлу, Кули-бек курчибаши Афшар, Вели-халифе Шамлу, Хусейнали-солтан эшикагасибаши Шамлу, Шахрух-хан Зулькадар м Амир Хамза-хан диванбегибаши Устаджлу, Мухаммед-хан Туркман, Мухаммедкули-халифе Зулькадар, Сейид-бек Камуне и Шахверди-солтан (сын Тебет-оглу Зулькадара). Хуласат ат-таварих (Б), л. 287б.

[618] *B. Kutukoglu,* s. 81.

[619] Хуласат ат-тарих (Б), лл. 288а, б.

[620] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 237.

[621] Датировка битвы дана по Кази Ахмеду. Хуласат ат-таварих (Б), л. 288б.

обагренное кровью убитых, напоминало луг, усеянный тюльпанами». Сражение длилось с раннего утра до самого вечера. Ряд кызылбашских эмиров, которым было предписано остаться у Шемахи, считая для себя делом чести участие в битве с главными силами врага, самовольно оставили осаду и примкнули к кызылбашскйм войскам, значительно усилив их. Весь день татары стойко отбивали непрерывные атаки кызылбашей, решивших любой ценой разгромить татар.

Наблюдая нарастающий перевес кызылбашей, Адиль-Гирей, чтобы поднять дух татар, сам вступил на поле брани. Однако вскоре отряд кызылбашей во главе с Баба-халифе Данггралу (или Караманлу) столкнулся с Адиль-Гиреем. Последний ударом конья был выбит из седла. Кызылбаши хотели убить его, но узнав его имя, оставили в живых.

В плен к кызылбашам попал также османский полководец Пияле-бей, назначенный правителем Ареша вместо погибшего Кайтас-паши[622]. После пленения Адиль-Гирея вражеское войско обратилось в паническое бегство. Большинство татар было перебито в сражении. Уцелевшие, в основном лезгины и ширванцы, хорошо знакомые с местностью, укрылись в горах и лесах. В руки Сефевидов перешла вся та добыча, которая была захвачена татарами после разгрома Арас-хана Румлу[623]. Стремясь использовать одержанную победу, Мирза Салман немедля двинулся на Шемаху. Осман-паша, узнав о разгроме татар и пленении Адиль-Гирея, лишенный более помощи извне, оставил Шемаху и двинулся в Дербент, где он решил дожидаться остатков разбитых войск.

Узнав о победе кызылбашских войск, жители Дербента восстали против турок, овладев крепостью. Поэтому Осман-паша спешил на север, скрывая это известие от войск. Зима была суровой, а за спиной турок были кызылбаши, шедшие по пятам. Перед Шабраном ударил жестокий мороз, приведший к гибели массу турок. Те, кто был на коне, продвигались на север, а пешие падали от усталости и встать не могли. Ко всему еще ширванцы и дагестанцы стали нападать и грабить шедшее позади войска казенное имущество, уводили груженных добром мулов и верблюдов. Отстающих

---

[622] *Kutukoglu, s,* 86.

[623] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 237—238; Нагават ал-асар, стр. 96—100; *B. Dorn.* Beitrage zur Geschichte, ss. 337—339; *H. Roemer.* Der Niedergang Irans, SS. 49—42. А. Рахмани. «Тарих-алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 67; *Kutukoglu.* ss.84—86; У Орудж-бека (стр. 150—151), опирающегося на описание Минадои, эти события изложены иначе. Согласно его версии, Хамза-мирза вначале занял Ареш, оставил там свою мать, затем двинулся в Шемаху, нанес поражение Адиль-Гирею, взял Шемаху, а затем вновь вернулся в Ареш, а оттуда в Казвин. Зто неправдоподобно и не согласуется с ясным и подробным изложением восточных источников, которые отмечают, что Хамза-мирза все это время оставался в Карабахе вместе со своей матерью и не принимал личного участия в этих походах. Поэтому, вряд ли справедливо приписывать успехи кызылбашских войск в этой кампании имени Хамза-мирзы, а не кызылбашскйм эмирам, которые фактически руководили битвами и участвовали в них.

грабили местные жители. Когда Осман-паша со значительно поредевшим войском добрался наконец до Дербента, ему пришлось силой вновь брать крепость, ибо жители отказались впустить турок в город[624]. Отдельные кызылбашские отряды преследовали Осман-пашу до Шабрана, захватив пушки и другое военное снаряжение[625]. Хотя Ширван и был освобожден от турок, но их опорная база — Дербент взят не был.

Известие об успехах кызылбашских войск было с большим ликованием встречено в главном лагере войск в Караагаче, где находились Хамза-мирза и его мать. Отсюда в столицу Казвин и по всей стране были разосланы «фатхнаме» («победные реляции»). Было получено приказание ставки продолжать борьбу против Осман-паши, уничтожить его и овладеть крепостью Дербент.

Однако вопреки указанию шахской ставки, кызылбашские войска прекратили преследование Осман-паши и вернулись в Карабах. Это было роковой ошибкой, за которую пришлось вскоре жестоко расплачиваться. Искендер Мунши утверждает, что виновниками этого являются везир Мирза Салман и кызылбашские эмиры, которые действовали «вопреки воле Махди Улья», настаивавшей якобы на взятии Дербента и закреплении победы в Ширване. Шереф-хан Бидлиси вину целиком возлагает на шахиню: «Преисполнившись гордости от такого количества побед, мать Султан Хамза-мирзы по женскому недомыслию отнеслась к делам в Ширване без заботы и внимания, оставила Осман-пашу в Дамур-Капу (Дербент. — *О. Э.)* и с Адиль-Гирей-ханом посреди зимы возвратилась в Казвин»[626]. Из изложения Кази Ахмеда также выясняется, что шахиня «не согласилась с этим планом» (т. е. полученным приказом шахской ставки о занятии Дербента и полном вытеснении турок из Ширвана), послала за Мирза Салманом и эмирами своего эшикагаси Мухаммед-хана Туркмана, после чего те возвратились в Карабах, и тем самым «вопрос о Ширване остался незавершенным и нерешенным»[627].

Дальнейшие события подтверждают вину шахини, которая мало считалась с мнением кызылбашских полководцев и действовала своевольно.

Источники подтверждают, что тут же в Карабахе вопрос о кандидатуре на пост правителя Ширвана (вместо погибшего Арас-хана Румлу) стал предметом разногласий между шахиней и кызылбашскими эмирами, выдвинувшими на эту должность героя моллахасанского сражения сына Абдуллы-хана—Хамза-хана Устаджлу. Шахиня не приняла этого

---

[624] *B. Kutukoglu,* ss. 86—87.
[625] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 238.
[626] Шереф-наме, т. II, русск. пер., стр. 237; перс, текст, стр. 260.
[627] Хуласат ат-таварих (Т), лл. 416а, б.

предложения, и несмотря на зимнюю стужу, вместе со своим сыном в конце 1578 г. оставила Карабах. Никто из эмиров не посмел воспротивиться «неуместному поступку» шахини, и через несколько дней все эмиры с войсками вслед за ними двинулись в Казвин[628].

Несмотря на завоеванную при Моллахасане победу, Сефевиды не сумели закрепиться в Ширване. Хотя турки фактически не имели здесь ни одного опорного пункта, кроме Дербента, они с помощью лезгин и правителей Дагестана постоянно беспокоили кызылбашских эмиров в Ширване[629].

Внутриполитическая борьба в Сефевидском государстве. Дальнейшим успехам кызылбашских войск в борьбе с турками помешали внутренние раздоры и борьба в самом Сефевидском государстве, между эмирами азербайджанских племен и иранскими элементами.

Мы уже указывали, что между кызылбашскими эмирами и шахиней Махди Улья во время пребывания в Карабахе возникли разногласия, которые вскоре переросли в открыто враждебные отношения.

Дело в том, что, избрав шахом слабовольного Мухаммеда Худабенде, кызылбашские эмиры, вожди племен, рассчитывали на усиление своего влияния на государственные дела на то, что ни одно важное государственное мероприятие не будет предприниматься без их ведома и одобрения. Между тем, дело обернулось совсем не так, как они того желали. Деспотичная и своенравная жена шаха Махди Улья стала править вместо своего мужа единолично и полновластно, мало считаясь со знатью кызылбашских племен. Ее ближайшими помощниками и советниками были ее личный везир Мир Кавам ад-Дин Хусейн Ширази, столичный калантар мовлана Афзал Мюнеджжим Казвини, а также «этимад ад-довле» Мирза Салман Исфагани и другие, принадлежавшие к иранским элементам, которых источники в отличие от тюрок называют общим термином таджиков (таджикиййа). Отстранив тюркских (азербайджанских) эмиров от участия в решении государственных дел, Махди Улья добивалась от них беспрекословного повиновения. Характерным в этом отношении является дело об убийстве по приказу Махди Улья наследственного правителя Мазандарана Мирза-хана, «молодого человека добродетельного и набожного». При этом шахиня руководствовалась мелким чувством мести по отношению к покойному отцу своей невинной жертвы Мурад-хану, в борьбе с которым за власть в Мазандаране около 20 лет назад погиб отец ее Мир Абдулла-хан из Мар'аши-сейидов[630].

[628] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 238—239.
[629] В Ширване правителем был вскоре назначен Мухаммед-солтан Хаджилар Зулькадар (Хуласат ат-таварих (Б), л. 290а).
[630] Mazandaran and Astrabad by H. L. Rabino. “Gibb Memorial” New series vol. VII, pp. 142—143.

Мирза-хан добровольно сдался в руки посланных к нему знатнейших эмиров после того, как те поклялись ему сохранить жизнь и уговорить шахиню отказаться от кровной мести. Но Махди Улья не посчиталась с клятвой эмиров и приказала отряду курчиев тайно от них ночью прикончить Мирза-хана. Убийство Мирза-хана, осуществленное шахиней без ведома и вопреки воле эмиров, пробудило в их сердцах неугасимую ненависть к Махди Улья[631]. Из-за этого убийства, ряд таких видных кызылбашских эмиров, как Шахрух-хан мухрдар Зулькадар, Пире Мухаммед-хан Устаджлу и Корхмаз-хан Шамлу стали клятвопреступниками, что укрепило решимость кызылбашской знати, которая и без того неохотно смирялась с властью женщины, покончить с самоуправством Махди Улья. Им недолго пришлось ждать благоприятного случая для осуществления своих замыслов.

Однажды в диван явились жители города Кашан и пожаловались на притеснения правителя его Мухаммед-хана Туркмана, «степень жадности коего была за пределами умеренности». Было дано указание чиновникам дивана рассмотреть жалобы по существу. Выяснилось, что кызылбашский правитель действительно повинен в тяжких злоупотреблениях. На этой основе вышло распоряжение об «изменении его ольке», т. е. о переводе его из Кашана в другое место. Мухаммед-хан, принадлежавший к числу «великих эмиров и столпов государства», был оскорблен таким оборотом дела. Все его усилия к тому, чтобы убедить Махди Улья в том, чтобы она не навлекала на него такой позор, который лишит его всякого уважения, ни к чему не привели. Тогда Мухаммед-хан решил воспользоваться опасным настроением среди эмиров, их общим недовольством правлением Махди Улья. Он сговорился с мятежными эмирами, и они, по выражению Исксндера Мунши, «открыли двери интриг и вражды». В заговор был вовлечен даже такой авторитетный, известный своим благоразумием и опытностью сановник, как курчибаши Кули-бек Афшар[632].

На тайных сборищах эмиры стали совещаться о том, как устранить от власти шахиню и всех ее приверженцев. Перед своими соплеменниками и сородичами они поставили вопрос о том, как же это случилось, что власть находится в руках шахини с ее таджиками и мазандаранцами, тогда как шахом является Мухаммед Худабенде и знатнейшие эмиры лишены власти и влияния? Они обвиняли Махди Улья в том, что она всячески покровительствует и выдвигает на руководящие посты таджиков и близких ей

[631] О событиях подробно рассказано у Искендера Мунши, Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 240—242; Хуласат ат-таварих (Т), лл. 419б, 420а.

[632] Следует иметь в виду, что Искендер Мунши писал свое сочинение при шахе Аббасе I и, поэтому, естественно, старался в выгодном свете изобразить деятельность его матери Махди Улья и всю вину сваливать на эмиров кызылбашских племен.

мазандаранцев, предпочитая их кызылбашским эмирам, а также переводит казну гарема в Мазандаран.

Наконец, эмиры и знать направились во дворец «Чехел сотун» и через своих посланцев велели сообщить шаху, что плохое отношение его жены Махди Улья к «эмирам и столпам державы падишаха и покровительство, (оказываемое ею) мазандаранцам», очень оскорбительны для его подданных — кызылбашей. Вмешательство ее в дела государства вызывает недовольство старейшин (ришсефидов) кызылбашских племен. Они сообщали шаху, что если положение не изменится, то «слуги Счастливого правителя» опасаются всеобщего восстания этих племен. Осведомленная о кознях эмиров Махди Улья осыпала их посланцев такими оскорблениями и угрозами, что им ничего не оставалось, как в бессильной ярости от этого нового унижения убраться из дворца[633].

Дальнейшие события разворачивались следующим образом[634]. Выше мы указывали, что в Ширван прибыли курчии для сбора в свою пользу податей по ассигновкам, выданным финансовым ведомством. Не добившись ничего у разоренного населения, курчии с пустыми карманами вернулись в Казвин. Естественно, что их возмущение было направлено в первую очередь против финансовых чиновников, пославших их в заведомо неплатежеспособный район, каким был Ширван в описываемое время. Эмиры не замедлили использовать их настроение в своих заговорщицких целях. Они направили разгневанных курчиев во дворец (довлетхана) к главе финансового ведомства (мустофий ал-мамалик) «таджику» Мир Шах Гази Исфагани. Курчии потребовали от него немедленного вознаграждения: при разразившемся скандале Мир Шах Гази был ранен мечом одного из курчиев. Только вмешательство прибывшего сюда принца Хамза-мирзы, который обещал им урегулировать этот вопрос, предотвратило дальнейшее кровопролитие. После этого курчии по подстрекательству эмиров направились в шахский дворец, где напали на находившегося в плену татарского хана Адиль-Гирея. Последний со своей татарской свитой отчаянно защищался. Произошла короткая, но ожесточенная схватка, в которой обе стороны понесли потери. Татарский хан был сражен насмерть. Курчии взяли его голову и отнесли эмирам[635]. Они попытались проникнуть также в гарем, где находилась шахиня, но были отбиты служителями.

На следующий день 26 июля (2 раджаба) кызылбашские эмиры довершили то, что не удалось сделать курчиям. Они собрались в столичном

---

633 Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 248—249.

634 В этой части сведения Искендера Мунши кратки и отрывочны; Кази Ахмед Куми более полно и хронологически последовательно освещает события, имевшие место в начале и середине 1579 г. Хуласат ат-таварих (Т), лл.

635 Хуласат ат-таварих (Т), лл. 421б, 422а.

парке Саадатабад, чтобы обсудить план устранения Махди Улья. Среди эмиров отсутствовал только предводитель племени текели Мусеиб-хан Шереф ад-Дин-оглы, который был предан шахской семье и связан с шахом близким родством. Он получил указание взять на себя защиту членов шахской фамилии в случае нападения эмиров, однако эта задача оказалась ему не под силу. Он не устоял перед призывом своих соратников — кызылбашских эмиров, которые неоднократно посылали за ним его соплеменника мехмандара Челеби-бека с требованием явки на их сборище. Мусеиб-хан «не смог пойти против эмиров», и также присоединился к ним[636]. Теперь жизнь шахской семьи была в их руках. Последние, явившись ко двор-цу шаха, через посланцев заявили ему о том, чтобы он не противился устранению жены и ее матери от государственных дел. Они сообщили шаху, что его жена вела государственные дела, не считаясь с волей кызылбашских старейшин и вопреки ей. Она постоянно оскорбляла, унижала и позорила старейшин племен, считала их врагами и угрожала им. Такое положение более нетерпимо. Эмиры не хотят допустить, чтобы в соседних государствах думали, что среди царствующей фамилии кызылбашей никого не осталось, и поэтому у власти стоит женщина. Если, утверждали эмиры, шахиня не будет отстранена от власти, интересам государства будет нанесен большой ущерб. На ультиматум эмиров шах ответил очень мягко и уступчиво: если эмиры не признают целесообразной политическую деятельность шахини, то он прикажет, чтобы она более не вмешивалась в государственные дела. Если же эмиры испытывают страх перед ней, то он может отправить ее в Кум, где она может побыть со своим сыном, точно так же, как в свое время поступил его отец с его матерью. Он готов также отправить жену в Мазандаран с тем, чтобы она оставалась там у себя на родине. Если же и это предложение не удовлетворяет эмиров, то он откажется от престола и отправится со своими сыновьями обратно в Шираз. Пусть кызылбаши изберут для себя такого шаха, какого хотят. Согласия же на убийство «невинной» жены, являвшейся к тому же дочерью сейида, он не даст[637] . Сама же шахиня отнюдь не была настроена так уступчиво, как ее муж. В этот опасный для ее жизни момент, она по словам Искендера Мунши, проявила редкое хладнокровие и мужество. Она с негодованием отвергла как унизительное для нее предложение своего везира Мир Кавам ад-Дина Хусейна Ширази раздачей золота курчиям попытаться внести раскол в ряды эмиров и спасти положение. Хорошо зная непримиримый и решительный характер шахини, эмиры понимали, что она ни за что не откажется от власти и обещания шаха по этому поводу практически неосуществимы. Они решили действовать немедленно. Это «гнусное дело» было поручено Садр ад-Дин-хану Сефеви из рода

[636] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 249.
[637] Тарих-и и алем арай-и Аббаси, стр. 249—250.

Шейхавенд, Хасан Али-беку Алкесан-оглы Зулкадару и Имамкули мирзе Мосуллу, родственнику шаха. Они «бесцеремонно» вторглись в шахский гарем и задушили Махди Улья. Далее, по словам Искендера Мунши, они направились в жилище ее матери, «старой добродетельной и благочестивой» женщины, которая приехала из Мазандарана с несколькими своими сородичами и проводила остаток своих дней в гареме. Как мать шахини, так и ее родственников и других представителей знати Мазандарана постигла та же судьба. Все их имущество было разграблено[638].

После убийства шахини в столице произошли беспорядки весь тот день чернь (а'мма) на улицах и площадях задерживала мазандаранцев и грабила их до нитки. Такие ближайшие приверженцы и советники шахини, как Мир Кавам ад-Дин Хусейн Ширази и мовлана Афзал Мюнеджжим Казвини, были выдворены из дворца. Первый ценой большого выкупа сохранил себе жизнь и вернулся в родной Шираз. Мирза Салман так же, как и другие таджики, дрожавший за свою жизнь в кровавый день 26 июля 1579 г., был оставлен на прежней своей должности везира. Через два-три дня кызылбашские эмиры явились во дворец и в присутствии улемов и муджтехидов каждый из них дал «пятьдесят одну клятву» в том, что при жизни Мухаммеда он не желает никого другого в качестве своего шаха, а после его смерти шахом станет его старший сын и преемник Хамза-мирза. Текст присяги был скреплен печатью муджтехидов и улемов и вручен шаху,[639] которому ничего не оставалось, как примириться со смертью своей супруги. Мухаммед-хан Туркман был вновь утвержден в качестве правителя

---

[638] Следует отметить здесь противоречивость в освещении источниками убийства Адиль-Гирея и Махди Улья, из-за которой возникают трудности в установлении связи и последовательности этих двух событий. Так, в изложении Искендера Мунши (Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 239) убийства Адиль-Гирея выглядит случайным и непреднамеренным. Крымский хан со своей свитой, якобы, сам затеял столкновение с курчиями, которые должны были перевести его из дворца в другое место, и при этом был убит. Причем об этом убийстве повествуется хронологически сразу же после его пленения кызылбашами. Связь между заговором против шахини и убийством татарского хана совершенно отсутствует, что отмечено и А. Рахмани («Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 68). Как указывает Г. Рёмер (стр. 98), Кази Ахмед Куми отмечает последовательность этих сначала убийств (сначала Адиль-Гирей, а потом шахиня), умалчивая об их причинной связи. Шереф-хан Бидлиси (Шереф-наме, II, стр. 261) говорит о прямой зависимости между этими событиями, сообщая, что эмиры обвиняли Махди Улья в любовных отношениях с Адиль-Гиреем. Орудж-бек (стр. 153) выступает против Минадои, так же утверждавшего о существовании амурных связей между татарским принцем и шахиней, считая это только предлогом для расправы с ними. Орудж-бек утверждает, что на самом же деле знать боялась растущего влияния Адиль-Гирея при дворе и опасалась вмешательства иностранца в дела государства. Как бы то ни было, отсутствие у Искендера Мунши и Кази Ахмеда, которые писали свое сочинение в царствование сына убитой (Аббаса I), указаний на связь между двумя этими убийствами наводит на мысль о ее существовании.

[639] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 251—252; *H. Roemer*. Der Niedergang Irans, SS. 61—66.

Кашана. Кызылбашские эмиры добились своего: по существу они вновь стали полновластными хозяевами в государстве.

Набег крымских татар на Ширван и Карабах. Новый правитель Ширвана предпринял энергичные меры, чтобы вытеснить Осман-пашу из Дербента. Под его натиском вновь занявшие Шабран и Маскур (Мушкур) турки вынуждены были отступить в Дербент. Осман-паша дважды посылал против кызылбашей войска, в том числе и ширванцев Абубекра, но они были разбиты Мухаммедом-халифе Зулькадаром. Эти неудачи турок подняли против них кайтагцев. Осман-паша предпринял даже экспедицию для усмирения кайтагского уцмия в его резиденцию Башлы. Сначала каитагцы, не выдержав ружейно-артиллерийского огня, отошли в горы, но собрав силы, вынудили турок к отступлению. При отходе к Дербенту вдоль берега Каспия турки вновь попали в засаду кайтагцев и понесли большие потери. Этот поход Осман-паши в Кайтаг, как указывает Б. Кутюкоглу, сделал возможным сближение кызылбашского правителя Мухаммед-халифе Зулькадара с уцмием Кайтага и правителем Табарсарана Ма'сум-беком и их договоренность о совместном нападении на Осман-пашу в Дербенте[640]. Но этому помешал поход на Дербент через Северный Кавказ крупных сил крымских татар.

Крымское ханство не отказалось от захватнических планов в отношении Азербайджана. В первое время пленному Адиль-Гирею при Сефевидском дворе оказывались все знаки внимания и предупредительности. Группа освобожденных из плена татар составила его свиту, отряд курчиев был выделен для его охраны, он жил в здании рядом с довлетхане: надеялись с помощью приветливости и хорошего обращения склонить его на свою сторону, отговорить его от союза с султаном и оградить Ширван от опустошительных вторжений крымских татар[641]. По требованию шаха Адиль-Гирей направлял в Стамбул и Бахчисарай своих людей с письмами, в которых выдвигались мирные предложения[642]. Однако эти попытки окончились неудачей после убийства Адиль-Гирея.

Летом 1579 г. (987 г. х.) крымский хан Мухаммед-Гирей по требованию турецкого султана и с целью захвата военной добычи двинулся из Бахчисарая через Северный Кавказ к рубежам Ширвана. Со стотысячной армией в сопровождении братьев Гази-Гирея, Сефи-Гирея и Саадат-Гирея 10 октября (18 шабана) он достиг Дербента и был радостно встречен Осман-пашой[643].

---

[640] *B. Kutukoglu,* ss. 91—92.
[641] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 238—239.
[642] *B. Kutukoglu, ss.* 73—74.
[643] Там же, стр. 100.

Тем временем шах Мухаммед Худабенде с Хамза-мирзой и войсками двинулся из Казвина на запад и 19 октября (27 шабана) вступил в Тебриз[644]. Здесь и расположилась кызылбашская ставка, чтобы отсюда руководить военными операциями кызылбашских войск в Ширване против турок[645]. Правитель Ширвана Мухаммед-халифе Зулькадар сообщил в ставку о прибытии в Дербент братьев Адиль-Гирея с крупными силами «с целью отмщения за кровь» убитого брата. На военном совете в Тебризе было решено двинуть против татар войско эмиров с Мирза Салманом. Однако пока эмиры собирались в поход, татары обрушились на Ширван. Мухаммед-халифе был отважным воином и предпочел бесславному бегству героическую смерть, с горсточкой смельчаков приняв неравный бой с татарами на берегу Самура. Татары получали все новые и новые подкрепления, благодаря чему кызылбаши были разгромлены, а Мухаммед-халифе погиб[646].

Мухаммед-Гирей и Осман-паша 23 октября (2 рамазана) вступили в Шемаху, где оставались три дня[647]. Отсюда были посланы отряды в различные районы Ширвана. Так, отряд, посланный против, шестиста кызылбашских защитников Баку, овладел городом и взял в плен Хана Али и Максуд-солтана. Затем Мухаммед-Гирей, перейдя Куру у Ареша, прошел Гянджу, Карабах, Барду, Мугань и вплоть до Кызылагаджа, опустошив и разграбив районы Северного Азербайджана. Но, узнав о приближении главных кызылбашских сил, Мухаммед-Гирей и татары «ударили в барабан возвращения». Татары увели с собой в плен и рабство многих жителей Азербайджана, в том числе женщин и девушек, для продажи на невольничьем рынке в Кафе[648]. Гази-Гирей с братьями и отрядом татар был оставлен в Дагестане и Дербенте в помощь Осман-паше. Примкнувшие к

---

[644] Хуласат ат-таварих (Т), л. 424а. Здесь правитель Тебриза Амир-хан Туркман просил у шаха руки принцессы Фатимы Солтан-бегим, дочери шаха -Тахмасиба. Против этого бракосочитания, имевшего целью усиление власти и влияния эмиров племени туркман, возражали видные эмиры шамлу и Устаджлу. Только после долгих переговоров их сопротивление было сломлено.

[645] Хуласат ат-таварих (Т), л. 424б.

[646] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 253.

[647] *B. Kutukoglu,* s. 101.

[648] Хронист Шереф-хан Бидлиси (Шереф-наме, II, стр. 271—272) ошибочно поместил поход крымского хана Мухаммед-Гирея в Азербайджан под 992 г.х. (1584 г.). И. П. Петрушевский, который доверился этому источнику, также допустил ошибку, датируя поход Мухаммед-Гирея 1584 г. (Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 273). Хотя у Искендера Мунши этот поход крымского хана точно не датирован, но по ходу изложения можно заключить, что речь идет о событиях 987 г. х. (1579 г.). *B. Dorn.* Beitrage zur Geschichte (S. 340), излагающий этот поход по материалам Искендера Мунши, верно датировал его 1579 г. Точная датировка этого события содержится в турецких источниках, например, у Ибрагима Печеви, который сообщает, что Мухаммед-Гирей 1-го джумала II 987 г. х. (26 июля 1579 г.) покинул свою резиденцию Бахчисарай и через 74 дня (в начале октября 1579 г.) достиг Демиркапу-Дербента (*Ибрагим Печеви.* Тарихи Печеви. Стамбул, 1283 г.х., т. II, стр. 61—62).

этому походу татар ширванцы частью вернулись в Дербент, а частью с Абубекр-мирзой попытались закрепиться в Ширване в районе Хачмаза[649]. Возвращение главных сил татар в Крым и весть о вступлении в Ширван кызылбашских войск вызвали панику среди турецкого гарнизона в Дербенте.

Кызылбашские эмиры с Мирза Салманом прибыли в Ширван с большим опозданием, поэтому они уже не застали там татар. По сведениям Кази Ахмеда, этот поход в Ширван был предпринят в очень тяжелых условиях зимы: из-за жестокого мороза и отсутствия корма лошади и верблюды гибли, и воинам приходилось идти пешком. Глубокий снежный покров сделал дороги непроходимыми. Все же кызылбашские отряды из Карабаха перешли Куру, вступили в Ширван и осадили Шемаху. После нескольких дней осады крепость Шемахи сдалась кызылбашам[650].

Согласно Искендеру Мунши, Амир-хан Туркман двинулся со своими ополченцами против ширванцев и дагестанцев, собравшихся в Хачмазе. Историк указывает, что этот поход не принес успеха кызылбашам, Амир-хан вернулся ни с чем. Это стало причиной раскола и распрей среди кызылбашских племен. Эмиры шамлу и устаджлу, поддержанные Шахрух-ханом Зулькадаром, стали открыто выражать свое недовольство Амир-ханом. Шахрух-хан выразил желание самому с отрядом кызылбашей пойти против ширванцев и сделать то, что не удалось Амир-хану. Это привело в ярость последнего и послужило причиной к обоюдной вражде. Амир-хан считал, что это выступление против него тайно инспирируется главнокомандующим Мирза Салманом.

Итак, вместо того, чтобы использовать выгодную для себя обстановку и попытаться совместными усилиями разгромить ширванцев и вытеснить Осман-пашу из Дербента, кызылбашские эмиры разделились на два враждующих лагеря, и приверженцы каждого расположились отдельно. И каждая сторона, указывает Искендер Мунши, опасаясь нападения другой, находилась в полной боевой готовности. И на этот раз курчибаши Кули-бек Афшар проявил государственную мудрость и сумел своим авторитетом предотвратить кровопролитие. Хотя ему и удалось внешне примирить эмиров и Шахрух-хан отказался от похода, «пламя вражды продолжало гореть в глубине их сердец»[651].

Голод и разруха в Азербайджане. Положение населения Азербайджана в описываемый период было невероятно тяжелым. Вследствие беспрерывных боевых операций, передвижений огромных масс войск,

---

[649] Ср. *B. Dorn.* Beitrage zur Geschichte, S. 341 (сноска).

[650] Хуласат ат-таварих (Т), лл. 425б, 426а. О походе татар Кази Ахмед не упоминает.

[651] Тарихи-и алем арай-и Аббаси, стр. 252—254; Шереф-наме, II, стр. 271—272; Тарихи Печеви, II, стр. 61—62; *B Kutukoglu, ss.* 98—103, *H. Roemer.* Der Niedergang, SS. 77—78; *B. Dorn.* Beitrage zur Geschichte, SS. 39-342.

опустошений и грабежей, чинимых турецко-татарскими и кызылбашскими войсками в 1578—1579 гг. в Азербайджане вспыхнули страшный голод и чума. Местами дело доходило до каннибализма. Некоторые местности из густонаселенных районов превратились в обиталище зверей.

По словам Кази Ахмеда, в Тебризе 1 ман хлеба стоил 300 динаров, а 1 харвар и 100 манов пшеницы продавался за 25 тыс. динаров. Из сельских районов, охваченных голодом, в города потянулись толпы голодающих и нищих. В Тебризе на базарах и улицах ежедневно умирало 50—60 детей и взрослых. Неурожай и голод свирепствовали во всех областях государства — Ираке, Фарсе, Кермане, Хорасане, Табаристане. «Когда наступила весна и в степи и полях появилась трава, остатки рассеянного народа, который скопился в городах из округов и областей, голодные и нагие, подобно волкам, кинулись в пустыри и степи и стали пожирать траву. Большинство из них, насытившись умерло в степи»[652].

Жизнь трудового населения Азербайджана этого периода нашла яркое описание у одного из местных жителей, очевидца и современника этих событий армяноязычного летописца Ованеса Цареци. «В 1028 (1579) году внезапно начался ужасный и великий мор в Атрпатакане и во всем Агванке, — писал Цареци, — он унес много (людей) всех племен, вплоть до того, что множество домов осталось без хозяев, а множество отцов и матерей—без детей. Жители страны Агванк в таком бедственном положении оплакивали умерших и радели о живых, но о больных, а также и о себе и думали тяжкую думу: «Ох, избавимся мы от нечаянной смерти или нет?»[653].

К двум всенародным бедствиям, эпидемии и нашествию татар, указывает Цареци, прибавился «ужасный и невыносимый голод, настолько сильный, что люди подобно зверям, стали поедать сырое мясо, дабы избежать смерти, и бродили они, нищие и бездомные, скрываясь от поработителей...». «И если где-нибудь оставалось (еще) поселение, то обитали там, — продолжает современник, - бездомные, нагие мужчины и женщины, старые и молодые, юноши и девушки, скитавшиеся со слезами на глазах без пристанища по дворам чужих и домам посторонних (людей), вымаливая себе на пропитание». Потерявшие от голода человеческий облик, люди рылись в скотном и лошадином навозе, отыскивая зерна ячменя, которые крошили камнем и клали в рот, варили валявшиеся на улицах старые кости, ели шкуры, изношенную обувь и т. п. «Горе глазам моим, братья!» — горестно восклицает летописец»[654].

«А когда наступила весна, нищие с почерневшим телом рассеялись по полям и, подобно стадам коз и отарам овец, поедали дикие овощи и зеленую

[652] Хуласат ат-таварих (Т), лл. 425а, б; (Б), лл. 298а, б.
[653] *Аракел Даврижеци.* Книга историй, стр. 466.
[654] *Аракел Даврижеци.* Книга историй, стр. 466—467.

траву и не (могли) насытиться, ибо, согласно пророку, «(господь) призвал голод на землю, всякий стебель хлебный истребил». Особенно часто умирали те, у которых вспухали головы: кто там же, на пастбище, не имея сил вернуться, а кто — по возвращении в деревню, под стенами и в уголках разрушенных домов»[655]. Цареци также сообщает о случаях каннибализма[656].

Сказанное Praванссом Цареци относится как к северным областям страны (Карабаху, Ширвану), так и к южной части Азербайджана (Атрпатакан).

Описание Praванеса Цареци перекликается со сведениями Кази Ахмеда и Искендера Мунши. Так, Искендер Мунши указывает, что в том году (1579) одной из причин неудачи осеннего похода эмиров в Ширван был неурожай и острый недостаток продовольствия, вследствие чего царила страшная дороговизна. Поэтому, «любой эмир, которому предлагалась должность правителя Ширвана, отказывался от нее». Голод свирепствовал, как сообщает Искендер Мунши, по всей южной части Азербайджана, в Карабахе, Ираке, Гиляне, где население переносило жестокие страдания и дошло до отчаяния. Как всегда, от голода страдали в первую очередь бедные неимущие слои населения. В Тебризе, куда кызылбашские эмиры отступили из Ширвана, «слабые» (зо'афа) и «простонародье», «чернь» (мардом-и фору-майе) гибли от голода[657].

Междоусобицы в среде кызылбашской знати в Тебризе в 1580 году. Мы упоминали выше о том, что между Амир-ханом и Шахрух-ханом из-за похода в Хачмаз в Ширване возникли раздоры. Племена устаджлу и шамлу, предводительствуемые Пире Мухаммед-ханом Устаджлу и Хусейнкули-солтаном эшикагасибаши Шамлу, встали на сторону Шахрух-хана и выступили против племени туркман. Кули-беку курчибаши еле удалось предотвратить вооруженное столкновение между племенами. После возвращения эмиров из ширванского похода в Тебриз отношения между указанными кызылбашскими племенами еще более обострились. Столкновение племен стало неизбежным после того, как из Хорасана сюда поступило известие о столкновениях между этими племенами. Для того, чтобы понять эти события, необходимо кратко остановиться на положении в Хорасане.

Шах Исмаил II назначил эмира племени шамлу Аликули-хана правителем Герата. Шах Мухаммед Худабенде утвердил его в этой должности и сделал его леле своего сына Аббас-мирзы[658] (будущий шах

[655] Там же, стр. 467.
[656] Там же, стр. 468.
[657] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 254.
[658] Хуласат ат-таварих (Б), л. 279а.

Аббас I). Хотя номинальным наместником Хорасана считался Аббас-мирза, фактически же всеми делами ведал Аликули-хан Шамлу.

В 1578 г. Аликули-хан совместно с Муршидкули-ханом Устаджлу отказались выдать Махди Улья ее ребенка Аббаса под предлогом того, что ему при дворе якобы «угрожает опасность». На самом же деле они намеревались иметь при себе наследника престола с тем, чтобы чувствовать себя более независимыми, управляя от его имени. Усиление Аликули-хана Шамлу казалось опасным для правителя Мешхеда Муртузакули-хана Туркмана, который стремился установить свой контроль над Хорасаном. Большинство эмиров Хорасана, принадлежавших к племенам шамлу и устаджлу, заключили соглашение впредь не признавать центральное правительство в Казвине, в котором большую роль играли эмиры племени туркман и текели. Они избрали своим вождем Аликули-хана Шамлу, сделав его «ханлар ханы» («хан ханов»). Таким образом, в Хорасане образовались две враждующие между собой группировки эмиров в Герате и Мешхеде[659].

Для того, чтобы ослабить силу кызылбашских эмиров и внести в их ряды раскол и вражду, центральное правительство в лице Махди Улья и везира Мирза Салмана предпринимало меры, которые, мешали объединению военных сил для отпора завоевателям. Так, было решено лишить многих хорасанских эмиров их ленов (тиулат) и передать их тем эмирам, которые вследствие османского вторжения потеряли свои тиулы в Ширване и теперь находились при дворе. Опасность междоусобиц среди племен усиливалась благодаря тому, что вновь одаренные леном и прежние ленники принадлежали к одному и тому же племени. Это обстоятельство заставило хорасанских эмиров еще теснее объединиться вокруг Аликули-хана Шамлу, чтобы успешно противостоять давлению центра. Первым делом Аликули-хан с союзными эмирами двинулся против Муртузакули-хана в Мешхед. Хотя войска соперника были разбиты, но Мешхед Аликули-хан взять не смог[660]. Этот поход против Мешхеда, остававшемуся лойяльным шахскому двору, означал открытый разрыв гератских эмиров с центральным правительством.

Вот теперь весть о межплеменной войне в Хорасане, походе Аликули-хана и Муршидкули-хана и осаде ими Мешхеда достигла Тебриза, где находился шахский двор. Амир-хан и эмиры племени туркман не замедлили воспользоваться этим сообщением и стали обвинять племена шамлу и устаджлу в антигосударственном мятеже. Они поставили перед шахом

---

[659] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 243—247; *H. Roemer*. Der Niedergang Irans, SS. 50—55. По сообщению Искендера Мунши, правитель Мешхеда Муртузакули-хан Порнак Туркман был «беглярбеком половины Хорасана» и не подчинялся правителю Герата Аликули-хану Шамлу, управлявшему другой половиной Хорасана.

[660] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 254—258; ср. *H. Roemer*. Der Niedergang Irans, SS. 70—76.

вопрос о недоверии к эмирам этих племен, находившимся при дворе, обвиняя их в связи с хорасанскими мятежниками. Эмиры племени туркман добивались вытеснения придворных эмиров шамлу с их высоких постов и замещения их своими соплеменниками. Это была старая борьба между племенной кызылбашской знатью за высокие и доходные государственные посты. Как указывает Искендер Мунши, главными сановниками шамлу при дворе были: мать Аликули-хана Ханихан-ханум, к которой Хамза-мирза относился как к своей родной матери; Хусейн-бек, ее брат, бывший везиром Хамза-мирзы; находившиеся на службе у царевича Исмаилкули-бек, сын Вели-халифе Шамлу, которого царевич в знак особого к нему расположения наградил почетным титулом «йолдашбаши» («главного друга»); Мехдикули-бек сын Хусейнкули-солтана, являвшегося «уважаемым» эшикагасибаши; Абульфатх-бек, сын Фулад-бека, занимавший должность амирахурбаши; Тахмасибкули-бек, сын Корхмаз-хана, и т. д. Перечисленные лица пользовались большим влиянием при дворе, будучи из «числа приближенных шаха». Эмиры туркман, завидовавшие эмирам шамлу, были поддержаны везиром Мирза Салманом, которому также давно не нравилось то высокое положение, которое занимал при дворе везир Хамза-мирзы Хусейн-бек Шамлу.

Амир-хан и Мухаммед-хан из племени туркман совместно с Мусеиб-ханом Текели обрушились с нападками на вышеуказанных сановников и потребовали их удаления со двора как изменников и врагов шаха и царевича. Пире Мухаммед-хан Устаджлу и Хусейнкули-солтан Шамлу, являвшиеся объектом их нападок, в ответ заявили, что всю вину за междоусобицы в Хорасане несет Муртузакули-хан Туркман, правитель Мешхеда, так как он своими интригами и претензиями на независимость делает невозможной сплоченность хорасанских эмиров перед лицом нападений узбекских ханов. Они противопоставили обвинениям единодушную преданность своих племен шаху и принцу Хамзе, призывая к единению кызылбашские племена в тяжелых условиях борьбы с османским завоеванием и опасности узбекского вторжения в Хорасан.

Конечно, не влияние этих объяснений предотвратило назревавшее кровопролитие в Тебризе, а страх перед силой дружественных между собой племен шамлу и устаджлу, хотя обе стороны были готовы к нападению. Но в этот момент произошло событие, которое дало сторонникам Амир-хана возможность добиться своих целей, не прибегая к риску испытания сил с соперниками. Речь идет о гибели Вели-халифе Шамлу в Хорасане, весть о которой достигла в это время Тебриза. Упомянутый выше сын павшего Исмаилкули-бек сразу потребовал отмщения за кровь отца. Искендер Мунши указывает, что, так как «среди племен шамлу и устаджлу всегда царили отношения согласия и дружбы», знать туркман и текели поставила себе

целью посеять среди них семена раскола и вражды. Для этого они внушили Исмаилкули-беку, что убийство его отца Вели-халифе Шамлу совершено по приказу Солтан Хусейн-хана и его сына Аликули-хана Шамлу. Это делалось специально, чтобы натравить одних правителей шамлу на других, добиваясь тем самым ослабления этого сильного племени. Надо сказать, что Амир-хан и его приверженцы добились своего. Им удалось настроить шаха и принца Хамзу против представителей знати шамлу при дворе.

Как мы указывали, мать Аликули-хана по имени Ханихан-ханум была воспитательницей Хамза-мирзы и по существу заменила ему мать после убийства Махди Улья. Теперь Амир-хан Туркман и его единомышленники, сославшись на мятеж и сепаратистские действия Аликули-хана, заявили, что мать мятежника не может долее жить при дворе. Они ворвались в помещение гарема и задушили «невинную женщину». Затем принялись за отца Аликули-хана Солтан Хусейн-хана, убийство которого поручили сыну убитого Вели-халифе Шамлу — Исмаилкули-беку. Ему была обещана должность правителя Казвина (и титулы хана и тавачибаши), которую занимал Солтан Хусейн-хан. Точно также уговорили Корхмаз-хана Шамлу, который многие годы служил у Вели-халифе Шамлу, получив степень эмира, поэтому многим был обязан покойному. Ему поручили убрать Хусейнкули-солтана, пообещав занимаемую им должность эшикагасибаши. Убийством брата Махмуд-хана Суфи-оглы Устаджлу, совершенным братьями Исмаилкули-хана Шамлу, были «открыты врата раздоров и распрей» между бывшими всегда союзниками шамлу и устаджлу.

В результате коварных интриг Амир-хана и его клики своими соплеменниками были убиты также Хусейнкули-солтан, везир Хусейн-бек, а также Солтан Хусейн-хан Шамлу (отец Аликули-хана и муж убитой Ханихан-ханум). Таким образом, со знатью шамлу при дворе было покончено[661].

Предводитель племени устаджлу при дворе Пире Мухаммед-хан вынужден был примириться с расправой над представителями шамлу при дворе, чтобы спасти свое племя от подобной же участи, так как его племя также обвинялось в соучастии в мятеже в Хорасане из-за выступления Муршидкули-хана Устаджлу на стороне правителя Герата Аликули-хана Шамлу. В знак примирения он принял участие в пышной свадьбе Амир-хана Туркмана с принцессой Фатимой Солтан-ханум и дал согласие на брак своей дочери с сыном Амир-хана, который состоялся в Тебризе после описанных кровавых событий[662].

---

[661] Хуласат ат-таварих (Т), лл. 429 а, б; (Б), лл. 301 б. 302 а.

[662] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 258—261; Хуласат ат-таварих (Т), лл. 429б, 430а; *H. Roemer*. Der Niedergang Irans, SS, 79—84.

Описанные события в Тебризе еще раз показывают нам необузданность и своеволие кызылбашских эмиров, которые даже перед лицом внешних врагов не знали других интересов, кроме мелких эгоистических выгод для своего рода, своего племени.

Надо отметить, что истребление родственников Аликули-хана Шамлу при дворе не только не усмирило мятеж кызылбашских племен в Хорасане, а наоборот, исключило всякую возможность переговоров с Аликули-ханом и эмирами шамлу, приведя к отпадению половины Хорасана из состава Сефевидского государства и объявлению хорасанскими эмирами принца Аббаса шахом в следующем 1581 г.

Сефевидско-османские отношения и борьба за Азербайджан. Несмотря на тяжелое положение, Сефевиды не желали терять Ширван и уступать его туркам. В начале 1580 г. (988 г. х.) при шахском дворе в Тебризе было решено снарядить новый поход в Ширван. На этот раз задача была возложена на Салман-хана и эмиров племени устаджлу. Двигаясь по пути через Арасбар, кызылбашские войска из-за невыносимой жары остановились в яйлаге Хамшахре[663] на берегу Куры, занявшись подтягиванием сил и подготовкой к переправе через Аракс. Среди эмиров—участников похода, которым были назначены в Ширване тиулы, упоминаются, кроме беглярбека Ширвана Салман-хана, Хусейнкули-солтан, Аликули-солтан, Мустафа-султан Шерефлу, Мехдикули-солтан Чавушлу, а также несколько эмиров из племен (оймакат) джагирлу и караманлу[664].

Летом 1580 г. в Эрзурум прибыло кызылбашское посольство во главе с Хаджи Максуд-беком Зулькадаром, который был препровожден в Стамбул, где 15 августа был принят султан Мурадом III, вручив ему письмо шаха Мухаммеда Худабенде. В письме выражалось недовольство задержанием и арестом первого кызылбашского посла Вели-бека Устаджлу турецкими пограничными властями; указывалось на недопустимость грабежей и насилий, чинимых османскими войсками, увода ими в плен мусульманских женщин и детей; выражалось также желание о восстановлении мира и обеспечивании спокойствия и безопасности для совершения паломничества[665].

Между тем со стороны турок также, предпринималось все возможное, чтобы удержать за собой Ширван, вернуть потерянное. Затруднительное положение Осман-паши, фактически запертого в Дербенте, побудило султана Мурада III снарядить новый поход в Ширван, назначив командующим армией своего третьего везира Синан-пашу. Сосредоточив в Эрзуруме

---

[663] Бакиханов указывает, что это были развалины древнего города, упоминаемые в «Шахнаме» Фирдоуси как Арабшахре. См.: Гюлистан-Ирам. Баку. 1951, стр. 110—111.

[664] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 261; *B. Dorn.* Beitrage zur Geschichte, S. 312.

[665] *B.Kutukoglu, ss.* 105—106.

огромное войско, Синан-паша прежде всего послал к сефевидскому двору своего посла с хвастливым письмом. «Покинуть страну, в которую (однажды) вступили османские войска и где была прочитана на его (султана) имя хутба и отказаться от нее, не входит в правила османов. И так как Ширван, Шеки и некоторые области Азербайджана и Грузии завоеваны османами, и если впредь со стороны кызылбашей не будет посягательств на эти страны, то он оставит эти страны на попечение представителей ислама (османских чиновников.—*О. Э.)* и спор будет исчерпан». В этом случае, писал далее Синан-паша, мы извинимся за прошлые действия и отправим к хонкару заслуживающего доверия и толкового посла с дружественным письмом, стараясь склонить его к заключению мира. «В противном случае, — угрожал османский военачальник,— войско Рума не откажется от захвата областей Ирана»[666].

Кызылбашские эмиры, в особенности Шахрух-хан мухрдар, хотя и чувствовали себя недостаточно сильными, чтобы противостоять турецкому войску и были подавлены сознанием отсутствия в их среде единства, резко ответили на притязания Синан-паши. «Мы согласны только на условия мира времен покойного шаха (т. е. договора 1555 г., заключенного шахом Тахмасибом. — *О. Э.)* и ни пяди своей земли не оставим, — отвечали эмиры, — и пока хоть один кызылбаш из ста тысяч жив, мы не откажемся (от борьбы). Прихода твоего и десятка таких, как ты, мы не боимся. Не думайте, что сейчас то же, что и при Леле-паше. Ибо, когда он пришел (к нам), наш падишах был в Ираке, в то время как азербайджанские эмиры враждовали между собой. Но ныне все кызылбашские войска находятся при шахе в Азербайджане, готовые к битве. И то, что вы написали будто ширванская страна находится во владении османов — заблуждение. Ширван, как прежде, занят кызылбашскими эмирами. Власть румийцев ограничивается лишь четырьмя стенами дербентской крепости. И в самом деле, если бы в то время (при походе Леле-паши. — *О. Э.)* между кызылбашами было единодушие, то у врагов не хватило бы духа посягнуть на хранимые богом страны (Сефевидское государство. — *О.* Э.)»[667]

Решительный ответ кызылбашей несколько умерил воинственное настроение Синан-наши и вторично он написал более мягкое письмо. Он писал, что «Осман-паша сообщил подножью трона его величества хонкара о том, что страна Ширван занята нами. Если окажется, что это так, то самое разумное, чтобы впредь со стороны кызылбашей не было бы притязаний на ширванское владение. И если по этому вопросу не будет разногласий, я ручаюсь за мир». Ответное послание кызылбашей соответственно обстановке было дружелюбным.

---

[666] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 261.
[667] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 261—262.

По предложению Синан-паши стороны согласились на том, чтобы в 988 г. х. (1580-1581 гг.) каждая из них оставалась на своих местах на зимовку. Представители каждой из сторон "должны были прибыть в Ширван и выяснить в чьих руках находится тот или иной район страны. С этой целью турками был направлен в Ширван некто Омар-ага. Синан-паша с войском остались на зиму в Эрзуруме, между тем как шах двинулся с яйлагов Нахичевана (Эшкамбар и Калайбар) для зимовки в Карабах.

В это время Ширван в третий раз подвергся нашествию грабительских орд крымских татар. Гази-Гирей и Сефи-Гирей с большой армией через Дербент спустились в Ширван. Это нападение произошло в невыгодной для кызылбашей обстановке. В Ширване еще не было кызылбашских войск, так как Салман-хан с эмирами еще не перешли Куру, а находились на вышеуказанном яйлаге. «Ширванские предатели», как сообщает Искендер Мунши, сообщили татарам местонахождение лагеря Салман-хана. На беду кызылбашей в течение недели непрерывным потоком лил дождь и из-за непролазной грязи и слякоти всякое передвижение стало крайне трудным. Поэтому приближение татар осталось незамеченным кызылбашами. К тому же ширванцы провели врагов через Куру в таком месте, откуда нападения совершенно не ожидалось. Кызылбаши не успели даже вооружиться и собраться вместе. Большинству из них удалось спастись бегством, а немногие, кто оказал сопротивление, пали смертью храбрых. Татары разграбили кызылбашский лагерь и в тот же день ушли обратно. Тем временем, Осман-паша при поддержке татар ввел в Баку отряд турок и укрепил крепость [668]. Весть о разгроме татарами Салман-хана достигла шахского двора, когда он вступал в Карабах. Из Кызылагаджа, где остановился двор на зимовку, против татар в Ширван были двинуты Мирза-Салман, Амир-хан, Кули-бек курчибаши, Шахрух-хан, Пире Мухаммед-хан и другие эмиры с войсками. У местечка Моллахасан, которое уже известно нам по предшествующему разгрому татар, произошла встреча кызылбашских войск с турками и татарами. Не выдержав постоянно растущего натиска кызылбашей, которые вводили в битву все новые силы, турки и татары стали быстро отходить. Турки вновь заперлись в Дербенте, а татары через Дагестан вернулись в Крым.

Узнав о прибытии в Ширван главных кызылбашских сил, Салман-хан в крайней спешке переправился через Куру и задался целью овладеть Баку, чтобы тем самым реабилитировать себя за понесенное от татар поражение и бегство. Амир-хан Туркман и некоторые другие эмиры, преследовавшие противника до Шабрана, вернулись и присоединились к осаждавшему Баку Салман-хану. В течение восемнадцати дней кызылбаши безуспешно

---

[668] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 262.

пытались сломить сопротивление турецкого гарнизона. Затем они вынуждены были снять осаду, так как турки регулярно снабжались военным снаряжением и продовольствием кораблями, идущими из Дербента, в то время как кызылбаши испытывали острый недостаток в провианте, вызванный разрухой и бедственным положением жителей (райятов). «Не было даже ячменной муки, — сообщает Искендер Мунши, — один батман которой продавался в первое время за шестьсот динаров тебризских, равных шести мискалам чеканного серебра»[669]. Сефевидские войска оставили Ширван и вернулись в шахскую ставку в Карабахе. Ни один кызылбашский эмир в ту зиму не остался в Ширване, в связи с чем войска Осман-паши постепенно вновь заняли ряд районов Ширвана. «Население Ширвана волей-неволей покорилось Осман-паше» — пишет Искендер Мунши.

Накануне прибытия османского представителя Омар-аги для обследования положения сторон в Ширване при сефевидском дворе было решено принять срочные меры для занятия Ширвана, чтобы поставить его перед совершившимся фактом. Для этого эмиры и «столпы державы» предложили двинуть из Карабаха в Ширван часть племен каджар, отузики и других, возложив на них защиту этой области. Ответственность за проведение этой операции была возложена на правителя Карабаха Имамкули-хана Каджара. Новым правителем Ширвана был назначен Пейкер-бек Зияд-оглы Каджар, которому пожаловали титул хана.

Объезжая с кызылбашским представителем Ширван, Омар-ага пришел к убеждению, что в самом деле кроме Дербента и Баку ни одна местность в стране не занята турками. После этого османский представитель вместе с сопровождавшим его сефевидским уполномоченным Шахкули-солтаном Тебет-оглы Зулькадаром поехали в Эрзурум к Синан-паше для доклада «об истинном положении вещей» и ведения мирных переговоров.

Но из-за натянутых отношений с Осман-пашой Синан-паша, не ввязываясь непосредственно в мирные переговоры, отослал Шахкули-солтана обратно с дружественным письмом, где предлагал Сефевидам направить ко двору султана одного из достойных «великих эмиров» для заключения мира. С этой целью в османскую столицу был отправлен правитель Кума Ибрагим-хан (сын Хейдар-солтана Чабук Тархана Туркмана), который был известен как умный и осторожный человек. Прибыв в Стамбул с достойными дарами и подношениями, Ибрагим-хан сразу понял, что обстановка здесь сложилась явно не в пользу мирных переговоров. Основным лицом, выступавшим против переговоров с Сефевидами, был сидящий в Дербенте Осман-паша. Он и его сторонники восстановили султана против Синан-паши и его сдержанных, миролюбивых действий. Поэтому

---
[669] Там же, стр. 263.

усилия Ибрагим-хана не дали результатов. Он оставался в османской столице в течение семи лет и возвратился на родину только при шахе Аббасе I[670].

Хотя, как сообщает Шереф-хан, было достигнуто соглашение[671] о возвращении Сииан-паши в Стамбул, а Мухаммеда Худабенде в Казвин, но уже в следующем году Синан-паша был снят с поста главнокомандующего и на его место был назначен Фархад-паша.

Весной 1581 г. (989 г. х.) на Ширван в четвертый раз напали крымские татары, предводительствуемые Гази-Гиреем и Сефи-Гиреем. Накануне Имамкули-хан Каджар посылал для подкрепления Пейкер-хану сильный отряд кызылбашей. Осман-паша со своей стороны послал из Дербента в поддержку татар отряд турецких войск. Двигавшиеся на Шемаху татары были встречены эмирами племен каджар, джагирлу, караманлу и другими во главе с беглярбеком Ширвана Пейкер-ханом. Сражение произошло между Шемахой и Шабраном. Гази-Гирей, которого «прежние удачи татар сделали самонадеянным», влетел верхом на коне в самую гущу боя и был взят в плен каджарами. Объединенное войско татар и турок вновь потерпело жестокое поражение. Саадат-Гирей также чуть не попал в плен. Оставшиеся в живых татары и турки бежали с поля боя. Бежал также Абубекр-мирза.

В том же 1581 г. Пейкер-хан скончался и на его место правителем в Ширван был назначен Халифе Ансар Карадаглы. Однако, указывает Искендер Мунши, последний также не добился успеха в Ширване. После смерти Халифе Ансара, возвращения шаха из Карабаха в Ирак и похода в Хорасан, которые имели место в следующем 1582 г., «никто другой, из кызылбашских эмиров не смог остаться в Ширване». Благодаря этому, Осман-паша снова прибыл из Дербента в Шемаху, восстановив власть турок в Ширване[672].

Выше мы убедились в том, что крымские ханы существенно помогли Осман-паше удержаться в Дербенте. Помимо этого, османский султан оказывал постоянную помощь Осман-наше, посылая ему через Крым и Северный Кавказ турецкие отряды, а также военное снаряжение и деньги.

Мы располагаем сообщениями, которые показывают, что усиление турок в Дагестане и Ширване было нежелательно для отдельных местных правителей, которые даже вступали в союз с кызылбашами. Так, имеется известие о том, что Шамхал и Абубекр-мирза обращались к кызылбашскому правителю Гянджи с предложением совместного выступления против Осман-паши. Весной 1583 г. Имамкули-хан, получив свежие силы, перешел Куру и вступил в Ширван. Узнав в Шемахе о сосредоточении Якуб-беком османских сил в районе Ниязабада, Имамкули-хан выслал против османов Рустем-хана с

[670] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 264—265
[671] Шереф-наме, II, стр. 260.
[672] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 270—271.

отрядов кызылбашей. В ожесточенной битве были убиты Якуб-бек и другие турецкие командиры. Турки были полностью разгромлены. Кызылбаши преследовали их почти до Дербента. Пришедший на выручку к своим Осман-наша дал бой кызылбашам у Баштепе на берегу р. Самур. Абубекр-мирза, как указывают турецкие источники, принял в этом сражении участие на стороне кызылбашских войск. Печеви упоминает его как «Ибн Бурхан, отвернувшийся от этой стороны» (т. е. изменивший султану. — *О. Э.),* «вероломный еретик». Битва Имамкули-хана с Осман-пашой продолжалась несколько дней. Она упоминается под названием «битвы при факелах» («меш'але савашы»), так как перестрелка продолжалась и ночью при свете факелов. Только на четвертый день османы одержали верх и вынудили кызылбашей оставить поле битвы[673].

Расправа кызылбашских феодалов с везиром Мирза Салманом. Военные неудачи Сефевидского государства в значительной мере объяснялись тяжелым положением внутри страны. С начала восьмидесятых годов крайне обострилась борьба азербайджанской кызылбашской знати с иранскими феодальными элементами, что мы видели выше на примере убийства Махди Улья и ее сородичей. При этом отмечалось, что единственным «таджиком», который не только уцелел, но и сохранил за собой высокую должность везира, был Мирза Салман.

Мирза Салман был сыном Ага Мирзы Али Джабири из Исфагана, служившего ряд лет везиром правителя Фарса Ибрагим-хана Зулькадара. Впервые при дворе Мирза Салман появился в последний период правления шаха Тахмасиба и был назначен управляющим дворцовым хозяйством («Назир-и буютат»). Шах Исмаил II назначил его на пост везира. После смерти Исмаила II он ловко вошел в доверие шаха Мухаммеда и его властной жены и был утвержден в должности «везира высочайшего дивана» с почетным титулом «э'тимад ад-довле» («доверие державы»)[674]. Ему удалось даже выдать свою дочь замуж за наследника престола Хамза-мирзу, а старшего сына Мирза Абдуллу сделать везиром царевича. Таким образом, пользуясь слабостью шаха и молодостью его сына, Мирза Салман стремился к полной неограниченной власти. Мы уже знаем о том, что он был причастен ко многим интригам, раздорам и заговорам среди кызылбашской знати и не упускал случая, чтобы натравить одних эмиров на других, добиваясь тем самым ослабления кызылбашских племен, ограничения роли эмиров в государственных делах. Хотя Искендер Мунши в общем высоко отзывается об уме и способностях Мирзы Салмана как государственного деятеля, но отмечает также и то, что его происки, направленные против кызылбашских племен, срывали военное мероприятия и наносили ущерб интересам

[673] Тарихи Печеви, II, стр. 79—82; *B. Kutukoglu,* ss. 124-127.
[674] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 163—164.

государства. Во время похода шаха против хорасанских мятежников в 1582—1583 гг. Мирза Салман казнил ряд взятых в плен шахскими войсками знатных эмиров устаджлу и шамлу вопреки возражениям их родственников и сородичей из среды придворных эмиров и «столпов государства»[675]. Во время осады шахом крепости Герат, в которой успешно оборонялся Аликули-хан, Мирза Салман обвинял кызылбашских эмиров в измене и сговоре с осажденными мятежниками. Искендер Мунши указывает, что Салман всегда старался настроить Хамза-мирзу против кызылбашских эмиров, в особенности Кули-бека Афшара, Шахрух-хана Зулькадара и Мухаммед-хана Туркмана. Он убеждал царевича, что до тех пор пока «эти три деятеля живы, цветник царского наместника не будет благоухать и расцветать».

Кызылбашские эмиры узнали о кознях везира против них и решили убить его: Это случилось в Герате в 1583 г. Однажды когда Мирза Салман направился со своей свитой за город на прогулку, по заданию эмиров за ним последовал отряд кызылбашской молодежи, в котором были сын Кули-бека Афшара Юсиф-хан, сын Мухаммед-хана Туркмана Велиджан-хан, племянник Шахрух-хана Халил-солтан и другие. Получив в пути весть о преследователях, Мирза Салман поспешил обратно в город и в поисках убежища явился в довлетхане к шаху и Хамза-мирзе. Тогда кызылбашские эмиры, явившись в медресе Султан Хусейн-мирзы, где расположился шахский двор, потребовали выдачи им везира. Они открыто заявили, что Мирза Салман — враг кызылбашей, зачинщик раздоров и вражды среди племен, виновник неповиновения и мятежа среди хорасанских эмиров и до тех пор пока он жив, о единодушии среди эмиров не может быть и речи. Шаху и Хамза-мирзе ничего не оставалось как выдать везира эмирам, тем более, что последние угрожали тем, что в противном случае присоединятся к Аббас-мирзе. Эмиры сначала разграбили все имущество везира, а через несколько дней прикончили его самого.[676]

Поход Фархад-паши в Азербайджан. Мы уже говорили о том, что между Синан-пашой и Осман-пашой по вопросу о мире с Сефевидами возникли серьезные разногласия.

В начале 1582 г. Синан-паша вместе с кызылбашским послом Ибрагим-ханом Тархан Туркманом направился из Эрзурума в Стамбул, чтобы-склонить султана к заключению перемирия с Сефевидами. Но сидевший в Дербенте Осман-паша был настроен отнюдь немиролюбиво. Заняв Ширван вторично после ухода оттуда кызылбашей, он написал в Стамбул письмо, сообщая султану Мураду о занятии Ширвана и призывая его к продолжению войны с кызылбашами. Осман-паша заверял султана в

---

[675] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 285; Хуласат ат-таварих (Т), лл. 448а—449б.

[676] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 286—288: Хуласат ат-таварих (Т), лл. 451а—453б; Шереф-наме, II, стр. 268—269: ср. *Н. Фальсафи,* Зендагани-и шах Аббас-и аввал, 1, стр. 75—76.

том, что сейчас, когда шах с эмирами находится в Хорасане, если ему будет оказана помощь войсками, то он без особого труда присоединит к империи Азербайджан и западные области Ирана. Турецкий султан, сам жаждавший дальнейшего расширения завоеваний, прервал мирные переговоры и сместил Синан-пашу с поста командующего восточным походом. При этом султан в ультимативной форме заявил послу Ибрагим-хану, что он согласен на мир только в случае признания шахом османских завоеваний в Ширване, в противном же случае османские войска будут продолжать наступление. Рассудительный и дальновидный Ибрагим-хан Туркман направил в Хорасан к шаху одного из членов своего посольства с письмом, где сообщал об ультиматуме султана и советовал ввиду тяжелого внутреннего положения Сефевидского государства принять жесткие условия мира, дабы уберечь страну от еще больших территориальных потерь. Искендер Мунши, указывает, что, несмотря на раскол, вражду и междоусобицы, которые царили в их среде, «самонадеянные кызылбашские эмиры» в ответном письме заявили своему послу, что они ни в коем случае не уступят Ширвана туркам и продолжат войну, если султан не согласен на мирные условия 1555 г.[677].

Летом 1583 г. (991 г. х.) новый командующий восточным походом Фархад-наша выступил из Эрзурума с 70—80-тысячным войском и через Карс вторгся в Чухурсаадскую область. По сообщению Кази Ахмеда, поход Фархад-паши стал возможным потому, что в Руме стало известно о долгом нахождении шаха с главными силами в Хорасане, о раздорах «в среде, кызылбашей, назначивших двух падишахов»[678]. Имея перед собой превосходящие силы турок, беглярбек Чухурсаада Мухаммеди-хан Тохмак Устаджлу обратился за помощью к правителям Карабаха и южной части Азербайджана Имамкули-хану Каджару и Амир-хану Туркману. Однако эти эмиры, как сообщает Искендер Мунши, считали для себя не в силах противостоять турецкой армии без поддержки шаха, находящегося еще в Хорасане, и оставили призывы Мухаммеди-хана без ответа. Поэтому последний покинул Ереван и отступил в Нахичеван. Фархад-паша занял Ереван, построил там крепость и, оставив в ней гарнизон с годичным довольствием, вернулся назад. Искендер Мунши указывает, что Амир-хан и эмиры туркман не оказали никакой помощи Мухаммеди-хану, ибо считали «защиту и охрану дар ас-салтане Тебриза более важной и первостепенной и из-за близости курдов не сделали оттуда ни шагу». В данном случае азербайджанский историк выступает против тех кызылбашских эмиров, которые ставят превыше всего интересы своих племен, защиту своих собственных ленов, а не общегосударственные, общенародные интересы, что привело к потере

---

[677] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 202—293; *Н. Фальсафи,* т. I, стр. 78—79.
[678]Хуласат ат-таварих (Б), лл. 331б, 332а; (Т), лл. 460а, б.

такой «благоустроенной области», как Чухурсаад[679]. После этого Амир-хан Туркман через своего незира Касим-бека поставил шахский двор в известность о захвате турками Еревана и просил шаха прибыть с войсками в Азербайджан. В начале лета 1584 г. (992 г. х.) шах с войсками двинулся из Казвина в Тебриз[680].

Начало мятежа племен туркман и текели. К этому времени, как мы указывали, весь Ширван и Чухурсаадская область находились в руках османских войск. Вместо того, чтобы мобилизовать все силы, организовать отпор вражескому нашествию и предотвратить дальнейшее движение противника в глубь страны, шахское правительство зимой и весной 1585 г. (993 г. х.) было всецело поглощено интригами и развлечениями в Тебризе.

Беглярбек Тебризской области Амир-хан Туркман вышел с полным составом своего племени в 12 тыс. человек и прибыл в. Мияне на встречу шаха и Хамза-мирзы. Торжественный и пышный прием, оказанный Амир-ханом шаху Мухаммеду и Хамза-мирзе в Тебризе, привлекли на его сторону симпатии царствующих особ.

Следует сказать, что в описываемое время Хамза-мирзе было уже восемнадцать лет. Будучи старшим сыном и наследником престола, он принимал все большее участие в руководстве государственных и военных дел. Согласно Искендеру Мунши, Хамза-мирза, самолюбивый и вспыльчивый, был падок до вина. Когда кызылбашские эмиры убили его мать Махди Улья, ему было тринадцать лет. С тех пор он нес в своем сердце неутолимую ненависть к убийцам своей матери и искал повода, чтобы отомстить за нее. В момент этого убийства Амир-хан Туркман находился далеко от Казвина и внешне был непричастен к нему. Теперь, прибыв в Тебриз, царевич решил приблизить его к себе и с помощью Амир-хана учинить расправу над убийцами своей матери. Однако Амир-хан не одобрил замысла Хамза-мирзы, сославшись на то, что неблагоразумно убивать авторитетных кызылбашских военачальников и вызывать тем самым вражду среди них, имея дело с таким сильным противником, как османский султан.

Многие из придворных, враждебных племени туркман, особенно из числа шамлу и устаджлу, были недовольны сближением Амир-хана с царевичем и стремились подорвать эту дружбу во что бы то ни стало. Сверстники и собутыльники царевича Аликули-бек Фатх-оглы Устаджлу и Исмаилкули-хан Шамлу в тесном кругу в присутствии царевича стали злословить в адрес Амир-хана, а возведение последним крепости в Тебризе по соседству с шахской резиденцией выдали за доказательство его намерения восстать против монаршей власти. Они указывали на то, и не без основания, что Амир-хан, его родня и близкие нещадно угнетают, обирают жителей

---

[679] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 293.
[680] Хуласат ат-таварих (Т), л. 461б.

Тебриза и благодаря этому утопают в роскоши и богатстве. Эти разговоры постепенно возымели действие на Хамза-мирзу, и он решился на смещение Амир-хана с поста правителя южной части Азербайджана. Догадываясь о сплетенных вокруг него интригах, Амир-хан своим дерзким поведением поставил себя в еще более тяжелое положение. Хамза-мирза заметил, что Амир-хан стал избегать его общества. Так, Амир-хан не присутствовал на организованных царевичем играх чоуган и капак-андази на площади напротив своего дома; вслед за этим он не принял также участия на религиозной мистерии в день ашура (10 мухаррама), которая была организована шахом в тебризской мечети Хасан-падишаха.

Между Амир-ханом и Хамза-мирзой установились враждебные отношения. По указанию последнего Амир-хан был схвачен и заключен в крепость Кахкаха, а его имущество конфисковано. Правителем Тебриза и беглярбеком южной части Азербайджана был назначен Аликули-бек Фатх-оглы Устаджлу, по проискам которого и был смещен и арестован Амир-хан[681]. Предводители племен устаджлу и шамлу при поддержке царевича вновь оттеснили феодалов племен туркман и текели с высоких постов, заняв их места.

Весть об этих событиях в Тебризе подняла на ноги феодалов племен в других провинциях. Правитель Кашана Мухаммед-хан Туркман сговорился с правителем Хамадана Вели-ханом Текели о движении на Тебриз с целью расправы с врагами Амир-хана.

Убийство Амир-хана в Кахкаха, совершенное вслед за этим в мае 1585 г. (джумада ал-аввал 993 г. х.), вызвало всеобщий мятеж племен туркман и текели[682].

Описанные междоусобицы и война между кызылбашскими племенами окончательно подорвали силы и способность Сефевидского государства и облегчили для турецких войск дальнейшие завоевания.

Оборона Тебриза против войск Осман-паши в 1585 году. Турецкий султан, мечтавший овладеть всем Азербайджаном, поставил во главе восточного похода воинственного Оздемир-оглы Осман-пашу, отозвав его из Ширвана и вверив ему огромную армию[683]. В начале 1585 г. (993 г. х.) Осман-паша в Эрзуруме занялся подготовкой вторжения в Азербайджан. Летом 1585 г. шах и Хамза-мирза находились на яйлагах Карабаха, где они проводили время в кутежах. Здесь к ним присоединился Мухаммеди-хан

[681] Хуласат ат-таварих (Т), л. 464б-469а; (Б), лл.337а-342а.
[682] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 296-302.
[683] *Орудж-бек,* стр. 181; Согласно Кази Ахмеду, армия Осман-паши исчислялась 150 тыс. человек (л. 474а); По Н. Фальсафи, численность турецкой армии доходило до 260 тыс. человек (стр.84).

Тохмак со своим войском, вытесненным турками на Чухурсаада. В яйлаге они получили известие о вторжении Осман-паши, которое вызвало растерянность при шахском дворе. Теперь враг был близок и игнорировать его было уже нельзя. Поэтому из Карабаха правителям областей были разосланы указания о явке в Тебриз со своими ополчениями (кошунами).

Однако большинство эмиров кызылбашских племен отказалось повиноваться требованию шахской ставки. Это относится, в частности, к эмирам туркман и текели, таким как Мухаммед хан Туркман, Вели хан Текели, правитель Рея Мусеиб-хан Шереф ад-Дин оглы Текели и другим, которые не только не ответили на этот призыв, но в сущности оказались пособниками турок, открыв в дальнейшем военные действия против сражавшихся с ними войск Хамза-мирзы. Искендер Мунши указывает, что «ни один человек из тех двух племен (туркман и текели. — *О. Э.)* и ополчений Фарса, Кермана и Ирака не явился на стоянку шахских войск»[684].

Осман-паша оставил Эрзурум 12 августа 1585 г. и двинулся по маршруту Пасинабад — Чалдыран — Хой Маранд — Суфиян — Тебриз[685].

Из Карабаха шахский двор двинулся на юг и через Базар-чай направился в Нахичеван. В пути было получено сообщение, что Осман-паша находится в Маранде и спешно двигается к Тебризу. Поэтому против него был выслан Хамза-мирза с 20-тысячным войском. Он двинулся через Ордубад в сторону Дизмара и Узумдула. В районе Суфияна передовой отряд кызылбашей под командой Мухаммеди-хана Тохмака вошел в соприкосновение с частями неприятеля. Вначале кызылбаши нанесли туркам большой урон, но затем вынуждены были отступить ввиду их подавляющего численного превосходства[686].

Дело принимало плохой оборот для кызылбашей. С наличными силами не более 20 тыс. человек было бессмысленно бороться против в десятки раз превосходящего врага к тому же хорошо оснащенного артиллерией. На военном совете наиболее опытные военачальники советовали действовать по примеру покойного шаха Тахмасиба, предлагали эвакуировать жителей Тебриза в крепости Карадага, оставить город без хлеба и продовольствия, а после вступления в Тебриз турецких войск блокировать все дороги, закрыв доступ в город провианта. Таким образом, считали они, голод заставит турецкие войска оставить Тебриз и отступить. Это, казалось, разумное предложение, как указывает Искендер Мунши, не получило одобрения большинства эмиров. Вместо этого на совете верх взяли молодые,

---

[684] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 309.
[685] *B. Kutukoglu,* ss. 149—150; *Орудж-бек,* стр. 181.
[686] Хуласат ат-таварих (Т), лл. 474а—474б. По Орудж-беку турки потеряли в этой битве 7 тыс. человек (стр. 181—182).

горячие головы, которые были за войну «до последнего вздоха». Они утверждали что в Тебризе живет по крайней мере около 50 тысяч молодых отважных людей, способных постоять за себя, свою семью, имущество и защитить город. Необходимо, по их мнению, возвести на улицах Тебриза баррикады и не допустить врага в город. Тебризцам было предложено специальным указом оставаться на своих местах и приготовиться к защите города от неприятелей. Им обещали, что кызылбашские войска будут всячески поддерживать горожан, нанося удары по противнику с тыла. После этого в Тебриз был направлен Пиргейб-хан Устаджлу и Мехтикули-солтан Шамлу с отрядом в тысячу кызылбашей для того, чтобы оказать помощь Хусейнкули-солтану Устаджлу, который в тот момент замещал своего брата Аликули-хана на посту правителя Тебриза. Им было предписано перекрыть улицы баррикадами, побудить население к выходу на баррикады, а также «не допустить, чтобы кто-либо (из тебризцев. — *О. Э.)* увел свою семью (из города), казнить (такого) домохозяина, а его имущество разграбить»[687].

Искендер Мунши указывает, что «городские кварталы были распределены, и (оборона) каждого участка (рехне) была поручена одному из атлетов (пехлеванан) того квартала; во главе каждой баррикады было поставлено доверенное лицо из числа кызылбашей с группой опытных людей».

Первая стычка кызылбашей с турками у Суфияна, о которой говорилось выше, произошла 18 сентября 1585 г. (23 рамазана 993 г. х.)[688] На следующий день Осман-паша снялся с места и подошел к переправе через р. Абшур (тюрк. — Аджысу), протекающую севернее Тебриза. Османскую армию сопровождал Максуд-бек Зулькадар[689].

Имеются сведения о том, что Максуд-бек по указанию турок обратился к тебризской знати с письмом, где призывал ее к покорности султану, если она хочет сохранить себе жизнь[690]. Не получив ответа на свой ультиматум, Осман-паша 20 сентября (25 рамазана) приступил к военным действиям против Тебриза. Почти беззащитный Тебриз не мог успешно обороняться против огромной регулярной армии султана и был обречен. Все же неприятелю не сразу удалось взять город, защищая который жители проявили чудеса отваги и мужества в первых боях с турками. Первый отряд в

---

[687] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 306—308.
[688] Хуласат ат-таварих, л. 474б.
[689] Тот самый, на информации коего основано сочинение Минадон и в известной степени Орудж-бека.
[690] *B. Kutukoglu,* ss.152-153.

7—8 тыс. человек двинулся в город по улице Шоторбанан («Погонщики верблюдов») под командованием правителя Диярбекира Джигал-оглы[691].

Как сообщает Кази Ахмед, первая атака турок на городские баррикады не принесла им успеха. Потеряв 170 человек, турки отошли на исходные позиции вне города. На следующее утро турецкая артиллерия обрушила свой огонь на баррикады, которые к вечеру были сметены. После этого османские войска, ведя уличные бои, вступили в Тебриз и продвинулись до площади Сахибабад. Видя бессмысленность дальнейшего сопротивления, Пиргейб-хан и Хусейнкули-солтан со своим отрядом покинули город, присоединившись к шахской ставке. Оставленные сефевидскими властями на произвол судьбы тебризцы еще некоторое время отчаянно сопротивлялись. Многие жители со своими семьями в поисках спасения пешком потянулись к кызылбашскому лагерю на горе Сурхаб в окрестностях Тебриза, предварительно закопав в землю свои вещи и принадлежности. Городская знать попыталась уберечь себя и свое имущество от погрома, направив к Осман-паше делегацию в составе казия Камран-бека Овхади, шейх ал-ислама мовлана Мухаммеда Али и других «именитых» лиц[692]. Но это не спасло население от жестоких массовых грабежей и погромов. Орудж-бек указывает, что разъяренный сопротивлением горожан Осман-паша предоставил город на разграбление своим солдатам. «Янычары, — пишет Кази Ахмед, — ходили по дворам и домам и забирали все, что находили»[693]. Многие прекрасные здания Тебриза были разрушены, великолепные мечети были превращены завоевателями в груду пепла и камня. Мотив религиозной суннитско-шиитской вражды характерен и для других действий турок в Тебризе: летописец сообщает, что было уничтожено очень много книг шиитских богословов, написанных рукой искусных каллиграфов. Сообщается также, что турки разграбили «бесчисленные» товары с крупнейшего тебризского рынка «Кайсерийе» («Царский»), а сам рынок предали огню. Заняв Тебриз, Осман-паша решил возвести цитадель на месте известного дворца «Хашт бихишт». Искендер Мунши указывает, что по ночам «чернь» и «подонки» («аджамире-ва-оубаш»), то есть простой народ, нападали на шатры турок, грабили и убивали врагов, пробирались к строящейся турками крепости и «сносили по ночам все то, что возводилось ими за день»[694]. Для того, чтобы сломить сопротивление жителей, оккупанты установили в Тебризе режим репрессий и убийств. Днем

---

[691] Хуласат ат-таварих, л. 475а. Па стороне турок выступает также Гази-Гирей, который перед этим бежал из кызылбашского плена.

[692] Хотя турецкие историки и говорят о том, что Осман-паша якобы стремился предотвратить грабежи и насилия, но факты говорят об обратном.

[693] Хуласат ат-таварих, л. 475б.

[694] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 308—310; Хуласат ат-таварих, лл. 475б-476а; *Орудж-бек,* стр. 182—183.

жители не рисковали показываться на улицах и выходили только ночью. Но, несмотря на тяжелые условия, тебризцы не прекращали борьбы с захватчиками.

Однажды, рассказывает современник, в одной из бань Тебриза был убит турецкий офицер. Когда об этом доложили Осман-паше, тот в слепой ярости дал своим войскам приказ о поголовном уничтожении населения города. Османские солдаты ринулись на улицы Тебриза, лишая жизни всякого, кто встречался им по пути. Они врывались в дома горожан, грабили их
имущество, убивали мужчин, а многих женщин и детей уводили в плен и рабство. За один день число жертв резни по разноречивым данным достигло 15—20 тыс. человек[695]. За время османской оккупации Тебриз из населенного и благоустроенного города, не имевшего себе равного «среди городов ислама», превратился по существу в полуразрушенный мертвый город, покинутый населением. Имеется известие, что за три первые дня обороны Тебриз пострадал больше, чем за 300 лет своей прежней истории[696].

Немногим более месяца оставался Осман-паша в Тебризе. К такому быстрому уходу турецкое командование побуждал ряд причин. В городе не хватало провианта для прокормления огромной османской армии, не было фуража для коней. Наступающая зима (был конец октября) не предвещала в этом отношении ничего хорошего, а должна была умножить эти трудности. Моральный дух завоевателей был сильно подорван упорной не-прекращающейся, несмотря на жестокие репрессии, борьбой тебризцев, и что не менее важно, неоднократными нападениями кызылбашских войск на дислоцированные в окрестностях города вражеские части.

После падения Тебриза в ставке шахских войск в Узумдуле с целью оказания поддержки борьбе тебризцев было решено не давать врагу покоя, нанося ряд чувствительных ударов по его живой силе, расположенной в окрестностях города. Первым, кто совершил атаку на турок, был курчибаши Кули-бек Афшар. Он с кызылбашским отрядом перешел реку Фехусфендж и уже подходил к Тебризу, когда против него Осман-паша двинул Джигал-оглы.

Авангардный отряд, высланный вперед Кули-беком, ложным отступлением стал завлекать войска Джигал-оглы к стоявшим в засаде основным силам во главе с Кули-беком. Оставив свои войска без артиллерийского прикрытия, Джигал-оглы подвергся сокрушительной атаке кызылбашской конницы. Турки не устояли перед натиском и обратились в

---

[695] Шереф-наме, II, стр. 275—276; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 310; *Орудж-бек,* стр. 183; *B. Kutukoglu,* s. 156.
[696] *Kutukoglu,* s. 154.

бегство. Около 2000 турок было уничтожено кызылбашами[697]. Едва унес ноги сам Джигал-оглы.

Спустя несколько дней нападение на турок предпринял Хамза-мирза. Против него были выставлены части под командой правителя Карамана Мурад-паши и правителя Диярбекира Мухаммед-паши. Битва произошла на берегах той же реки Фехусфендж. Исход битвы решился в пользу кызылбашей после того, как Шахрух-хан по приказу Хамза-мирзы зашел в тыл вражеского центра. Несмотря на численное превосходство, неприятельские ряды были расстроены, и турки стали спешно отходить. Таким образом, турецкие войска вновь испытали горечь жестокого поражения. В плен к кызылбашам попали оба османских полководца Мурад-паша и Мухаммед-паша; последний вскоре скончался от ран. По сообщению Орудж-бека, участвовавшего в этой битве, во время сражения погиб паша Трапезунта и ряд других османских полководцев[698]. Кызылбашские войска преследовали врага вплоть до стоянки главных сил турок в Черендабе. Несмотря на свои небольшие силы, кызылбаши беспокоили неприятеля, доставляя ему немало хлопот. Все сказанное в конечном счете вынудило турецкое командование поспешить с возвращением. Ввиду тяжелой болезни и смерти Осман-паши командующим турецкими войсками был назначен Джигал-оглы (Синан-паша). Перед уходом в построенной турками крепости в Тебризе был оставлен семитысячный гарнизон с годичным запасом снаряжения и пищи под командой Джафар-паши. 29 октября (5 зулька'да) турецкие войска снялись со своей главной стоянки в Черендабе и двинулись в обратный путь[699]. Хамза-мирза двинулся вслед за отходящим противником, настиг арьергардные части в Шамби Газане. В сражении туркам был нанесен значительный урон. Хамза-мирза шел по пятам врага вплоть до Тасуджа, часто нанося ему неожиданные удары[700].

Попытки Хамза-мирзы овладеть османской крепостью в Тебризе. Возвратившись в Тебриз Хамза-мирза предстал перед руинами. Вот как описывает Тебриз Искендер Мунши: «Украшенные позолотой и лазурью все дома были разрушены, разрисованные двери и окна были вырваны и использованы вместо дров». «В городе, известном своими прекрасными парками и садами, не осталось деревьев: все пошло на топливо крепостному гарнизону». «От многих тысяч прекрасных зданий не осталось ни одного

---

[697] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 211—212; Хуласат ат-тасарих. лл. 476б—477а.

[698] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 312—313: Шереф-хан указывает, битва эта произошла возле Банд-и Мираншах. Шереф-наме, II, стр. 276—277; *Орудж-бек,* стр. 185; Хуласат-ал-таварих, лл. 478б—479б; *B. Kutukoglu.* ss, 157—158.

[699] Хуласат ат-таварих, л. 480а.

[700] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 314—315; Хуласат ат-таварих, лл. 180а—480б; *Орудж бек,* стр. 186.

дома, годного для жилья человеку среднего сословия…». «Лавки, двухэтажные отделанные изразцами дома, бани лежали в развалинах…»

Везде — на улицах, базарах, домах — валялись трупы убитых тебризцев. Оживленный город, каким был Тебриз с «его утехами и развлечениями», показался историку опустошенным, мертвым. «От одного взгляда на все это сердце сжималось от ужаса...»[701].

Узнав о вступлении в город кызылбашей, население стало возвращаться в город и совместно с войсками очищать Тебриз от трупов, ремонтировать дома, налаживать жизнь. Зиму 993/94 г. х. (1585/86 г.) шахский двор провел в Тебризе. Сефевидское командование хорошо сознавало, что турецкий гарнизон в Тебризе представляет серьезную угрозу, является опорным пунктом для закрепления в дальнейшем турецкого господства в стране. Поэтому Хамза-мирза с верными ему эмирами сделал ряд упорных, отчаянных, но в конечном итоге, безуспешных попыток взять крепость. Кызылбаши почти не имели артиллерии, без которой было трудно штурмовать крепость. Единственной пушкой была та, которую они приволокли в Тебриз из крепости Гёгерчинлик. С помощью этой пушки часть одной башни была разрушена[702]. Но турки внезапной вылазкой отбросили кызылбашей от орудия и втащили его в крепость. Понадобилось два месяца, чтобы приготовиться к литью новой пушки, но из-за плохого качества ни эта, ни вторая пушка не действовали. В боях за крепость кызылбаши потеряли одного из своих наиболее способных военачальников — главу племени зулькадар Шахрух-хана мухрдара. Стремясь овладеть крепостью до подхода сил мятежных эмиров туркман и текели, Шахрух-хан с небольшим отрядом неосмотрительно близко подошел к крепостным степам. В этот момент отряд турок неожиданно вышел из крепости и обрушился на Шахрух-хана. Его люди, в том числе сын, после жаркой схватки были перебиты, а сам он раненым попал в плен. Еще одно обстоятельство помешало кызылбашам овладеть крепостью и уничтожить вражеский гарнизон. Дело в том, что со времени возвращения в Тебриз кызылбаши по секретному приказу царевича начали прорывать подземный проход от мечети Хасан-падишаха к одной из крепостных башен с тем, чтобы проникнуть в крепость и открыть ворота. Через несколько месяцев подкопщики достигли стен крепости и оставалось всего несколько дней для полного завершения работ. Но к несчастью для Сефевидов, измена и бегство в крепость к туркам Кули-бека Афшара курчибаши свели на нет планы кызылбашей, столь близкие к осуществлению.

---

[701] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 316; см. также Хуласат ат-таварих, лл. 482б—483а; *Оруджбек,* стр. 188.

[702] Шереф-наме, II, стр. 281, указывает, что пушка была изготовлена при шахе Тахмасибе; ее сдвигали с места 10 пар быков. Согласно «Тарих-и алем арай-и Аббаси» (стр. 319), она выбрасывала ядра весом в 15 манов, а Б. Кютюкоглу, ссылаясь на Селаники, указывает 73,5 кг.

Кули-бек сообщил Джафар-паше о существовании подкопа. Осажденные нашли конец шахты и засыпали ее землей, предотвратив тем самым опасность, угрожающую им с этой стороны. Отчаявшись в стремлении овладеть крепостью, Хамза-мирза отдал войскам приказ средь бела дня штурмовать крепостные стены. К ним были приставлены лестницы, с помощью которых кызылбаши тщетно пытались проникнуть в крепость. Несколько дней продолжалась эта упорная и отчаянная атака кызылбашей, стоившая им многих тысяч жизней[703].

В это время была получена весть о подходе к Тебризу мятежных эмиров туркман и текели, что заставило Хамза-мирзу прекратить борьбу с османским крепостным гарнизоном. В связи с этим следует объяснить причину перехода Кули-бека Афшара на сторону турок, измены полководца, который был известен своими заслугами, пользовался большим влиянием в государственных делах. Дело в том, что Кули-бек совместно с Мухаммед-ханом Туркманом и другими принимал участие в заговоре, окончившемся убийством матери Хамза-мирзы. Царевич давно искал случая, дабы отомстить за кровь матери. Для самого Кули-бека неприязненное отношение к нему царевича не было секретом, так как последний часто открыто угрожал убийцам матери. Теперь же, в связи с приближением мятежников Аликули-хан Фатх-оглы Устаджлу и его приверженцы стали внушать Хамза-мирзе мысль о том, что Кули-бек курчибаши, бывший союзник Мухаммед-хана Туркмана, представляет опасность и его надо уничтожить. Царевич с радостью согласился с этим и тайно назначил на должность курчибаши Тахмасибкули-солтана Арешлу Афшара, поручив ему убийство Кули-бека. Итак, узнав об этом через своего племянника Джаббаркули-бека, бывший начальник шахской гвардии не нашел иного пути для спасения, кроме перехода на сторону врага[704].

Мятеж знати туркман а текели. К известным нам Мухаммед-хану Туркману и Вели-хану Текели в антиправительственном выступлении присоединился, также правитель (эмир ал-умара) Фарса Уммет-хан Зулькадар. Таким образом, шаху Мухаммеду и его сыну Хамза-мирзе пришлось иметь дело уже с объединенными силами племен туркман, текели и зулькадар. Мятежные войска, собственно, уже превосходили те силы, которые контролировались центральной властью. Поэтому шах и Хамза-мирза попытались избежать столкновения и примириться с мятежными эмирами, но те выдвинули в качестве условия изгнание с руководящих постов эмиров устаджлу и шамлу [705] . Попытка Хамза-мирзы внести

[703] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 319—320; Хуласат ат-таварих, лл. 483а—484б; *Орудж-бек,* стр. 189—190.

[704] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 319—320.

[705] Там же, стр. 222—223.

раскол в ряды мятежников не дала результатов. Мятежники убили посланного к ним для переговоров Хабиб-бека Зулькадара, а несколько других направленных к ним посредников удержали у себя. Когда мятежные эмиры подошли к местечку Саидабад в четырех фарсахах (24—28 км) от Тебриза, служившие в шахском войске воины из племен туркман и текели стали уходить в лагерь мятежников, присоединившись к своим соплеменикам. Хамза-мирзу покинули и те, кто был им недоволен. Ввиду опасного положения, шах и Хамза-мирза заперлись в укрепленной крепости Тебриза, возведенной Амир-ханом Туркманом[706]. Мятежные эмиры в письме к царевичу потребовали выдачу в их руки убийц Амир-хана, в первую очередь Аликули-хана Фатх-оглы. Обозленный этим ультиматумом Хамза-мирза приказал эмирам устаджлу и шамлу выступить против мятежников, а вслед за ними двинулся и сам с шахом Мухаммедом. Но битвы удалось избежать. Мятежники ограничились требованием удаления убийц Амир-хана со двора в окраинные области с тем, чтобы они могли бы без опасения за свою жизнь присоединиться к шахскому войску и совместно штурмовать османскую крепость в Тебрязе. Но Хамза-мирза отверг и это умеренное условие мятежников[707]. На следующий день в шахском лагере в Тебризе произошел неожиданный инцидент. Группа представителей знати из племени зулькадар, афшар, каджар, состоявшая в основном из числа «великих курчиев», стала открыто выражать свое недовольство неуступчивостью царевича в отношении требований мятежников. Они заявляли, что нельзя ради Аликули-хана Фатх-оглы и Мухаммеда Сарузолаха терпеть раскол среди кызылбашских племен, дошедший до междоусобной войны. Почему, спрашивали курчии, прибывшие в полном составе племена текели, туркман и зулькадар не могут найти возможности служить своему государю и оказать помощь во взятии тебризской цитадели, где засели турки? В сопровождении толпы воинов и горожан курчии двинулись к дому Аликули-хана и подвергли его разграблению. Это послужило сигналом к повальным грабежам домов знати устаджлу в других кварталах города. Затем курчии пришли к резиденции Хамза-мирзы и, выкрикивая угрозы под его окнами, потребовали выдачи им виновников междоусобиц. Рассвирепевший от «наглости» курчиев, Хамза-мирза выскочил из дворца с саблей наголо и нанес смертельные удары главным зачинщикам беспорядков. Остальные разбежались[708].

Убедившись в непримиримости Хамза-мирзы, который к этому времени окончательно оттеснил шаха Мухаммеда и правил единолично, эмиры туркман и текели перешли к борьбе за свержение его с престола. Для

[706] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 324—325.
[707] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 326—327.
[708] Там же, стр. 328—329; Хуласат ат-таварих, лл. 484б—486б.

этого они решили похитить одного из принцев, находившихся при шахском дворе в Тебризе и объявить его шахом.

С помощью своих людей среди курчиев, несших караульную службу в крепости Амир-хана, где пребывала шахская фамилия, мятежникам удалось похитить младшего брата Хамза-мирзы принца Тахмасиба. Десятилетиий принц ночью в полусонном состоянии был на веревке спущен с крепостной башни поджидавшим внизу всадникам, которые доставили его в лагерь мятежников. Эмиры немедленно двинулись с юным принцем в столицу государства Казвин.

Утром весь двор охватило смятение, когда стало известно об исчезновении Тахмасиб-мирзы. Появились слухи, подхваченные эмирами устаджлу и шамлу, обвиняющие шаха Мухаммеда Худабенде в соучастии в побеге своего младшего сына. Хамза-мирза, как указывает Искендер Мунши, поверил в это и обиделся на своего отца, хотя бедный шах ничего не знал об этом. Основанием для этих подозрений явился тот факт, что мать шаха принадлежала к племени туркман.

Хамза-мирза решил перейти к немедленным действиям, чтобы сорвать замыслы мятежников. Он оставил в Тебризе Мухаммеди-хана Тохмака Устаджлу и Имамкули-хана Каджара с частью войск, поручив им заботу о шахе Мухаммеде и своем брате Абуталыб-мирзе и возложив иа них задачу продолжения осады османской крепости в Тебризе. Исмаилкули-хан с отрядом войск был направлен по пути через Таром и Халхал в Казвин для того, чтобы занять столицу, опередив мятежников, и удержать город до подхода войск Хамза-мирзы [709]. Сам же Хамза-мирза с силами, не превышавшими 3 тыс. человек, двинулся вслед за Исмаилкули-ханом по направлению в Казвин. Он отклонился от пути и посетил Ардебиль с тем, чтобы пополнить свои небольшие силы за счет старинных сефевидских мюридов из племени шейхавенд, проживающего в тех местах. Но его постигла неудача. В районе Тарома из-за разлива реки Кызылузен войсковое продовольствие было уничтожено. Чтобы предотвратить развал своего отряда, царевичу пришлось распределить среди «газиев» свои драгоценности. Поступило известие о том что высланный вперед Исмаилкули-хан, не оказав сопдртивления мятежникам, оставил Казвин и отступил в Дейлем. Мятежники беспрепятственно вступили в Казвин, объявили Тахмасиб-мирзу наследником отца, поместив его в шахском дворце. Имущество многих эмиров и других сановников, бывших на службе Хамза-мирзы, было разграблено.

[709] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 330—331; Хуласат ат-таварих, лл. 478а—488б.

Таким путем, как сообщает Кази Ахмед, было присвоено денег и товаров на сумму около 100 тыс. туманов[710]. При Тахмасибе были назначены везир, мустоуфий и другие должностные лица [711]. Пост векила стал предметом раздоров между знатью туркман и текели. В конце концов векилом стал Мусеиб-хан Шереф ад-Дин оглы Текели. Мухаммед-хан Туркман сделался леле Тахмасиб-мирзы и фактическим полновластным правителем. В Исфаган и другие местности Ирака были посланы люди с извещением о восшествии на престол Тахмасиб-мирзы[712].

В Тароме Исмаилкули-хан со своим отрядом присоединился к Хамза-мирзе. В Султанийе в войско царевича влились эмиры из Рея и Курдистана, а также воины из племен афшар и баят. Войско достигло 7 тыс. человек. Когда мятежники узнали о приближении царевича, они вышли из Казвина с войском более 10 тыс. человек и направились навстречу. Битва произошла у местечка Саинкала. Несмотря на превосходство сил мятежников, они были разгромлены. Главари мятежников Мухаммед-хан Туркман и Мусеиб-хан Текели были взяты в плен, а Вели-хан погиб во время битвы. Тахмасиб-мирза, послуживший игрушкой в руках мятежных эмиров, был заключен в крепость Аламут[713]. Летом 1586 г. (994 г. х.), с трудом подавив этот опасный мятеж племен, Хамза-мирза двинулся из Казвина обратно к Тебризу. Для того, чтобы бороться против турецкого гарнизона в Тебризе, царевич попытался созвать под свои знамена верные Сефевидам племена. Однако и в этот раз на его призыв мало кто откликнулся. Племена туркман и текели были частью перебиты, частью рассеялись по стране, или бежали в Турцию. Племя афшар, проживавшее в районе Исфагана, Йезда, Кермана и Кух Гилуйе, из-за измены своего вождя Кули-бека, перебежавшего на сторону турок, опасалось Хамза-мирзы и под предлогом этого отказывалось от движения на Тебриз. Хорасанские эмиры шамлу и устаджлу фактически выступили против Хамза-мирзы и защищали права на престол его брата Аббас-мирзы, поэтому на них рассчитывать не приходилось. Ввиду всего этого дожидавшийся в Султанийе сбора войск Хамза-мирза был вынужден довольствоваться наличными силами в 10 тыс. человек, с которыми он и поспешил в Тебриз.

В Тебризе Хамза-мирза вновь попытался преодолеть сопротивление турок и взять крепость до подхода османской армии. С помощью пушек кызылбашам удалось сравнять с землей несколько башен крепости. Положение турок стало критическим. Кызылбаши попытались даже пустить

---

[710] Хуласат ат-таварих, лл. 492б—493а.

[711] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 332—333.

[712] Там же, стр. 334.

[713] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 335—342; Хуласат ат-таварих, лл. 493б—499б; *Оруджбек,* стр. 194—200; Шереф-наме, II, стр. 282—283.

по подкопу воду, но защитникам удалось отвести поток от крепости. Казалось, что турки не выдержат натиска кызылбашей и прекратят борьбу, но в это время было получено известие о приближении к Тебризу османской армии во главе с Фархад-пашой[714]. Поэтому Хамза-мирза снял осаду и отступил в Узумдул и Дизмар. Фархад-паша вступил в город, обеспечил крепость боеприпасами и годичным провиантом и, сменив гарнизон, двинулся обратно. В дни пребывания в Тебризе в сентябре-октябре 1586 г. (шаввал 994 г. х.) Фархад-паша направил к Аликули-хану и эмирам своего посла с предложением о перемирии.

Султан предлагал мир на условиях безоговорочного оставления за турками всех занятых ими сефевидских владений. Хамза-мирза, вопреки сопротивлению эмиров, принял условия мира с той лишь оговоркой, что Тебриз будет оставлен за кызылбашами. С теми небольшими силами, которые имелись в его распоряжении, Хамза-мирза не мог рассчитывать на отвоевание занятых врагом Ширвана, Шеки, Армении и значительной территории южной части Азербайджана. Мир был нужен Сефевидам для того, указывает Искендер Мунши, чтобы сохранить остальные свои владения, особенно восточные области южной части Азербайджана и Ирак, которые неминуемо были бы потеряны в случае продолжения военных действий.

Фархад-паша предложил Сефевидам выслать ко двору султана одного из «счастливых принцев», которому он, возможно, «передаст Тебризский вилайет». Несмотря на унизительность подобного требования, Хамза-мирза все же решил направить в Стамбул своего младшего сына Хейдар-мирзу.

Шах и Хамза-мирза двинулись в Карабах, который оставался под властью Имамкули-хана Каджара. В Гяндже Хамза-мирза милостиво принял османского посла Вели-бека чашнигирбаши и обещал ему выслать в ближайшее время в Стамбул своего сына в сопровождении опытного посланника с письмами и соответствующими подношениями.

К Фархад-паше был послан Ахмед-бек эшикагаси Устаджлу, который подтвердил желание шаха к заключению мира на предложенных условиях[715]. Затем Хамза-мирза оставил Гянджу с тем, чтобы воспользоваться мирной передышкой, упорядочить внутренние дела, укрепить центральную власть, собрать силы для того, чтобы приступить к борьбе и изгнанию турок из пределов страны. Однако ему не суждено было этого сделать. Недалеко от Гянджи он был убит своим личным цирюльником по имени Худаверди. Армянин из Хоя явился всего лишь орудием в руках кызылбашской знати, недовольной политикой Хамза-мирзы. Ее не устраивала сильная личность

[714] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 313—344; Хуласат ат-таварих, лл. 500а—500б.
[715] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 345—346; Хуласат ат-таварих, лл. 501б-502а.

Хамза-мирзы, который пытался сосредоточить в своих руках всю полноту власти, ограничив роль эмиров в государственных делах[716].

Развал азербайджанского государства Сефевидов. Завоевание Азербайджана Османской империей. Со смертью Хамза-мирзы наступает полоса междоусобиц и феодальной анархии, приведших Сефевидское государство на грань катастрофы.

Шах Мухаммед Худабенде делает попытку взять государственные дела в свои руки и спасти государство от надвигавшейся угрозы внутреннего распада и расширения вражеской оккупации страны. Однако эта задача оказалась не под силу слабовольному шаху, превратившемуся вместе со своими малолетними сыновьями в игрушку в руках кызылбашской знати.

В среде самой знати произошел раскол на враждующие между собой группировки. Сразу же вслед за убийством Хамза-мирзы эмиры заставили шаха Мухаммеда, вопреки его воле, признать наследником своего сына Абуталыб-мирзу. Разумеется, это было сделано для того, чтобы самим править от имени тринадцатилетнего мальчика. Фактически власть перешла в руки леле принца — Аликули-хана Фатх-оглы Устаджлу и Исмаилкули-хана Шамлу, которые и распределили высокие должности между своими сородичами[717].

Весть о смерти Хамза-мирзы и последних назначениях при дворе вызвала повсеместные волнения и мятежи в провинциях. Мало кто из кызылбашских эмиров считался с центральной властью в лице шаха Мухаммеда. Основная масса кызылбашских эмиров отвернулась от Казвинского двора и перешла на сторону хорасанских эмиров, выдвинувших шахом Аббас-мирзу. Среди них были: Муртузакули-хан Порнак с племенем туркман,

---

[716] Подробности убийства Хамза-мирзы имеются у Искендера Мунши и Кази Ахмеда. Они приводят также различные версии, которые позволяют установить наличие заговора в верхах кызылбашской знати. Наибольший интерес представляет одна из версий, передаваемая Искендером Мунши. Согласно ей, Хамза-мирза тайно отправил письмо Муртузакули-хану Туркману—врагу приверженцев своего брата Аббас-мирзы, приглашая его из Дамгана явиться ко двору. По-видимому, Хамза-мирза более не доверял знати устаджлу и шамлу и подозревал их в связи со своими хорасанскими соплеменниками, добившимися возведения на престол Аббас-мирзы. Призыв Муртузакули-хана говорит о стремлении царевича противопоставить знать туркман и текели стоящим у власти эмирам устаджлу и шамлу и ослабить их влияние при дворе. Письмо это стало известно Аликули-хану Устаджлу, Исмаилкули-хану Шамлу и Мухаммеди Сарузолаку, которые расценили это как враждебный против них шаг. Они сговорились убить Хамза-мирзу и осуществили это руками его брадобрея. Хамза-мирза был зарезан во сне после попойки во время стоянки у речки Кыркчай недалеко от гробницы Низами Гянджеви, согласно Кази Ахмеду, 28 зулхиджа 994 г. х. (10 декабря 1586 г.), а по Искендеру Мунши—22 зулхиджа (4 декабря). См.: Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 346—350; Хуласат ат-таварих, лл. 505б—509а; *Орудж-бек,* стр. 201—205. См. также статью *H.Horst.* Der Safawid Hamza Mirza, Der Islam. Bd. 39, 1964.

[717] Хуласат ат-таварих, лл. 509а—509б; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 350—352.

в прошлом противник Аббас-мирзы и лойяльный в отношении шахского двора; Велиджан-хан, сын Мухаммед-хана Туркмана, правителя Кашана; правители Кермана и Йезда из племени афшар; эмиры племен арешлу и афшар, правившие в Исфагане и Кух Гилуйе. В Фарсе главы племени зулькадар объявили себя приверженцами Аббас-мирзы, убив назначенного к ним шахом Мухаммедом правителя при вступлении последнего в Шираз. По словам Искендера Мунши, в южной части Азербайджана произвол и анархия достигли такой степени, что феодалы стали силой захватывать власть в областях, «не считая себя связанными с указом и повелением шаха». Здесь, как и в других областях Сефевидского государства, — Ираке, Фарсе, Кермане, Кух Гилуйе, Хузистане, положение райятов пришло в полное расстройство из-за хозяйничания военных людей (сипахийан)»[718].

Турецкое командование не преминуло воспользоваться смертью Хамза-мирзы и тяжелым внутренним положением Сефевидского государства, раздираемого острыми противоречиями, междоусобицами кызылбашских эмиров. Комендант турецкой крепости в Тебризе Джафар-паша счел возможным выступить из Тебриза и занял не только его окрестности, но и многие районы южной части Азербайджана[719].

Поддержанный курдскими эмирами Джафар-паша разбил и вынудил к отступлению кызылбашский отряд, который двигался из Ардебиля на Тебриз. Этот успех врага привел к измене правителя Карадага сына Халифе Ансара Шахверди-хана, изъявившего покорность султану. Вследствие этого Ордубад, Маранд, Маранд, Дизмар, Зунуз, Гяргяр и соседние районы перешли в руки Джафар-паши[720]. В том же 1588 г. (996 г. х.) Синан-паша (Джигал-оглы) с тридцатитысячным войском двинулся из Багдада в Хамадан и без боя овладел Нехавендом, оставленным кызылбашами. Оставив в крепости двухтысячный гарнизон, Синан-паша возвратился. Попытка кызылбашей вернуть крепость была безуспешной. Они потерпели поражение, а их предводитель беглярбек Хамадана Корхмаз-хан Шамлу попал в плен[721].

Одновременно с этим султанские войска заняли Карабах, до того удерживаемый Мухаммед-ханом Зияд-оглы Каджаром. Фархад-паша, двигавшийся через Грузию, вступил в Гянджу и Барду, оставив здесь османский гарнизон. Карабах был опустошен османскими войсками. Разбитые турками племена каджар и игирмидорт отступили на южный берег Аракса. Вслед за этим был занят Нахчеван[722].

---

[718] Тарих-и алем арай-и Аббаси, 353—356; Шереф-наме, II, стр. 283—284.
[719] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 356; *B. Kutukoglu,* ss. 166—167.
[720] *А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 75.
[721] Хуласат ат-таварих, лл. 530б—531а; *B.Kutukoglu,* ss. 181—182.
[722] Шереф-наме, II, стр. 291—292; *B. Kutukoglu,* s. 191.

Таким образом, за 1586—1589 гг. почти весь Азербайджан был постепенно занят армиями султана Мурада III. Успехи турок в значительной степени были облегчены вторжениями узбекских правителей в Хорасан. Пришедший к власти в Казвине новый сефевидский правитель шах Аббас I. ввиду тяжелого положения государства, поспешил продолжить мирные переговоры с Турцией, начатые еще Хамза-мирзой. Сефевиды были вынуждены принять жесткие условия султана, чтобы сохранить остальные свои владения. По условиям Стамбульского мира 1590 г. к османской Турции отошли, помимо Азербайджана[723], Армения, Грузия, а также западные области Ирана (Нехавенд, Луристан, Шахризур)[724].

Таким образом, оккупация Азербайджана Турцией, продолжавшаяся до начала XVII в., положила конец существованию азербайджанского государства Сефевидов. Азербайджан был вконец опустошен и разорен нескончаемыми войнами, экономика страны была сильно подорвана. Почти двадцатилетнее, хозяйничание в стране турецких феодалов привело к расхищению его богатств, полному расстройству экономической жизни. Поэтому Азербайджан после отвоевания его шахом Аббасом I не смог сохранить свою былую, ведущую социально-экономическую роль в системе Сефевидского государства, уступив ее внутренним областям Ирана.

Кроме того, азербайджанская феодальная знать и кызылбашские племена в ходе внешних и внутренних войн, потеряв значительную часть своего состава, сильно ослабли. Азербайджанские феодалы не смогли удержать свои прежние повсеместно господствующие позиции в Сефевидском государстве XVII в. Они были оттеснены иранскими феодалами, хотя и остались грозной силой, с которой всегда приходилось считаться центральному правительству.

[723] Кази Ахмед указывает, что граница османских владений на юго-востоке Азербайджана проходила через село Араштанаб поблизости от Сераба. «Отсюда до Тебриза отошло к румийцам, а до Туркманкенди и Мияне—к кызылбашам». (Die Chronic Hulasat at-Tawarih, перс, текст, стр. 95; нем. перев., стр. 94)

[724] Текст договора имеется в «Мюншаати салатин», т. II, Стамбул, 1275, стр. 249—252.

ГЛАВА V

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ АЗЕРБАЙДЖАНА В XVI веке

Сельское хозяйство. Азербайджан был в числе стран, испытавших непоправимый удар в период завоевания и господства монгольских захватчиков. Экономическая катастрофа времени монгольского завоевания отрицательно сказалась на последующем развитии феодального общества в Азербайджане, усилив и закрепив в нем регрессивные тенденции[725].

Если в первой половине XV в. сельское хозяйство страны и пережило период относительного подъема, то уже в последние десятилетия XV в. в южных областях оно вновь вступило в полосу разрухи и упадка, вызванного ослаблением центральной власти и опустошителььми феодальными междоусобицами в государстве Ак-Коюнлу. В конце XV в. здесь периодически разражались разруха и голод, уносившие десятки тысяч человеческих жизней. Это было следствием неурожаев, резкого падения сельскохозяйственного производства, разорения и обнищания широких слоев крестьянства [726]. Гибель массы земледельческого населения, которое, обманутое демагогическими обещаниями феодалов, втягивалось в междоусобные войны, пагубно отражалось на состоянии земледелия, сельского хозяйства страны в целом. Сказанное нельзя отнести к северо-восточной части Азербайджана, Ширвану, где правила династия ширваншахов, обеспечившая краю относительно стабильное развитие[727].

К моменту установления в Азербайджане власти Сефевидов, т. е. к началу XVI в., страна переживала состояние глубокой экономической депрессии.

Для нормализации экономической жизни и увеличения притока средств в государственную казну Сефевиды в первое время вынуждены были пойти даже на известное облегчение положения крестьянства[728]. Усиление центральной власти при шахе Исмаиле I, боровшемся с сепаратизмом

---

[725] О характере монгольского завоевания и его тяжелых последствиях см.: *Б. Н. Заходер*. История восточного средневековья, стр. 109—110; *С. П. Толстов*. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 318 и след.; *А. А. Али-заде*. Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 122—134; *И. П. Петрушевский*. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 29 и след. Здесь же имеется библиография и критический обзор литературы по этому вопросу.

[726] *О. А. Эфендиев*. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 54—55.

[727] См. *И. П. Петрушевский*. Государства Азербайджана в XV в., стр. 182—184.

[728] *О. А. Эфендиев*. Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 100.

феодалов, уменьшение внутренних феодальных войн в первые десятилетия XVI в. также дали толчок к возрождению сельского хозяйства.

Основным занятием населения Азербайджана в XVI в., как и прежде, являлось земледелие. Главная масса крестьян проживала и трудилась на землях, арендованных ими на кабальных условиях у государства, феодалов и других земельных собственников. Не только земля, но и водные ресурсы были собственностью феодалов.

Благодаря наличию отличных зимних пастбищ на равнинах (Мильская и Муганская степи) и летних на альпийских лугах (Карабах, южная часть Азербайджана) Азербайджан издавна привлекал к себе внимание кочевников.

Тюркские кочевые племена, поселившиеся в Азербайджане до XVI в., постепенно переходили к полуоседлому и оседлому состоянию. Процесс этот шел крайне медленно, начинался с верхней знатной прослойки кочевников, а затем охватывал бедные нижние слои. Правда, согласно Ясе Чингиз-хана кочевникам предписывалось заниматься кочевым хозяйством, держась вдали от городской жизни. Однако после завоевания развитых в культурном отношении стран Чингизханова Яса теряет свое первоначальное значение. Кочевая знать, располагая политической властью, захватывает высокие и доходные должности во дворце и на периферии, превращается в собственника огромного земельного фонда, устанавливает тесные связи с торговлей (особенно внешней) и городской жизнью. Как представители господствующего класса они входят в родственные отношения с местными феодалами, старинной оседлой знатью, постепенно переходя к полуоседлой и оседлой жизни. Что касается рядовых кочевников, часть их также превращается в мелких земельных собственников, постепенно переходя к оседлости, а другая (основная масса) продолжает нести военную службу в войсках феодалов и правителей, пользуясь привилегиями, которых были лишены крестьяне[729].

В Азербайджане, как и во многих других странах Востока, недостаток осадков вызывал необходимость искусственного орошения почты в земледельческом хозяйстве. Плодородие полей и садов зависело исключительно от поддержания оросительной сети в исправном состоянии, от ее регулярной очистки. Поэтому, не только прямое разрушение плотин и каналов, но и общее запустение страны, гибель населения и нехватка рабочих рук отрицательно отражались на состоянии орошения, а значит и на продуктивности сельского хозяйства страны в целом.

В средневековом Азербайджане, как и в Иране, различали четыре вида орошения: 1) ручьевое, 2) речное (при помощи каналов и запасных

---

[729] *И. П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 43; *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 154, 171—172.

водохранилищ), 3) кяризное (вывод на поверхность земли подпочвенных вод посредством особых галерей) и 4) колодезное. Первые два были связаны с наземными, а последние два — с подземными оросительными сооружениями[730].

Среди наиболее крупных рек, воды которых использовались для орошения, Хамдуллах Казвини называет Куру и Аракс[731], по берегам которых поля интенсивно возделывались. У нас нет данных о мероприятиях по расширению оросительной сети в Азербайджане при первых Сефевидах. По-видимому, в XVI в. действовала в основном та же ирригационная система, которая существовала в XIV—XV вв.

Согласно Хамдуллаху Казвини, в округе Тебриза имелось 900 кяризов, много колодцев и каналов, отведенных из вод р. Мехранруд[732]. Это подтверждается сообщением автора конца XVI в. Амина Ахмеда Рази: «Река Мехранруд, которая берет начало у горы Сехенджи девятьсот с лишним кяризов, вырытых состоятельными людьми — все расходуется на (орошение) садов и огородов Тебриза, но теперь и этого не хватает»[733]. Такое количество кяризов свидетельствует о существовании крупного садоводческого хозяйства в районе Тебриза.

Венецианский купец, побывавший в Тебризе в начале XVI в., пишет, что «город украшен многочисленными огородами, в которых выращиваются обычные растения, как капуста, латук, овощи и другие мелкие растения такие как в Венеции: репа, морковь (маленькая), редиска, майоран, петрушка и розмарин»[734]. В районе Тебриза, по сообщению того же купца, «имеется много риса, и большое изобилие пшеницы и ячменя»[735]. Амин Ахмед Рази указывает на обилие пшеницы в округах Ардебиля и Халхала[736].

Зерновые хлеба, пшеница и ячмень (обозначаемые в источниках термином «галла») выращивались почти во всех других районах Азербайджана: Мугане, Арране, Ширване. Итальянец Алессандри отмечает большое изобилие хлеба в Сефевидском государстве[737].

Хотя мы не располагаем прямыми сообщениями источников о выращивании в Азербайджане хлопка в XVI в., но в этом вряд ли можно сомневаться. Еще Хамдуллах Казвини указывал на возделывание хлопка в

---

[730] . *П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 114—117; *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 140—146.
[731] Nuzhat ul-Qulub of Hamdullah Mustawfi, GMS, vol. XXIII, part I, London, 1915. pp. 212, 218.
[732] *Там же,* стр. 77. О кягризах в районе Тебриза сообщает и анонимный купец. (Путешествия венецианцев, стр. 167).
[733] Хафт иглим. Рукоп. Ин-та востоков. АН УзССР, инв. № 617, стр. 433а.
[734] Путешествия венециацев, стр. 171.
[735] Там же, стр. 171.
[736] Хафт иглим, лл. 446б, 449б.
[737] Путешествия венецианцев, стр. 222.

районах Нахичевана, Азада, Байлакана, Гуштасфи, а также Кахрана, Килан Фаслуна, Мияне, Гармруда, Дехharkана, Мараги, Маранда, Дизмара и т. д.[738] У нас имеются также сведения путешественника XVII в. Эвлия Челеби, сообщавшего, что в районе Нахичевана во время его пребывания там возделывались семь сортов хлопка. Согласно этому путешественнику, хлопком были засеяны также поля в округах Гянджи, Хоя, Шемахи, Тебриза, Баку[739].

Одним из основных и древнейших занятий жителей деревень было садоводство и огородничество, занимавшие важное место в экономике страны. Средневековые источники сообщают о выращивании в Азербайджане различных сортов яблок, груш, инжира, винограда, абрикосов, персиков, айвы, сливы, граната и других фруктов, а также дынь и арбузов.

Амин Ахмед Рази указывает на отличные вкусовые качества яблок, груш, абрикосов, слив, черешни, винограда, выращиваемых в районе Тебриза[740]. Он сообщает также о наличии превосходных фруктовых садов в районе Ардебиля, Халхала, Ордубада, Мараги, Шемахи[741].

О наличии прекрасных фруктовых садов в районе Суфияна, Маранда, Хоя в начале XVI в. сообщает также венецианский купец[742]. Д'Алессандри указывает, что «фрукты по качеству и вкусу превосходят фрукты в любой другой части мира»[743].

Разведение тутового дерева в Азербайджане издавна было связано с выращиванием здесь шелковичных червей и шелководством. Тутовый шелкопряд был особенно распространен в Ширване, где на местном сырье была сильно развита шелкоткацкая промышленность. Дженкинсон, путешествовавший по Азербайджану в 1562—1563 гг., пишет: «В этом государстве (Азербайджане. — *О. Э.)* можно достать различные доброкачественные и необходимые товары — орехи крупные и мелкие, хлопок-сырец (cotten-wooll), квасцы, шелк-сырец, естественно производимый в этой стране, почти все виды пряностей и москательных товаров... Однако главный здешний товар, — продолжает Дженкинсон, — это шелк-сырец всяких сортов, которого здесь большое изобилие»[744]. Одним из основных районов разведения шелкопряда в XVI в. был г. Ареш; английские купцы

---

[738] *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIVвв., стр. 58—60.

[739] *С. Б. Ашурбейли.* «Саяхат-наме» Эвлия Челеби как источник по изучению социально-экономической и политической истории городов Азербайджана в первой половине XVII века. М., 1960, стр. 3.

[740] Хафт иглим. л. 433а.

[741] Там же, лл. 446б, 449б, 450б, 451б, 453б.

[742] Путешествия венецианцев, стр. 164 —166.

[743] Там же. стр. 225.

[744] Английские путешественники, стр. 205; Early Voyages, vol. I, p. 136.

часто упоминают в своих записках об этом городе, куда съезжались иностранные купцы для закупки шелка-сырца.

Шелк-сырец, производившийся в Азербайджане, пользовался широкой известностью в средневековой Западной Европе. Итальянские купцы из Венеции, Флоренции и других городов с большой выгодой для себя поставляли азербайджанский шелк в качестве отличного сырья для крупных центров мануфактурной промышленности Европы.

Европейцы знали следующие названия шелка-сырца, вывозившегося из Азербайджана: „Seta Mamutawa" —„шелк из Махдубада", „Seta Canare" или ,.Seta channaruia" — „шелк из Канара" (?) в Карабаге; „Seta siechi,, или „seta sacchi" —„шекинский шелк": „Seta gangia" — „гянджинский шелк"; „Seta cavallini"-—„шелк из Кабалы.[745]

К сожалению, цифровых данных относительно объема сбора шелка-сырца в источниках рассматриваемого периода мы не встретили. О количестве экспортируемого шелка можно судить по письму англичанина Артура Эдвардса из Шемахи, написанному в 1566 г. «Уверяю вас, — пишет он руководителям английской торговой компании, — что здесь при лошадином грузе в 50—60 батманов можно нагрузить 3000 или 4000 коней, не считая грузинского шелка»[746]. По нашим подсчетам, это равно в среднем 200 тыс. батманов или 8000 тюков, считая в одном тюке 25 батманов. В Шемахе — одном из крупнейших центров шелководства Азербайджана, по сообщению Амина Ахмеда Рази, ежегодно продавалось около 20 тыс. харваров шелку[747].

Мы не располагаем никакими данными о численности сельского населения Азербайджана и суммах податных поступлений в государственную казну из различных районов страны по XVI в. Вряд ли можно сомневаться в том, что в азербайджанской деревне в целом господствовало натуральное хозяйство. Но наряду с этим, необходимо отметить, что пригородные сельские районы таких городов как Тебриз, Шемаха, Баку, Гянджа, Ардебиль, Нахчеван, Марага и др., являлись районами товарно-хозяйственных отношений. В особенности это относится к сельским округам страны, поставлявшим шелк-сырец на внешний рынок.

Рост больших торгово-ремесленных городов положительно влиял на развитие зернового, садоводческого и огородного хозяйства их пригородных сельских районов, снабжавших своей продукцией рынок этих городов. Земли в этих районах находились во владении крупных феодалов-землевладельцев,

---

[745] См.: *И. П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 167.
[746] Английские путешественники, стр. 233.
[747] Хафт иглим, л. 453б. Харвар (ослиный вьюк) равен 100 тебризским манам (батманам), т. е. 300 кг.

связанных с городским рынком и поэтому заинтересованных в росте сельскохозяйственной продукции.

Хотя основная масса населения Азербайджана вела, как и прежде, оседлый образ жизни, часть его состояла из кочевых и полукочевых племен, в основном кызылбашских, занимавшихся скотоводческим хозяйством.

Характерно описание образа жизни кочевых племен, которые наблюдал А. Дженкинсон в 1561 г. по пути из Джавада в Ардебиль. «Выйдя отсюда (из Джавада. — *О. Э.),* далее мы следовали по плодоносной стране, населенной пастушескими народами; в летнее время они живут в горах, а зимой спускаются в равнины, не заходя ни в города, ни в иные населенные места. В своих передвижениях они путешествуют караванами, состоящими из людей и скота, и везут жен, детей и имущество на волах»[748].

Конечно, наличие в Азербайджане кочевых и полукочевых племен тормозило развитие феодального общества Азербайджана. Оно укрепляло и консервировало более отсталые, регрессивные формы феодальных отношений, прикрытые оболочкой патриархальных обычаев. Кочевое скотоводство связано с регулярными перекочевками племен с летних пастбищ (яйлаги) на зимные (кишлаки) и обратно. Не трудно представить себе, что во время таких перекочевок посевы крестьян вытаптывались большими массами передвигающегося скота, а сами кочевники, будучи вооружены и сильны в военном отношении, не прочь были пограбить беззащитных земледельцев. Настоящим бедствием для крестьян были передвижения сефевидских войск, состоявших из тех же полукочевых племен, выступавших на войну со своими семьями и имуществом. Причем войско останавливалось в данной местности на тот срок, на какой хватало там подножного корма для лошадей, овец и другого скота, также перегонявшихся вместе с войском[749].

Феодальная земельная собственность. Экономическую основу господства феодалов над крестьянами в Азербайджане, как и во многих странах средневекового Востока, составляла феодальная собственность на землю. Она лежит в основе феодальных отношений и в среде кочевых и полукочевых племен, где ведущим видом экономики является не земледелие, а скотоводство. Феодальная собственность выступала преимущественно в форме государственной собственности на землю, существовавшей в реальности, и не являвшейся абстракцией, какой она предстает в концепции «азиатского способа производства». Преобладание государственной

---

[748] Английские путешественники, стр. 206.

[749] О влиянии господства кочевых племен на состояние оседлого населения Азербайджана при монголах см.: *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 126—134; См. также: *И. П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране в XIII—XIV вв., стр. 75—76.

собственности объясняется главным образом тем, что государство было собственником наиболее крупных ирригационных сооружений, от функционирования которых зависело состояние земледелия, а следовательно и жизнь тысяч людей. Собственность государства на землю выражалась в присвоении доли урожая (ренты — налога), поступавшей в казну в виде поземельного налога (хараджа, малуджахата). Привилегия податного иммунитета (т. е. освобождения от уплаты налогов), которой пользовались феодалы, рассматривалась как уступка государством своих прерогатив на данной территории.

Мусульманское право признавало существование пяти основных видов землевладения:

1. Земли государственные (казенные земли) — арази-и дивани;
2. Домены правящей династии — арази-и хассе;
3. Земли, завещанные мусульманским духовным учреждениям — арази-и моукуфа (вакфы);
4. Земли на правах частной собственности — мюльки;
5. Земли, являющиеся собственностью сельских общин — джамаат-и дех.

В феодальную эпоху мы наблюдаем существование всех перечисленных видов землевладения и в Азербайджане. Причем, в разные периоды изменялось не только соотношение между этими формами, но возникали новые земельные институты, не предусмотренные официальным правом.

Вследствие кызылбашских завоеваний в руках основателя государства шаха Исмаила I (1501 — 1524) оказался огромный земельный фонд. Его сын и преемник шах Тахмасиб I присоединил к государству Ширван и Шеки. Значительная часть земель Азербайджана и сопредельных стран в результате секуляризации и конфискаций земель у прежних землевладельцев, а также их частичного физического истребления перешла в руки азербайджанской кызылбашской военно-феодальной знати и шиитского духовенства (в основном на правах условного землевладения — союргала и тиула).

С возникновением Сефевидского государства наблюдается неуклонный рост фонда государственных земель (дивани) и шахского домена (хассе). Если при монголах, начиная с Газан хина, как то установлено А. А. Али-заде[750], происходил рост частного землевладения (мюльков) за счет государственных земель, то при Сефевидах имел место обратный процесс[751].

Разграничение земель на государственные и дворцовые — явление не новое и не присущее только XVI в. «Через всю систему восточно-

---

[750] *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 192.
[751] *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 253—254.

мусульманской политической организации, — отмечал В. Бартольд, — красной нитью проходит деление всех органов правления на две большие категории: на дергах (дворец) и диван (канцелярию)»[752]. Но при Сефевидах это разделение было значительно четче и глубже. Это выражалось в том, что управление этих двух категорий землевладения было сосредоточено в двух различных ведомствах, называемых «диван-и мамалик» и «диван-и хассе»[753], каждый с большим штатом чиновников. Причем эксплуатация крестьянства на этих землях была гораздо более тяжелой, нежели на землях мюльковых, ибо назначаемые на небольшой срок чиновники старались за это время извлечь как можно больше дохода для себя, мало считаясь с разорением и обнищанием крестьян[754].

Создание крупного шахского домена было собственно главной целью политической борьбы Сефевидов за власть, экономической базой их власти. А. Рахмани отмечает, что сефевидские шахи зачисляли в свои личные владения (хассе) наиболее плодородные области из государственных земель[755]. Мы не располагаем данными о том, какие области Азербайджана, помимо дебильского округа, входили в разряд земель хассе при шахе Исмаиле I[756]. Но известно, что шах Тахмасиб I и его сын Мухаммед Худабенде владели большими земельными угодиями в районе Исфагана, Фарсе, Герате[757]. Это было вызвано тем, что Азербайджан, являвшийся пограничной областью, подвергался опустошениям и разорению в ходе османско-сефевидских войн, тогда как центральные области Ирана, расположенные вдали от арены военных действий, не подвергались такой опасности.

Задолго до установления своей власти в Азербайджане Сефевиды имели здесь крупные вакфные владения. Родоначальнику династии шейху Сефи ад-Дину еще в первой половине XVI в. принадлежали на правах вакфа и мюлька десятки селений в районах Ардебиля, Мараги, Мугана и Талыша[758]. Эти владения к концу жизни были превращены шейхом в вакф своей

---

[752] *В. В. Бартольд.* Сочинения, т. I, стр. 286.
[753] Тазкират ал-мулук, стр. 25. (Коммент. В. Минорского).
[754] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 79.
[755] Там же, стр. 131.
[756] Есть указания на то, что некоторые местности в Нахичеване входили в домен Сефевидов, как например, г. Айлис. (см. *С. В. Тер-Аветисян.* Город Джуга. Тбилиси, 1937 , стр. 24). К. Рохборн полагает, что с 940—941 г. х. (1531—1535 гг.) до 985 г. х. (1578 г.) Тебриз входил в хассе (Низам-и эйалат дар довре-и Сефевийе, талиф-и Рохрборн, Техран. 1349, стр. 7).
[757] А. Рахмани, ссылаясь на Искендера Мунши, указал только на личные имения Тахмасиба I в районе Исфахана. Между тем в другом месте сочинения (т. I, стр. 166) содержится указание на хассе Тахмасиба в Фарсе и Герате.
[758] *И. П. Петрушевский.* Городская знать в государстве Хулагуидов. «Сов. востоков.», т. V. М.—Л., 1948, стр. 101.

дервишской обители. В дальнейшем при преемниках Сефи ад-Дина — шейхах Садр ад-Дине и Хадже Али вакфы Сефевидов стали более обширными, благодаря подаренным землям разных феодальних правителей, стремившихся завоевать поддержку влиятельного ордена[759].

Так, согласно А. Лембтон в рукописи сочинения «Сулук ве сиджиллат-и Теймури» сообщается, что в 1001 г. х. (1602— 1603 гг.) шах Аббас послал Бахадур-хана в Балх, где он обнаружил вакфную грамоту. Документ оказался вакфнаме Тимура, согласно которому завоеватель завещает в вакф определенные имущества и земли в пользу фамилии Сефевидов. В нем перечисляются владения (амлак), включая поместья в Исфагане, Хамадане, Талыше и Тароме, которые «куплены на настоящее золото и завещаны в овкаф мужским потомкам султана Хадже Али». К документу приложен список имен глав различных племен, эмиров, кетхуда, кто прежде владел этой собственностью с подтверждением, что все это продано ими без всякого давления и насилия со стороны, в полном согласии и здравом рассудке Сделка эта датирована 706 г. х. (1403—1404 гг.).

В вакфнаме говорится, что заведывание этими владениями «великий хакан» передает мужским потомкам сейида Али Мансура б. сейид Джамал ад-Дин б. сейид Али Майсур б. сейид Джабраил ал-Хусейни. Им следует ежегодно собирать налог (речь идет о харадже. — *О. Э.)* и передавать его шейху Хадже Али и его потомкам[760].

Таким образом, сообщение Искендера Мунши о существовании вакфной грамоты Тимура на имя шейха Хадже Али[761] подтверждается этими фактами. Особенно широкое распространение институт вакфа получает после прихода Сефевидов к власти. Шахи сефевидской династии, объявив шиизм государственной религией, были заинтересованы в его повсеместном распространении. В этом деле их верным помощником было шиитское духовенство — идеологическая опора их классового господства. Поэтому Сефевиды считали необходимым привлечь к себе духовенство, поддерживая благосостояние шиитских учреждений и одаривая их вакфами, которыми фактически распоряжалось духовенство.

В XVI в. наиболее крупными вакфами в Азербайджане были вакф усыпальницы шейха Сефи ад-Дина в Ардебиле, вакф гробницы ильхана Газан-хана, вакфы мечети Хасан-падишаха (Узун Хасан) и вакф «Джаханшахие» (Джаханшаха) в Тебризе[762].

---

[759] На это указывает также А. А. Рахмани («Тарих-и алем арай-и Абба-си» как источник по истории Азербайджана, стр. 230); *И. П. Петрушевский.* Ислам в Иране, стр. 363.

[760] *A. Lambton.* Landlord, p. 112; это вакфнаме Тимура опубликовано Г. Хорстом *(H. Horst.* Timur und Hoga Ali. Beitrag zur Geschichte der Safawiden, Jahrgang, 1958, № 2, Wiesbaden).

[761] См.: *А А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси», как источник по истории Азербайджана, стр. 130.

[762] Там же, стр. 138.

В Иране наиболее значительными вакфами в это время были гробницы шиитских святых имама Резы в Мешхеде и его сестры Фатимы в Куме[763].

Источниками роста площади вакфной земельной собственности являлись не только пожалования правителей. Среди землевладельцев в этот период заметна продиктованная ощутимой выгодой тенденция превращать свои поместья в вакф. Ведь известно, что, как правило, вакфы пользовались налоговым и административным иммунитетом и редко подвергались конфискации. Подобным путем эти феодалы помещали свою собственность под надежную протекцию шиитского духовенства и, закрепляя должность мутавалли (управляющий вакфом) за своей фамилией, избегали уплаты части налогов в казну[764].

В списке знатных сейидов, современников шаха Тахмасиба I, данном в «Тарих-и алем арай-и Аббаси». упоминается имя управителя мазара имама Резы в Мешхеде Мир Абулвели, который после освобождения от этой должности перебрался в Тебриз и получил новое назначение — пост попечителя вакфа Газан-хана (Овгаф-и Газани)[765]. Согласно этому же списку фамилия Абдулвахабийе в Тебризе, происхождение которого восходит к падишахам Ак-Коюнлу, заведовала делами вакфов мечети Хасан-падишаха в Тебризе. Один из отпрысков этой фамилии, по имени Мирза Абдул Хусейн ведал вакфом Джаханшаха, известным под именем Музаффарийе[766].

Согласно Искендеру Мунши, в XVI в. существовало два вида вакфов: суннати и ваджиби. Попечителем вакфов «суннати был сам шах, по указанию которого расходовались доходы вакфа. При этом он руководствовался общепринятыми нормами, так как завещатели «этих вакфов, как правило, не указывали: конкретно, куда должны были расходоваться поступающие доходы». Вакфы же, доходы от которых расходовались согласно воле их завещателей по строго определенным статьям, назывались «ваджиби»[767].

Как указывалось, частновладельческие земли мюльк в Азербайджане при первых Сефевидах значительно уменьшились. Но все же отдельные представители знати, в частности шиитского духовенства, владели подчас крупными имениями — мюльками, приносившими их владельцам изрядный доход[768].

---

[763] *A. Lambton*. Landlord, p. 112.
[764] A.Lambton. Landlord, p. 113.
[765] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 148.
[766] Там же, стр. 150.
[767] Там же, стр. 149; *А. А. Рахмани,* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 137.
[768] О разновидностях мюльков и их юридическом статуте см.: *И. П. Пе*трушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 222—247.

В числе так называемых «великих сейидов» времени царствования Тахмасиба I Искендер Мунши приводит имена некоторых представителей духовенства, которые владели крупными мюльками. Занимавший пост садра Мир Гияс-ад-Дин Мухаммед в конце правления Тахмасиба I «обладал в Исфагане мюльками и имениями» и «проживал за счет своего владения (саркара)»[769].

Из сословия сейидов упомянут Мирмирани Йезди, сын Шаха Нейматуллы, обладавший многими союргалами и мюльками (амлак) с доходами около 5 тыс. туманов[770]. Из эмиров Хорасана Искендер Мунши упоминает Мирза Абу-Талыба Резеви, владевшего «множеством движимого и недвижимого имущества, имений и полей»[771]. В Астрабаде Мир Зия ад-Дин Фендерески «владел высокодоходными мюльками и поместьями»[772]. В Куме многие мюльки и имения принадлежали богатому сейиду Мир Кашиму Куми[773].

Новым моментом феодальных отношений при первых Сефевидах является возникновение еще одной формы условной земельной собственности — тиула, получившего широкое распространение в XVI—XVII вв.

Хотя институт икта уже окончательно сошел со сцены до XVI в., но термин этот встречается в нарративных источниках XVI—XVII вв. Термин икта в рассматриваемое время обозначает институты, заменившие собой икта, — союргал и, чаще — тиул[774]. Любопытно, что если в хрониках мы часто встречаем термин икта, то в официальных документах (фирманах) этот термин совсем выходит из употребления[775].

Союргал в том виде, в каком он существовал в Азербайджане в XVв., был владением наследственным и предполагал налоговый и административно-судебный иммунитет[776]. Иначе говоря, владелец союргала пользовался им почти на правах частной собственности.

Сефевиды стремились заменить союргал таким институтом, который, вознаграждая вассалов за службу, не давал бы им возможности закрепиться на земле, превратиться в собственника земли. Институт тиула был вызван к жизни в интересах централистической политики. Сефевидский тиул согласно

[769] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 144.
[770] Там же, стр. 145.
[771] Там же, стр. 151.
[772] Там же, стр. 153.
[773] Там же, стр. 167.
[774] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 185—186.
[775] Там же, стр. 187.
[776] Историография и разработка вопроса имеются у И. П. Петрушевского (Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв.), стр. 145—183.

И. П. Петрушевскому, означал (в теории) временное или пожизненное, но не наследственное, пожалование служилым людям податных сумм (целиком или частично) с определенных земель без права управления ими[777].

В. Ф. Минорский указывает, что тиул соответствует раннему икта[778]. И. П. Петрушевский, уточняя этот тезис, указывает, что «развитие тиула при Сефевидах связано с их политикой поддержки государственного землевладения и системы эксплуатации сидевших на них крестьян при посредстве государственного аппарата. Эта система, хотя и построена была на новых основаниях, но напоминала отчасти систему государственной эксплуатации крестьян в странах халифата в VII—X вв. и форму икта на ранней ступени его развития до XI в.[779]

Если в теории владелец тиула — тиулдар должен был ограничиться взиманием налогов с земли, не вмешиваясь в управление, то на практике это было совсем не так. Дело в том, что первые Сефевиды в своей политике были непоследовательны, колебались между централистическим курсом и уступками могущественной кызылбашской знати [780] . Тиул жаловался не только из фонда государственных, но иногда и из собственных доменов шаха. В первоисточниках XVI в, термин тиул встречается очень часто.

Так, в 931 г. х. (1524—1525 гг.) векил юного шаха Тахмасиба I, глава племени румлу Див-солтан, воспользовавшись отсутствием Кепек-солтана Устаджлу, отправившегося в поход в Грузию, разделил тиулы, принадлежавшие племени устаджлу, между своими соплеменниками, что вызвало в следующем году крупный мятеж племени устаджлу[781]. Эти тиулы находились в Нахичеване и Чухурсаадской области.

Другой аналогичный тиул находился в Ширване. В 938 г. х. (1531—1532 гг.) вождь племени текели эмир ал-умара южной части Азербайджана Улама-бек изменил шаху и со значительной частью племени поступил на службу к турецком султану. В 1540 г. (947 г. х.) они оставили хондкара, вновь возвратились во главе с Гази-ханом Текели к шаху и были благосклонно приняты им. Тахмасиб пожаловал Гази-хану Сальян и Махмудабад в качестве тиула[782].

Среди кызылбашских племен времени Тахмасиба, отмечает Искендер Мунши, особо отличалось племя шамлу, занимавшее высокие посты и владевшее превосходными тиулами. Здесь указано также, что многие из

---

[777] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении к XVI—начале XIX вв., стр. 81, 188; *его же.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 255.
[778] Тазкират ал-мулук, стр. 28. (Введение В. Ф. Минорского).
[779] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в. Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 189.
[780] Там же, стр. 190.
[781] Ахсан ат-таварих, стр. 189; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 47.
[782] Ахсан ат-таварих, стр. 296.

племени устаджлу были удостоены титула эмиров и обладания барабаном, знаменем, войском (табл-о-джейш-о-лешгер) и почетными тиулами[783].

Обычно распределение тиулов происходило одновременно с новыми назначениями на государственные должности, чаще всего после восшествия на престол нового шаха. Выше мы видели, что подобные распределения имели место после коронации шаха Исмаила II, а также при вступлении на трон шаха Мухаммеда Худабенде.

На вышеуказанных примерах можно видеть, что, жалуя тиулы кызылбашской знати, центральное правительство одновременно возлагало на тиулдаров задачу защиты этих областей от вражеского вторжения. Нередко управляя территорией тиула в качестве наместника, правителя или вождя племени, тиулдары в свою очередь выделяли более мелкие пожалования своим подчиненным. Так, получив в кормление (тиул) удобные для кочевок местности на Мугани, Гази-хан и племя текели вскоре оправдали надежды шаха на охрану этих областей. Хотя в 1538 г. Ширван вошел в качестве беглярбекства в состав Сефевидского государства, но отдельные местности продолжали сопротивление. В 1540 г. Гази-хан повел свое войско на штурм крепости Баку, защитники которого упорно оборонялись. В конечном итоге город был взят, а часть населения вырезана[784].

Подобных примеров можно привести множество[785]. Так, согласно Искендеру Мунши, в 988 г. х. (1580—1581 гг.) беглярбеком Ширвана был назначен Салман-хан Устаджлу. Это были тревожные годы для Ширвана, когда он неоднократно подвергался нападениям со стороны османской Турции и крымских татар. Поэтому защита его была настоятельной необходимостью для Сефевидского государства. Вместе с этим назначением земли Ширвана были распределены между знатью племени устаджлу и мулязимами Салман-хана, которые разместились там со своими семьями. Среди эмиров устаджлу Искендер Мунши перечисляет: Салман-хана; Хусейнкули-солтана сына Назар-солтана; Аликули-солтана сына Эшик Аваза Чавушлу; Мустафа-солтана Шерефлу; Мехдикули-солтана Чавушлу сына Ан'ут-бека. Кроме них, в числе эмиров были также 2—3 человека из племен джагирлу, караман и др. Всем им были «в Ширванской стране пожалованы тиулы»[786]. Искендер Мунши называет подобное распределение тиулов «разделом Ширвана» между Салман-ханом и эмирами устаджлу[787].

[783] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 138.
[784] Ахсан ат-таварих, стр. 300.
[785] См. например: Хуласат ат-таварих (Т), лл. 382, 406а, 421а, 503б, 524б и т. д.
[786] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 261.
[787] Там же.

В XVI в. тиул не получил еще строго определенного значения и мог означать различные пожалования. Сопоставление источников рассматриваемого периода показывает, что одни и те же пожалования в одном источнике именуются тиулом, в другом—ольке, в третьем—икта. Ясно одно, что все эти пожалования были на правах тиула, а именно, временного присвоения налоговых сумм с ограниченной территории размером от небольшого селения до целого округа или области[788].

При Сефевидах союргалы не исчезли, а несколько видоизменились. Это были уже небольшие участки, чаще селения и населенные пункты, находившиеся во владении шиитского духовенства. Последнее положение, подтверждается также опубликованными в последний период указами сефевидских шахов о пожаловании союргалов — шаха Исмаила I от 1609 г. Камал ад-Дину Хусейну Ардебили, шаха Тахмасиба I от 1552 г. Халифе Дервишу Мухаммеду, шаха Мухаммеда Худабенде от г. Мир Шерифу хадимбаши, шаха Аббаса I от 1601 г. потомкам того же Камал ад-Дина Хусейна Ардебили, касающимися пожалований в районах Ардебиля и Халхала[789]. Все отмеченные союргалы принадлежали не военному сословию, а духовным и гражданским лицам. Нарративные источники также содержат немало аналогичных фактов. Так, сейид Садр ад-Дин Мухаммед вместе со своими братьями Низам ад-Дином Ахмедом, Гамар ад-Дином Мухаммедом и Абуль Махамидом Лютфулла из «сейидов Хусейни» занимали одно время при шахе Тахмасибе I видное положение. Хасан-бек Румлу сообщает, что они жили в селении Аскуйе, около Тебриза. Их дед Абуль Касим был высокопоставленным сейидом, почитаемым прежними правителями. Шах Тахмасиб был очень близок с ними и часто навещал их в имении Аскуйе. Но затем их отношения с шахом испортились, как указывает хронист, из-за их настойчивых притязаний на высшие посты векила, садра и везира. Тахмасиб запретил им появляться при дворе, но вместе с тем, утвердил их союргалы, которыми они владели до этого[790].

Один из венецианских послов в Сефевидском государстве, сообщение коего относится к 1578—1579 гг., пишет о тиулах как о своеобразной форме довольствия следующее: «Имеется бесконечное количество селений и поместий, все предназначенные для оплаты всадникам, наименьшая оплата которых составляет 100 дукатов ежегодно, хотя они извлекают намного большую сумму... в тройном размере»[791].

---

[788] *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 255.
[789] B. Martin. Seven Safavid Documents from Azerbaijan, Dok. № 2, 4, 5, 7 (стр. 180—181, 189—190, 193—194, 201—202).
[790] Ахсан ат-таварих, стр. 301—302.
[791] Хроника кармелитов, т. 1, стр. 52.

Институт тиула, зародившись в XVI в., окончательно оформился в XVII в. после реформ шаха Аббаса I[792].

Господствующий класс феодалов. В рассматриваемое время феодальный класс в Азербайджане состоял из пяти групп: 1) шах и члены правящей династии; 2) военная знать полукочевых кызылбашских племен; 3) высшее шиитское духовенство; 4) верхи гражданской бюрократии; 5) старинная оседлая знать.

Выше мы показали, что шах в государстве Сефевидов был самым крупным землевладельцем. Он стоял во главе феодальной иерархии. Шах и члены царствующей фамилии владели самыми плодородными и доходными землями. С незапамятных времен предки Сефевидов жили в Ардебиле и его окрестностях, занимаясь земледелием и торговлей. Они принадлежали к старинной оседлой феодальной знати Азербайджана. Родным языком Сефевидов был азербайджанский. Он остался языком двора и армии Сефевидов не только в XVI в., но и до конца правления этой династии.

Среди остальных групп феодального класса первое место принадлежит знати азербайджанских кызылбашских племен, которой бесспорно принадлежала вся полнота политической и военной власти в государстве. Не только в центре, но и на периферии, во всех областях, вошедших в состав Сефевидского государства, кызылбашская знать занимала привилегированное господствующее положение. Все остальные группы феодалов по отношению к азербайджанской знати были подчиненными, зависимыми.

Политически ведущая сила кызылбашской знати определялась тем фактом, как правильно указывает И. П. Петрушевский, что она составляла основную массу войска, вернее феодального ополчения государства первых Сефевидов. Высшие чины армии комплектовались из представителей этой знати, потомственно несшей военную службу вместе с зависимыми от нее соплеменниками. Кроме того, верхи знати состояли в брачных родственных связях с членами царствующей династии и самим шахом.

За свою службу кызылбашские племена и их знать, как это мы видели выше, получали от шаха обширные земельные массивы с оседлым крестьянством. Хотя в теории эти земли рассматривались шахским правительством как государственная собственность, но фактически ими владели представители знати кызылбашских племен, бывшие по существу крупными землевладельцами[793].

Кызылбашские племена, ставшие в XV в. опорой Сефевидов, были также тюркоязычными и пользовались в качестве родного языка

---

[792] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 194; о тиуле см. также: *A. Lambton.* Landlord, p. 110.
[793] Там же, стр. 89.

азербайджанским [794]. На рубеже XV—XVI вв. кызылбашские племена делились на шамлу, румлу, устаджлу, текели, афшар, каджар и зулькадар. В ходе сефевидских завоеваний к этим племенам примкнуло множество тюркоязычных и иных племен и родов.

Наиболее полный перечень кызылбашских племен и их ответвлений приводит в своем сочинении Орудж-бек Баят, известный под именем дона Хуана Персидского. Считаем небесполезным привести этот список целиком[795]: 1) устаджлу, 2) шамлу, 3) афшар, 4) туркман, 5) баят, 6) текели, 7) хармандалу (harmandalu)? 8) зулькадар, 9) каджар, 10) караманлу, 11) байбуртлу, 12) испирлу, 13) орйад, 14) чавушлу, 15) асайишоглы, 16) чамиш гезаклу (Chamish qezaqlu)?, 17) сарузолаклу, 18) карабаджаклу, 19) бахарлу, 20) кырклу или коруклу (griclu) ?, 21) бозджалу (Boschalu) ?, 22) махи фагихлу (haji-Fagihlu) ?, 23) хамзалу, 24) золаклу, 25) махмудлу, 26) кара-чомаклу, 27) кара-коюнлу, 28) гези-байызлу (Cossi Boyezlu)?, 29) инанлу (inazlu)?, 30) кух гилуейлу[796].

Исключительную ценность представляет список высших должностных лиц Сефевидского государства в конце правления Тахмасиба I, имеющийся у Искендера Мунши, к которому мы уже неоднократно обращались[797].

Ниже приводим часть этого списка, касающуюся кызылбашских эмиров[798].

Племя шамлу. Во время шаха Исмаила I это были: 1) Хусейн-бек Леле; 2) Абди-бек; 3) его сын Дурмуш-хан; 4) его брат Хусейн-хан (племянник — сын сестры Тахмасиба I): 5) Зейнал-хан; 6) Агзивар-хан.

Во время Тахмасиба только 5 эмиров были обладателями барабана и знамени: 1) Вели-халифе Овчи — правитель Мешхеда; 2) Фулад-халифе — правитель области Хамадана; 3) Сулейман-халифе — был правителем Астрабада, затем оставался при дворе.

Племя устаджлу. 1) Во времена Исмаила они были после шамлу самыми могущественными. Хан-Мухаммед — правитель Диярбекира; 2) Карахан—его брат; 3) Кылыдж-хан; 4) Чаян-солтан; 5) Кепек-солтан; 6) Манташа-солтан; 7) Садраддин-хан; 8) Фаруг-солтан; 9) Абдулла-хан; 10) правитель Чухурсаада Шахкули-солтан.

Во время Тахмасиба обладателями барабана и знамени были эмиры: 1) Хусейн-бек — сын Хасан-бека юзбаши, стал эмиром вместо своего дяди

---

[794] *Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева и А. М. Беленицкий.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века, стр. 252; *И. П. Петрушевский.* Ислам в Иране, стр. 362, 366 и т. д.

[795] *Орудж-бек,* стр. 45—46.

[796] Наименование некоторых из этих племен или родов не поддается расшифроске. Они даны в латинской графике и сильно искажены.

[797] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 138—141.

[798] Там же.

Назар-солтана и опекуном (леле) царевича Мустафа-мирзы; 2) Мурад-хан суфречи — сын Тимур-хана, бывшего из великих эмиров двора; 3) Аллахкули-солтан эмир двора; 4) Пири-бек эмир двора, иктадар Верамина Рейского; 5) Пире Мухаммед-хан Чавушлу — эмир ал-умара Бийепиш и леле Имамкули-мирзы; 6) Мухаммеди-хан Тохмак, эмир ал-умара Чухурсаада; 7) Шахкули-солтан Еган, правитель Герата и эмир ал-умара Хорасана, ставший леле Аббас-мирзы; 8) Назар-солтан Асайиш-оглы; 9) Ибрагим-солтан — сын Шахкули солтана Егана, правитель Серахса; 10) Велихан из рода Шерефлу Устаджлу — черхчибаши Хорасана; 11) Махмуд-хан Суфи-оглы из эмиров Хорасана, правитель Туршиза; 12) Тимур-хан - отец Мурад-хана правитель Систана и леле Бади аз-заман-мирзы; 13) Алгус-солтан Чавушлу, правитель Шуштера и Дизфула; 14) Шахкули-солтан Кариннджа-оглы из оймака Махи-Факихлу; 15) Мустафа-солтан сын Кечел Шахверди.

Племя туркман: 1) Амир-хан Мосуллу — внук Гулаби-хана, был эмир ал-умара Хорасана и леле шаха Тахмасиба, проявил большое мужество в битве у Мерва, при Худабенде стал эмир ал-умара Азербайджана и вступил в родство с шахом; 2) Мухаммед-хан Мосуллу — родственник Амир-хана; 3) Шахкули-хан Порнак — один из великих эмиров племени, при Исмаиле II был правителем Мешхеда и эмир ал-умара половины Хорасана; 4) Сулейман-халифе — сын Сухраба-халифе, правитель Туса и Табеса в Хорасане; 5) Хейдар-солтан Чабук Тархан был правителем Кума и великим эмиром двора; 6) Абульма´сум-солтан сын Ядгар Мухаммеда Тархана был из великих эмиров двора.

Племя румлу: Самым знатным из них был Арас-хан эмир ал-умара Ширвана; 2) Хусейнкули-хулафа занимал при дворе должность халифат ал-хулафа; 3) Делу Будак был правителем Хоя, затем остался при дворе; 4) Курбан-солтан состоял при дворе.

Племя зулькадар: 1) «Возвеличенным» из них был Мухаммедкули-халифе Коркули, обладавший благоустроенным кошуном; 2) Мухаммед халифе — двоюродный брат Ибрагим-хана Хаджилар, правитель Астрабада; 3) Вели-солтан Галханджи-оглы, правитель Шираза, леле Мухаммед-мирзы; 4) Тебет-ага, правитель Джама в Хорасане; 5) Шахкули-халифе, правитель Лара, 6) Мансур-бек сын Ибрагим-хана Хаджилара в Хое.

Племя афшар: 1) знатнейшим был Амираслан-солтан Арешлу, обладатель большого кошуна, леле Ахмед-мирзы; 2) Халил-хан, правитель Кух Гилуйе, владелец 10 тыс. домов (семейств) афшаров; 3) Махмуд-солтан, правитель Саве; 4) Юсифкули-солтан, брат Якуб-солтана, ставший вместо брата правителем Кермана, но остался при дворе; при Исмаиле II был курчибаши и «опорой государства»; 5) Искендер-хан родственник Халил-хана был в Хазарджерибе, при Худабенде стал правителем Кух Гилуйе; 6)

Еган-солтан, правитель Фараха и Исфизара в Хорасане; 7) Хосров-солтан Гуроглы в Хорасане.

Племя каджар: 1) Юсиф-халифе — сын Шахверди-солтана Зияд-оглы был вместо Ибрагим-солтана беглярбеком Карабаха и леле Али-мирзы, но теперь был при дворе; 2) Мирза Али-солтан из доверенных эмиров двора, был диванбеги; 3) Али-халифе Акчели правитель Дамгана и Бистама; 4) Сулейман-бек Зияд-оглы — брат Юсиф-халифе и Сулейман-солтана Шекем-оглы; 5) Солаг Хусейн имел ольке в Гиляне.

Племя текели: 1) Эрдоглу-халифе; 2) Вели-солтан Шереф ад-Дин оглы — родственник Мухаммед-хана имел ольке в Хорасане.

Племя талыш: 1) великий эмир того времени Баяндур хан был в Астаре: 2) Хамза-солтан, эмир двора; 3) Хаджи Увейс-солтан; 4) Кара-хан, правитель Шурагела и Алашкерта в Чухурсааде; 5) Алпаут Ибрагим-халифе имел ольке в Чухур-сааде.

Племя хунуслу: 1) Хусейнджан-солтан.

Курдские племена: 1) Шереф-хан Рузаки из эмиров Бидлиса, правитель Тонкабона в Гиляне; 2) Халил-солтан Сиях Мансур; 3) Оглан Будаги Чекени, правитель Хабушана в Хорасане из эмиров Фарса; 4) Кылыдж халифе Пазуки из эмиров Чухурсаада; 5) Тимур-хан Ардалан, правитель Хасанабада и Пеленгана?; 6) Шах Рустем Аббаси и 7) Мухаммеди — его брат были правителями малого Лура.

Племя чекени: 1) Махмуд-халифе и 2) Мухаммед-солтан Джалал-оглы—оба были в Карабахе на слубже Зияд-оглы; 3) Донмаз-солтан также был в Карабахе.

Племя джагатай: 1) Мирза Али-халифе Миргерайлы был в Хорасане; 2) Ибн Хусейн — сын Мир Хусейн-солтана Фируздженга в Мешхеде?; 3) Хаджи Мухаммед-солтан, правитель Саве из великих сеидов.

Племя шейхавенд: 1) Садраддин-хан сын Ма'сум-бека Сефеви из эмиров двора, был леле Солтан Хусейн-мирзы; 2) Сейид-бек его брат, был правителем Астрабада; 3) Сейид Сулейман, известный как Сейид-бек Камуне из сейидов Неджефа, из сыновей Мухаммеда Камуне.

В этом списке кызылбашские эмиры перечислены по принадлежности к соответствующим племенам. Первыми идут азербайджанские племена шамлу, устаджлу, туркман, румлу, зулькадар, афшар, каджар, текели. Эти племена занимали привилегированное положение среди остальных племен, ибо считались стаинными», «газиями», «мюридами» дома Сефевидов и основателями Сефевидского государства. Знать этих племен сохраняла свои безраздельно господствующие позиции в течение XVI в. вплоть до реформ шаха Аббаса I.

После этих племен в списке упомянуты и другие племена, среди которых тюркские племена шейхавенд и хунуслу, тюрко-монгольское—

джагатай. Затем идут иранские племена: талыши; курдские племена рузеки, сиях-мансур, пазуки, арделан, чекени; лурское племя — аббаси. Кроме перечисленных отмечено также племя камупе[799], происхождение которого неясно.

Во главе кызылбашских племен стояли эмиры. Ко времени смерти Тахмасиба I в книгах (дефтерах) дивана отмечено 114 эмиров[800]. Искендер Мунши указывает, что среди эмиров различаются великие эмиры (умера-йи а'зам), высокопоставленные ханы (хеванин-и валамакам) и султаны младшие (хурд) и старшие (келан)[801]. Великие эмиры были «обладателями барабана, знамени, войска и свиты (табл-о-алем-о-хейл-о-хашам)».

Согласно вышеуказанному перечню к 1576 г. из 114 именитых эмиров (беков, ханов и султанов) только из племени устаджлу было 15 эмиров, причем из них 10 великих эмиров, из племени румлу одних «обладателей барабана и знамени» было 4. При упоминании эмиров шамлу Искендер Мунши пишет, что хотя «с начала восшествия на престол Его Величества обитающего ныне в раю шаха (т. е. Тахмасиба I) среди племени шамлу были великие эмиры и высокосановные ханы... и они были выделены от других племен высокими должностями и достойными тиулами», однако к моменту смерти шаха «обладателей барабана и знамени» из эмиров шамлу осталось не более 5; из племени каджар великих эмиров было 5; из племени текели - 2, из племени туркман—6; из племени афшар — 7, из племени зулькадар — 6.

Список эмиров Искендера Мунши 1576 г. неполный; в нем из 114 эмиров перечислены поименно лишь 72, а 42 имени не названы. Из них 72 эмиров, 56 кызылбашей, 3 чагатайских эмира, 10 курдов и луров; 2 шейхавенда, 1 арабский эмир. Из них тюркоязычными является 61, нетюркских— II[802].

С эмирами были непосредственно связаны их ближайшие вассалы и служители. О них Искендер Мунши говорит следующее: «Ко времени смерти шаха Тахмасиба была 6000 великих юзбашиев (юзбашийан-и а'зам), должностных лиц, курчиев и других служителей (мулязим'ан) двора. Из этого числа 4500 человек являлись курчиями; а 1500—разные должностные лица, такие как курчийан-и даш (?), ясавулы, букавулы и др. Среди них имелись отличенные ясавулы и курчии, эшикагаси, ясавулбаши арсенала и дивана

---

799 В. Минорский считает камуне арабским племенем. Тазкират ал-мулук, стр. 15 (введение В. Минорского).

800 Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 138.

801 О титулах хана и султана см.: *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 99—100.

802 По подсчетам В. Минорского, из 72 эмиров тюрками по происхождению являются 59, нетюрками—13. Очевидно, Минорский два племени шейхавенд относит к нетюркским племенам, что является ошибочным. См.: Тазкират ал-мулук (введение В. Минорского), стр. 14—15.

(ясавулбашийан-и гур ве диван), миршикары и топчибаши (топчибашийан). И в среде каждого племени и сословия были достигшие подножья эмирства лица: и хотя они не были удостоены степени эмиров, но пользовались не меньшим влиянием, чем последние. И каждый из них имел умелых слуг от 5 до 50. Стало быть 6000 из них состояло на службе шахского дома (хассе), а их мулязимы и нукеры были приблизительно около 20 000, а возможно, и больше. Слава о смелости и бесстрашин курчиев была такой, что в любой битве, где их была сотня, они были равны тысяче других членов свиты»[803].

Вышеуказанный отрывок свидетельствует о наличии при первых Сефевидах характерной для развитого феодализма сложной феодальной иерархии[804].

Третья группа класса феодалов состояла из высшего - мусульманского шиитского духовенства, являвшегося классовой опорой Сефевидов и пользовавшегося их всемерной поддержкой. Сюда относились шейх ал-исламы, казии, имамы соборных мечетей, проповедники (ваизы) и т. п. К этой группе следует отнести также управителей многочисленных вакфов, бывших в основном из среды богословов (улемы). Некоторые из них выдвигались на ведущие посты в государственном бюрократическом аппарате. Духовенство в Сефевидском государстве было представлено азербайджанцами, персами, а также частично арабами.

Христианское духовенство, хотя и стояло ниже мусульманского, но пользовалось рядом привилегий. Верхи армянского духовенства распоряжались обширными монастырскими землями, которые, как правило, были освобождены от податей[805].

В четвертую группу феодалов входили представители оседлой местной знати, азербайджанской и частично армянской. Согласно И. П. Петрушевскому, эта знать уцелела кое-где в Карабахе и особенно в Ширване, а в южных областях Азербайджана была замещена полукочевой азербайджанской и курдской знатью[806].

Последняя пятая группа состояла из верхушки государственной бюрократии, а также наиболее крупных представителей областной провинциальной администрации.

Персы, или, как они называются в источниках, таджики, хотя частично и входили в феодальный класс азербайджанского Сефевидского государства,

---

[803] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 141—142.

[804] О взаимоотношениях шаха и кызылбашских племен, о социальных отношениях внутри племен, о шахских пожалованиях ольке кызылбашским племенам и т. п. см.: *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 89—110.

[805] См.: Персидские указы Матенадарана, т. 1, стр. 150—154.

[806] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—XIX вв., стр. 111.

но занимали в нем зависимое, подчиненное положение. Их положение в правление первых Сефевидов историк Искендер Мунши характеризует следующим образом: «При дворе была другая группа знати (акабер ве а'йан), принадлежащая к классу таджиков (тебеге-и таджикийа). Некоторые из них старались служить (рахи хидмет даштенд). Хотя они и не достигли сколь-нибудь важных постов, но выступали как советники на государственном совете (райском меджлисе) и обращали на себя внимание участием (в обсуждениях)»[807]. Здесь же приводятся имена двух персов Мир Хашима Куми и Хадже Абдул Кадира Кермани — крупных землевладельцев. Искендер Мунши указывает, что «хотя обоих считали кандидатами на пост везира Высочайшего дивана, но ни один из них не занял его»[808].

Это положение подтверждается сообщением венецианца Алессандри, который говорит о персах при дворе: «Главные советники не имеют голоса (на государственном совете) и не имеют права высказываться, пока шах не пригласит их сделать это; они, хотя и высокого достоинства, но не могут подняться ни до степени султанов, ни получить назначения, относящегося к военной службе, даже если они знатного происхождения»[809].

Персы (таджики) третировались кызылбашской знатью, которая относилась к ним, как к низшему сословию, недостойному занять высшие государственные должности, вмешиваться в военные дела, которые были исключительно в компетенции азербайджанских феодалов.

Характерный факт подобного отношения можно видеть на рассказе Искендера Мунши о гибели Мирзы Салмана Исфагани, везира шаха Мухаммеда Худабенде, казненного кызылбашскими эмирами в 1583 г. На вопрос шаха о том, в чем вина его, везира Мирза Салмана, кызылбашские эмиры ответили следующим образом: «Мирза Салман — таджик и кроме управления счетными операциями (омур-и хесаб) и делами дивана, никто не просил его заниматься и к нему не имеет никакого отношения то что он стал начальником войска и армии (сахиб-и джейш-о-лешгер) и вмешивается в дела султаната (т. е. высшей власти. — *О. Э.),* став причиной раскола и мятежа. И теперь, когда кызылбаши сняли завесу с (его) дела и столкнулись с ним, первое (требование) то, что он должен убрать свой подол с должности везира, оставить (государственные) дела»[810].

Далее, характеризуя Мирзу Салмана как человека умного, Искендер Мунши указывает в качестве его проступка на то, что он превысил функции везира и «переступил границу людей пера»[811].

---

[807] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 166—167.
[808] Там же, стр. 167.
[809] Путешествия венецианцев, стр. 121.
[810] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 287.
[811] Там же, стр. 288.

Положение крестьянства. Подати н повинности. Изменилось ли положение крестьянства [в] XVI в.? Нет сомнения, что такое крупное политическое событие, как образование в начале XVI в. Сефевидского государства было результатом и показателем больших социальных и экономических сдвигов. Дело в том, что Сефевиды с самого начала опирались не только на военную силу кызылбашских племен, но стремились также привлечь на свою сторону и использовать в своих узко-классовых интересах поддержку и сочувствие широких слоев народа. Без этого их победа над своими политическими противниками вряд ли была возможна. Их задачу облегчили сами феодалы племен Ак-Коюнлу, безудержная и хищническая эксплуатация которых довела крестьянство Азербайджана и западного Ирана до грани полной нищеты и гибели. Нет сомнения, что Сефевиды и кызылбашская феодальная верхушка были на первых порах непосредственно заинтересованы в облегчении положения основного производящего класса — крестьянства. Надо было не только основать новое государство, но и отстоять его целостность от поползновений многочисленных врагов, в особенности агрессивной политики османской Турции. Было необходимо вывести страну из состояния тяжелого экономического запустения и разрухи, дать толчок развитию земледелия и сельского хозяйства, городской жизни и торговли.

Сефевидские феодальные историографы, которых не интересовало положение народа, ничего конкретного о политике шаха Исмаила I по отношению к крестьянству не сообщают. О мероприятиях основателя государства в этой области говорится лишь в общей форме восхваления «добродетелей» кызылбашского правителя, о его «справедливости», «заботе о райятах»[812].

Неописуемо тяжелым становилось положение крестьян во время сефевидско-османских войн, когда они вынуждены были массами покидать свои насиженные места в приграничных районах Азербайджана. Помимо вражеских армий, к этому их вынуждало само кызылбашское командование, прибегавшее зачастую к искусственному опустошению целых районов с целью затруднения движения противника в глубь страны[813].

Согласно Алессандри в последние годы правления Тахмасиба (начало 70-х годов) поземельный налог составлял шестую долю урожая[814]. Шахское правительство нередко вынуждено было отменять или сокращать взимание

---

[812] *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 100. Там же приведены выдержки такого рода из современных хроник. *И. П. Петрушевский.* (История Ирана, стр. 257) указывает, что согласно Минадои при шахе Исмаиле I основная поземельная подать (малуджихат) была понижена до $^1/_6$ доли урожая. Однако это сообщение нам не удалось найти в сочинении Минадои.

[813] См. главу III настоящей монографии.

[814] Путешествия венецианцев, стр. 226.

хараджа и других налогов. Но зато спустя несколько лет после такого «благодеяния», шах обычно требовал все недоимки за прошлые годы сразу, что приводило к массовому обнищанию. Алессандри рассказывает о подобной акции шаха Тахмасиба в отношении армянской общины (зиммиев)[815].

С точки зрения податной политики первых Сефевидов, большой интерес представляет эпиграфический памятник в крепостной части города Баку. Это фирман шаха Тахмасиба I, персидский текст которого высечен на камне, вмонтированном в основание минарета соборной (пятничной) мечети. В фирмане сообщается о сокращении налогов (малуджихат и вуджухат) во всех государственных областях (мамалик), датирован 964 г. х. (1556—1557 гг.)[816].

Датировка фирмана показывает, что он был обнародован вскоре же после окончания целой полосы разорительных войн Сефевидского государства с Турцией, завершившихся миром 1555 г. Издание этого фирмана свидетельствует о том, что центральное правительство вынуждено было считаться с тяжелым положением крестьянства и принимало некоторые меры для восстановления платежеспособности своих подданных.

Резкое ухудшение положения народа, крестьян и ремесленников наблюдается в конце 70-х и в 80-е годы XVI в. в связи с феодальной анархией и ослаблением центральной власти в условиях тяжелой войны Сефевидов с Турцией[817].

У нас нет сведений о том, установили ли первые Сефевиды какой-либо новый податной режим, отличный от практики их предшественников. Напротив, многое говорит за то, что в этой области серьезных изменений не произошло. Так, по сведениям Мир Яхьи Казвини, законоположения, введенные в практику Узун Хасаном, оставались в действии еще долгое время после его смерти[818]. Конкретнее и четче сообщение Шереф-хана Бидлиси, из которого явствует, что даже в конце XVI в. власти в Ираке, Фарсе и Азербайджане руководствовались податным уставом (канун-наме) Узун Хасана[819].»

Любопытно, что законоположения Узун Хасана оставались нормами феодальных отношений и в восточных областях Малой Азии (Анатолии)

[815] Путешествия венецианцев, стр. 218.
[816] *М. С. Нейматова*. Фирман 964 г. х. (1556—1557 гг.) шаха Тахмасиба I в соборной (пятничной) мечети города Баку. Мат-лы сессии, посвящ итогам археол. и этногр. исслед. 1964 года в СССР (тезисы докл.). Баку, 1965.
[817] Подробнее см. главу IV настоящей монографии.
[818] Любб ат-таварих, Рукоп. ИВАН СССР № В-660, лл. 140а—140б.
[819] Шереф-наме, II, стр. 120. О канун-наме Узун Хасана см.: *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в. стр. 50—51.

надолго после вхождения последних в состав Османской империи в начале XVI в.[820].

Несмотря на наличие сравнительно большого количества работ, в которых рассматривается податная система и ее терминология, до сих пор в этой области остается много неясного и нерешенного. Это относится прежде всего к выяснению значения отдельных терминов податей и повинностей и их характера. «Сложность эта — указывает И. П. Петрушевский, — объясняется скудностью документальных источников, неясностью и запутанностью сообщений нарративных источников и особенно тем, что одни и те же термины податей и повинностей в разное время и в разных областях имели неодинаковое значение».[821]

Сопоставление налогов и повинностей райятов до и после образования Сефевидского государства позволяет прийти к некоторым интересным выводам. Наряду с известными нам по предыдущему периоду терминами, в XVI в. в практике появился ряд новых податей и новинностей, а иные вышли из употребления.

Ниже мы свели к общему списку наименования различных податей и повинностей, извлеченные нами из фирманов первых сефевидских шахов:

1. Малуджихат
   Бахрач-е
   Дахйак
2. Ихраджат
   Хариджийат
3. Шилтакат
   Шанакисат
4. Аваризат
5. Алафе
6. Улуфе
7. Коналга
   Хане-нузул
   Саверий-и нузул-и хал
8. Улаг
   Диразгуш
9. Улам
10. Бигар

[820] *См.: O. L. Barkan.* XV ve XVI asirlarda Osmanli Imparatorlugunda ziral ekonominin hukuki ve mali esaslari, cilt I; kanunlar. İstanbul, 1945. Помещенный в книге ряд законоположений начинается оборотом: Согласно закону Хасан-падишаха, постановлена чтобы,,."

[821] *И. П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 359.

11. Ихраджат-и кал'е
12. Шигар
13. Дестандаз
14. Савери
15. Пишкеш
    Пишкеш-и сахиб-и ольке
16. Салами
    Саламане
17. Эйди
18. Новрузи
19. Расм-и мухдис
    Ихдас
20. Шилан-беха
21. Раем ал-мохр
22. Мумаййезане
23. Хагг-и са'йи уммал
    Авамил
24. Русум-и даругеки ве калантари
25. Расм ал-визара
26. Душуллук-и аркан-и довлет
27. Мираби
28. Дахйак-и мустоуфийан
29. Дахйак-о-ним-и союргал
30. Дехйак-и районти
31. Хирман-бахре
32. Аздар
33. Чуваллыг
    Хардж-и хурджин
34. Черик
    Зер-и черик
35. Джизья
    Тефавут-и джизья
36. Галле-и ибтия'и
37. Тарх
38. Чыраглыг
39. Маваши
    Мараи
40. Чобан-беги
41. Сер-шумар
    Серане
    Ханe-шумар

42. Бехай-и морг
43. Соргу ве йоргу
44. Химе
45. Гах
46. Кандалик

Составленный нами список не претендует на полноту, так как он включает только те термины, которые имеются в просмотренных нами фирманах. Нет сомнения, что по мере выявления и введения в научный обиход еще неизвестных нам документальных и нарративных источников этот список будет значительно расширен[822].

Налоговая терминология сефевидского периода впервые подвергнута серьезному анализу в трудах советских ученых И. П. Петрушевского и А. Д. Папазяна. О ряде малоизвестных терминов ценные наблюдения и выводы имеются в исследованиях В. Ф. Минорского, А. Лембтон и Г. Хорста.

Ж. Обен, издавший персидский текст наиболее интересных по повой податной терминологии сефевидских документов — двух иммунитетных указов шаха Тахмасиба, к сожалению, даже не сделал попыток к их истолкованию и расшифровке.

Из нашего списка податей и повинностей некоторые известны еще со времен Сасанидов и арабского халифата (хараджж, джизья, бигар), а основная часть перешла в наследство от периода сельджуков, монголов и предшественников Сефевидов — падишахов Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу (малуджихат, бахраче, дахйак, ихраджат, хариджийат, шилтакат, шанакисат, аваризат, алафе, улуфе, коналга, улаг, улам. бигар, шигар, дестандаз, савери, пишкеш, салами, саламане, эйди, новрузи, ихдас, хакк-и са'йи уммал, черик, тарх, маваши, марай, соргу, йоргу и некоторые другие).

Отсылая читателя к соответствующей литературе, где указанные термины в той или иной степени освещены, ниже мы кратко остановимся на тех, которые, по-видимому, впервые фиксируются в рассматриваемый период[823].

---

[822] Тем не менее, по сравнению со списком И. П. Петрушевского (Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, в XVI—начале XIX вв., стр. 265), основанном на данных широкого круга источников по XV—XVIII вв. и включающий 35 терминов, наш список, отражающий только период первых Сефевидов, охватывает около 50 наименований.

[823] О терминологии и характере податей и повинностей в средневековом Азербайджане и Иране см.: *А. А. Али-заде.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв., стр. 198—251; *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 265—292; *его же.* Земледелие и аграрные отношения в. Иране, стр. 369—402; *В. Минорский.* Союргал Касима, стр. 927— 960; *A, Lambton.* Landlord, pp. 422-443. *А. Д. Папазян.* Персидские указы, вып. 1, стр. 223—241; *его же.* Аграрные

Расм-и мухдис (ихдас) встречается в фирмане шаха Исмаила от 1503 г.[824] Этот термин в форме ихдас встречается также в иммунитетной грамоте шаха Мухаммеда Худабенде от 1581 г.[825]. В досефевидский период он фиксирован в фирмане Альвенда Ак-Коюнлу от 904 г. х. (1498—1499 гг.), где он фигурирует в форме ихдас[826]. А. Лембтон не дает ясного толкования термина. Г. Хорст толкует его как «полицейский офицер»[827].

Ихдас происходит от арабского корня что означает «происходить», «случаться». Согласно «Тазкират ал-мулук» ихдас, или иначе называемый миршаб, является офицером патрульной службы, в обязанности которого входила охрана общественного порядка по ночам. С отрядом стражников он обходил
ночью городские кварталы и по утрам докладывал даруге (главе полицейской службы о ночных происшествиях[828].

Под термином «расм-и мухдис», как мы полагаем, подразумеваются сборы в пользу «ихдаса», полицейского офицера. Между тем, по мнению Папазяна, это сборы, взыскиваемые с райятов за разбор возникавших между ними тяжб, преступлений, причем он взимался, так сказать, авансом, независимо от того, «будут ли в текущем году споры и разногласия или нет»[829]. А. Рахмани определяет термин ихдас как налог, взимаемый «за ночную охрану базара»[830].

Расм ал-мохр (буквально «плата за печать») упомянут в недатированной грамоте шаха Тахмасиба I[831]. Очевидно, под этим термином имеются в виду сборы, взимаемые с райятов за оформление документов, связанное с приложением печати. По-видимому, эти суммы поступали в пользу мухрдара («хранителя печати»)

Русум-и даругаки ве калантари. Сборы в пользу даруги (полицейского начальника) и калантара (городского старшины)[832].

Мираби как податной термин упомянут в недатированном фирмане Тахмасиба I. Он имеется также (в форме амираби) в фирмане Якуб-бека Ак-Коюнлу от 1479 г.[833] «Мираб» — усеченная форма араб-перс. сочетания

отношения в Восточной Армения в XVI—XVII веках, Ереван, 1972, стр. 226—242; *О. А. Эфендиев.* Образование Азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 39—46.

[824] *А. Д. Папазян.* Персидские указы, 1, стр. 258—259.

[825] *H. Horst.* Ein Immunitatsdiplom S. 292.

[826] *A. Lambton.* Landlord, pp. 102—103.

[827] *H. Horst.* Ein Immunitatsdiplom, SS. 294—297.

[828] Тазкират ал-мулук. Факс., лл. 78а;б; англ. пер., стр. 83.

[829] *А. Д. Папазян.* Персидские указы, 1, стр. 234—235.

[830] *А. А. Рахмани.* «Тарих-и алем арай-и Аббаси» как источник по истории Азербайджана, стр. 144.

[831] J.*Aubin.* Archives persanes commentées—2, p. 16.

[832] *H. Horst. Ein* Immunitatsdiplom, S. 292.

[833] *H. Busse.* Untersuchungen zum Islamischen, S. 159.

«Амир-и аб», буквально значит «эмир, начальник воды», т. е. оросительных каналов. Так назывался чиновник, следивший за правильным распределением воды для орошения. Ирригация, как отмечалось, была одним из основных условий ведения сельского хозяйства в Азербайджане, Иране и соседних странах. Отсюда и значение мираба, который был в каждой области или округе. По сообщению Шардена (XVII в.), мираб Исфагана получал за свою службу 4 тыс. туманов в год, помимо той суммы, которую извлекали его помощники[834].

В «Тазкират ал-мулук» указывается, что в обязанности мираба Исфагана входит назначение своих надзирателей над оросительными каналами, очищение каналов и ручьев, наблюдение за тем, чтобы воды Зайендеруда достигали всех частей Исфаганского махала, которая орошалась этой рекой. Мираб должен был также разрешать все споры и тяжбы между отдельными лицами и районами относительно их прав на воду[835].

Дахйак (перс. буквально «одна десятая») —синоним арабского термина «ушр» («десятина»). Техническое значение термина — поземельная подать в размере 1/10 доли урожая"[836]. В фирмане шаха Тахмасиба от 1525 г. упомянут термин «дахйак-и мустоуфийан», очевидно, в смысле «десятины в пользу мустоуфиев»[837]. Как явствует из недатированной грамоты Тахмасиба, дахйак взимался также с союргалов. В грамоте имеются податные термины «дахйак-о-ним-и союргал» и «дахйак-и район». «Дах-ним» означает полдесятины (5%)[838], а «дахйак-о-ним» (10% + 5%) составлял 15% урожая. Техническое значение этих терминов не совсем ясно.

Хирман-бахре встречается в недатированном указе шаха Тахмасиба, относящемся к Исфагану. Буквально «хирман-бахре» значит «бахре за жатву, молотьбу». Молотьба, как известно, осуществлялась на поле с помощью быков, гоняемых по кругу и вытаптывавших зерно. Хотя мы не имеем точных сведений, но можно предположить, что для обмолачивания своего зерна райяты пользовались рабочим скотом владельца земли и должны были за это платить ему «хирман-бахре»[839].

---

834 Цит. по И. П. Петрушевскому. Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 129.
835 Тазкират ал-мулук. Факс, л. 81а, б; англ. пер., стр. 83—84.
836 *И. П. Петрушевский.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 377—378.
837 *J. Aubin.* Archives persanes commentées, p. 15.
838 *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, в XVI—XIX вв., стр. 268.
839 О бахре, как земельной подати, см.: *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — XIX вв., стр. 267; *его же.* Земледелие и аграрные отношения в Иране, стр. 377; О бахре как о подати за воду: см.: *Али Гусейнзаде.* Об институте бахра в XVIII—XIX вв. «Народы Азии и Африки», 1964, № 3, стр. 82—85.

«Хардж-и хурджин» и «чуваллыг» — близкие по характеру крестьянские повинности:—Первое — буквально значит «стоимость переметной сумы (хурджин), упоминается в фирмане Ахмеда Ак-Коюнлу от 1497 г.[840] Второе — в указе Исмаила I от 1505 г.[841] Согласно Папазяну («чуваллыг» абстрактное существ, от азерб. «чувал» — мешок), означает мешок, сшитый из шерстяной материи. По его предположению, существовала «особая повинность по поставке мешков, являвшихся важным инвентарем как в войсках, так и в диванских налоговых учреждениях»[842]. Очевидно, повинность по поставке переметных сум (хурджин) и мешков (чувал) заменялась денежным налогом, терминологически выраженным как «хардж-и хурджин» и «чуваллыг».

Галле-и ибтийа-и состоит из двух слов «зерно» и «купля», «покупка»[843]. Сочетание следует перевести как «купля, покупка зерна». Термин упоминается в указах Якуба (1479 г.) и Альвенда (1490 г.) Ак-Коюнлу, а также Исмаила I (1512 г.)[844] и недатированном указе Тахмасиба I. В другом указе Альвенда Ак-Коюнлу от 904 г. х. (1498—1499 гг.), содержание которого раскрыто А. Лембтон, имеется аналогичное сочетание «галле-тархь». А. Лембтон указывает, что во времена каджаров в Иране был известен обычай, по которому крестьян заставляли покупать зерно по ценам выше рыночных. Эта практика называлась галле-тарх[845]. В последнем фирмане после термина «галле-тарх» непосредственно упомянут «ибтийа'и». В вышеуказанных четырех указах, в которых «галле-и ибтийа'и» фигурирует среди райятских податей и повинностей, в двух случаях эта повинность находится непосредственно рядом с термином тарх; в одном случае перед, в другом — после этого термина. Это обстоятельство наводит нас на мысль, что терминологически «галле-и ибтийа'и» и «тарх» близки по значению. Между тем техническое значение термина тарх нам хорошо известно из работ А. А. Али-заде[846]. Последним установлено, что тархом именовалась: 1) принудительная (по приказу властей) покупка горожанами и крестьянами по ценам, в несколько раз превышающим рыночные, зерна и прочих продуктов из казенных амбаров и хранилищ; 2) принудительная продажа райятами продуктов, по ценам намного ниже рыночных, государству или местному феодалу, когда последние нуждались в них. Технически это термино-

[840] *J. Aubin.* Archives persanes commentées, p. 6.
[841] *А. Д. Папазян.* Персидские указы, I, стр. 261.
[842] Там же, стр. 229.
[843] См.: Полный персидско-арабско-русский словарь. Сост. И. Д. Ягелло. Ташкент, 1910 г., стр. 6.
[844] *H. Busse.* Untersuchungen zum Islamischen, SS. 160, 167, 190.
[845] *A. Lambton,* Landlord, p. 163.
[846] *А. А. Али-заде.* К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII—XV вв. Термин «тарх». ССИА, вып. I, Баку, 1949, стр. 109—113.

логическое сочетание, видимо, совпадает с термином «тарх» в его первом значении.

Итак, «галле-и ибтийа'и»—повинность райятов по покупке у казны и феодалов по ценам в несколько раз превосходившим рыночные, зерна, которое до того в виде податей было собрано у самих же райятов[847].

«Бехай-и морг» (букв: «цена, стоимость птицы») значится в указе шаха Мухаммеда Худабенде от 1581 г.[848]. Термин «морг» в техническом значении повинности по поставке райятами птицы по требованию феодалов мы уже встречали в грамоте Альвенда Ак-Коюнлу от 904 г. х. (1498—1499 гг.) и недатированном указе Тахмасиба[849]. Надо полагать, феодалы по своему усмотрению заменяли эту повинность взысканием денег.

«Химе», «ках» (букв: «дрова», «сено») значатся в числе райятских податей в фирманах шаха Тахмасиба и Мухаммеда Худабенде. Очевидно, это соответственно повинности райятов по вырубке и обеспечению феодалов дровами (топливом) и сеном.

Кандалик. В словаре Радлова есть турецкое слово, которое толкуется как «возведение на стене башен»[850]. Можно полагать, что под этим термином подразумевается повинность райятов по строительству крепостных башен.

Неверно было бы думать, что указанные нами подати и повинности отбывались во всех областях Сефевидского государства. В различных районах наблюдалось известное разнообразие в наименовании их, связанное с местной драдицией. Так, в грамоте шаха Тахмасиба I от 1525 г., относящейся к Исфагану, указано 20 терминов, а в фирмане шаха Мухаммеда Худабенде от 1581 г. — 19 терминов налогов и повинностей. Наибольшее количество терминов податей и повинностей (30) упомянуто в недатированном фирмане шаха Тахмасиба (изданном согласно тексту указа после 1533 г.), относящемся также в Исфагану. В некоторых случаях разные термины в их техническом значении являются синонимами.

Города Азербайджана в XVI веке. В изучаемый период города Азербайджана являлись экономическими центрами ремесла и торговли, одни в масштабе всего Сефевидского государства (как Тебриз, Гянджа, Ареш, Ардебиль, Джульфа), другие имели местное областное значение (как Барда, Нахчеван, Марага, Дербент и др.).

В источниках термином «шехр» обозначаются не только крупные населенные пункты, бывшие центрами хозяйственной жизни. Часто они

---

[847] Это обычно практиковалось тогда, когда в амбарах и хранилищах казны (или феодала) скапливалось слишком много продуктов и они портились; казна (или феодал) не могли их использовать и распределяли эти излишки среди райятов по особой разверстке, получая за это большие деньги.

[848] *H.Horst.* Ein Immunitatsdiplom, 292.

[849] *A. Lambton.* Landlord, p. 103.

[850] Опыт словаря тюркских наречий, т. II, ч. 2, стр. 1080—1081.

являлись и политико-административными центрами, а иногда и крепостями. Наряду с термином «шехр», для обозначения городов употребляются и другие термины, например, «беледе» (араб. мн. «белад»). В современном персидском языке термин этот применяется по отношению к небольшим городам, но в XV—XVI вв. им обозначались не только маленькие города, но и важные политические и административные центры[851].

Вместе с тем, как и в предыдущий период, на территории Азербайджана было немало торгово-ремесленных поселений, нередко игравших не меньшую роль в экономической жизни страны, чем города вышеназванного типа, но не являвшихся административно-политическими центрами. Обычно такие города развивались из сельских поселений (азерб. «кенд») в результате их эволюции как торговых и ремесленных центров. Многие города Азербайджана прошли путь исторического развития от подобного рода поселений. Города такого типа в источниках обозначаются термином «касабе» (араб. мн. ч. «касабат»), означающий «местечко», «селение».

Ниже мы рассмотрим наиболее крупные города Азербайджана, игравшие важную роль в социально-экономической жизни страны в XVI в.

Тебриз — один из древнейших городов Азербайджана, сыгравший исключительную роль в социально-экономической, политической и культурной жизни азербайджанского народа. Возвышение Тебриза как крупного торгово-ремесленного и политического центра относится к периоду, когда он стал столицей государства Хулагуидов [852] . Тебриз оставался «престольным» городом государств Джелаиридов, Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу, сложившихся в Азербайджане и соседних странах во второй половине XIV—XV вв. Это обстоятельство способствовало увеличению его населения и территории.

В 1501 г. основатель Сефевидского государства Исмаил, овладев Тебризом, сделал его столицей своего государства. Тебриз оставался крупнейшим городом и после перенесения в 1555 г. шахской резиденции в Казвин. В этом отношении характерно, что английский купец Артур Эдвардс, посетивший ряд городов Сефевидского государства 20 лет спустя (1568—1569 гг.), называет Тебриз «столицей Персии»[853].

---

[851] Термины «шехр» и «белад» употребляются часто как синонимы. Так, например, для иранского города Шираз, бывшего одним из крупных центров ремесла и торговли, Ибрагим Амини в одном случае употребляет термин «шехр», в другом — «белад». См. Футухат-и шахи, лл. 97б, 99б.

[852] *И. П. Петрушевский.* Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории восточного Закавказья. «Изв. АН СССР. Отд. обществ, наук», 1937, № 4, стр. 903—904.

[853] Английские путешественники, стр. 244; титулование «дар-ас-салтане» («столица») Тебриз не терял даже в XVII в. наряду с Казвином и Исфаганом.

Относительно численности населения города можно судить только приблизительно. Анонимный историк шаха Исмаила I определяет население Тебриза ко времени захвата его Сефевидами (1501) в 300 тыс. человек[854]. Историк Хондемир считал Тебриз «самым благоустроенным из городов обитаемой четвертой части мира»[855]. Орудж-бек Баят называет Тебриз «столицей Востока»[856], а население города до турецкой оккупации (до 1585 г.) исчисляется им более 80 тыс. семей (360 тыс. душ по подсчетам Г. Ле-Стренджа)[857].

Говоря о военном потенциале Тебриза во время османского наступления на город в 1585 г., Искендер Мунши указывает, что «из ста тысяч жителей, бывших в городе Тебризе, по крайней мере, половина — боеспособная (пригодная к делу) молодежь...»[858]. Причем подавляющая часть городского населения принадлежала к сословию «купечества, людей ремесла и промышленности»[859].

В XV—XVI вв. в Тебризе была высоко развита ремесленная промышленность — шелкоткацкая, шерстобитная, хлопчатобумажная, красильная. Значительная доля продукции ремесла шла на внешний международный рынок. По сообщению анонимного купца, в города Сирии и Турции и затем в Европу вывозились производившиеся здесь красные и пурпуровые ткани, парча, всевозможные ткани из шелка[860]. Тебризские товары, по сведениям другого венецианца Алессандри, экспортировались в такие страны Европы как Швеция, Польша, Дания[861]. Англичанин Л.Чепмен, посещавший в это время Сефевидское государство, сообщал, что «Тебриз является важнейшим в стране городом по сбыту сукон и каразеи», импортировавшихся из европейских стран. Шерстяные ткани привозились сюда как самими азербайджанскими (тебризскими) купцами из Венеции и закупавшими их там, так и живущими в городе турками и армянами, которые доставляли их в Тебриз из Халеба (Алеппо)[862].

Большое количество жителей Тебриза требовало соответственного обеспечения города продуктами питания. Сюда из окрестностей привозили баранину, пшеничную муку, с озера Урмия доставлялась рыба, а из

854 Анонимная история, л. 74а.
855 Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 652.
856 *Орудж-бек*, стр.110.
857 Там же, стр. 43. Приводя численность крупных городов Сефевидского государства, Орудж-бек иногда явно завышает его. Например, в Герате, по его мнению было 450 тыс. жителей, чему, конечно, поверить трудно.
858 Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. I, стр. 307.
859 Там же, стр. 308.
860 Путешествия венецианцев, стр. 172.
861 Там же, стр. 170—171.
862 Английские путешественники, стр. 240.

Махмудабада на Каспии рыба и высококачественная икра. Тебриз, располагавший многочисленными садами и огородами, сам себя снабжал фруктами и овощами[863].

И в XV в. Тебриз был крупным центром азербайджанской культуры. С начала XVI в. в связи с образованием Сефевидского государства культурная роль Тебриза еще более возросла. Ко двору шаха Исмаила I, во многом напоминавшего флорентийский двор Лоренцо Великолепного, потянулись наиболее талантливые и образованные люди того времени, деятели науки и культуры многих стран. Членами его придворного литературного меджлиса были такие мастера азербайджанской поэзии как Сурури, Шахи, Матеми, Туфейли во главе с Хабиби. Сам шах Исмаил прославился как крупный азербайджанский поэт, произведения которого оказали благотворное влияние на литературы тюркоязычных народов. В шахской библиотеке, бывшей своеобразной «академией искусств», творили непревзойденные мастера живописи Султан Мухаммед и Бехзад. Представителям «тебризской школы» миниатюрной живописи принадлежит ведущая роль в развитии этого вида искусства на всем Ближнем и Среднем Востоке[864].

Отрицательным фактором, пагубно сказавшимся на развитии города, явились турецкие нашествия на Азербайджан в первой половине XVI в. Войска турецкого султана четырежды занимали Тебриз (1514, 1534, 1535, 1548 гг.). В 1514 г. султан Селим I увел с собой в Стамбул значительное число лучших тебризских ремесленников и мастеров вместе с их семьями (от нескольких сот до нескольких тысяч). Тактика «выжженной земли», применяемая Сефевидами в борьбе с турецкой оккупацией, как и сама оккупация, весьма негативно отразилась на положении Тебриза и его сельской округи.

Турецкие вторжения привели к заметному упадку торгово-ремесленного значения Тебриза к середине XVI в., факт, отмеченный посетившими город Дженкинсоном (1562) и Алессандри (1571). Дженкинсон писал о Тебризе: «Самый большой город в Персии, но не такого торгового и купеческого значения, какое он имел прежде; по причине широкого вторжения Турка, который завоевал все земли вплоть до г. Тебриза, которого он однажды разграбил и тем самым заставил Софи оставить его и перенести двор на десятидневное расстояние от него, в указанный город Казвин»[865]. Алессандри писал: «...Этот город торговый, так как в него свозятся товары и караваны со всех частей королевства, но его дела много пострадали от войны»[866].

---

[863] Путешествия венецианцев, стр. 200 и след.

[864] *А. Саламзаде, К. Керимов.* Тебризская школа миниатюры в XVI в. и художник Султан Мухаммед. «Изв. АН Азерб. ССР, серия обществ. наук», 1959, № 5, стр. 101.

[865] Английские путешественники, стр. 206.

[866] Путешествия венецианцев, стр. 224—225.

Немаловажную роль в падении экономического значения города сыграл также перенос столицы Сефевидского государства из Тебриза в Казвин. До сих пор в научной литературе перенос сефевидской столицы без достаточного обоснования датировался 1548 или 1549 гг.[867] Из известных нам исторических хроник только «Хуласат ат-таварих» Кази Ахмеда содержит точную датировку переноса столицы шахом Тахмасибом I. Это событие датируется концом месяца зульхиджа 962 г. х., т. е. декабрем 1555 г.[868] Кази Ахмед связывает этот перенос с окончанием сефевидско-османской войны и мирным договором в Амасье, заключенным в мае 1555 г. Точность этой датировки косвенно подтверждается Искендером Мунши, который сообщает, что последние 20 лет своей жизни шах Тахмасиб I (умер в 1576 г.) провел в своей новой столице—Казвине[869]. Причину изменения столицы историк видит в близости Тебриза к «румийским» границам, между тем как Казвин находился вне опасности вражеских вторжений.

С начала 70-х годов Тебриз пережил общий для всего государства политико-экономический кризис. Рост феодальной эксплуатации, повышение налогов приводили к обострению классового антагонизма, что привело к ряду восстаний крестьян и ремесленников. Самым крупным было восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе, длившееся 2 года (1571 1573). Оно показало, что классовые противоречия в городе достигли крайней остроты, что ремесленники и беднота, старшины ремесленных и профессиональных цехов представляли серьезную социальную силу в городе. Хотя восстание и было подавлено, но имело успех: напуганный размахом народного движения феодальный класс пошел на уступки. Несмотря на общее тяжелое финансовое положение государства, Тебризу «был дарован» налоговый иммунитет (ма'афи)[870].

Несколько раньше в 1565 г. шах Тахмасиб попытался было дать толчок к подъему экономики городов, отменив ненавистную тамгу, которая составляла 30 тыс. туманов[871]. Но отмена подати тамга была, видимо, вынужденной мерой, так как она не привела к заметным результатам.

На ухудшение положения Тебриза, вероятно, повлияло также сокращение торговых оборотов в связи с захватом Турцией Сирии и портов на востоке Средиземного моря в первой четверти XVI в. Английские коммерсанты, посещавшие двор шаха Тахмасиба, жаловались ему на

---

[867] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении, в XVI—начале XIX в., стр. 70; *его же.* История Ирана, стр. 261.

[868] Хуласат ат-таварих (Б), л. 196а; (Т), лл. 231а,б. Впервые на перенос столицы, указанный Кази Ахмедом, обратил внимание К. Рохрборн (Низам-и эйалат, стр. 8).

[869] Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. I, стр. 96.

[870] *И. П. Петрушевский.* Восстание ремесленников и городской бедноты в Тебризе в 1571 — 1573 гг. ССИА, вып.1, 1949, стр. 224.

[871] Ахсан ат-таварих, стр. 428.

тяжелую таможенную политику османского султана[872], установившего полный контроль на старых средиземноморских путях торговли между Азией и Европой.

Вследствие воздействия негативных факторов (османско сефевидские войны, сокращение доходов с торговли, перенос столицы и т. д.) население Тебриза во второй половине XVI в. существенно сократилось. Так, по сведениям Искендера Мунши, к моменту нового вторжения в город османских войск (1585) в Тебризе проживало 100 тыс. человек[873].

Самый тяжелый удар Тебриз испытал во время османской оккупации, длившейся с 1585 по 1603 г.[874]

Шемаха в XV в. стала экономическим и политическим центром Ширвана. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что город находился в центре шелководческих районов Ширвана, став крупным центром переработки шелка и сбыта готовой продукции. По словам Барбаро, Шемаха имела 4000—5000 шагов в окружности[875]. Росту ее в значительной степени содействовали ширваншахи династии Дербенди, в правление которых Ширван пережил полосу экономического подъема. Шемаха стала столицей ширванского беглярбекства после занятия Ширвана Сефевидами. Город сильно пострадал во время турецко-татарских нашествий в Ширван в последней четверти XVI в. Он не раз переходил из рук в руки, подвергаясь разрушению и грабежу[876].

В XVI в. почти все производство и торговля шелком в Закавказье было сосредоточено в Шемахе и в районе Ареша[877]. По сообщению Амина Ахмеда Рази, в Шемахе ежегодно продавалось около 20 тыс. харваров шелка-сырца, что составляло около 100 тыс. пудов[878]. Дженкинсон называет Шемаху «прекрасным королевским городом». Шемаха была центральным рынком, куда стекались купцы из многих стран, чтобы произвести здесь закупки шелка, а затем перепродать его в других странах, имея от этого большие барыши. Ширванский шелк отличался высоким качеством и добротностью. В Шемахе были каравансараи, где останавливались русские, индийские, турецкие, персидские и армянские купцы. Во второй половине XVI в. здесь было основано также постоянное представительство английской «Московской компании», нечто вроде английской фактории. Этому

---

[872] Английские путешественники, стр. 243—244.

[873] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 307.

[874] См.: *О. А. Эфендиев.* О периодизации истории Тебриза в XV—XVI вв. В кн.: «Товарно-денежные отношения па Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья». М., 1979, стр. 237—245.

[875] *И. П. Петрушевский.* Государства Азербайджана в XV в., стр. 495.

[876] Подробно об этом см. гл. IV настоящей работы.

[877] Английские путешественники, стр. 202—203.

[878] Хафт иглим, л. 453б.

содействовал сефевидский беглярбек Ширвана Абдулла-хан Устаджлу, предоставивший агенту московской компании Дженкинсону большие привилегии в торговле ширванским шелком.

Англичанин Эдварде сообщает, что на шемахинском рынке он закупил 11 тюков сырого шелка по 25—26 батманов в каждом, по цене 6,5 фунтов (или 66—70 шаи) за каждый батман[879]. Шелк был тонок и высокого качества. Он привозился в Шемаху из окрестных деревень крестьянами, являвшимися его непосредственными производителями. Видя выгодные перспективы для Англии в торговле шемахинским шелком, Артур Эдвардс писал руководителям компании: «Когда у нас будут свои представители, которые будут оставаться тут (в Шемахе. — *О. Э.)* летом, мы будем в состоянии покупать шелк-сырец из первых рук у деревенских жителей, которые привозят его на продажу и сюда и в другие места». Умный и дальновидный агент подсчитал, что в этом случае московская компания могла бы получать шелка на сумму в 30—40 тыс. фунтов ежегодно[880].

Отсюда понятно, почему англичане так настойчиво стремились к монополизации экспорта ширванского шелка. В их глазах опасными конкурентами в этом деле были русские, и поэтому Эдвардс, в своем письме рекомендует правлению компании держать вес свои торговые планы в секрете от русских. «Русские огорчены тем, что мы ведем торговлю в здешних странах, потому что нас больше любят, чем их, - пишет самоуверенный агент своим лондонским хозяевам»[881].

Ардебиль во время монгольского нашествия, как и многие другие города, был разрушен, а его население почти поголовно уничтожено[882].

Новое возвышение Ардебиля относится к XIV—XV вв., когда он стал центром феодального владения Сефевидов. Родоначальник династии шейх Сефи ад-Дин и его преемники, ставшие правителями города, уделили его благоустройству большое внимание. Здесь была построена гробница шейха Сефи, куда стекалась масса паломников-шиитов со всех концов страны. Эта гробница уступала, возможно, только гробнице имама Резы в Мешхеде. Но не только молитвами занимались приезжие. Сюда привлекали их рынки Ардебиля, полные всяческими товарами.

На особом привилегированном положении город был в течение всего периода правления Сефевидов в XVI—XVII вв.[883] Ардебиль и его район был причислен к разряду хассе шахского домена, правители которого (везиры)

[879] Английские путешественники, стр. 223.
[880] Английские путешественники, стр. 224.
[881] Там же, стр. 225.
[882] *Рашид-ад-Дин.* Сборник летописей, пер. Арендса, т. III, М.—Л., 1946, стр. 308.
[883] *И. П. Петрушевский.* Вакфные имения Ардебильского мазара в XVII веке. Тр. Ин-та истории им. А. Бакиханова АН Азерб. ССР, т. I, 1947.

подчинялись и отчитывались лично перед шахом. Этот особый статут города спас его от разорения во время войн конца XVI—начала XVII вв. и поэтому он вызвал восхищение у проезжавшей через город в 1604 г. кармелитской миссии своей населенностью и благоустройством[884].

В XVI в. город играл большую роль в торговой жизни страны. Расположенный на пути транзита шелка из Гиляна и Ширвана в Тебриз и далее в Иран, Ардебиль получал немалые доходы. Ардебильские купцы были известны далеко за пределами страны. В городе было много каравансараев для приезжающих иностранных купцов. Один из них, построенный шахом Исмаилом I, описывает Дженкинсон[885].

Ареш в источниках до XV в. не фиксируется. Очевидно, как город он существует только с этого времени. Согласно Амину Ахмеду Рази, Ареш был основан Ануширваном (Хосровом I Сасанидом)[886]. Нынешнее селение Халдан в народе называют Ареш. Центр подлинного исторического Ареша, о котором идет речь, как полагают, находится в трех километрах от Халдан а к востоку, в селении, называемом Ниметабад. В XVI в. он упоминается английскими путешественниками уже как крупнейший центр шелководства в масштабе всего Закавказья. Ареш, по Джеффри Декету, лежит от Шемахи на расстоянии 4 дней пути на верблюдах[887]. «Главный и самый богатый торговый город страны, называемый Арраш (т. е. Ареш — *О. Э.),* — пишет Дженкинсон, — находится на границах Грузии; вокруг него производится более всего шелка-сырца; сюда съезжаются для торговли турки, сирийцы и другие иностранцы»[888]. Это подтверждает также Декет, который пишет, что «главнейший товар этой страны — шелк-сырец, которого великое множество в городе... называемом Арраш»[889].

На базарах Ареша, по сообщению тех же англичан, можно закупать на 100 тыс. фунтов разного шелка, в том числе крашеного (алого) в связках, по одному фунту в каждой связке. Каждая связка весом в 1 фунт, равный 15 унциям, продавалась по 23 шаи, который равен 5 пенсам. Таким образом, фунт шелка обходился в 11 шиллингов 6 пенсов[890]. Из Ширвана, указывал Эдвардс, при лошадином грузе 50—60 батманов можно нагрузить 3000—4000 лошадей[891]. Это составляет около 240 тыс. батманов шелка.

Венецианец Минадои упоминает Ареш в числе главных городов Сефевидского государства. «Ареш,—пишет он,—производит большое

[884] Хроника кармелитов, т. I, стр. 116.
[885] Английские путешественники, стр. 206.
[886] Хафт иглим, л. 453б.
[887] Английские путешественники, стр. 252.
[888] Там же. стр. 205, 212.
[889] Там же, стр. 255.
[890] Там же.
[891] Там же, стр. 233.

количество того прекрасного белого шелка, который купцами попросту называется «mamodee»[892]. Минадои сообщает далее, что по причине больших опустошений и разрушений в тех районах в ходе войны с Турцией теперь этот шелк не производится.

Джульфа до XV в. была деревней. Экономический ее подъем начинается с XV в. Во второй половине XVI в. город приобрел широкую известность как крупный центр международной торговли шелком. Джульфинские купцы закупали шелк-сырец на месте его производства—в Шемахе, Арише[893] и Гиляне, а затем вели им большую торговлю с такими городами Западной Европы, как Венеция, Амстердам, Марсель, а также с Сирией, Турцией и Индией[894].

По словам Эдвардса, к 60-м годам XVI столетия купцы Джульфы доставляли в сирийский порт Алеппо 500 вьюков шелка, что составляло 30 тыс. батманов, и взамен получали только венецианской материи (каразеи) 18 тыс. кусков[895]. По данным венецианского архива с 1590 по 1613 г. только в Венецию через Сирию было доставлено 23 724 вьюка шелку[896]. Это главным образом ширванский шелк, вывезенный армянскими купцами, благодаря чему они нажили огромные богатства.

В 1581 г. английский коммерсант Ньюбери, приехавший в Джульфу, сообщает, что домов в городе было 3000, а жителей 15-20 тыс. Спустя 10 лет другой англичанин купец и путешественник Картврайт, проезжавший через город, пишет о наличии 2000 домов и 10 тыс. населения[897].

Значительное торговое значение в XVI в. имели такие города, как **Ордубад**[898], **Нахчеван** и **Акулис**. Последние два города пользовались, по словам С. В. Тер-Аветисяна, особым покровительством сефевидских шахов. Акулис, как и Джульфа, считался центром по торговле шелком и другими товарами. В XVI в. этот небольшой городок был хассе, иммунитетным

---

[892] *Минадои,* стр. 64. Вероятно, под этим названием имеется в виду «махмудабадский шелк».

[893] Английские путешественники, стр. 211—212.

[894] И. П. Петрушевский допустил преувеличение роли армянских купцов из Джульфы в своей работе «Азербайджан в XVI—XVII вв.» (стр. 269). Он утверждает, что армянские купцы, якобы, взяли на откуп у шаха Тахмасиба I право монопольной торговли шелком с зарубежными странами; при этом он ссылается на работу С. В. Тер-Аветисяна *(С. В. Тер-Аветисян.* Город Джуга, Тбилиси, 1937. стр. 44). Между тем, в упомянутой книге Тер-Аветисян пишет о том, что только однажды джульфинские купцы купили у шаха Аббаса I (а не у Тахмасиба, как указывается в работе) право на торговлю с некоторыми странами. А что касается монополии на торговлю с зарубежными странами, то она всегда находилась в руках Сефевидского правительства в лице шаха, и он ее никому не уступал.

[895] Английские путешественники, стр. 230.

[896] *С. В. Тер-Аветисян.* Город Джуга, стр. 44.

[897] Там же, стр. 74.

[898] Хафт иглим, л. 450б.

округом, находившимся под личным патронатом шаха, которому жители вносили подати непосредственно[899].

Гянджа при Сефевидах была центром Карабахского (или Гянджинского) беглярбекства[900]. Население города исчисляется Орудж-беком в 50 тыс. семей (или 225 тыс. человек по Г. Ле-Стренджу)[901].

Дженкинсон (1561 — 1564) среди главнейших городов Сефевидского государства называет **Тебриз,** Казвин, Кашан, Йезд, Мешхед, Герат, **Ардебиль, Шемаху, Ареш[902].**

Д'Алессандри (1571—1573) насчитывает в государстве 52 города. Среди них главнейшим он считает Тебриз. Из других значительных городов он упоминает, помимо Тебриза, также Казвин, Нахчеван и Шемаху[903].

Среди главных городов государства Сефевидов Минадои (1586) упоминает Шемаху (Sumachi), **Шеки** (Sechi), **Ареш, Дербент, Ардебиль, Тебриз, Гянджу,** Исфаган, Герат, Кашан, Шираз, Астрабад, Кандахар, Йезд, Султанию и некоторые другие. Среди городов Азербайджана он называет также Хой (Соу), Маранд (Merent), Суфиян (Soffian), Нахчеван (Nassiuan), Джульфу (Chiulful)[904].

Источники упоминают еще целый ряд городов, которые играли определенную роль в экономической жизни страны, такие как Баку[905], Маку, Халхал, Шахринов, Шабран, Махмудабад, Ниязабад, Сальян, Джавад и др. Так, например, о Джаваде Дженкинсон сообщает следующее: «6-го октября того же 1562 года я выступил с моими спутниками из Шемахи и, пройдя 60 миль, дошел до города Джавад (Yavate), где у короля (имеется в виду беглярбек Ширвана Абдулла-хан Устаджлу. — О. Э). прекрасный дворец с садами, полными плодов всякого рода»[906].

Развитие городов Азербайджана в значительной степени определялось рядом причин как внутреннего, так и внешнего порядка. В первую очередь оно зависело от уровня развития товарного производства и общественного разделения труда в пределах данного района. Процесс складывания отдельных местных рынков был уже налицо, и рост городов как экономических центров явился результатом эволюции товарного хозяйства (это, в частности, относится к таким районам шелководства, как Шемаха и

---

[899] *С. В. Тер-Аветисян.* Город Джуга, стр. 24.

[900] Хафт иглим, л. 463б. В отношении Гянджи Амин Ахмед Рази целиком переписал слова Хамдуллаха Казвини.

[901] *Орудж-бек,* стр. 42.

[902] Английские путешественники, стр. 212.

[903] Путешествия венецианцев, стр. 222.

[904] *Минадои,* стр. 52, 64—66.

[905] О положении Баку в тот период см. С. Б. Ашурбейли. «Очерк истории средневекового Баку», гл. IV (стр. 176—193).

[906] Английские путешественники, стр. 206.

Ареш), хотя оно и было опутано многочисленными чертами натурального хозяйства в его различных видах.

Другой причиной, оказывавшей иногда решающее влияние на развитие городов, была внешняя и транзитная торговля. В этом случае рост города определяется его выгодным географическим расположением. Однако такие крупные центры, как Тебриз, Шемаха, Гянджа, Ардебиль, являясь экономическими центрами своих областей и в масштабе всей страны, были в то же время и важнейшими центрами внешней торговли.

Немалое значение для подъема или упадка городов, а иногда и для дальнейшего их существования, имели внешние неэкономические факторы. В числе их можно назвать сефевидско-османские войны (1514, 1533—1555, 1578—1590), феодальные междоусобицы, голод, эпидемии и т. и. Наиболее ярким примером губительного воздействия войн является ущерб, причиненный городу Тебризу во время османской оккупации (насильственный увод лучших тебризских ремесленников, разрушение зданий, истребление жителей и т. д.), вследствие чего население его к концу XVI в. сократилось. То же самое можно сказать и в отношении таких городов, как Ареш, Шемаха, Нахчеван, Джульфа, которые сильно пострадали в войнах последней четверти XVI в.[907]

В городах часто вспыхивали эпидемии, уносившие десятки тысяч человеческих жизней. Так, например, в 981 г. х. (1573— 1574 гг.) разразилась эпидемия чумы в Ардебиле, от которой в городе и его районе в течение короткого времени погибло до 30 тыс. человек[908].

Для городов Азербайджана характерной чертой был их полуаграрный характер, где отделение ремесла от земледелия было процессом очень затянувшимся и незавершенным. Поэтому в экономике даже таких городов, которые существовали в течение многих столетий и являлись ремесленными и торговыми центрами, значительную роль играло сельское хозяйство, в частности такие его отрасли, как садоводство, огородничество, а также зерновое земледелие. Из описания европейских путешественников, например, видно, что в городах Азербайджана большие площади были заняты фруктовыми садами, огородами и т. п. Это положение относится и к Шемахе, и к Баку, и Маранду, и даже Тебризу, в котором развитие ремесла достигло высокой ступени развития[909].

---

[907] См. гл. IV настоящей работы.

[908] Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. I. стр. 118.

[909] См. раздел о сельском хозяйстве настоящей работы. Полуаграрный характер экономики городов Азербайджана в XVII в. на конкретных примерах показан в работах: *С. Б. Ашурбейли.* «Сеяхат-наме» Эвлия Челеби, стр. 3—4; *М. Х. Гейдаров.* Ремесленное производство в городах Азербайджана в XVII в., стр. 24—25.

Экономические связи Азербайджана с Россией и Западной Европой. Основным предметом торговли в XVI в. был азербайджанский шелк. Именно из-за шелка, который в основном вывозился за границу, на территории Сефевидского государства велась борьба за монополию его вывоза между английскими, венецианскими, турецкими и русскими купцами. Азербайджан был один из главных поставщиков шелка-сырца на мировой рынок.

Сефевидские шахи с самого начала оказывали покровительство внешней торговле и купечеству. Нарративные источники сообщают о том, что когда основатель правящей династии шах Исмаил I получил сообщение об ограблении кызылбашами из племени текели большого купеческого каравана в Азербайджане, он приказал казнить основных виновников, а остальных распределил между своими сановниками. Хасан-бек Румлу объясняет эту расправу шаха гневом, вызванным у него разгромом каравана тебризских купцов[910]. Поэтому, не случайно, что при отвоевании Сефевидами Азербайджана, освобождении его от османской оккупации в начале XVII в., городская знать и купечество городов Азербайджана и Армении с восторгом встретило войска шаха Аббаса I[911].

Условия для торговли в Азербайджане были в общем мало благоприятны. Несмотря на меры, предпринимаемые центральным правительством, на торговых путях часто имели место нападения на караваны, совершавшиеся в основном кочевниками[912]. На это очень жаловались английские торговые агенты в письмах в Англию. Из Ардебиля до Казвина, писал Дженкинсон, купеческие караваны передвигались в ночное время, по-видимому, из-за опасения быть ограбленными[913]. Чепмен, например, пишет, что путешествовать по стране тяжело не только из-за недостатка воды, но также из-за того, что мало городов и селений, где можно найти ночлег и пищу. Большая опасность, пишет англичанин, исходила и от неверных, «которые считают, что получают отпущение грехов, если вымоют руки в крови одного из нас»[914]. Торговые пути становились очень опасными во время феодальных смут. Часто имели место нарушения денежной системы, особенно во время войн и феодальных мятежей, когда отделившиеся от центра правители чеканили монеты от своего имени[915].

---

[910] Ахсан ат таварих, стр. 125—126; Шереф-наме, т. II, стр. 146; Любб ат-таварих, л. 164а.

[911] *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 277.

[912] Английские путешественники, стр. 202.

[913] Там же, стр. 206.

[914] Там же, стр. 242.

[915] См. о мятеже наместника Ширвана Алкас-мирзы.

Кроме того, во время османской оккупации чужеземцы пускали в обращение свои монеты. Стоимость денег менялась на протяжении XVI в.[916]

Известное указание Ф. Энгельса о необеспеченности личности купца и его собственности в Турции можно целиком отнести и к условиям Азербайджана XVI в. Проиллюстрируем это несколькими примерами, извлеченными, из записок Алессандри.

В г. Нахичеване, сообщает итальянец, были арестованы властями несколько бандитов, которые убили купцов и отобрали их имущество. Их привели к судье (казию); убедившись в грабеже, он приказал принести отнятые товары. Затем прогнал пострадавших жалобщиков, освободил преступников и, оставив для себя часть товаров, остальное отослал в столицу Казвин как дар своим начальникам и официальным лицам. Ограбленные купцы направились с жалобой в Казвин. Алессандри своими глазами видел, «как они кричали, рвали на себе одежду, карабкались по дворцовой степе и звали шаха (Тахмасиба I.—*О. Э.)* громкими голосами, спрашивая, что он намерен делать? И почему он не хочет устранить подобную несправедливость? За это их часто жестоко избивали (по пяткам). В них бросали камни, их заставляли спрыгивать со стены: их никогда не выслушивали».

В другой раз, пишет венецианец, банда из 18 вооруженных разбойников ночью взобралась на стены главного тебризского базара «Кайсерия», где находилось в это время 40 купцов. Разбойники знали, что среди купцов находится купец из Анкары Ахмед Челеби, имевший при себе значительное количество наличных денег. Они взломали двери его комнаты, убили его, забрав у него 300 туманов (6000 скуди), кроме слитков серебра. Когда другие купцы попытались защитить своего товарища, их заставили вернуться в свои помещения. Несколько дней спустя по соседству домом в Казвине, где жил Алессандри, ночью был ограблен дом армянина (купца) теми же бандитами, пришедшими с фонарями. У него было отобрано 4 тыс. тюков шелка. «Он говорил мне потом, что его шелк видели в доме тебриз-ского правителя».

Купец и турецкий подданный Хадже Шереф ад-Дин раблен на базаре шахскими курчиями, которые выкрали из его комнаты в каравансарае 12 тыс. дукатов наличными. Имея связи среди официальных лиц, он добрался с жалобой до шаха Тахмасиба, который сказал, что если это не подтвердится, его лишат головы. Но купцу удалось доказать факт ограбления. Это было не так легко, так как речь шла о гвардейцах самого шаха. Шах вызвал виновных

[916] Так, к концу правления Тахмасиба была проведена денежная реформа, по которой из обращения были изъяты неполноценные и низкопробные золотые монеты, стоимостью в 20 и 200 динаров и вместо них стали чеканиться золотые и серебряные динары достоинством, соответственно, в тысячу и сто динаров. Хуласат ат-таварих, (Т), л. 250а; (Б), л. 371а.

курчиев и отобрал у них оставшиеся деньги купца... в свою пользу. Потерпевшего же купца он приказал (своей охране) больше к нему не допускать.

В связи с этим венецианец рассказывает, что однажды шах рассказал старику курчию, своему придворному шуту, который спал в прихожей, что в прошлую ночь он очень хорошо спал, слушая его пение. Курчи ответил, что если бы он знал, что его песня может способствовать сну шаха, он никогда не раскрыл бы рта, чтобы шах бодрствовал и мог слышать крики и жалобы своих подданных всю ночь из-за постоянных убийств на улицах городов и сел. Тогда шах разгневался и сказал, что во всем виноваты курчии, и поэтому он должен быть повешен. Старик на это остроумно ответил: «Что же делать курчиям, если им не выдают жалования, и они вынуждены идти на улицы и совершать плохие дела?»[917].

Незащищенность личности и имущества купцов, взяточничество и притеснения шахских должностных лиц и военных, отрицательно сказывались на состоянии внутренней и внешней торговли в Сефевидском государстве.

В XVI в. Азербайджан имел широкие связи со многими странами Европы и Азии. Оживленная торговля между Россией и Сефевидским государством начала вестись только со второй половины XVI в., после присоединения при Иване IV Казанского и Астраханского ханств, бывших до этого препятствием для торговли Русского государства с Востоком. Одновременно с освоением пути по Волге и Каспийскому морю, Азербайджан начал интересовать и западноевропейские державы, в частности Англию, Швецию, германские государства и др., для которых торговля с Азией через Россию дала бы большие выгоды, если бы русское правительство, защищая интересы своего купечества, не поставило впоследствии на пути транзитной торговли ряд барьеров [918]. Поэтому практически Волго-Каспийский торговый путь обслуживал главным образом торговлю России с Азербайджаном и Ираном.

Главной статьей русского вывоза из страны был в XVI г.. шелк-сырец и шелковые изделия[919], производимые в Шемахе, Ареше, Тебризе и других городах.

Основная часть русско-азербайджанской торговли проходила через Шемаху и Баку. Так, в Шемахе было торговое представительство московских купцов, оживленно торговавших изделиями своей промышленности и

---

[917] Хроника кармелитов, т. I, стр. 45—46.
[918] *Е. С. Зевакин.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII в. «Историч. зап.», т. 8, 1940.
[919] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока, в XVI веке. М. 1952. стр. 32, 87, 92.

закупавшими здесь шелк. На городских рынках были также товары из Средней Азии, Турции, Индии и других стран. Из Азербайджана, помимо шелка, в Россию экспортировалась бакинская нефть. Шелк и нефть реэкспортировались Россией в города Западной Европы. Из Баку нефть гилянскими купцами морем доставлялась на пристань Мангышлак, а оттуда караванным путем попадала в Хиву и Бухару, а также в другие города Средней Азии[920]. Немалое место в торговле с Россией занимали бакалейные товары, в том числе пряности, приобретавшиеся русскими в Тебризе, Шемахе, Баку.

Из России в Азербайджан ввозились меха (соболь, горностай, чернобурая лисица, куница, песец, хорек, белка), кожа, предметы вооружения (шлемы, кольчуги, панцыри, частично-огнестрельное оружие), а также металлические изделия (топоры, ножи и т. п.). В Азербайджан через Россию попадали также европейские товары, как сукно, каразея, бархат, стекло, бумага и т. д.[921]

В XVI в. значительно оживились и торговые связи Азербайджана со странами Западной Европы. Развитие этих отношений было связано главным образом с огромным спросом на азербайджанский шелк в странах Европы. Мануфактурная капиталистическая промышленность Европы остро нуждалась в шелке, которого в Азербайджане производилось в изобилии.

Интерес европейцев к Азербайджану связан с общим их стремлением проникнуть в страны Азии, с их богатыми ресурсами, производимыми здесь ценными товарами и сырьем, которые пользовались большим спросом в Европе. Поэтому европейцы предпринимают ряд настойчивых попыток к проникновению в далекие страны Азии, в Индию и Китай с целью и разведать экономические ресурсы этих стран и завязать с ними по мере возможности непосредственные торговые отношения.

Великие географические открытия на рубеже XV—XVI вв., путь открытый Васко де Гамой вокруг Африки, ознаменовали начало новой эпохи в этих отношениях. Нарождающаяся капиталистическая промышленность Европы с начала XVI в. стала проявлять усиленный интерес к Азии, стремясь к овладению доходными рынками сбыта своих мануфактурных изделии, а также источников дешевого и ценного сырья.

Открытый Васко де Гамой путь был захвачен Испанией и Португалией, которые опередили другие европейские страны в деле захвата азиатских рынков.

Старый, так называемый средиземноморский путь сношений Европы с Азией, связывавший Индию и Иран с сирийскими портами, был в руках

---

[920] С. *Б. Ашурбейли.* Очерк истории средневекового Баку, стр. 182.

[921] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, стр. 64—81; *А. Гусейнов.* Азербайджано-русские отношения в XV—XVII вв., Баку, 1963.

турок и венецианцев, извлекавших из торгового посредничества большие доходы[922].

В связи с этим в кругах торговой буржуазии ряда стран северной Европы проявилась идея освоения морского пути в Иран и Индию через Московское государство и Каспийское море. Этому в большой мере способствовало то обстоятельство, что венецианское посредничество было для этих стран дорогостоящим, а после захвата турками Аравийского полуострова с сирийскими портами в первой четверти XVI в. к этому прибавилась еще таможенная политика османских султанов, установивших на средиземноморском пути свой жесткий контроль.

Экономические интересы европейских держав совпадали в этот период с не менее важными для них политическими и военными интересами. Выше указывалось, что Османская империя в это время проводила широкую агрессию в юго-восточной Европе, что вынуждало европейские страны искать для себя надежных союзников для успешной борьбы с надвигающейся опасностью прямого турецкого вторжения. Таким естественным союзником для европейцев и явилось Сефевидское государство. Сефевидские шахи с самого начала сами стремились к установлению военного союза с рядом европейских государств против их заклятого врага османского султана, проводившего агрессию не только в Европе, но и в Азии. Поэтому Сефевиды, как правило, шли навстречу европейским купцам в их стремлении завязать торговые отношения.

Инициатором освоения Волго-Каспийского пути явилось английское купечество, на первых порах пользовавшееся содействием правительства Ивана IV. Для установления торговых связей с Азией Англия первым делом считала необходимым упрочить свои позиции на рынках России. Поэтому в 1555 г. крупными представителями английского торгового капитала в Лондоне была основана так называемая «Московская компания». Россия также была заинтересована в торговле с Англией морским путем в обход экономической блокаде, проводимой против нее Прибалтийскими странами[923]. Как раз к этому времени Иван IV занял Нарву. Тем самым русское правительство стало хозяином волжского пути на всем его протяжении. Вскоре после того английские торговые агенты «Московской

---

[922] Главная караванная магистраль, которой пользовались торговавшие с Европой купцы, или «большая западная дорога» (по которой следовал также Марко Поло): Султания—Зенджан—Ардебиль (с ответвлениями на Марагу и Миянедж)—Уджан—Саидабад (Тебриз)—Маранд—Хой—Эрджиш—Малазкиот—Хнус—Эрзурум—Эрзинджан—Сивас—Кония (и далее в средиземноморские порты—Алеппо и др.). Описание этого пути см.: *Хамдаллах Казвины*. Нузхат ал-кулуб, стр. 182—184; *И. П. Петрушевский.* Хамдаллах Казвини, стр. 914; *Я. А. Манандян.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954, стр.299.

[923] *Э. М. Шахмалиев.* Из истории торговой политики европейских держав на Переднем Востоке в XVI в. Автореф. докт. дисс, Баку, 1958, стр. 15.

компании» предпринимают целый ряд поездок и путешествий в Азербайджан, Иран, а также в Среднюю Азию.

Отправным пунктом Волго-Каспийского пути была Москва. Отсюда купцы спускались по Москве-реке, Оке и Волге в Астрахань. Английские агенты следовали на Восток из Ярославля, обычно не заезжая в Москву[924]. Из Астрахани купцы плыли вдоль западного берега Каспийского моря, часто не заходя в Дербент (который потерял к концу XV в. торговое значение), приставали к пристани Ниязабад (Низабад, Низовая), где товары выгружались на берег. Отсюда купеческие караваны следовали через Шабран (в 20 км южнее Ниязабада) и достигали важнейшего центра восточной торговли г. Шемахи. Из Шемахи путники шли на юг и через г. Джавад (у слияния Куры и Аракса) на Мугани попадали в Ардебиль. Далее, одна дорога шла на Тебриз, другая — в Казвин и Кашам и затем к побережью Персидского залива — Ормуз. Для того, чтобы доплыть из Москвы до Астрахани по Волге, судя по поездке Дженкинсона, требовалось в среднем 40 дней[925]. Отсюда же до Шемахи (морем до Ниязабада и затем сушей через Шабран) — около двух недель[926]. Следовательно, путь из Москвы до Шемахи занимал около двух месяцев.

Надо сказать, что путь по Волге и Каспию был известен с глубокой древности. Еще задолго до изучаемого нами периода в IX—X вв. русы по Волге и Каспийскому морю добирались до Азербайджана. Они шли по пути, по которому до них следовали арабские и русские купцы во взаимных торговых сношениях[927]. Поэтому было бы неправильно считать, что наиболее раннее использование Волго-Каспийского пути относится к XIV—XV вв.[928]

Со второй половины XVI в. и в XVII в. Волго-Каспийский путь приобретает значение важнейшей торговой магистрали в сношениях России (и Европы) с Азией. С этой точки зрения достойны внимания указания англичанина Артура Эдвардса. Отвечая на вопрос шаха Тахмасиба о целях своей миссии, он разъясняет выгоды, которые получит шах от непосредственных сношений с английскими купцами, которые будут привозить шаху товары «через Московию и притом с большей безопасностью и в более короткое время, чем могут привезти венецианцы, которые сначала везут их из Англии в Венецию, а оттуда в Персию, через Турцию». В этом случае товары (шерстяные ткани, сукно) «через вторые и третьи руки с большими накладными расходами в виде многократных таможенных сборов»

---

[924] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке, стр. 23.
[925] Дженкинсон выехал из Москвы 27 апреля 1562 г. и достиг Астрахани 10 июня.
[926] От Астрахани до Низовой морем требовалось 6—9 дней (по Р. Чини и Котову), а от Низовой до Шемахи сушей — 6 дней (по А. Эдвардсу). См.: Английские путешественники, стр. 221.
[927] См.: *Амин ал-Холи.* Связи между Нилом и Волгой. М., 1962.
[928] *М. В. Фехнер.* Торговля Русского государства со странами Востока, стр. 22.

попадают в Сефевидское государство. «А поэтому, — убеждал шаха англичанин, - если Вашему Величеству угодно будет даровать нам свободный проезд во все Ваши владения с такими привилегиями, которые обеспечивали бы безопасность нашей жизни, имущества и товаров, мы будем доставлять в Вашу страну и все эти и другие товары скорее и дешевле, чем Вы можете получать их через турецкие руки»[929].

Первым «Московская компания» отправила в Сефевидское государство в 1562 г. своего опытного агента, смелого путешественника и ловкого купца Антония Дженкинсона, вернувшегося незадолго до этого из поездки в далекую Бухару. Свою задачу Дженкинсон выполнил, несомненно, успешно. Ему удалось получить торговые привилегии, право беспошлинной и беспрепятственной торговли на территории Сефевидского государства от могущественного наместника Ширвана Абдулла-хана Устаджлу. Последний считал вывоз шелка в Россию и Англию делом выгодным для экономики Ширвана и всего государства и поэтому убеждал шаха благосклонно отнестись к предложению Дженкинсона.

Приведем текст грамоты, полученной А. Дженкинсоном:

«Мы, Абдулла-хан, могуществом бога, создателя неба и земли назначенный и ныне царствующий король Ширвана и Гиркана [930] , единственно по нашему почину и нашей великой доброте, вследствие настойчивого ходатайства, и просьбы нашего любезного и возлюбленного Антония Дженкинсона, посланника, дали и пожаловали весьма досточтимым сэру Уилльяму Геррету, сэру Уилльяму Честору, сэру Томасу Лоджу, господину Ричарду Меллери и господину Ричарду Чемберлену со всей их компанией купцов-предпринимателей из города Лондона в Англии полную свободу, безопасный пропуск и разрешение приезжать или посылать своих агентов по торговле товарами в нашу страну, совершать покупки и продажи с нашими купцами и другими лицами на наличные деньги или в обмен, пребывать и обитать в нашей стране столько времени, сколько они пожелают, и уезжать, когда им будет угодно, без задержек, помех и препятствий как относительно их самих, так и их товаров.

Далее нам угодно повелеть, чтобы вышеуказанные английские купцы и их компания не платили никаких пошлин за товары, которые они будут покупать или продавать в наших владениях. Если же в какое бы то ни было время наши сборщики пошлин или другие наши служащие, или кто-нибудь

[929] Английские путешественники, стр. 244—245. Эдвардс указывает, что от Шемахи до Алеппо месяц пути, оттуда до Триполи—6 дней. От Триполи до Венеции—более месяца. Итого, от Шемахи до Венеции средиземноморским путем надо было затратить около 3 месяцев, (стр. 229).

[930] Мы знаем, что Абдулла-хан Устаджлу был не «королем», а наместником (беглярбек) Ширвана. Грамота дошла до нас в английском переводе и, очевидно, и несколько искаженном виде.

из них в нарушение нашего настоящего повеления будут чинить помехи и злоупотребления и силою принуждать сказанных английских купцов или кого-нибудь из них, или их агентов платить какие-либо пошлины с каких бы то ни было товаров, которые они привозят в наши владения или вывозят из них, и это сделается нам известным, мы приказываем, чтоб вышесказанные сборщики и служащие были уволены и выгнаны со своих должностей и подверглись нашей дальнейшей немилости, а английским купцам были возвращены все деньги и товары, которые наши сборщики собрали с них в нашу казну. Всякий же раз, как указанные английские купцы или их агенты привезут какие-нибудь товары, подходящие для нашего казначейства, наш казначей будет принимать такие товары в наше казначейство и уплачивать английским купцам или наличными деньгами или шелком-сырцом в размере стоимости этих товаров. И где бы в наших владениях эта наша привилегированная грамота ни была предъявлена или прочтена, мы требуем и повелеваем, чтобы она имела действие и соблюдалась во всех пунктах»[931].

Привилегии, полученные Дженкинсоном в Азербайджане, очень напоминают так называемые капитуляции, которых добивались и получали европейские государства первоначального капиталистического накопления в отсталых социально-экономически странах Востока. Согласно привилегиям Абдулла-хана «Московской компании», английским купцам предоставлялся: 1) свободный доступ и неограниченное сроком право пребывания в стране; 2) свободный, и что особенно важно подчеркнуть, беспошлинный импорт английских товаров и продажа их в стране.

В 1563 г. в Азербайджан приехали английские купцы Томас Олкок, Джордж Ренн и Ричард Чини, имевшие на руках грамоту Абдулла-хана, переданную им А. Дженкинсоном[932].

Во время третьего путешествия в Азербайджан английских купцов Ричарда Джонсона, Александра Китчина и Артура Эдвардса в 1565—1567 годах у «Московской компании» появились радужные перспективы для расширения англо-азербайджанской торговли, для захвата в свои руки экспорта шелка из Азербайджана. «Я, однако, не сомневаюсь, — пишет в своем письме правлению компании Артур Эдвардс из Шемахи 26 апреля 1566 г.,— что раз привилегия будет приобретена и получена, мы будем жить в спокойствии и отдыхать и скоро превратимся в большую фирму по торговле шелком-сырцом и шелковыми материями, всякими сортами

---

[931] Английские путешественники, стр. 215. В переводе Ю. В. Готье грамота не датирована, между тем как в английском оригинале дата (см. Early Voyages, стр. 157) имеется: 14 апреля 1563 г.

[932] Английские путешественники, стр. 211.

пряностей и москательных товаров, а равно и другими здешними товарами»[933].

Большой интерес представляет составленный Эдвардсом список товаров, подлежащих ввозу из Англии в Сефевидское государство, а также вывозу из последнего в Англию с указанием их цен. Среди первых товаров названы каразея, олово, медная посуда, тонкое красное сукно и медь; среди вторых — шелк-сырец, перец, имбирь, мускатный орех, сера, квасцы, рис, орехи, гвоздика и т. д.[934] Большую часть товаров покупала шахская казна. Об этом можно судить по списку товаров, которые шах Тахмасиб желал получить от англичан. Список, составленный самим шахом, включал золотую и серебряную парчу, разноцветный бархат, камку, атлас всех сортов, камлот, каразею, доспехи, кольчуги, пистолеты и т. п.[935]

А. Эдвардсу 29 июня того же года удалось добиться от Тахмасиба ряда новых привилегий для компании. Грамота, как сообщает Эдвардс, была снабжена печатью и скреплена рукой самого шаха[936].

Приведем содержание некоторых статей грамоты Тахмасиба I, о которых сообщает Артур Эдвардс в одном из своих писем руководителям компании.

1. Представителям компании даровалось право не платить никаких пошлин или сборов теперь и на будущее время при наследниках шаха. Английские купцы могут ездить по торговым делам во все города и владения шаха в сопровождении своих людей, покупать и продавать всевозможные товары.

2. Во всех городах, которые будут посещаться английскими купцами, губернаторы, правители и судьи должны помогать им, защищать их от дурных людей и наказывать тех, кто причинит им какой-либо вред.

3. По всем денежным суммам, составляющим долги каких бы то ни было лиц, и уплата которых просрочена, должник будет приведен к суду и деньги уплачены в тот же день.

4. Никакое лицо, какое бы положение или степень оно ни занимало, не может осмелиться получить какие бы то ни было товары или дары иначе как с разрешения и согласия уполномоченных компании.

5. Если по какой-нибудь случайности кто-нибудь из наших купцов или служащих убьет кого-нибудь из подданных шаха, то при этом никакие товары их не должны быть тронуты или вмешаны в это дело, а равно никакое другое лицо, кроме обидчика.

[933] Там же, стр. 222.
[934] Там же. стр. 226.
[935] Там же, стр. 235—236.
[936] Английские путешественники, стр. 228.

6. Все суммы, которые одолжены у нас в настоящее время или будут одолжены впредь, уплачиваются одному из нас при отсутствии другого— безразлично, в живых ли последний или нет.

7. Никто не имеет права вернуть обратно какой бы то ни было товар раз он куплен или продан[937].

В 1568—1569 гг. в Азербайджан в четвертый раз прибыла группа английских купцов в составе Артура Эдвардса (уже вторично), Джона Спарка, Лоренса Чепмена, Христофора Довсета и Ричарда Пингля. На этот раз, благодря активности того же Эдвардса, шах Тахмасиб даровал представителю компании Лоренсу Чепмену новые торговые привилегии для английских купцов[938].

Как сообщает Эдвардс, в привилегиях, выданных Чепмену, есть один интересный пункт о том, что если кто-либо из служащих компании — христианин захочет изменить своей вере и принять ислам, то он может быть наказан компанией и никто не должен вмешиваться в это[939]. До этого, по словам Эдвардса, положение англичан в Сефевидском государстве было очень неспокойным и опасным. Так, если иноземец по несчастному случаю убивал «туземца», то за убитого требовали жизни двух: за долги иноземца можно было забрать имущество любого человека той же национальности и позволить себе другие вольности[940].

Кульминационным моментом в деятельности «Московской компании» в государстве Сефевидов была пятая экспедиция англичан во главе с Томасом Бенистером и Джеффри Декетом, продолжавшаяся с 1569 по 1574 г. Если до этого деятельность английских купцов ограничивалась территорией Азербайджана и соседних областей Ирана, то на этот раз группа англичан с Декетом совершила торговую поездку в иранский г. Кашан [941]. По продолжительности и объему торговли эта экспедиция англичан была крупнейшей, но она была омрачена в конце ограблением англичан казаками в устье Волги[942].

По сведениям одного из членов экспедиции Лайонеля Племтри, одна из просьб англичан о поездке в Индию была отклонена шахом Тахмасибом[943]. Это объясняется, по-видимому, тем, что сефевидские купцы сами посредничали в торговле индийскими товарами, в частности пряностями, получая от этого большие доходы.

---

937 Там же, стр. 234.
938 Там же, стр. 246—247.
939 Там же, стр. 245.
940 Английские путешественники, стр. 245.
941 Там же, стр. 253.
942 Там же, стр. 253—254, 290.
943 Там же, стр. 251—252.

Шестая и последняя поездка англичан в Азербайджан в XVI в., о котором сообщает Христофор Берроу, была неудачной. Она состоялась в 1580 г., когда города Ширвана были захвачены войсками османской Турции. Экономика Ширвана находилась в упадке и поэтому Берроу жаловался на плохой сбыт привезенных англичанами товаров[944].

На этом попытки английского купечества закрепиться на рынках Сефевидского государства терпят крушение.

Касаясь причин прекращения английских торговых экспедиций в Азербайджан, историк Б. А. Ахмедов указывает наряд объективных препятствий, связанных с продолжительностью Северного и Волжско-Каспийского пути, разбоями на дорогах, неблагоприятным внутренним положением Сефевидского государства, втянутого в войны с Турцией, конкуренцией других стран и т. д.[945] Но положение о том, что «решающую роль в предотвращении колониальной экспансии Англии сыграла твердая позиция централизованного Русского государства» нуждается в оговорках. Оно верно в том смысле, что англичане попадали в Азербайджан через территорию Русского государства, контролировавшего Волжско-Каспийский путь на всем его протяжении. Но коль скоро Б. А. Ахмедов указанные экспедиции англичан в Азербайджан рассматривает как колониальную экспансию Англии, то следует заметить, что Сефевидское государство было одним из крупнейших азиатских держав того времени. Оно противостояло агрессии могущественной османской Турции, оккупировавшей Балканы и наводившей ужас на всю Европу. Нет сомнения, что Сефевидское государство могло бы дать надлежащий отпор и Англии, если бы деятельность «Московской компании» представляла реальную угрозу.

Равным образом, Б. А. Ахмедов несколько переоценивает значение и масштабы торговли англичан в Азербайджане. На основании полученных англичанами грамот о привилегиях нельзя судить о действительном укреплении позиций английского купечества в Сефевидском государстве. В условиях полного господства феодальных отношений и шахской деспотии эти привилегии не могли быть гарантированы существующими государственными институтами Сефевидов и в любой момент могли быть отменены шахом или местными правителями по их усмотрению. В совокупности, экспедиции англичан в Сефевидское государство, носившие эпизодический характер и связанные со многими издержками и убытками, вряд ли могли оказать сколько-нибудь сушественное влияние на рост капиталов «Московской компании».

---

[944] Там же, стр. 274.

[945] *Б. А. Ахмедов.* Из истории торговых сношений Англии с государством Сефевидов (вторая половина XVI века). Автореф. канд. дисс., Баку, 1967, стр. 25.

В дальнейшем русское купечество настояло на аннулировании привилегий англичан в использовании Волжско-Каспийского пути, так как само стало проявлять растущий интерес к выгодной торговле с Азербайджаном и сопредельными странами Азии.

Азербайджан вел торговлю также с городами северной и центральной Европы. Об этом, в частности свидетельствуют материалы нумизматических находок. Так, Мирикский клад монет, обнаруженный в 1924 г. в Азербайджане, состоял из западноевропейских талеров, чеканка которых датирована между 1541-1572 гг. монеты клада по составу довольно разнообразны: здесь были талеры, чеканенные в княжествах Германии (Швабия, Богемия, Бавария, Фризия, Саксония, Кельн, Дрезден, Нюрнберг, Гамбург и т. д.), Австрии, Швейцарии (Цюрих), Бельгии (Льеж) и других стран[946].

«Своим разнообразием, - пишет Е. А. Пахомов, исследовавший эти моменты, — они хорошо характеризуют те экономические связи, которые существовали в XVI в. благодаря шелку, между территорией нынешнего кавказского Азербайджана и средней частью Западной Европы»[947].

[946] *Е. А. Пахомов.* Монетные находки в АССР в 1924 г. «Изв. Азерб. апхеол. ком.», вып. I. Баку, 1925, стр. 71—85.
[947] Там же, стр. 85.

ГЛАВА VI

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СЕФЕВИДСКОЙ ДЕРЖАВЫ

Центральный бюрократический аппарат. Сефевидское государство являлось типичной феодальной монархией. Стоявшие во главе государства сефевидские шахи пользовались не только неограниченной властью как светские правители, но, что особенно важно, воплощали в своем лице высшую духовную власть как наследственные главы ардебильского дервишского ордена[948].

Сефевидские правители, как и восточные деспоты, единолично решали государственные дела. При них на совещательных правах состоял высочайший меджлис (меджлис-и а'ла). При шахе Тахмасибе меджлис, как сообщает Алессандри, состоял из двенадцати членов (султанов), «людей с большим опытом в государственных делах». Далее он описывает работу меджлиса: «Король сидит на троне не очень высоко над землей и за его плечами сидит его сыновья, когда они при дворе, особенно султан Хейдар-мирза, кто будучи заместителем-короля, не выходит из его поля зрения. Его советники, именуемые вице-королями, которых четыре, сидят напротив. Шах ставит вопросы, говорит о них, спрашивая мнения султанов и каждый из них излагая свое мнение, встает и подходит близко к шаху, говоря громко, чтобы его могли слышать его коллеги. И если во время обсуждения, шах слышит что-либо интересное, это (по его указанию) берется на заметку высокими советниками и очень часто он отмечает это собственноручно; и таким образом каждый в свою очередь по просьбе короля высказывает свое мнение. Когда король не сомневается в существе вопроса, он решается на первом совете; а если у него есть сомнения, он выслушивает мнение всего совета, а затем решает его после личного рассмотрения»[949].

Как было указано выше, территория государства Сефевидов делилась на две части: области дивана и области хассе. В соответствии с этим делением существовали два отдельные ведомства по управлению ими: диван-и мамалик и диван-и хассе[950], т.е. «ведомство государственных областей» и «ведомство областей шаха». Эти учреждения были главными финансовыми ведомствами Сефевидского государства. Области, относящиеся к диван-и

---

[948] Подчеркивая этот теократический оттенок шахской власти при Сефевидах, В. Ф. Минорский утверждает, что «Сефевидская монархия возникла как теократия». Сравнивая ее с первоначальной мусульманской общиной в Медине, он пишет, что если «Мухаммед был только лишь апостолом, передающим послания от бога, то шах Исмаил и его ближайшие предки считали себя наследственными и живыми воплощениями божества» (Тазкират ал-мулук, стр. 12)

[949] Путешествия венецианцев. Стр. 220—221.

[950] Тазкират ал-мулук, стр. 24.

хассе, принадлежали лично шаху и другим представителям Сефевидской династии; они управлялись шахскими уполномоченными — везирами.

При первых Сефевидах государственная машина, административная система была значительно проще, нежели мы наблюдаем это в XVII в. Судя по описанию ее в «Тазкират ал-мулук», это имело место в основном за счет центральной дворцовой администрации. Это, по-видимому, объясняется тем, что в XVI в. сефевидские шахи находились в постоянных походах и мало бывали в столице. Вместе с ними в походах участвовал весь их двор и эмиры. Поэтому Сефевиды обходились более дешевым управленческим аппаратом.

Руководящими должностями при первых Сефевидах были: векил, эмир ал-умара, курчибаши, везир и садр. Теперь рассмотрим их в отдельности.

Векил считался вторым лицом после шаха и являлся по существу его полноправным заместителем как в светских, так и в религиозных делах. Он был ответственен перед шахом за порядок в ведении государственных и духовных мероприятий. Значение этой должности видно из того, что первым лицом, занявшим ее, был не кто иной, как воспитатель (леле) Исмаила Хусейн-бек Шамлу. Он был из «приближенных лиц» («ахл-и ихтисас»), которые управляли всеми делами ордена «Сефевийе» во время пребывания Исмаила в Гиляне в течение четырех с половиной лет. Хондемир сообщает, что сразу после занятия Исмаилом Тебриза Хусейн-бек Леле был назначен на пост «векалат-и нафс-и нафис-и Хумаюн», т. е. «личного заместителя Августейшего»[951].

После его освобождения с должности векила ее занял (1508 г.) Наджм ад-Дин Мас'уд Гиляни из рештской знати. Эмир Наджм, в прошлом золотых дел мастер (отсюда его прозвище зергяр), сблизился с Исмаилом, когда тот скрывался в Гиляне. Позднее он бежал от рук Коса Аббаса, полководца (сипахсалара) правителя Гиляна Бийе-пас Амире Исхака и явился в ставку Исмаила, приняв участие в походе кызылбашей против Фарруха Ясара[952]. Летописцы единодушны в том, что на посту векила Эмир Наджм достиг чрезвычайно большой власти[953]. После его смерти в 915 г. х. (1509—1510 гг.) векилом был назначен эмир Яр Ахмед Хузани и ему был присвоен титул «Наджми сани» («вторая звезда»)[954]. Благодаря ходатайству своего предшественника Наджм ад-Дина Мас'уда, Яр Ахмед сначала был назначен при его жизни везиром и ведал делами как «сахиб-и диван»[955]. Он быстро втерся в доверие к шаху и благодаря его покровительству приобрел большую

---

[951] Хабиб ас-сийяр, т. IV, стр. 468. См. также: Анонимная история Исмаила, л. 76б.

[952] Хабиб ас-сийяр, т. IV, стр. 491.

[953] Выдержки из источников см.: *О. А. Эфендиев.* Образование азербайджанского государства Сефевидов в начале XVI в., стр. 98.

[954] Ахсан ат-таварнх, стр. 110—111.

[955]Хабиб ас-сийяр. т. IV, стр. 499.

власть в делах государства[956]. По-видимому, напыщенный Наджми Сани превзошел властью своих предшественников. Он добился у шаха выдвижения на пост предшественников. Он добился у шаха выдвижения на пост предводителя похода кызылбашских войск против узбеков в 1512 г., закончившегося полным провалом. Из сообщений летописцев выясняется, что после разгрома Шейбани-хана в 1510 г. Бабур выступил из Кабула и предложил Исмаилу союз против узбеков с обязательством признания его власти в Мавераннахре. Исмаил принял предложение Бабура и послал ему в помощь крупный отряд кызылбашей. Оба войска победоносно шли до Самарканда, оставленного узбеками. Щедро одарив кызылбашских эмиров, Бабур отпустил вспомогательный отряд с подарками Исмаилу, но «недостаточно внимательно» отнесся к служителю векила Наджми Сани— Мухаммедджану. Последний доложил находившемуся в Куме шаху Исмаилу, что Бабур якобы имеет враждебные намерения. Вот тогда шах Исмаил и отправил Наджми Сани с кызылбашским войском в Мавераннахр. Из источников явствует, что здесь имели место две операции. Результатом первой (без Наджма) было занятие Самарканда и Бухары. Вторая же — во главе с Наджмом, завершилась полным разгромом сефевидского войска вследствие жестокости, тупости и упрямства его предводителя (жители Карши, числом 15 тыс. человек были все поголовно перебиты по приказу Наджма; не сделали исключение даже для сейидов). Сам Наджм был взят в плен узбеками и по приказу Убейдулла-хана казнен[957].

Следующим векилом был эмир Низам ад-Дин Абдулбаги Йезди, занимавший до этого пост садра. Когда Наджми Сани повел кызылбашское войско в Мавераннахр, эмир Абдулбаги был назначен его заместителем, а после его гибели занимал его должность до своей смерти в Чалдыранской битве 1514 г[958].

Его преемником на посту векила стал Мирза Шах Хусейн Исфагани. Он исполнял свои обязанности дольше, чем любой из предшественников и был убит в 1523 г. вследствие происков кызылбашской знати, недовольной его чрезмерной властью[959]. Р. Сейвори отмечает, что в этот период полномочия векила как заместителя шаха со светской и духовной властью

---

[956] Там же, стр. 501.

[957] Там же, стр. 521—529; о бездарной личности Наджми Сани см.: *М.Ф.Ахундов.* Собрание сочинений, т. II, стр. 95—105 (на азерб. языке); Шереф хан пишет, что кызылбашские эмиры «считали позором подчинение Наджму». Шереф-наме, II, стр. 153. Мы не согласны с Р. Сейвори, считающим причиной поражения Наджми Сани отступление части кызылбашских эмиров с поля битвы, а не произвольные и бессмысленные действия самого предводителя *(R. M. Savory.* The Principal Offices of Safavid, p. 96).

[958] Хабиб ас-сийяр, IV, стр. 534; Ахсан ат-таварих, стр. 149.

[959] Хабиб ас-сийяр. IV, стр. 595—597.

уменьшаются, а вместо этого возрастает роль векила как главы гражданской администрации и государственной бюрократии[960].

На должность векила шах выдвинул Хадже Джалал ад-Дина Мухаммеда Тебризи, «украсив его даровитый стан пожалованием ему почетного халата и вышитого золотом таджа и вознеся его знамя могущества до далеких звезд»[961]. После кончины шаха Исмаила он оставался на своем посту, но был вскоре убит Див-солтаном Румлу[962].

Во время господства эмиров кызылбашских племен в первое десятилетие после смерти шаха Исмаила I пост векила вновь приобретает свое первоначальное значение и силу. Пользуясь беспомощностью юного шаха, вожди племен ведут друг с другом кровавую борьбу за высокую и доходную должность векила. На посту векила последовательно сменялись Див-солтан Румлу, Чуха-солтан Текели и Хусейн-хан Шамлу. По сушеству они были полновластными и могущественными регентами при малолетным шахе Тахмасибе I, достигавшими поста векила путем своего предшественника. После них упоминание должности векила в источниках исчезает.

Эмир ал-умара, т. е. «эмир эмиров», при первых Сефевидах, когда не было регулярной армии и войско составлялось в случае войны из ополчений эмиров кызылбашских племен, по существу является главнокомандующим сефевидским войском (кошуном). Ввиду того, что военное дело целиком находилось в руках азербайджанских феодалов, должность эмир ал-умара, естественно, считалась прерогативой кызылбашской племенной знати. Из занимавших этот пост, можно назвать Хусейн-бека Шамлу, бывшего одновременно и векилом, Мухаммед-бека Суфречи Устаджлу (Чаян-солтана), бывшего эмир ал-умара с 1509 по 1523 г.[963], сына его Баязид-солтана[964]. Див-солтан Румлу, Чуха-солтан Текели и Хусейн-хан Шамлу, бывшие последовательно векилами, совмещали с ним, очевидно, и пост эмир ал-умара. В последнем случае очень трудно провести грань между должностями векила и эмир ал-умара, так как источники часто относят их к одним и тем же лицам. Из источников выясняется, что в 937 г. х. (1530—1531 гг.) шах Тахмасиб доверил пост эмир ал-умара Хусейн-хану Шамлу и Абдулла-хану Устаджлу [965], совместно исполнявшим эту должность. Оба они были племянниками шаха Исмаила, причем последний впоследствии стал

[960] *R.M.Savory.* The Principal Offices of Safawid, p.97.
[961] Хабиб ас-сийяр, IV, стр. 598.
[962] Ахсан ат-таварих, стр. 184.
[963] Причем смешение Хусейн-бека с должности и передача его Мухаммед-беку сопровождались лишением первого ольке и вассалов (нукеран) и пожалованием их второму. («Ахсан ат-таварих, стр. 110; «Такмилат ал-ахбар», л. 247а; «Любб ат-таварих», л. 162а).
[964] «Такмилат ал-ахбар», л. 252а; Шереф-наме, II, стр. 169.
[965] Ахсан ат-таварих, стр. 238.

правителем Ширвана. Следующий раз эта должность упоминается в 975 г. х. (1567—1568 гг.), когда Шахкули-солтан Устаджлу, который значится как эмир ал-умара и правитель «границ Азербайджана», был отправлен в ответственное посольство к турецкому султану Селиму II[966].

Курчибаши в переводе означает «начальник курчиев», шахской гвардии, состоящей из воинов кызылбашских племен. В. Ф. Минорский указывает, что при первых Сефевидах, когда не было постоянного войска, курчибаши был «военным министром» и обычным его титулом был эмир ал-умара[967].

Впервые упоминание о курчибаши в летописях появляется у Хасан-бека Румлу, который в 911 г. х. (1505—1506 гг.) пишет, что в этом году шах Исмаил «повелел, чтобы умертвить всех тех, кто в битве с султаном Хейдаром принимал участие на стороне (его врагов). Расследование этого он поручил курчибаши Абдулбеку Деде»[968]. Анонимная история Исмаила содержит некоторые подробности. Из нее выясняется, что курчибаши отправился с войском в Ширван, перебил много «туркмен» и жителей Табарсарана и Ширвана[969]. Абдулбек Деде был уроженцем Талыша и одним из «ахли ихтисас», узкого круга лиц, заправлявших делами ардебилского тариката после смерти шейха Хейдара и в период нахождения юного Исмаила в Гиляне. Однако в дальнейшем пост курчибаши занимают люди мало заметные в политической жизни: в 915 г. х. (1509—1510 гг.) Еган-бек Текели упоминается как курчибаши[970], в 920 г. х. (1514—1515 гг.) на этой должности был Сару Пире Устаджлу[971]. При основателе Сефевидской державы курчибаши был значительно менее важной фигурой по сравнению с эмир ал-умара. При шахе Тахмасибе I на посту курчибаши отмечен Дуре-бек Текели, который был убит во время подавления мятежа племени текели в 937 г. х. (1534 г.)[972]. В последующем роль курчибаши в политической и военной сферах возрастает. С 945 г. х. (1538— 1539 гг.) мы встречаемся с курчибаши Севиндик-беком Афшар, который занимает этот пост вплоть до самой смерти, т. е. до 969 г. х. (1561—1562 гг.)[973].

Одним из мероприятий шаха Исмаила II было назначение на должность курчибаши правителя Кермана Аллахкули-бека Афшара[974]. При Мухаммеде Худабенде на этом посту был Кули-бек Афшар, имевший

[966] Джавахир ал-ахбар. л. 333а.
[967] Тазкират ал-мулук. стр. 116—117.
[968] Ахсан ат-таварих, стр. 88; Любб ат-таварих, л. 159б.
[969] Анонимная история Исмаила, л. 119а.
[970] Шереф-наме, т. I, стр. 411.
[971] Там же, II, стр. 158; Ахсан ат-таварих, стр. 149.
[972] Ахсан ат-таварих, стр. 236.
[973] Шереф-наме, т. II, стр. 218.
[974] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 213.

большой вес при дворе. Любопытно, что большинство курчибаши были выходцами из кызылбашского племени Афшар.

Везир был традиционным главой гражданской бюрократии. При первом сефевидском шахе его значение было незначительным, ибо векил и эмир ал-умара обладали господствующим положением в делах государственного управления, оттеснив везира на второй план. Права и функции везира ограничивались также наличием садра, который не позволял ему вмешиваться в дела могущественного шиитского духовенства.

Первым везиром Сефевидов был Шамс ад-Дин Закария Кечечи Тебризи[975], долгое время служивший везиром правителей Ак-Коюнлу. Он присоединился к Исмаилу во время его зимовки в Махмудабаде[976] в 906 г. х. (1500 г.) после его победы над ширваншахом и был назначен им на должность везарат-и диван-и а'ла [977]. Исмаил дал ему титул «ключа Азербайджана», подчеркивая его важное значение[978]. Два года спустя в 909 г. х. (1503— 1504 гг.) на пост везира совместно с эмиром Закария был назначен Кавам ад-Дин Махмуд-хан (или Махмудджан) Дейлеми Казвини, служивший вместе с ним в диване Альвенда Ак-Коюнлу[979]. Вплоть до Чалдыранской битвы мы не имеем сведений о назначениях на пост везира. При векиле Шах Хусейне Исфагани на эту должность был назначен Кази Джахан Казвини совместно с Хадже Джалал ад-Дином Мухаммедом Тебризи[980].

Мы уже говорили о том, что последний, назначенный шахом Исмаилом векилом, был казнен тут же после его смерти. Контроль над «Высочайшим диваном» был доверен Кази Джахану Казвини, но затем он был снят с поста и заключен в крепость векилом и эмир ал-умара Див-солтаном Румлу в 931 г. х. (1524—1525 гг.)[981]. На его место был назначен Мир Джафар Саведжи. Ему так же, как и везиру Див-солтана Ага Мулле Казвини и везиру Чуха-солтана Хадже Аруху (возможно, Орудж) Савеи предписывалось ежедневно информировать Див-солтана, Кепек-солтана и Чуха-солтана обо всех делах, больших и малых[982]. По-видимому, это был совет трех везиров, учрежденный для подготовки своих рекомендаций триумвирату эмиров, который правил государством в течение нескольких

---

[975] Или Кучучи. О происхождении этой фамилии см. ... *J. Aubin.* Etudes Safavides, I, pp. 60—62.
[976] Тарих-и Джахан-ара, стр. 265; Хабиб ас-сийяр, IV, стр. 468.
[977] Ахсан ат-таварих, стр. 54.
[978] Такмилат ал-ахбар, л. 243б. Он умер в 918 г. х. (1512—1513 гг.) в Хорасане (Ахсан ат-таварих, стр. 136).
[979] Ахсан ат-таварих, стр. 81. О предшествующей карьере Махмуд-хана Дейлеми см.: *J. Aubin.* Etudes Safavides, p. 63; Обен пишет: Шереф ад-Дин Махмуд-джан. Умер он в Казвине а 920 г. х. (1514—1515 гг.). Ахсан ат-таварих, стр. 152.
[980] Ахсан ат-таварих, стр. 374.
[981] Там же, стр. 189.
[982] Джавахир ал-ахбар, лл. 298б, 299а.

месяцев 1525 г. до открытого разрыва Див-солтана со знатью устаджлу. О дальнейшей деятельности Ага Муллы мы ничего не знаем, но располагаем сведениями о том, что Мир Джафар Саведжи и Хадже Арух (или Орудж) совместно на равных правах занимали пост везира до 938 г. х. (1531-1532 гг.). В этом году Хусейн-хан Шамлу узурпировал должность векила, и первым долгом схватил обоих везиров и «отобрал у них много имущества и денег, которые накопились у них, так как около 10 лет все имущественные и денежные дела Ирака, Азербайджана, Фарса и Хорасана устраивались с ведома этих двух лиц». Мир Джафар Саведжи был казней, а Хадже Арух умер под пытками[983]. Везиром диван-и а'ла стал один из чиновников Хусейн-хана Ахмед-бек Нур Камал Исфагани[984].

В 940 г. х. (1533—1534 гг.) в связи с казнью Хусейн-хана Шамлу, Ахмед-бек Нур Камал был отстранен от должности, его имуществьо конфисковано, а сам он был замучен сборщиками податей (мухассилан). Он был заключен в крепость Алинджак (Алинджакала), но затем был освобожден[985], а на его место, согласно Хуршаху, воссел Хадже Са'д ад-Дин Инаятулла Хузани[986]. Он занимал некоторое время этот пост вместе с Кази Джаханом Казвини, который вновь вступил в должность в 942 г. х. (1535—1536 гг.). Но Кази Джахан и Са'д ад-Дин не смогли работать вместе. Последний все время пытался опозорить и обесчестить первого. Он был казнен в 942 г. х. (1535г.)[987]. После этого Кази Джахан оставался на должности один и в течение 15 лет исполнял свои обязанности до 957 г. х. (1550-1551 гг.). Он умер в преклонном возрасте в Казвине в 960 г. х. (1552 — 1553 гг.).[988]. Преемником Кази Джахана в должности везира, как нам представляется, был Ма'сум бек Сефеви. О нем впервые упоминается в «Ахсан ат-таварих» как о мутавалли Ардебиля в 953 г. х. (1546 — 1547 гг.). В этом году он был направлен в числе других именитых эмиров в Ширван для переговоров с мятежным братом шаха Алкас-Мирзой[989]. В 959 г. х. (1551 — 1552 гг.) он командовал походом кызылбашского отряда в Эрджиш[990]. Впервые о Ма'сум-беке как о сановнике шаха, занимавшем пост «векалат-и шах-и дин-панах», упомянуто в 967 г. х. (1559—1560 гг.)[991], т. е. спустя 10 лет после ухода Кази Джахана с поста везира. Мы не знаем, занимали ли за

---

983 Тарих-и илчи-и Низамшах, л. 42а.

984 Такмилат ал-ахбар, л. 257а; Ахсан ат-таварих, стр. 244.

985 Тарих-и илчи-и Низамшах. Список Британского музея, № 23. 513. л. 474 а.

986 Там же, л. 476а.

987 Ахсан ат-таварих, стр. 274.

988 Там же, стр. 375—376.

989 Там же, стр. 315. (Согласно «Силсилат ан-насаби Сефевие», Ма'сум-бек был внуком брата шейха Хейдара).

990 Ахсан ат-таварих, стр. 357.

991 Там же, стр. 411.

этот промежуток пост везира (или векила) какие-либо другие лица. Ма'сум-бек был приставлен в качестве леле к любимому сыну шаха Хейдар-мирзе[992]. Искендер Мунши указывает, что Ма'сум-бек Сефеви, «являвшийся эмиром дивана, был возведен на высокий пост визарата» и пользовался неизменным расположением шаха[993].

В «Тарих-и алем арай-и Аббаси» упоминается некий Мирза-бек Абхари, который вначале был везиром курчибаши Севиндик-бека Афшара, а «после некоторое время был везиром дивана»[994]. Возможно, что Мирза-бек и был тем везиром, который был непосредственным преемником Кази Джахана.

Шереф-хан Бидлиси указывает, что Ма'сум-бек Сефеви в 976 г. х. (1568-1569 гг.) оставил обязанности везира и этот пост был передан эмиру Сейид Шерифу Сани[995]. Искендер Мунши сообщает, что после отставки Ма'сум-бека Сефеви «в течение нескольких лет должность визарат была лишена независимого везира»[996].

В 981 г. х. (1573—1574 гг.) шах передал должность «визарат-и диван-и а'ла» Сейиду Хасану Фарахани совместно с Хадже Джамал ад-Дином Али Тебризи. Каждому из них был определен оклад (марсум) в 500 туманов тебризских[997]. Будак Казвини в дополнение к этому сообщает, что «Хорасан, Гилян, Ирак, Фарс и Керман были переданы (в ведение) Сейида Хасапа, а Азербайджан, Ширван и Шеки — Джамал ад-Дина Али. Но через год они были смещены шахом[998].

Следующее назначение на «визарат-и диван-и а'ла» имело место при шахе Исмаиле II в 984 г. х. (1576 г.) в лице Мирзы Шукруллы Исфагани, служившего мустоуфием[999]. Но шах был недоволен им и вскоре сместил, назначив везиром Мирза Салмана Джабири Исфагани. Он «вознес степень его достоинства и сана до вершин и наказал, чтобы тот не преклонялся ни перед кем из высоких эмиров»[1000]. В правление нового шаха Мухаммеда Худабенде Мирза Салман продолжал занимать пост везира «высочайшего дивана». Ему было даже присвоено почетное звание Э'тимад ад-доуле

[992] Там же, стр. 490.
[993] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 161.
[994] Там же.
[995] Шереф-наме, II, стр. 239.
[996] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 161.
[997] Ахсан ат-таварих, стр. 458.
[998] Там же; Джавахир ал-ахбар, л. 334 а, б; Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 161.
[999] Джавахир ал ахбар, л. 339б.
[1000] Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. 1, стр. 212.

(«Доверие державы»)[1001]. Он был убит, как указывалось, в результате заговора кызылбашской знати в 991 г. х. (1583 г.)[1002].

Должность везира до Аббаса I была чисто гражданской. Он контролировал доходы дивана, а также суммы, поступающие в казну и другие «буютат» из всех провинций.

Садр возглавлял духовное ведомство и нес ответственость за пресечение и подавление еретических антифеодальных движений, а также повсеместное насаждение и укрепление позиций шиизма. Искендер Мунши указывает на следующие функции садров при ранних Сефевидах: «Они должны оказывать покровительство (такдим) сейидам и носителям тюрбанов и действовать как представители в их делах (т. е. защищать их интересы. — *О. Э.)* управлять вакфами (овкаф) и выплачивать суммы для целей (ма'ариф) шариата»[1003].

Должность и функции садра появляются при Сефевидах не впервые. Мы видим садров при Тимуридах и позднее при династиях Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу[1004]. Первым садром при Сефевидах был Мовлана Шамс ад-Дин Лахиджи (Гиляни). Во время пребывания Исмаила при дворе Каркия Мирзы Али в Лахиджане Мовлана Шамс-ад-Дин был воспитателем Исмаила; у него Исмаил обучался Корану, а также персидскому и арабскому языкам[1005]. Он был назначен садром в 906 г. х. (1501 г.), «взял в круг управления вакфы областей (моукуфат-и мамалик), открыв врата защиты веры»[1006].

В 909 г. х. (1503—1504 гг.) на «садарат» был выдвинут Кази Мухаммед Кашани[1007]. В 915 г. х. (1509—1510 гг.) он был казнен по обвинению в убийстве неповинных людей и других дурных делах[1008]. Как видно из рассказа Хондемира, казнь Кази Мухаммеда Кашани была следствием интриг векила Наджм ад-Дина Мас'уда, который завидовал чрезмерному влиянию садра и был недоволен его вмешательством во все государственные дела[1009]. Должность садра получил эмир Сейид Шериф ад-Дин Али Ширази, но немного спустя в 917 г. х. (1511 —1512 гг.) из-за враждебного отношения векила Наджма Сани он был вынужден подать в отставку и под предлогом посещения шиитских святынь в Кербела и Неджефе оставил шахский двор. На освободившуюся должность был назначен эмир Низам ад-

[1001] Там же, стр. 222. Этот титул употреблялся при поздних Сефевидах по отношению к великому везиру (Тазкират ал-мулук, стр. 114).
[1002] Шереф-наме, II, стр. 269.
[1003] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 144.
[1004] *H. R. Roemer.* Staatschrieben der Tmiuridenzeit. Wiesbaden, 1952, SS. 143—146.
[1005] Анонимная история Исмаила, лл. 32а,б.
[1006] Хабиб ас-сийяр, IV, стр. 468.
[1007] Там же, стр. 474—475.
[1008] Ахсан ат-таварих, стр. 110.
[1009] Хабиб ас-сийяр, IV, стр. 499—500.

Дин Абдулбаги Йезди: из потомков Не'матуллы Кермани[1010]. «Благодаря большой благосклонности (к нему) эмира Наджма звезда его сана и достоинства достигла зенита счастья и благополучия», — пишет Хондемир. Отправляясь в поход в Мавераннахр, Наджм Сани назначил его своим заместителем на посту векила. Получив весть о гибели Наджма, шах Исмаил официально признал эмира Низам ад-Дина векилом.

В это время при дворе появился вновь эмир Шериф ад-Дин Али Ширази, который был восстановлен на посту садра[1011]. Оба (и векил и садр) занимали свои должности вплоть до своей гибели в Чалдыранской битве (920 г. х. 1514 гг.)[1012].

После Чалдырана должности векила и садра остались вакантными. На пост садра вначале был назначен эмир Шихаб ад-Дин Абдулла Лале из знатных сейидов Азербайджана, но он не справился с задачей и был быстро смешен. Садром был утвержден эмир Джамал ад-Дин Мухаммед Астрабади[1013]. Он приобрел «большую власть и силу» и исправлял функции садра в течение 11 лет до самой смерти в 931 г. х. (1524—1525 гг.). Векил Мирза Шах Хусейн завидовал и боялся его и поэтому он вызвал эмира Гияс ад-Дина Мансура ко двору, чтобы он разделил должность садра с Джамал ад-Дином Астрабади, но из этой его затеи ничего на вышло[1014].

В 935 г. х. (1528—1529 гг.), по сообщению Хасан-бека Румлу, «шах Тахмасиб сделал эмира Не'матуллу Хилли в должности садарата соучастником с эмир Кавам ад-Дином Хусейном»[1015]. Но уже в следующем 936 г. х. (1529—1530 гг.) тот же историк пишет, что садром был назначен эмир Гияс ад-Дин Мансур совместно с эмиром Не'матуллой Хилли[1016]. Эмир Гияс ад-Дин Мансур, известный в то время ученый-астроном, был в 938 г. х. (1531 —1532 гг.) освобожден от должности, и на его место назначен эмир Муизз ад-Дин Мухаммед Исфагани[1017]. Последний был смещен с поста в 943 г. х. (1536—1537 гг.) и заменен эмиром Шамс ад-Дином Асадуллой Мар'аши (Шуштери)[1018]. Он исполнял обязанности вплоть до смерти, т. е. до 963 г. х. (1555—1556 гг.)[1019], и его место занял его сын Мир Зейн ад-Дин Сейид Али, который замещал своего отца еще при жизни из-за болезни и преклонного

[1010] Анонимная история Исмаила, л. 208а.
[1011] Там же, лл. 221б—222а.
[1012] Ахсан ат-таварих, стр. 149.
[1013] Там же, стр. 150.
[1014] Там же, стр. 190.
[1015] Там же, стр. 224.
[1016] Там же, стр. 234. Не'матулла Хилли умер в 940 г. х. (1533-1534 гг.). (Там же, стр. 254).
[1017] Там же, стр. 244. Гияс ад-Дин Мансур умер в 948 г. х. (1541 — 1542 гг.). (Там же, стр. 303).
[1018] Там же, стр. 278; Шереф-наме, II, стр. 188.
[1019] Ахсан ат-таварих, стр. 398.

возраста[1020]. Как сообщает Гаффари, в 964г. х. (1556—1557 гг.) садром был назначен Мир Таги ад-Дин сын бывшего садра Муизз ад-Дина Мухаммеда[1021].

Эмир Таги ад-Дин оставил должность садра в 970 г. х. (1562—1563 гг.). По сведениям Хасан-бека Румлу, садарат был разделен территориально между эмиром Мухаммедом Юсуфом и эмиром Зейн ад-Дином Али Шуштери. «В зулька'да (июнь—июль 1563 г.) садарат Ирака, Фарса и Хузистана был возложен на эмира Мухаммеда Юсуфа из ученнейших сейидов Астрабада, а в середине зулхиджа (июль—август 1563 г.) садарат Хорасана, Азербайджана и Ширвана был передан эмиру Зейн ад-Дину Али, сыну эмира Шамс ад-Дина Асадуллы Мар'аши», — сообщает летописец[1022]. Следующее назначение на должность садра произошло при шахе Исмаиле II 26 раби ал-аввал (13 июня 1577 г.) в лине мовлаиы Шаха Инаятуллы Исфагани[1023]. В следующем году Мухаммед Худабенде назначил садром Мир Шамс ад-Дина Мухаммеда Хабиси Кермани[1024].

Приведенные выше примеры из источников свидетельствуют о том, что при шахах Исмаиле и Тахмасибе функции везира и садра часто исполнялись двумя сановниками одновременно. Мы уже убедились, что разделение должности между двумя лицами по территориальному признаку относится не только к садарату, но и к посту визарата[1025]. Отмечая эти любопытные особенности указанных двух должностей, Р. Сейвори считает, что их территориальное деление было случайным, временным, причем каждый из этих двух лиц обладал равными правами и исполнял сходные функции. Это, по мнению английского исследователя, делалось с целью ограничения их власти. Пытаясь найти объяснение этим фактам и чувствуя неубедительность своей интерпретации, Р. Сейвори отказывается от единственно допустимого, на наш взгляд, предположения. Оно состоит в том, что наличие двойных садров и везиров связано (хотя мы и не располагаем прямыми указаниями на то источников) с существованием областей мамалик и хассе. В. Ф. Минорский, ссылаясь на Шардена, указывал, что администрация хассе впервые была введена при шахе Сефи I (1629—1642)[1026]. Нам думается, близка к истине А. Лембтон, которая пишет: «Хотя Шарден отмечает, что различие между государственными и коронными землями было неизвестно до царствования шаха Сефи, нам представляется, что на самом деле между землями дивани (государственными) и хассе

[1020] Такмилат ал-ахбпр, л. 274а; Тарих-и Джахан-ара, стр. 303.
[1021] Тарих-и Джахан-ара, стр. 303; Такмилат ал-ахбар, л. 274б.
[1022] Ахсан ат-таварих, стр. 419; Тарих-и Джахан-ара, стр. 308.
[1023] Ахсан ат-таварих, стр. 491—492.
[1024] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 226—227.
[1025] См. раздел о везирах настоящей работы.
[1026] Тазкират ал-мулук, стр. 26.

(коронными) делалось некоторое широкое самое общее различие, хотя разделение его возможно стало четче при шахе Сефи»[1027].

Между тем Р. Сейвори считает невозможным допустить разделение территории Сефевидского государства из мамалик и хассе при первых Сефевидах в XVI в. Нам представляется, что в этом отношении очень важно указание, содержащееся в тексте «Тазкират ал-мулук». Анонимному автору этого сочинения, завершившему свой труд около 1726 г., разделение должности садарата на хассе и 'амма (мамалик) представляется обычной практикой. Он пишет: «Во времена некоторых государей (должности) садр-и хассе и 'амма поручались только одному лицу»[1028].

Приведенное указание на то, что в прошлом иногда эти две должности (садр-и хассе, садр-и 'амма) соединялись в одном лице, проливает свет на рассматриваемый нами вопрос, мимо которого проходят почти все исследователи Сефевидского государства. Как же в противном случае можно объяснить назначение на одну должность двух лиц, если между ними не будет разделения функций (обязанностей)? Логически совершенно немыслимо, чтобы, скажем, оба садра, или оба везира исполняли, как утверждает Р. Сейвори, одинаковые функции с равными правами на всей территории Сефевидской державы. Следовательно, функциональное разделение должно было иметь место и у нас нет оснований считать, что это разделение было не по признаку государственных и шахских областей.

Мустоуфий ал-мамалик — «казначей областей». Был главноуправляющим финансовым ведомством, работал, по-видимому, под контролем везира, главы гражданской администрации. Все операции с финансами учреждений «диван-и мамалик» на территории «богохранимых областей» (мамалик-и махрусе) осуществлялись в соответствии с письменными инструкциями, которые направлялись им провинциальным агентам (уммал)[1029]. Он ведал налоговым аппаратом, составлением государственного бюджета, утверждал податные списки; тиулы и другие вознаграждения беглярбекам, оклады (русумат) везирам, мустоуфиям и калантарам, жалованье (маваджиб) гражданским и военным должностным лицам не выдавались без его утверждения и печати[1030].

По сообщению Искендера Мунши, при Тахмасибе I из «великих мустоуфиев диван-и ала» известны десять человек, из которых семь были

[1027] *A. Lambton.* Landlord, p. 108.
[1028] Тазкират ал-мулук, лл. 4а, б. На наличие двойного садра указывал В. Минорский: «При Тахмасибе всегда были два садра, но их разделение на хассе и амме еще не отмечается» (Тазкират ал-мулук. Введение, стр. 11).
[1029] Там же, лл. 27а, б.
[1030] Там же, стр. 122—125 (комментарий В. Минорского).

мустоуфий ал-мамалик, а двое — «мустоуфий-и бакайа» («казначей по недоимкам»)[1031].

Мустоуфиями ал-мамалик были: 1) Мир Мас'уд Джурбадгани; 2) Хадже Хусейн, 3) Хадже Гияс ад-Дин Али, известный под именем Гияс Кохре Ширази; 4) Хадже Касим Натанзи; 5) Хадже Мелик Исфагани; 6) Мир Гияс ад-Дин Махмуд Шахристани Исфагани и 7) Мирза Шукрулла Исфагани. Из них наиболее известен Хадже Касим Натанзи, представитель местной знати, «искусный в законах арифметики и ведении счетных книг» (канун-и хесабдани ве елм-и сияк), который пользовался особым расположением шаха. Мир Гияс ад-Дин Махмуд недолго исполнял должность и был смещен. Некоторое время должность казначея была распределена между «писцами канцелярии Августейшего (авараджаневисан-и дефтер-ханей-и хумаюн), каждый из коих был мустоуфием своего ведомства». Затем Мир Гияс ад-Дин Махмуд вновь был назначен на должность и на этот раз он исполнял обязанности в течение продолжительного времени. Он был освобожден за три года до смерти шаха Тахмасиба и на его место был выдвинут Мирза Шукрулла. О значении мустоуфий ал-мамалик можно судить по тому, что Мирзе Шукрулле в 981 г. х. (1573—1574 гг.) при назначении на этот пост было определено жалованье в 500 туманов тебризских; в том же размере жалованье было определено и везирам Сейиду Хасану Фарахани и Хадже Джамал ад-Дину Али Тебризи[1032]. Как было указано выше, при Исмаиле II Мирза Шукрулла был переведен на должность везира, а его место было занято Мир Шах Гази Исфагани. Он оставался на посту мустоуфий ал-мамалик и при новом шахе Мухаммеде Худабенде и «проявлял в деле этом полную независимость». Однако вскоре он был смещен по подстрекательству враждебно настроенного к нему везира Мирзы Салмана и должность мустоуфия была передана Хадже Мухаммеду Бакиру Хереви[1033]. В числе мустоуфийан-и бакая Искендер Мунши упоминает Мир Хидаятуллу Ма'мури, его брата Мир Мухаммеда Ма'мури, а также Мир Шах Гази Исфагани, который вначале служил мустоуфий-и бакая, а затем уже выдвинулся на пост мустоуфий ал-мамалик[1034].

Назир-и буютат. Согласно «Тазкират ал-мулук», буютат (мн. число от арабск. бейт — дом, помещение, хозяйство) состояли из 33 кархане (мастерских), во главе каждой из которых стоял сахиб-и джам. Многие из буютат были попросту принадлежностями домашнего хозяйства и быта, такие как кухня, помещение для мытья посуды, различные склады, библиотека, конюшни и т. д. Наряду с этим были и буютат типа настоящей

[1031] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 162.
[1032] Ахсан ат-таварих, стр. 458; Джавахир ал-ахбар, л. 334а.
[1033] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 163.
[1034] Там же.

государственной мануфактуры, как например, ткацкая мастерская (шарбафхана), портняжные цеха (гайчачихана), монетный двор (заррабхана), арсенал (джаббехана)[1035], а также ювелирная, кузнечная, художественная мастерские и т. д.

Буютат были призваны обслуживать потребности шаха и его фамилии, а также многочисленной придворной знати, в пище, одежде, предметах роскоши и т. п.

Искендер Мунши дает некоторые сведения о лицах, занимавших при шахе Тахмасибе должность назир-и буютат. Это были: Кази Имад, смещенный по обвинению в присвоении государственных сумм; Ага Джамал ад-Дин Кермани, впоследствии заключенный в крепость Аламут из-за «некоторых скверных дел»; Мирза Салман, ставший иазиром «большинства буютат» при содействии везира южной части Азербайджана Мирзы Ата'уллы, у которого он несколько лет прослужил в той области, затем поступил на службу к шаху назиром и работал до его смерти (а при шахах Исмаиле II и Мухаммеде стал везиром с титулом «э'тимад ад-доуле»); Хадже Абуль Касим из знати области Фарахан был сначала везиром хранителя печати высочайшего дивана (везир-и мухрдар-и диван-и 'ала), а затем выдвинулся на должность назира некоторых буютат шаха (назарат-и бази аз буютат-и саркар-и хассей-и шерифе); при Исмаиле II также исполнял ту должность[1036]; Мир Абуль Фатух Исфагани «назири е'марат-и саркари хассей-и шарифе» («управляющий домами шаха») был из потомков Мир Сейида Шерифа Шахристани, бывшего мустоуфий ал-мамалик шаха Исмаила I.

Эшикагасибаши (азерб. «глава начальников порога»). Главный церемониймейстер двора. Функции его состояли в том, что он действовал как главный церемониймейстер на придворных собраниях и торжествах, имея в своем подчинении большой штат служащих: адъютантов (ясавулан-и сохбат), церемониймейстеров (эшикагасиян), евнухов (агаян), привратников (капучиян), ясавулов, глашатаев (джарчиян)[1037].

Мухрдар или мухрдар-и мухр-и хумаюн — «хранитель августейшей печати». В ранний период, как указывается в «Тазкират ал-мулук», мухрдар пользовался большим почетом. Он прикладывал «августейшую печать» на указы о назначениях (ракам) везиров, мустоуфиев, калантаров, а также документов, касающихся союргалов, тиулов, жалуемых эмирам, правителям

[1035] Тазкират ал-мулук, стр. 29—30, 118—119 Факс, л. 19б.

[1036] Из рассказа Искендера Мунши выясняется, что во время смерти Тахмасиба назиров было одновременно двое — Мирза Салман и Хадже Абуль Касим, причем если первым был назиром большинства (аксар) буютат, то второй контролировал только несколько (ба'зи аз буютат). См.: Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 164.

[1037] Тазкират ал-мулук, стр. 118. Факс, л. 13а.

и т. д.[1038] Искендер Мунши сообщает о том, что после вступления на престол шах Исмаил II обратился к царевичу Ибрагим-мирзе и сказал, что «ты был для шаха, коему убежище рай (т. е. шаха Тахмасиба. — *О. Э.)* как сын, служил ему целиком и теперь для меня ты как брат. (Должность) Эшикагасибашигери не подходит для тебя». Поэтому, шах назначил его мухрдаром, чтобы «он всегда сидел перед ним и удостаивался беседы и разговора». Пост эшикагасибаши был передан Хусейнкули-солтану Шамлу[1039].

Миршикарбаши был хозяином шахской охоты. Ему подчинялись миршикары, ловчие, сокольничьи (кушчиян) и т. п. Охота была важным мероприятием, имевшим не только характер развлечения. Большие облавные охоты, в которых помимо шаха и его свиты принимали участие десятки тысяч воинов, крестьян-загонщиков зверей, охватывавшие обширные районы, являлись по существу военными маневрами [1040]. Идентичным термином, очевидно, был «овчибаши»[1041].

Халифат ал-хулафа («халиф халифов») был главой разветвленной сети агентов (хулафа — араб. мн. число от халифе) ардебильского тариката (ордена) Сефевидов. По существу, он направлял и контролировал всю деятельность сефевидского ордена. Благодаря хорошо организованной службе своих агентов Сефевиды смогли привлечь на свою сторону и собрать под знаменем шиизма кызылбашские племена, расселенные на обширной территории, включающей Азербайджан, Армению, Малую Азию и северные области Ирана. Ведомство халифат ал-хулафа являлось, таким образом, пережитком теократической организации ордена «Сефевийе», основанной шейхом Сефи ад-Дином.

Как указывает В. Ф. Минорский, придя к власти, Сефевиды оказались во главе двойной администрации: «как короли, они унаследовали систему управления своих предшественников (в основном Ак-Коюнлу); как верховные главы первоначального ордена они потребовали слепого повиновения своих суфиев»[1042]. В периоды кризисов они взывали к чувствам «шахисевени» («преданности шаху») своих сторонников и нередко улаживали межплеменные раздоры благодаря строжайшей дисциплине, ца-

[1038] Там же. л. 40а.
[1039] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 206.
[1040] О грандиозных охотах шаха Исмаила I см.: Анонимная история Исмаила, лл. 204а—206а, 303а; Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 521—522 и т. д.
[1041] Такмилат ал-ахбар, л. 260б.
[1042] Тазкират ал-мулук, стр. 125. В. Ф. Минорский, ссылаясь на Анонимную историю, отмечает, что, когда Исмаил скрывался от врагов в Гиляне, штаб ордена, обслуживавший его, состоял, помимо его леле, из халифат ал-хулафа, абдала, деде и хадима.

ривщей среди последователей ордена, беспрекословному подчинению мюридов своему «мюршид-и камил» (т. е. шаху)[1043].

Наряду с «халифе» существовала еще одна категория «посвященных», которые назывались «пире» («старшие, старейшины»). По мнению В. Ф. Минорского, терминологически «хулафа» является сокращенной формой «халифат ал-хулафа». Одним из самых ближайших соратников Исмаила, ведавших делами ордена и способствовавших его победам как способный полководец, был, как это видно из источников, Хадим-бек Хулафа, или, как он чаще упоминается, Хулафа-бек.

«Халифат ал-хулафа» назначались из привилегированной прослойки кызылбашских племен и, как правило, были тюрками, азербайджанцами. С их помощью шахи сефевидской династии контролировали не только те силы, которые привели их к власти и на которые они опирались, но и широкую сеть своих приверженцев. Халифат ал-хулафа имели огромную власть, они считались заместителями «мюршид-и камил» (т. е. шаха) по делам тариката. Так, при шахе Тахмасибе I упоминается Хусейнкули Хулафа Румлу, который занимал пост халифат ал-хулафа. Хотя он и не был «обладателем барабана и знамени», но пользовался огромным авторитетом и влиянием. Многочисленные суфии, прибывавшие из Диярбекира и других областей Малой Азии к «шахскому порогу», были полностью подчинены ему[1044]. Искендер Мунши в списке эмиров — современников Тахмасиба упоминает в числе обычных «халифе» 3 эмиров шамлу, I эмира туркман, 4 эмиров зулькадар, 3 эмиров каджар, I эмира курда, I эмира племени чагатай[1045].

Суфийская организация была так живуча, что даже после смерти Аббаса I идея о том, что шах является «мюршид-и камил» своих приверженцев, была признана его министрами. Но в дальнейшем должность халифат ал-хулафа была отделена от политического ведомства и превратилась просто в «секретариат по делам суфиев»[1046]. Так, в «Тазкират ал-мулук» указывается, что халифат ал-хулафа, действуя от имени шаха, назначает своих агентов (халифе) во все области (мамалик)[1047].

Мунши ал-мамалик — «государственный секретарь». В. Ф. Минорский отмечает, что мунши ал-мамалик был важным сановником, так как он был членом шахского совета и имел в своем распоряжении

[1043] О терминах «суфи», «кызылбаш», «халифа» и «халифат ал-хулафа» см. также: *И. Фальсафи.* Зандегани-и шах Аббас-и аввал, т. 1, стр. 180—183.

[1044] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 202.

[1045] Там же, стр. 138—141.

[1046] Тазкират ал-мулук, стр. 125—126; *R. M. Savory.* The Office of Khalifat al-khulafa under the Safavides. Journal of the American Oriental Society, vol. 85, number 4, Oct.—Dec, 1965, Baltimore, pp. 497—502.

[1047] Тазкират ал-мулук, л. 29б.

значительный штат писцов[1048]. Он вел часть шахской корреспонденции наряду, с **ваки'еневис** (меджлис-невис). Трудно установить функционально отличие между этими двумя должностями. Ваки'е-невис протоколировал заседания государственного совета (меджлис-и 'ала), заведовал архивом и был придворным историографом, личным секретарем шаха, вел переписку шаха с местными правителями и иностранными государями[1049]. Мунши ал-мамалик и его писцы выполняли установленные формулы (тугра) на всех шахских посланиях (парванаджат), на фирманах и других официальных документах[1050].

Из известных мунши ал-мамалик времени шаха Тахмасиба Искендер Мунши упоминает: Мухаммеди-бека Тебризи Кечечи, родственника везира Исмаила Шамс ад-Дина Закария; Мирзу Мухаммеда (сына Хадже Али-бека Сорха Кермани), вступившего на должность при шахе Исмаиле II, а при Худабенде после-убийства Мирзы Салмана ставшего мустоуфий ал-мамалик; кази Абдуллу Джувейни и Хадже Ала'ад-Дина Мансура[1051]. Все они были из числа придворных, пользовавшихся обществом шаха. «Тазкират» указывает, что мунши ал-мамалик пользовался большим почетом при ранних Сефевидах[1052].

Муаййер ал-мамалик — «пробирщик государств» возглавлял монетное дело в государственном масштабе. Заведующий монетным двором «зарраб-баши» находился в его подчинении. Важность этой должности определялась тем фактом, что монетный двор выплачивал шаху известную сумму за право чеканки монет. Налог за право чеканки монет назывался «ваджиби». Его размер, как указывает В. Минорский, зависел от стандартов денежного обращения и установление его было весьма тонкой задачей, ибо, с одной стороны, было желательно извлечь как можно больше прибыли, а с другой — снижение достоинства монет могло бы расстроить торговлю и даже вызвать беспорядки[1053]. Он имел во всей стране своих агентов, которые контролировали добычу драгоценных металлов.

При ранних Сефевидах количество подати «ваджиби», взимавшейся в пользу шаха, было 30 динаров на 1 мискаль с золота и 2 динара на 1 мискаль с серебра. При поздних Сефевидах налог значительно увеличивается[1054].

Мухтасиб ал-мамалик — «государственный мухтасиб» — чиновник центрального аппарата, контролировавший городские базары, утверждавший цены на товары. Его главной обязанностью было следить за правильным

[1048] Там же, стр. 132.
[1049] Там же, стр. 121 — 122.
[1050] Тазкират ал-мулук, лл. 39а, б.
[1051] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 167.
[1052] Тазкират ал-мулук, л. 41а.
[1053] Там же, стр. 128.
[1054] Там же, л. 37а.

ведением торговли, соблюдением мер и весов, пресекать жульничество. Виновника подобных нарушений в назидание другим он приговаривал к позорному обряду «тахта-кулах», т. е. на голову нарушителя одевали «деревянный колпак». Мухтасиб ал-мамалик имел своих полномочных представителей во всех областях (мамалик)[1055].

Источники редко упоминают эту должность. О крупном феодале Мирзе Абдул Хусейне Джаханшахи, занимавшем должность мухтасиб ал-мамалик, сообщает Искендер Мунши[1056].

У каждого из отмеченных гражданских, военных, духовных и придворных сановников имелись свои канцелярии и штат чиновников. Рассмотрим некоторые из них, упомянутые в источниках рассматриваемого времени.

Ясавул терминологически происходит от монгольского «яса» — «закон, порядок». Ясавулы устанавливали порядок в присутствии шаха. Ясавулами «могли быть только сыновья уважаемых эмиров и в старые времена их было 8 или 9, не больше. В шахских собраниях (меджлис-и хасс) они служили вместо эшикагасибаши, а в публичных собраниях они стояли напротив шаха между тем как меджлис обслуживался эшикагасибаши. Они находятся в подчинении эшикагасибаши высочайшего дивана, который утверждает их жалованье и службу»[1057].

Шереф-хан Бидлиси проливает свет на организацию подготовки этих шахских адъютантов. Юные еще сыновья высокопоставленных родителей отдавались в услужение к принцессам шахского гарема. Они находились под постоянным контролем и заботой наставников испытанной нравственности и набожности. С возрастом их обучали всем видам военных игр, включая чоуган (поло). В их программу было включено также рисование, так как шах Тахмасиб говаривал, что оно «улучшает вкусы человека»[1058].

Лешгерневис — «Войсковой письмоводитель». В начале правления шаха Тахмасиба лешгерневисом был Хадже-бек Ширази, пользовавшийся большим авторитетом и уважением среди эмиров и войска, так что его считали находящимся «у порога должности везира». После его смерти на этот «высокий и благородный пост» (мансаб-и вала арджуманди) выдвинулся Мухаммеди-бек брат Ахмеди-бека, который служил до того авараджаневисом Азербайджана. После своего брата на пост вступил Ахмеди-бек, исполнявший его до смерти шаха Тахмасиба и в первое время воцарения шаха Исмаила II. Он умер в начале правления шаха Аббаса I. Искендер Мунши указывает, что все они были родом из Шираза, известны

1055 Там же. Факс, лл. 79б—80б.
1056 Тарих-и алем арай-и Аббаси, т. 1, стр. 150.
1057 Тазкират ал-мулук, л. 44а.
1058 Шереф-наме, т. 1, стр. 450.

там под фамилией Хакие, но давно покинули его и некоторые из них служили в Ираке, Азербайджане, а также при дворе[1059].

Мустоуфий-и мал (то же, что и «забитаневис», «муфраданевис»). Служил под началом мустоуфий ал-мамалик. Искендер Мунши при перечислении чиновников канцелярии (асхаб-и дафтархана) указывает, что «мустоуфий-и мал» — это то, что сейчас (т. е. в первую половину XVII в.) называют также забитаневис и муфраданевис». В должности мустоуфий-и мал упомянут Мир Абу Тураб Натанзи[1060]. В. Минорский указывает, что техническое значение забитаневис «сборщик доходов». При нем состоял штат писцов, которые регистрировали денежные суммы (вуджухат), поступающие в диван, в отличие от ведомства «Авараджа». Согласно «Тазкират ал-мулук», суммы, подлежащие сбору в ведомстве забитаневис, — это дорожные подати (вуджух-и рахдари), налоги на табачную торговлю, чобан-беги (налог со скота) и т. д.[1061]

Авараджаневис. На основании некоторых источников В. Минорский приходит к заключению, что «авараджа» — «книга или документ, в соответствии с которым производилась уплата податей индивидуальными налогоплательщиками и в которых очередные взносы были вписаны в порядке, позволявшем делать дополнения»[1062]. Авараджаневис также служил под контролем мустоуфий ал-мамалик и относился к финансовому ведомству. По предположению В. Минорского, забитаневис, как правило, имел дело с шахской собственностью (и случайными доходами со всех областей мамалик) между тем как те, кто ведает книгами авараджа, заносили поступления с государственных земель (мамалик).

На основании «Тазкират ал-мулук» В. Минорский устанавливает следующие функции авараджаневиса. Первым долгом их обязанностью было регистрировать в книге имена налогоплательщиков. Во-вторых, они производили различные отметки на документах, поступающих от служащих дивана. В-третьих, они принимали и направляли документы (парванаджат) относительно тиула, хаме сале и т, д. В-четвертых, их функцией была регистрация и проверка ракамов и парвана, направляемых областным властям, которые ведают сбором податей[1063].

О значении этой должности можно судить из высказывания Искендера Мунши, согласно которому при шахе Тахмасибе I «иногда[1064] обязанности истифа (мустоуфий ал-мамалик.— *О. Э.)* распределялись между

[1059] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 164.
[1060] Там же, стр. 145.
[1061] Тазкират ал-мулук, л. 67а.
[1062] Там же, стр. 144
[1063] Там же, стр. 145.
[1064] Очевидно, когда не было мустоуфий ал-мамалик.

аваракджаневисами шахской канцелярии и каждый из них становился муструфием своего ведомства»[1065].

Из чиновников, исполнявших функции аваракджаневиса, Искендер Мунши упоминает:Хадже Мухаммеда Амина, который был аваракджаневисом Азербайджана и Ширвана; Хадже Рашид-бека Ширази, аваракджаневиса Ирака; Ага Асада, аваракджаневиса Хорасана и Кермана; Мир Не'матуллу, аваракджаневиса Фарса.

Сахиб-и тауджих (тауджих значит «направлять», «адресовать»). На основании сведений Шардена и Кемпфера, В. Минорский высказывает мысль, что ведомство «тауджих» было ведомством оплаты и «так как большинство платежей производилось по ассигновкам, выданным получателям денег на земли и другие источники дохода, сахиб-и тауджих можно рассматривать как «хозяина ассигновок». В «Тарих-и алем арай-и Аббаси» упоминается Хидаят-бек Ширази, бывший на должности «сахиб-и тауджих-и диван-и 'ала». Он был из родственников Хадже Хабибуллы, также ранее служившего на посту «сахиб-и тауджих»[1066].

Сахиб-и тауджих имел свой штат писцов и подчинялся мустоуфий ал-мамалик, в функции которого входили также «шахские предписания» определять размер разных случайных налогов и следить, чтобы они произвольно не повышались[1067].

Мустоуфий-и арбаб-и тахавил («арбаб-и тахавил» равнозначно «тахвилдаран»), - чиновник, имеющий дело с чеканкой монет, товарами и сырьем, вверенным мустоуфиям буютат. Он являлся ответственным контролером собственности, распределенной между различными буютат шахского дворца[1068]. В источнике упоминается некий Ага Сейф ал-Мулук Техрани, бывший мустоуфий-и арбаб-и тахавил, который «пользовался обществом шаха» Тахмасиба [1069]. Среди **мушрифан-и буютат** шаха Тахмасиба у Искендера Мунши упоминаются: Мирза Бабаи Ширази, мушриф шахской казны (мушриф-и хезаней-и амере); Мирза Касим Ширази, мушриф конюшни (мушриф-и тавиле); Мирза Хасан Исфагани, мушриф шахской гардеробной и портняжной (мушриф-и рекабхана ве гайчачихана); Мир Сейид Сейфи, мушриф помещения верблюдов (мушриф-и шоторхан)[1070].

Везир-и курчиян-и а'зам, мустоуфий-и курчиян-и а'зам («везир великих курчиев», «мустоуфий великих курчиев»). Очевидно, в данном случае мы имеем дело с везиром и мустоуфием военного корпуса шахских

[1065] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 165.
[1066] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 165.
[1067] Тазкират ал-мулук, стр. 143
[1068] Там же, стр. 140.
[1069] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 165.
[1070] Там же, стр. 166.

гвардейцев, курчиев. Они существовали при начальнике корпуса гвардейцев курчибаши, ведя для него канцелярскую и бухгалтерскую работу. Как видно из «Тазкират ал-мулук», везир действовал в качестве секретаря и финансового контролера, подготовлял документы о назначении и прикладывал печать (или индоссировал) на приказы, удостоверения, отчеты и т. д.[1071] Мустоуфий, по-видимому, был подотчетен ведомству мустоуфий ал-мамалик, между тем как везир, возможно, контролировался везиром диван-и 'ала, хотя для категорического утверждения этого мы не имеем оснований.

Искендер Мунши упоминает при шахе Тахмасибе Аликули-бека из рода Арабгирлу, бывшего везиром великих курчиев. При этом сообщается, что этот пост принадлежал его отцу Хусейн Али-беку и их фамилии с самого начала власти Сефевидов. В качестве «мустоуфия великих курчиев» служил Мирза Фатхулла Исфагани из родии Хадже Мелика, который сначала был мустоуфий-и курчи, а затем мустоуфий ал-мамалик[1072].

Помимо указанных выше должностей центрального аппарата при дворе имелся целый ряд других сановников, таких например, как: **Мирахурбаши** — начальник конюших, **михмандарбаши** — заведующий приемом чужеземных послов и почетных гостей, **суфрачибаши** — начальник стольников, **халвачибаши** — начальник придворных кондитеров, **шарабчыбаши** — начальник виночерпиев, **мунаджжимбаши** — глава придворных астрологов и т. д.

Провинциальная администрация. Достоверно известно, что в XVII в. Сефевидская держава была в административном отношении разделена на области (эйалет, мн. эйалат), во главе которых стояли шахские наместники, именовавшиеся «беглярбека» (точнее, «беглярбеги» по азерб. bəylərbəyi - «бек беков»)[1073]. Согласно «Тазкират ал-мулук», областей, управляемых беглярбеками, было тринадцать: 1) Ширван, 2) Карабах и Гянджа, 3) Азербайжан (ныне Иранский), 4) Чухурсаад, 5) Казвин, 6) Каламров-и 'Али Шакар (Хамадан), 7) Кух Гилуйа (Фарс), 8) Керман, 9) Астрабад, 10) Мешхед-и Мукаддас-и Му'алла, 11) Герат, 12) Мерв-и Шахиджахан, 13) Кандахар[1074].

В. Минорский полагает, что термин беглярбек появляется при шахе Аббасе I. До этого, по его мнению, Сефевидское государство управлялось хакимами[1075]. При этом он ссылался на то, что в «Тарих-и алем арай-и Аббаси» правители упоминаются просто как хакимы, а Алессандри

[1071] Тазкират ал-мулук, стр. 141.
[1072] Тарих-и алем арай-и Аббаси. стр. 164—165.
[1073] Об этимологии термина см.: *H.Zərrinəzadə*. Fars dilində Azərbaycan sözləri. Bakı, 1962, səh. 199—200.
[1074] Тазкират ал-мулук, лл. 7а, б.
[1075] Там же, стр. 163.

сообщает, что при шахе Тахмасибе государство было разделено на 50 частей, находившихся под управлением султанов[1076].

Между тем И. П. Петрушевский отмечает, что беглярбеки существовали задолго до шаха Аббаса I. Того же мнения придерживается К. Рохрборн[1077]. Они соединяли в своих руках административную и военную власть, командовали местным феодальным ополчением (черик, кошун)[1078]. Эйалеты являлись государственными областями и охватывали преимущественно пограничные территории. Поэтому администрация этих областей носила военный характер; беглярбек соответствует арабской форме «эмир ал-умара» («эмир эмиров»). В источниках рассматриваемого периода в качестве правителя области вместо термина беглярбек чаще употребляется его синоним эмир ал-умара что не должно вводить нас в заблуждение. При первых Сефевидах назначение на пост эмир ал-умара или беглярбеков было исключительно прерогативой азербайджанской племенной знати. Беглярбеки назначались из числа кызылбашской феодальной знати или из царевичей. Каждый из них располагал своим двором, являвшимся по существу копией шахского двора. Система областной администрации во многих отношениях была сходна с центральной. Основные посты в центральном аппарате такие, как садр, везир, курчибаши, имели своих двойников в провинциальном аппарате.

Представители могущественной кызылбашской знати наследственно управляли областями в качестве беглярбеков, эмир ал-умара и хакимов. Так, например, Карабах и Астрабад управлялись эмирами двух колен племени каджар; Ширван — племени устаджлу, Азербайджан (южная часть) — племени текели и туркман; Чухурсаад — племени устаджлу, Фарс — племени зулькадар; Керман — племени афшар; Хамадан — племени текели; Герат — племени шамлу и т. д.[1079]

Беглярбеки (или эмир ал-умара) практически были независимы от центральной власти в своих внутренних делах. Они выплачивали шаху определенные подати, собираемые их чиновниками у подвластного населения, держали при себе вооруженную силу, состоящую из своих соплеменников, и обязаны были по приказу шаха принимать участие в военных экспедициях или в подавлении восстаний народа. Некоторые из

[1076] См. приведенный выше список кызылбашских эмиров Искендера Мунши, а также: Путешествия венецианцев, стр. 226.

[1077] Низам-и эйалат, стр. 29.

[1078] *И. П. Петрушевский.* Азербайджан в XVI—XVII вв., стр. 247; *его же.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI— начале XIX вв., стр. 118.

[1079] См. гл. IV и V настоящей монографии, а также: *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 121; *его же.* История Ирана, стр. 294—295.

областных правителей были столь могущественны, что даже соперничали с шахом в отношении богатства и роскоши своего двора.

В качестве примера упомянем вождя устаджлу Абдулла-хана. В 956 г. х. (1549—1550 гг.) он был назначен на должность беглярбека Ширвана и в течение 17 лет вплоть до своей смерти в 974 г. х. (1566—1567 гг.) занимал этот пост. Ему удалось подавить сепаратистские выступления ширванской знати (Курбана Али, Мехраба, Касим-мирзы), укрепив здесь власть Сефевидов. После этого влияние Абдулла-хана еще более возросло. С ним очень считался шах Тахмасиб, которому он приходился к тому же двоюродным братом[1080]. Дженкинсон в своих записках не случайно большое место уделяет описанию царственной пышности двора ширванского наместника Абдуллы-хана, величая его «королем Ширвана»[1081].

Теперь рассмотрим некоторые должности областного бюрократического аппарата, который подчинялся беглярбеку. При этом надо отметить, что источники естественно уделяют меньше внимания провинциальной администрации в сравнении с центральной, что, разумеется, затрудняет нашу задачу.

Мы уже отмечали что Сефевиды во многих отношениях переняли административное устройство своих предшественников, что относится также к посту областного везира. Мы можем привести много фактов существования такого везира при беглярбеках. Так, в 916 г. х. (1510 г.) после победы над узбеками при Мерве и занятия Хорасана шах Исмаил уделил значительное внимание организации управленческого аппарата в новозавоеванной области. На службу к Сефевидам перешел Хадже Камал ад-Дин Махмуд Сагерчи, бывший до того мушрифом дивана Шейбани-хана. Он был назначен на должность везира и сахиб-дивана[1082]. В 937 г. х. (1530—1531 гг.) Хусейн-хан Шамлу, беглярбек Герата направил ко двору миссию в составе своего везира Ахмед-бека Нур Камала Исфагани, своего векила Хусейн-бека, Хадже Саиди и Ага Камала Кермани, везиров Ахмед-солтана[1083] (очевидно, Ахмед-солтан Суфи-оглы Устаджлу, беглярбек Кермана). В 940 г. х. (1533—1534 гг.) правитель (эмир ал-умара) Азербайджана Муса-солтан оставил устройство дел своему везиру Хадже Шахкули[1084]. Шейх Маджид Кермани был везиром правителя Багдада Мухаммед-хана Текели[1085], оставившего город в 941 г. х. (1534—1535 гг.) перед лицом османского вторжения.

[1080] Абдулла-хан был сыном Кара-хана Устаджлу, брата одного из прославленных полководцев шаха Исмаила I—Мухаммед-хана Устаджлу. Матерью Абдулла-хана была сестра шаха Исмаила.
[1081] Английские путешественники, стр. 203 и след.
[1082] Хабиб ас-сийяр, т. IV, стр. 513—514.
[1083] Джавахир ал-ахбар, лл. 302б.
[1084] Ахсан ат-таварих, стр. 247.
[1085] Джавахир ал-ахбар, л. 310б.

Искендер Мунши сообщает, что в числе наиболее видных везиров областей (мамалик-и махруса) были Мирза Ата'улла Исфагани, бывший везиром (и мумайезом) всего Азербайджана и Ширвана и Ага Камал ад-Дин Зейн ал-'Ибад Кермани, везир (и мумайез) всего Хорасана[1086]. Будак Казвини указывает, что в 967 г. х. (1559—1560 гг.) вышеупомянутый Мирза Ата'улла был везиром всего Азербайджана, Ширвана, Шеки и Грузии (Гурджи)[1087]. Здесь же указано, что Ага Мулла, везир Казвина был направлен послом к Баязиду сыну султана Сулеймана[1088]. Далее Искендер Мунши отмечает, что Хадже Касим Али в прошлом везир Хасан-бека юзбаши Устаджлу, был удостоен поста везира Азербайджана. Его брат Хадже Инаят Турке стал вместо него везиром Хасан-бека. Оба они были родом из Тебриза и уважаемыми людьми при дворе Тахмасиба. Хадже Мухаммед Шериф Техрани, освобожденный от везирата Иезда, стал везиром Исфагана. Мирза Бади аз-заман, сын Ага Талая Даватдара Казвини служил везиром Кашана. Один из его братьев Ахмед-бек был везиром ряда магалов Хорасана. Мирза Абдулбаги, сын Мир Фазлуллаха Шахристани, после смерти Мир Сейида Али Резеви Куми, бывшего везиром Казвина, занял его должность[1089].

Мы знаем немало случаев, когда областные везиры выдвигались на должность везира центральной администрации. Так, Мирза Шах Хусейн Исфагани, вступивший на пост везира дивана после Чалдырана, служил до того везиром правителя Исфагана Дурмуш-хана Шамлу. Мир Джафар Саведжи, везир шаха Тахмасиба, был в прошлом везиром Зейн ад-Дин-солтана Шамлу в Багдаде[1090]. Упомянутый выше Ахмед-бек Нур Камал Исфагани стал также везиром высочайшего дивана»[1091]. Количество подобных примеров можно было бы увеличить.

Упоминание областного **курчибаши** в источниках очень редко, но тем ие менее, существование курчибаши при областных правителях вряд ли может вызывать сомнения. Так, в 984 г. х. (1576—1577 гг.) некогда могущественный Хусейнкули Хулафа Румлу, вызвав недовольство шаха Исмаила II, был смещен с поста вождя племени румлу и назначен курчибаши курчиев Мешхеда[1092].

В 974 г. х. (1566—1567 гг.) Сефевиды после многих трудностей овладели, наконец, Гиляном, и правитель Гиляна Хан Ахмед был в конечном счете выслежен и схвачен эмиром Хусам-беком Караманлы (сыном Байрам-

---

[1086] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 165.
[1087] Джавахир ал-ахбар, л. 327а.
[1088] Там же.
[1089] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 165—166.
[1090] Джавахир ал-ахбар, л. 303б.
[1091] См. раздел о везирах центральной администрации настоящей работы.
[1092] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 203.

бека), который был курчибаши Имамкули-мирзы[1093]. В источнике упомянут также курчибаши Падар, который прибыл из Ширвана ко двору шаха Тахмасиба в 1538 г. и сопровождал кызылбашское войско во время завоевания Ширвана[1094], хотя кем он был на самом деле установить трудно.

Садр — одна из должностей провинциальной бюрократии, которую Сефевиды наследовали у государств Кара-Коюнлу и Ак-Коюнлу. В качестве примера областного садра можно указать на эмира Гияс ад-Дина Мухаммеда бин эмир Юсифа. После овладения Хорасаном шах Исмаил в 916 г. х. (1510 г.) назначил эмира Гияс ад-Дина казием Хорасана с «единой и независимой властью во всех делах шариата»[1095]. Когда в 922 г. х. (1516 г.) Тахмасиб-мирза был назначен правителем Хорасана и отправлен туда, его леле был Амир-солтан (Амир-хан Туркман), который стал фактически правителем, а садром царевича был назначен эмир Гияс ад-Дин[1096].

То, что мы говорили выше относится к государственным областям, областям дивана.

Между тем значительный массив земель входил в хассе сефевидских шахов и имел чисто гражданскую администрацию. Они управлялись специальными чиновниками шаха, везирами[1097], которые также имели под рукой штат служащих. О районах хассе первых Сефевидов источники дают нам очень недостаточную информацию. Мы знаем, например, что Ардебильский округ был хассе династии Сефевидов. Далее Искендер Мунши сообщает, что большинство земельных угодий и имений в области Исфагана принадлежало Тахмасибу I и являлось хассе наследника трона Хамза-мирзы. Заведывание (даругаки) своего хассе Хамза-мирза поручил Мир Хусейн-хану Мазандарани, племяннику шахини Махд-и Улья[1098]. Мирза Ахмед, сын Мирзы Нурулла Куфрани Исфагани был везиром личных имений шаха Тахмасиба в Фарсе (везир-и саркар-и хассей-и шерифей-и Фарс). Мир Сейид Хусейн Хатиб Каини был везиром некоторых магалов хассей-и шерифе Герата и «в той стране пользовался большой властью и уважением»[1099]. Везиром Ардебиля стал Мирза Мухаммед Кермани, бывший везиром Ахмед-бека Афшара курчибаши[1100].

О содержании государственного аппарата. Система содержания и вознаграждений административно-бюрократического аппарата была при Сефевидах очень сложной и складывалась из ряда компонентов. В

[1093] Джавахир ал-ахбар. л. 331б.
[1094] Ахсан ат-таварих, стр. 286.
[1095] Хабиб ас-сияр, т. IV стр. 516.
[1096] Хабиб ас-сияр, т. IV, стр. 553.
[1097] Тазкират ал-мулук, стр. 25.
[1098] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 224.
[1099] Там же, стр. 166.
[1100] Там же.

подавляющем большинстве случаев оплата служилых людей производилась посредством выдачи специальных документов (берат, хавале) на право получения всех или части налогов с определенной местности. Эта форма вознаграждения широко практиковалась в Сефевидском государстве и называлась тиулом. Со второй половины XVI в. стали различать два вида тиула: собственно «тиул» и «хаме сале» (т. е. «ежегодное», «всегодное»). Согласно И. П. Петрушевскому «хаме сале» было «жалованием» (маваджиб), данным государственному служащему «на все годы», т. е. практически пожизненно, если лицо, обладавшее им, не уходило со службы[1101]. «Хаме сале» отличается от «йек сале», т. е. одногодного жалования». Помимо тиула, формой вознаграждения было также жалование союргала — права сбора всех без исключения, в том числе и государственных, податей с данной местности. Но эта форма была пережитком ранних времен и не получила распространения в XVI—XVII вв., так как шла вразрез с проводимой сефевидскими шахами политикой централизации.

Ряд государственных сановников был обеспечен постоянными сборами, приданными к их должности. Так, например, великий везир (в XVII в.) «везир-и диван-и 'ала» был обеспечен сборами «хакк ал-визара», т. е. «сбор в пользу везира»; заведующий шахскими (дворцовыми) мастерскими — «назир-и буютат» — «хакк ал-низара»; должности садра и курчибаши — «хакк ал-таулия» и т. д.[1102] Вознаграждение частью производилось натурой, товарами (зерном, продуктами, одеждой и т.д.)[1103]. Этот вид оплаты широко использовался шахами, в частности Тахмасибом I, в отношении шахских гвардейцев — курчиев. Так, Аллессандри пишет: «Расходы из казны очень мизерны, ибо он (шах Тахмасиб. — О. Э.) платит только пяти тысячам солдат, называемых курчиями, которые действуют как его телохранители и отобраны из среды лучших и самых красивых мужчин королевства; даже этим он не платит деньгами, а дает мундир и коней, прибавляя к ним какую-либо ценность, которая на его взгляд подходяща взамен их жалованья»[1104].

Наряду с указанными, широкораспространенной формой вознаграждения должностных лиц были традиционные сборы — «чаевые» (русум). Они существовали в виде процентных отчислений от множества подарков (пишкеш), поступавших к шаху от вассалов и из областей в обязательном порядке как деньгами, так и натурой [1105]. При дворе существовал даже специальный чиновник «пишкеш-невис», который заносил

[1101] *И. П. Петрушевский.* Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., стр. 194—195.
[1102] Тазкират ал-мулук, стр. 152.
[1103] Там же.
[1104] Путешествия венецианцев, стр. 226.
[1105] Тазкират ал-мулук, стр. 155—156; *И. П. Петрушевский.* История Ирана, стр. 294.

в особую книгу эти дары и определял их цену. Существовал твердо установленный порядок, по которому лицо, преподносящее шаху какой-либо дар (пишкеш), было обязано уплатить шаху (или казне) дополнительно еще известный процент от стоимости своего подношения. Если дарящей стороной был шах, то и в этом случае принимающее дар лицо должно было уплатить шаху известную сумму[1106]. Собранные этим путем суммы распределялись затем между различными чиновниками центрального аппарата.

В. Ф. Минорский указывает, что помимо жалования (маваджиб) при Сефевидах согласно «Тазкират» существовала сложная система вознаграждений, «чаевых» (русум, душуллук), учрежденных в пользу различных звеньев государственного аппарата. Они составляли известный процент, или отчисленный от платежей, производимых шахом и казной, или же начисленный на стоимость сделанных шаху даров[1107].

Согласно В. Ф. Минорскому термин «душуллук» состоит из тюрк, существительного «душул» (от «душ»—«падать, снижаться») и суффикса «лук» в техническом значении «расквартирование», «постой». Другое возможное чтение связывается со словом döşəl от глагола döşə —«расстилать ковер, матрац»[1108]. На наш взгляд, более точное смысловое значение можно найти в словаре В. В. Радлова. У него одним из значений глагола душ дано «получать (деньги)»[1109]. Таким образом, техническое значение термина душуллук — «получение денег», «чаевые». Этот термин имеется в фирмане Якуба Ак-Коюнлу от 1488 г., где отмечены две его разновидности: «хукми», т. е. установленный специальным указом, и «истисваби», т. е. «приданный к должности»[1110]. Термин встречается также в числе других феодальных налогов и повиностей в фирмане шаха Тахмасиба I от 1525 г. в форме «душуллук-и аркан-и довлат», т. е. «душуллук в пользу столпов государства»[1111].

Эта своеобразная феодальная повинность упоминается и в нарративных источниках, проливающих свет на его характер в XVI в.[1112] По сообщению Кази Ахмеда, в конце 1578 г. из Ширвана в Казвин возвратилась группа шахских гвардейцев—курчиев, которым не удалось там собрать налоги по ассигновкам казны. Они явились в финансовое ведомство и потребовали ассигновок на другой платежеспособный район. Вместе с тем они потребовали возврата им удержанных казначейством сумм (душуллукат), так как при выдаче им ассигновок они оставили в пользу должностных лиц

[1106] Тазкират ал-мулук, стр. 156.
[1107] Тазкират ал-мулук, стр. 156.
[1108] Там же, стр. 157 (сн. 2).
[1109] Опыт словаря тюркских наречий, т. III, ч. 2, стр. 1817.
[1110] *V. Minorsky.* A Soyurghal of Qasim, pp. 954—956.
[1111] *J. Aubin.* Archives persanes commentees, pp. 5—6.
[1112] Джавахир ал-ахбар, л. 234а.

(арбаб-и манасиб) сумму в размере 10 туманов (душуллук) на каждые 100 туманов дохода (тахсил)[1113]. Из этого сообщения видно, что «душуллук» в данном случае составлял 10% отчислений с дохода.

«Тазкират» также содержит данные, позволяющие характеризовать эту малоизвестную подать. Сообщается, что доход (русум) хранителя малой печати («мухрдар-и мухр-и шараф-нефаз») в форме душуллук составляет 835 динаров с каждого тумана, т. е. 10 тыс. динаров. С назначения валиев, хакимов и других должностных лиц взимается 303 газибеги (1 газибеги равняется 5 динарам) с тумана; от союргалов и муафов — 520 динаров с тумана. Причем указывается, что душуллук взимается только в течение первого года[1114]. В данном случае он представляет сбор с жалованья (дохода) по случаю «первого назначения на должность»[1115]. Термин употребляется также в качестве эквивалента «русум» в виде процентных отчислений от стоимости подарков и пожалований[1116].

Сефевидское войско. В Сефевидской державе не было централизованной регулярной армии. Она составлялась во время войны из отдельных отрядов феодальных ополчений (кошун) областных правителей, беглярбеков. Это были почти исключительно конные отряды эмиров азербайджанских племен, которые сами приводили и уводили свои войска. Эти ополченцы или дружинники (мулазиман, нукеран) содержались и снаряжались самими феодалами, вождями племен. Воины каждого племени подчинялись в первую голову своему эмиру, связанные с ним племенной верностью и сплоченные родовыми традициями. Поэтому даже во время сражений эмиры действовали в значительной мере самостоятельно, не сообразуясь с каким-либо общим тактическим планом. Командующим армией считался сам шах. В тех случаях когда он не принимал участия в походе, его возглавлял один из знатнейших эмиров азербайджанских племен.

Военные силы шаха Исмаила были организованы по тому же племенному принципу, что и войска Ак-Коюнлу. Недостатки и отсталость этой организации стали очевидны в битве при Чалдыране в 1514 г., в которой азербайджанское войско не устояло перед воспринявшей европейский строй и хорошо вооруженной армией османской Турции.

Количество войска, которое Сефевиды были способны выставить во время войны, не поддается точному определению. Эта цифра очевидно не была постоянной, изменяясь в зависимости от степени участия в войне

[1113] Хуласат ат-таварих, л. 421б.
[1114] Тазкират ал-мулук, стр. 62—63; л. 42а.
[1115] Там же, стр. 157.
[1116] Там же, стр. 87, 96; лл. 87б, 101а.

феодальных правителей. Это подтверждается даже скудными сведениями источников. Алессандри считает, что во время войны войско доходило до 60 тыс. человек[1117]. Дж. Векьетти, посетивший сефевидский двор в 1586 г., также полагает, что, «по самым тщательным подсчетам нельзя вооружить более шестидесяти тысяч...»[1118]. Ценные сведения по этому вопросу дает нам Минадои. Он сообщает о численности феодальных ополчении, которые выставляли отдельные области. Так, Исфахан и его область давала 8 тыс. всадников, Кашан — 4 тыс., Саве — 1 тыс., Султания — 1 тыс., Казвин — 12 тыс., Ардебиль— 1 тыс., Шираз—8 тыс., Тебриз — 4 тыс., Кум — 2 тыс., Гянджа и часть Грузии — 4 тыс. человек[1119]. Этот список далеко не полон, так как не включает ряд таких важных областей Сефевидского государства, как Хорасан, Ширван, Чухурсаад, Мешхед, Керман и т. д. Минадои указывает, что Сефевиды могли мобилизовать до 60 тыс. всадников, полагая, что если бы все правители областей государства выступили вместе, Сефевиды могли бы выставить армию, насчитывающую 130—140 тыс.[1120].

Эти сведения в общем согласуются с данными синхронных сефевидских источников. Очень важен в этом отношении подробный рассказ Кази Ахмеда о составе, видах и численности воинских коитингентов, принявших участие в войсковом смотре в 936 г. х. (1530 г.), в связи со сборами шаха Тахмасиба для отражения очередного вражеского вторжения в Хорасан. Общее число войск, участвовавших в этом параде, по сведениям летописца, было 120 тыс. человек[1121]. По сообщению Кази Ахмеда, ко времени кончины Тахмасиба на шахском содержании (маваджиб) состояло 200 тыс. человек из «кызылбашских племен и родов»[1122]. Эта цифра вряд ли покажется завышенной если принять во внимание, что центральной власти никогда не удавалось обеспечить сбор кызылбашских ополчений со всех областей государства.

Таким образом, можно полагать, что численность азербайджанских воинских частей в период боевых операций практически колебалась в пределах 120—150 тыс. человек[1123].

Помимо феодальных ополчений (черик, кошун), при особе шаха на службе состоял гвардейский корпус курчиев числом до 4500 всадников[1124].

[1117] Путешествия венецианцев, стр. 227.

[1118] *G. B. Vechietti.* A. Rtport, p. 318.

[1119] *Минадои,* стр 69.

[1120] Там же, стр. 72—73.

[1121] Хуласат ат-таварих (Б), лл. 76а—88а; (Т), лл. 116а—121а. Этот отрывок послужил материалом для статьи: *Эхсан Эшраки.* Арз-и сипах-и шах Тахмасиб, мугайисе-и ан ба арз-и сипах-и Узун Хасан Ак-Коюнлу. Баррасиха-и тарих-и, шумаре-и 3, сал-и 9, 1353.

[1122] Хуласат ат-таварих (Б), л. 245б; (Т), л. 364б.

[1123] К. Рохрборн также считает, что количество сефевидских войск в дошахаббасовский период превышало 100 тыс. (Низам-и эйалат, стр. 73).

Согласно же Минадои численность преторианской гвардии (т. е. курчиев) было 6 тыс. Кроме них, сообщает он, при шахской особе служили также с аналогичными функциями ясавулы числом в 700 человек во главе с ясавулбаши[1125].

Интересны сведения Минадои относительно содержания шахских гвардейцев. Из 6 тыс. курчиев 4 тыс. живут за счет доходов от поместий (земельных держаний), а остальные 2 тыс. получают вознаграждение (жалованье) из шахской казны в размере от 160 до 200 цехинов[1126].

Курчии представляли собой племенную кавалерию, вооруженную луками, копьями, мечами, кинжалами, боевыми топорами и щитами. Оригинальный головной убор этих отважных воинов представлял собой кызылбашский тадж, введенный шейхом Хейдаром. Во время походов они носили шлемы с панцырными предохранителями вдоль щек. Длинные усы были отличительной чертой курчиев. «Слава о смелости и бесстрашии курчиев была такой, — пишет Искендер Мунши, — что в любой битве, где их была сотня, они были равны тысяче из других членов свиты» (шаха Тахмасиба. — *О. Э.).*

Сосредоточение войска в нужное время и в условленном месте было делом нелегким. Часто случается, что сражения проигрываются Сефевидами по той причине, что эмиры из-за своеволия и междоусобных раздоров опаздывают или вообще не являются в шахскую ставку. Слабая дисциплина и вспышка племенной вражды в самый решающий момент битвы не раз приводили к разгрому кызылбашской армии. Не только ополчения, но и гвардейский корпус курчиев состоял из знатной молодежи тех же кызылбашских племен. Как мы отметили, войско в основном состояло из кавалерийских частей, пехота, очевидно, была незначительна. Оно обладало большой подвижностью, маневренностью.

Относительно вооружения войска Алессандри сообщает, что у них были щиты, мечи, аркебузы (мушкеты). «Стволы аркебузов бывают длиной в 6 пядей (пядь—9 дюймов) и бросают они ядра весом немного меньше трех унций (унция — 28 г). Они обращаются с ними с такой легкостью, — пишет итальянец, — что это не мешает им ни нести луки, ни держать мечи, прикрепив последние к своим седлам, пока случай не потребует их. Аркебуз носится за спиной, так что одно оружие не мешает использованию другого» [1127] . Он указывает на хорошее качество вооружения, которое

[1124] Тарих-и алем арай-и Аббаси, стр. 141—142.
[1125] *Минадои,* стр. 68—69. Близки к сведениям Будака Казвини (см. выше, стр. 116).
[1126] *Минадои,* стр. 77.
[1127] Путешествия венецианцев, стр. 227.

изготовлялось у Сефевидов, на то, что у них оружие «превосходнее и лучше сделано, нежели оружие какого-либо другого народа»[1128].

Существует мнение, что при шахе Исмаиле Сефевиды еще не имели огнестрельного оружия. В. Минорский утверждает, что «огнестрельное оружие было известно в Персии задолго до шаха Аббаса», но наиболее ранним указанием источников на применение кызылбашами пушек и ружей (туп-о-туфанг) считал осаду Сефевидами Эрджиша в 1552 г.[1129] Между тем Анонимный историк и Ибрагим Амини, современники шаха Исмаила, упоминают об использовании в 1500 г. осаждавшими Баку кызылбашами огня не только ружей, но и пушек (атеш-и туп-о — туфанг)[1130]. Известно также, что кызылбашское войско применило пушки против крепости Бугурд во время похода в Ширван шаха Тахмасиба в 1538 г.[1131] Эти факты говорят о том, что Сефевиды располагали огнестрельным оружием с самого начала. Но оно очевидно было у них в небольших количествах и попадало к ним через европейцев от случая к случаю, так как сами Сефевиды его еще не производили.

[1128] Там же; *G. B. Vechietti.* A Report, p. 138.
[1129] Тазкират ал-мулук, стр. 31; Ахсаи ат-таварих, стр. 368.
[1130] Анонимная история Исмаила, лл. 62а, 63б; Шаханшах-наме, лл. 58б, 59а.
[1131] Тарих-и ильчи-и Низамшах, стр. 64.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образование азербайджанского государства Сефевидов представляло одну из важнейших этапных событий в истории средневекового Азербайджана. Появление этого государства не было следствием простой смены династий, а явилось результатом дальнейшего развития феодальных отношений в Азербайджане и сопредельных странах.

Выступление Исмаила Сефеви в 1499 г. началось в период полного распада государства Ак-Коюнлу, вызванного всеобщим ростом народного недовольства в форме шиизма и обострением феодальных междоусобиц. От предыдущих выступлений оно отличалось тем, что обеспечило себе широкую социальную поддержку. Ардебиль и соседние районы явились колыбелью и центром сефевидско-кызылбашского движения. В этих местностях были живучи и популярны старинные хуррамитские идеи социального равенства. Вот почему ударную силу воинских контингентов Исмаила составляли жители Карадага и Талыша — главных очагов крестьянского движения под руководством Бабека.

Через свою широко разветвленную сеть агентов (халифе) в Азербайджане и сопредельных странах Сефевиды подстрекали народ к свержению власти «суннитских еретиков». Бедный люд пошел за ними в надежде на серьезное улучшение своей жизни. Исмаил был в глазах народа имамом—Мессией, преобразователем общественных устоев, борцом за народные интересы. Но история показала, что обещания шиитских шейхов о коренных изменениях в обществе, были ничем иным как социальной демагогией, рассчитанной на обман народа. Придя к власти, Сефевиды встали на путь крутой расправы с движением эксплуатируемых масс.

Первоначально движение кызылбашских племен под руководством Сефевидов носило характер феодального объединения Азербайджана. Но в дальнейшем политическая обстановка поставила перед Сефевидами более широкую задачу. Находящийся на относительно высокой ступени социально-экономического развития Азербайджан составил ядро обширного государства, в состав которого были включены также Армения, восточные области Малой Азии и Иран.

Как внутренняя, так и внешняя политика основателя Сефевидского государства шаха Исмаила I осуществлялась в интересах господствующего класса феодалов, и в первую очередь, азербайджанской знати кызылбашских племен. Внутри страны шахом Исмаилом был проведен ряд мер по укреплению основ своего новосозданного государства. Важной реформой в этой области было объявление шиизма государственной религией, обязательной для всех мусульман. Сефевиды приступили к преследованию суннитов, которых рассматривали как своих политических врагов. Ворьба

Сефевидов с Османской империей на западе и государством Шейбанидов на северо-востоке была облачена в форму религиозной войны между шиизмом и суннизмом.

Шаху Исмаилу удалось отторгнуть от Шейбанидов богатые области Хорасана, но его настойчивые попытки захватить Мавераннахр не дали результатов. Продвижение Сефевидов на запад столкнуло их с могущественной Турцией, которая сама встала на путь проведения широкой экспансии на Ближнем Востоке. Поражение шаха Исмаила при Чалдыране в 1514 г. показало тщетность попыток Сефевидов использовать анатолийских кызылбашей в качестве своей ударной силы. В связи с этим Исмаил предпринимает энергичные меры для укрепления своих позиций в Закавказье. Ширваншахи и шекинские ханы становятся вассалами Исмаила.

После смерти основателя государства центральная власть была расстроена вследствие вспыхнувших междоусобиц знати кызылбашских племен. Период хозяйничанья феодалов племен румлу, текели и шамлу, последовательно сменивших друг друга у власти, длился до 1534 г. К этому же времени относится начало новой полосы сефевидско-османских войн, продолжавшихся с небольшими перерывами 20 лет. Агрессивной стороной в них была Османская империя, достигшая при султане Сулеймане I апогея своего могущества. Стремление Турции завоевать Азербайджан диктовалось прежде всего тем, что страна являлась крупным производителем шелка-сырца, была богата природными ресурсами и через нее проходили доходные пути транзитной торговли между Азией и Европой.

Наступление Турции натолкнулось на упорное сопротивление Сефевидского государства, стремившегося к распространению своего влияния на западное Закавказье, Грузию. Все же превосходство было на стороне Османской империи, располагавшей неисчислимыми людскими и материальными ресурсами оккупированных ею стран. По миру 1555 г. Сефевиды были вынуждены признать западную Грузию сферой влияния Турции. В ходе войны южным областям Азербайджана, оказавшимся на пути вторжения турецких армий, был причинен большой ущерб. Некоторые приграничные районы намеренно опустошались самими Сефевидами, чтобы затруднить продвижение вражеских войск вглубь страны. Положение Сефевидов осложнялось тем, что им одновременно приходилось вести борьбу против узбекских ханов, почти ежегодно предпринимавших набеги в Хорасан.

В эпоху тяжелой и неравной войны с могущественной турецкой державой азербайджанские шахи именно на севере искали себе союзника, способного перекрыть пути наступления крымско-татарской конницы через Дагестан. Складывалась общность интересов русского Московского

государства и азербайджанского государства Сефевидов в борьбе против общего врага - Османской империи.

После смерти шаха Тахмасиба I Сефевидское государство было ослаблено междоусобицами кызылбашской знати. Пришедший к власти в результате кровавой борьбы шах Исмаил II попытался укрепить свою власть массовыми казнями, но пал жертвой заговора феодалов. К концу 70-х годов государство было по существу поделено между кызылбашскими эмирами. Центральная власть в лице слабовольного шаха Мухаммеда Худабенде была парализована и фактически бездействовала.

Внутренними неурядицами в Сефевидском государстве вновь воспользовалась Турция, бросившая в 1578 г. свои полчища в Закавказье. Началась новая полоса войн, длившаяся до 1590 г. В этот период Турция настойчиво и планомерно добивалась оккупации стран Закавказья, не останавливаясь ни перед какими жертвами. Этим странам были причинены тяжелые опустошения. Особенно пострадал Азербайджан, ставший ареной кровопролитных битв. Ширван был превращен в выжженную землю, куда, помимо турок, неоднократно вторгались грабительские орды крымского хана. Охваченное внутренней борьбой и раздираемое противоречиями Сефевидское государство оказалось неспособным противостоять натиску турецких армий и вынуждено было заключить мир. По этому миру Сефевиды признали оккупацию султаном Грузии, Армении и Азербайджана. Изнурительные войны отрицательно сказались не только на исторических судьбах народов Закавказья, подпавших под господство турецких феодалов, но подорвали также мощь и ускорили крах самой Османской империи. Вместе с тем, борьба Сефевидского государства с Османской империей объективно способствовала успешному сопротивлению народов юго-восточной Европы турецкой оккупации и порабощению.

Оккупация Азербайджана Турцией, продолжавшаяся до начала XVII в., положила конец существованию азербайджанского государства Сефевидов, основанного шахом Исмаилом I. Почти двадцатилетнее господство в стране турецких феодалов привело к расхищению ее богатств, упадку экономики Азербайджана. Поэтому Азербайджан не мог сохранить свое былое значение в системе Сефевидского государства XVII в. и уступил его внутренним областям Ирана. Помимо того, азербайджанская знать и кызылбашские племена в ходе внешних и внутренних войн сильно ослабли, потеряв значительную часть своего состава. Азербайджанские феодалы вследствие этого не были в состоянии удержать свои прежние повсеместно господствующие позиции в дальнейшем в XVII в. Они были оттеснены иранскими феодалами, хотя и оставались грозной силой, с которой всегда приходилось считаться.

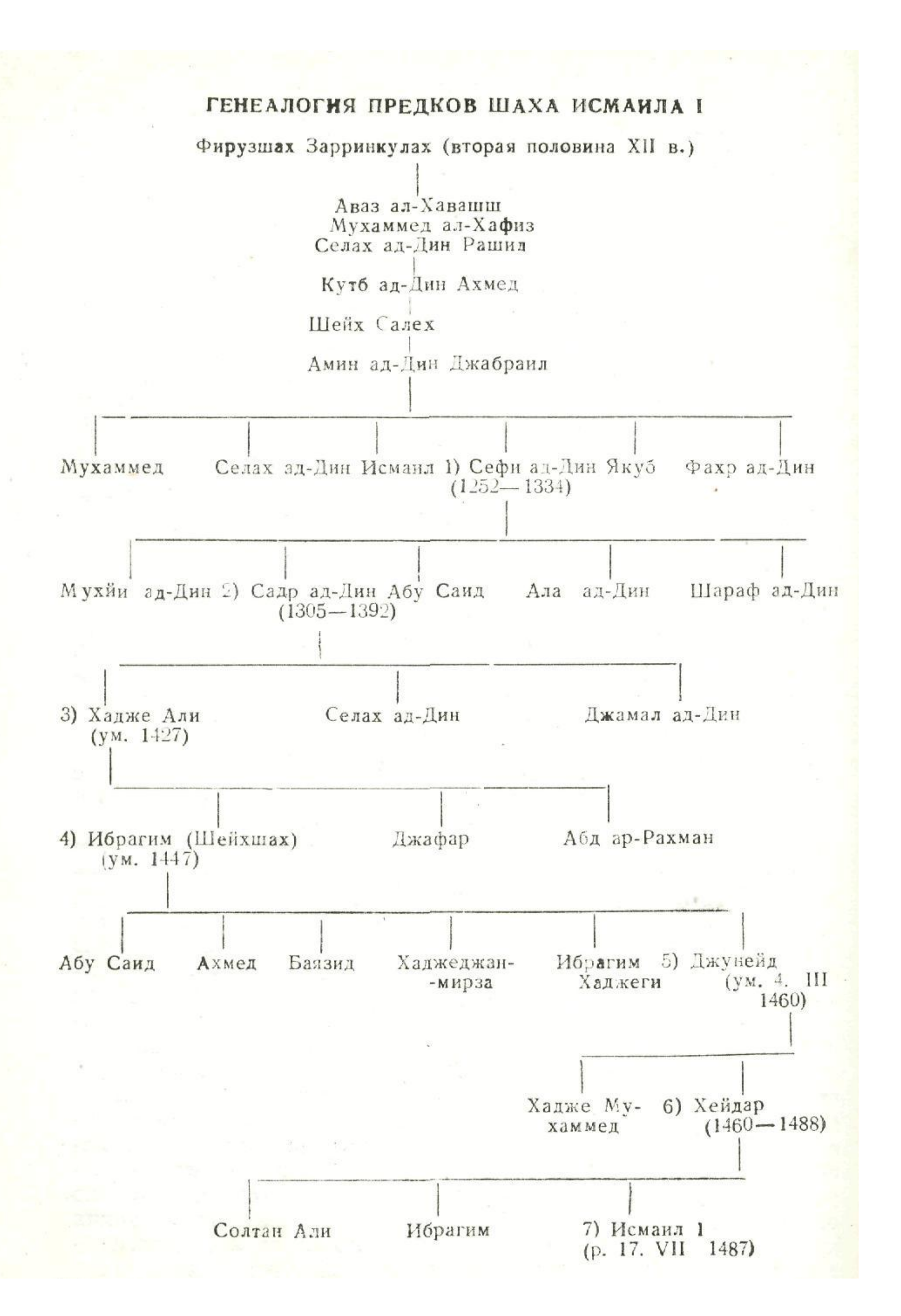
Новым важным моментом в истории феодального Азербайджана следует считать политическое объединение северных и южных областей страны в рамках азербайджанского государства Сефевидов. Новыми чертами был также рост государственной, в частности домениальной земельной собственности, и в прямой связи с этим усиление централизации. В целях централистической политики была вызвана к жизни новая форма условного землевладения — тиул.

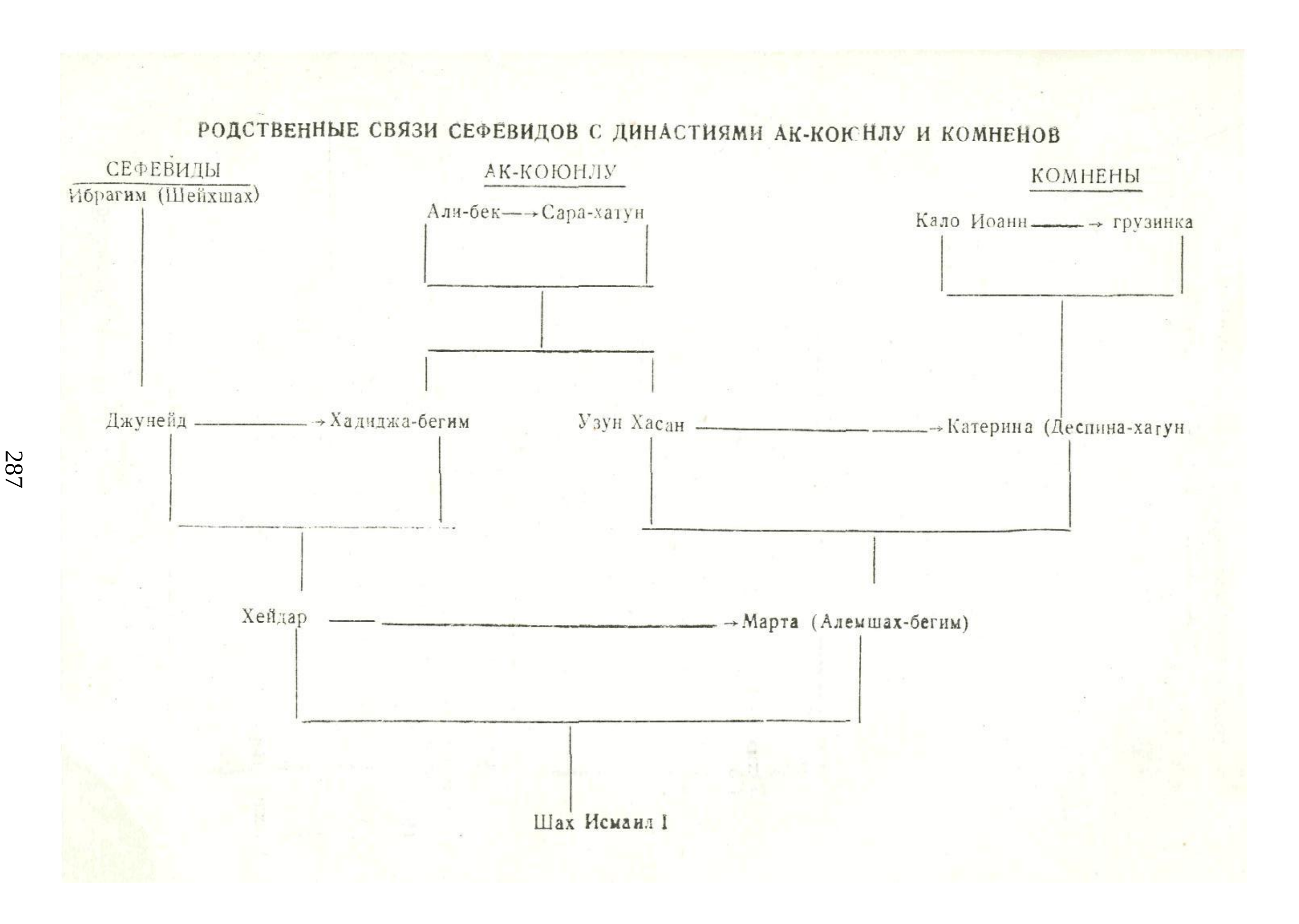
Положение народа, несколько облегченное в первой четверти века, стало тяжелым в конце семидесятых и в восьмидесятые годы. Доведенные до отчаяния трудящиеся массы встают на путь вооруженной борьбы со своими эксплуататорами, наиболее яркой вспышкой которой было тебризское восстание 1571— 1573 гг.

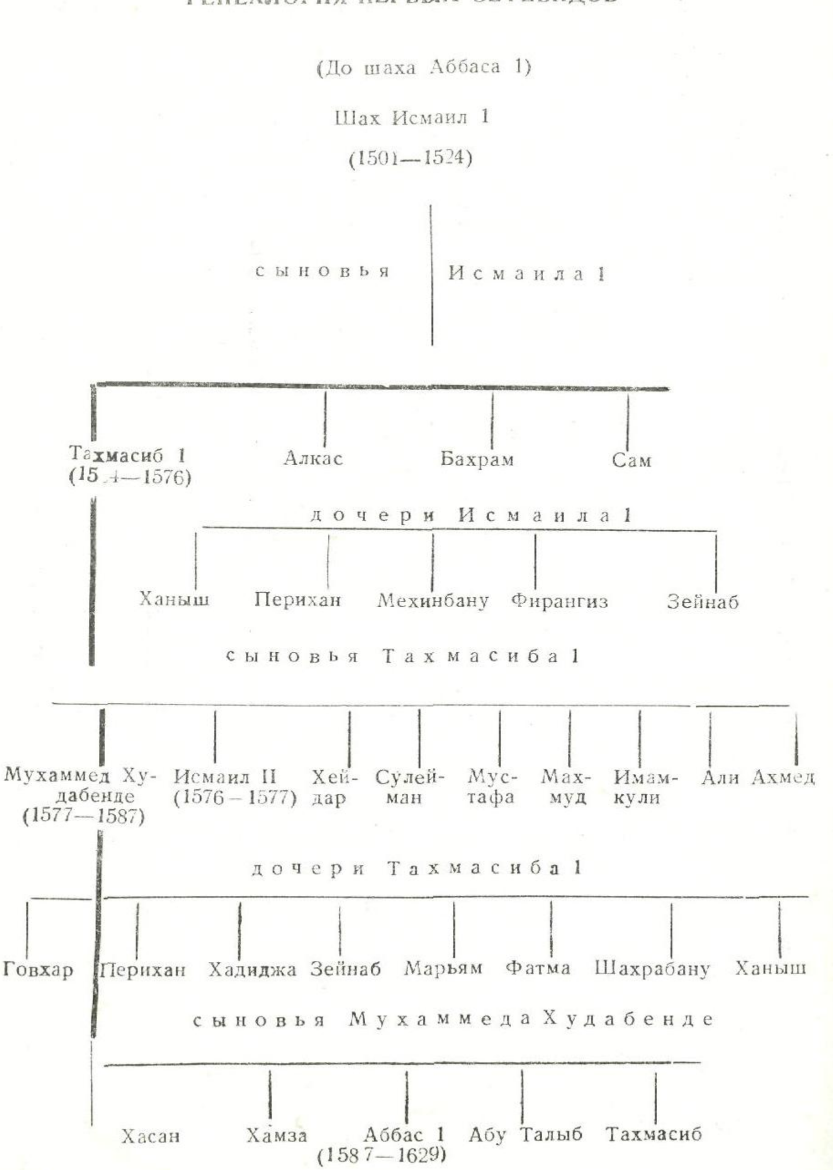
С образованием азербайджанского Сефевидского государства создались сравнительно благоприятные условия для роста производительных сил Азербайджана. Оживилось сельское хозяйство, высокого уровня развития достигли ремесло и торговля. Благодаря местному шелку, получившему всемирную известность, развиваются и укрепляются экономические связи Азербайджана с Россией и странами Европы. Города Ареш, Тебриз, Шемаха и Джульфа выросли в центры международной торговли шелком-сырцом и шелковыми изделиями. Крупными центрами ремесленного производства являлись также Ардебиль, Нахчеван, Гянджа, Баку и ряд других городов.

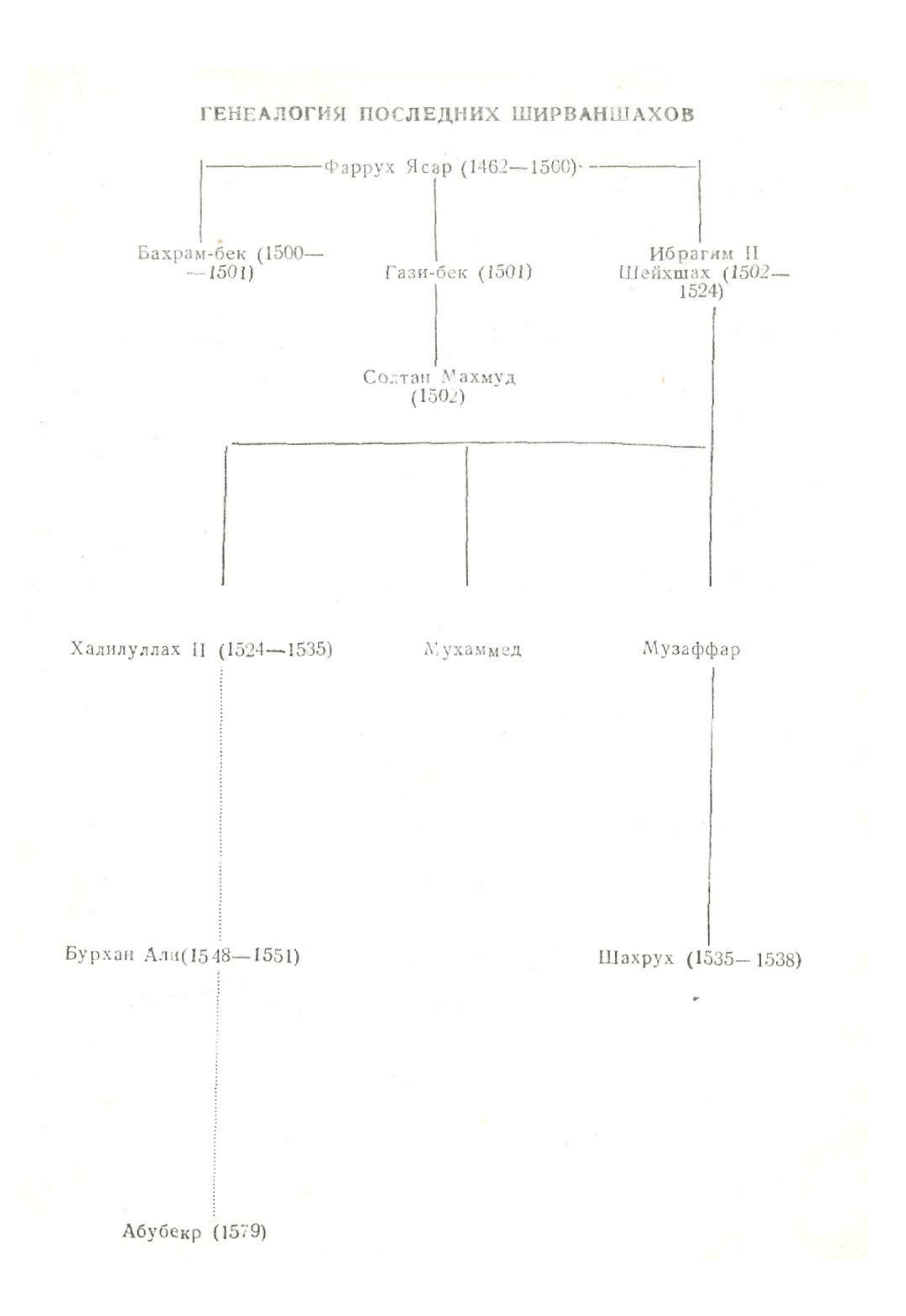
Государство Сефевидов имело некоторые сходные черты с абсолютными монархиями европейского типа. Шах пользовался абсолютной неограниченной властью, сосредоточивая в своих руках верховную светскую и духовную власть. При нем на совещательных правах состоял правительственный совет — меджлис. Государственные области (мамалик) управлялись военными губернаторами (беглярбеки, эмир ал-умара). Как в центре, так и на периферии политическая власть была полностью в руках азербайджанской династии и феодальной знати кызылбашских племен. Сефевидское государство было в руках азербайджанских феодалов орудием эксплуатации и подавления сопротивления подвластных им народностей и племен.

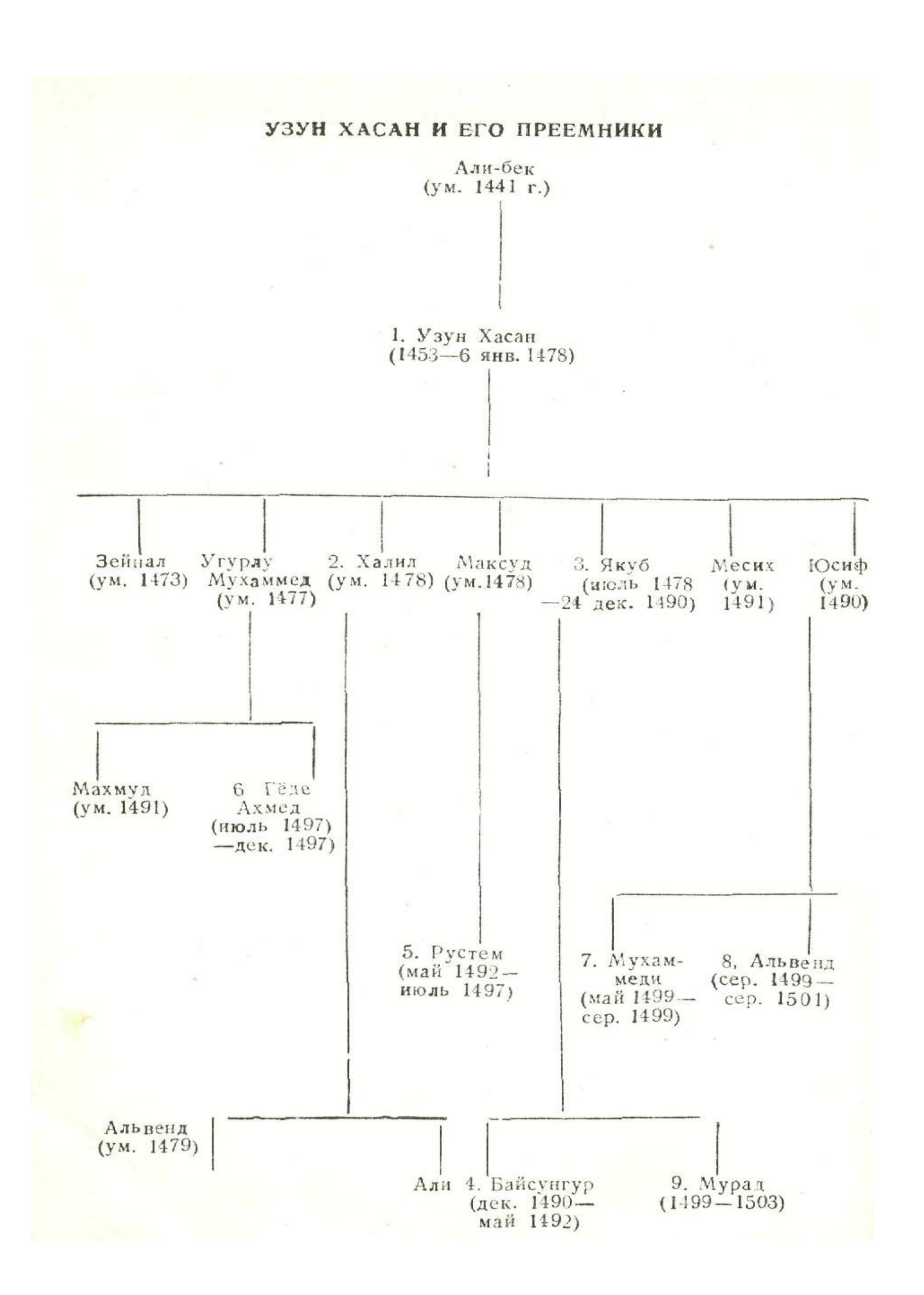
С периодом правления Сефевидов связан целый этап в развитии азербайджанской культуры. Это было время широкого распространения азербайджанского языка. На нем были созданы выдающиеся произведения литературы, получившие всемирное признание и известность. На азербайджанском языке творили великий Физули, шах Исмаил Хатаи, Хабиби и др. Широко прославленная тебризская школа живописи выдвинула таких крупнейших художников, как Солтан Мухаммед и Бехзад, творения коих вошли в сокровищницу мирового искусства.

ГЕНЕАЛОГИЯ ПРЕДКОВ ШАХА ИСМАИЛА I
Фирузшах Зарринкулах (вторая половина XII в.)
Аваз ал-Хавашш
Мухаммед ал-Хафиз
Селах ад-Дин Рашид
Кутб ад-Дин Ахмед
Шейх Салех
Амин ад-Дин Джабраил
Мухаммед
Селах ад-Дин Исмаил
1) Сефи ад-Дин Якуб (1252—1334)
Фахр ад-Дин
Мухйи ад-Дин
2) Садр ад-Дин Абу Саид (1305—1392)
Ала ад-Дин
Шараф ад-Дин
3) Хадже Али (ум. 1427)
Селах ад-Дин
Джамал ад-Дин
4) Ибрагим (Шейхшах) (ум. 1447)
Джафар
Абд ар-Рахман
Абу Саид
Ахмед
Баязид
Хаджеджан-мирза
Ибрагим Хаджеги
5) Джунейд (ум. 4. III 1460)
Хадже Мухаммед
6) Хейдар (1460—1488)
Солтан Али
Ибрагим
7) Исмаил I (р. 17. VII 1487)

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ СЕФЕВИДОВ С ДИНАСТИЯМИ АК-КОЮНЛУ И КОМНЕНОВ
СЕФЕВИДЫ
Ибрагим (Шейхшах)
АК-КОЮНЛУ
Али-бек → Сара-хатун
КОМНЕНЫ
Кало Иоанн → грузинка
Джунейд → Хадиджа-бегим
Узун Хасан → Катерина (Деспина-хатун
Хейдар → Марта (Алемшах-бегим)
Шах Исмаил I

ГЕНЕАЛОГИЯ ПЕРВЫХ СЕФЕВИДОВ
(До шаха Аббаса 1)
Шах Исмаил 1
(1501—1524)
сыновья Исмаила 1
Тахмасиб 1
(15.4—1576)
Алкас
Бахрам
Сам
дочери Исмаила 1
Ханыш
Перихан
Мехинбану
Фирангиз
Зейнаб
сыновья Тахмасиба 1
Мухаммед Худабенде
(1577—1587)
Исмаил II
(1576—1577)
Хейдар
Сулейман
Мустафа
Махмуд
Имамкули
Али
Ахмед
дочери Тахмасиба 1
Говхар
Перихан
Хадиджа
Зейнаб
Марьям
Фатма
Шахрабану
Ханыш
сыновья Мухаммеда Худабенде
Хасан
Хамза
Аббас 1
(1587—1629)
Абу Талыб
Тахмасиб

ГЕНЕАЛОГИЯ ПОСЛЕДНИХ ШИРВАНШАХОВ
Фаррух Ясар (1462—1500)
Бахрам-бек (1500—
—1501)
Гази-бек (1501)
Ибрагим II
Шейхшах (1502—
1524)
Солтан Махмуд
(1502)
Халилуллах II (1524—1535)
Мухаммед
Музаффар
Бурхан Али(1548—1551)
Шахрух (1535—1538)
Абубекр (1579)

УЗУН ХАСАН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ
Али-бек (ум. 1441 г.)
1. Узун Хасан (1453—6 янв. 1478)
Зейнал (ум. 1473)
Угурлу Мухаммед (ум. 1477)
2. Халил (ум. 1478)
Максуд (ум. 1478)
3. Якуб (июль 1478 —24 дек. 1490)
Месих (ум. 1491)
Юсиф (ум. 1490)
Махмуд (ум. 1491)
6 Гёде Ахмед (июль 1497) —дек. 1497)
5. Рустем (май 1492— июль 1497)
7. Мухам-меди (май 1499— сер. 1499)
8, Альвенд (сер. 1499— сер. 1501)
Альвенд (ум. 1479)
Али
4. Байсунгур (дек. 1490— май 1492)
9. Мурад (1499—1503)

СОСЕДНИЕ ПРАВИТЕЛИ XVI в.

Османские султаны

Годы правления

1. Баязид II - 1481 — 1512
2. Селим I - 1512—1520
3. Сулейман I - 1520—1566
4. Селим II - 1566—1574
5. Мурад III - 1574—1595

Шейбаниды

1. Мухаммед Шейбани - 1500-1510
2. Кочкунджу - 1510-1530
3. Абу Сайд - 1530-1533
4. Убейдулла (Убейд-хан) - 1533-1539
5. Абдулла I - 1539-1540
6. Абд ал-Латиф - 1540-1552
7. Новруз Ахмед - 1552-1556
8. Пир Мухаммед I - 1556-1561
9. Искандер - 1561-1583
10. Абдулла II - 1583-1598

Крымские ханы

1. Менгли-Гирей I - 1478—1514
2. Мухаммед-Гирей I - 1514—1523
3. Гази-Гирей I - 1523—1524
4. Саадат-Гирей I - 1524—1532
5. Ислам-Гирей I - 1532
6. Сахиб-Гирей I - 1532—1551
7. Довлет-Гирей I - 1551 — 1577
8. Мухаммед-Гирей II - 1577—1584
9. Ислам-Гирей II - 1584—1588
10. Гази-Гирей II - 1588—1596

Могольские императоры

1. Бабур - 1526—1530
2. Хумаюн - 1530—1556 (с перерывом)
3. Акбар I - 1556-1605

Мамлюки

1. Захир Кансух - 1498—1500
2. Ашраф Джанбалат - 1500—1501
3. Адил Сейф ад-Дин Туман-бей - 1501
4. Ашраф Кансух Гури - 1501 — 1517
5. Ашраф Туман-бей - 1517 (конец династии)

УКАЗАТЕЛИ

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ

2. ИМЕНА ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ

Джабани
Джавад
Джам
Джульфа
Дизмар
Дизфуль
Дику?
Диярбекир
Докуз Улам
Дон
Дрезден
Евлах
Европа
Египет
Ереван
Зайендеруд
Зегам
Зенджан
Зердав (Зардоб)
Зирабад
Зунуз
Имеретия
Индия
Ирак
Ирак арабский
Ирак персидский
Иран
Испания
Истахр
Исфаган
Исфераин
Исфизар
Италия
Ихир (и Ахты)?
Йезд
Йездхас
Йемен
Кабала
Кабул
Кавказ
Кагызман

Хузистан
Хунус
Хыналык
Цюрих
Чанкенд
Чалдыран
Черендаб
Черкесия (дийар-и черкес)
Чехия
Чухурсаад
Чылдыр
Чырак
Шабран
Шабустар
Шамаси
Шамби Газан
Шам-и Кызылузен
Шарур
Шахризур
Шахринов
Швабия
Швейцария
Швеция
Шеки
Шемаха
Ширакская степь
Шурагел
Ширван
Шираз
Шуштер
Эрджиш
Эрзинджан
Эрзурум
Эшкамбар
Ярославль

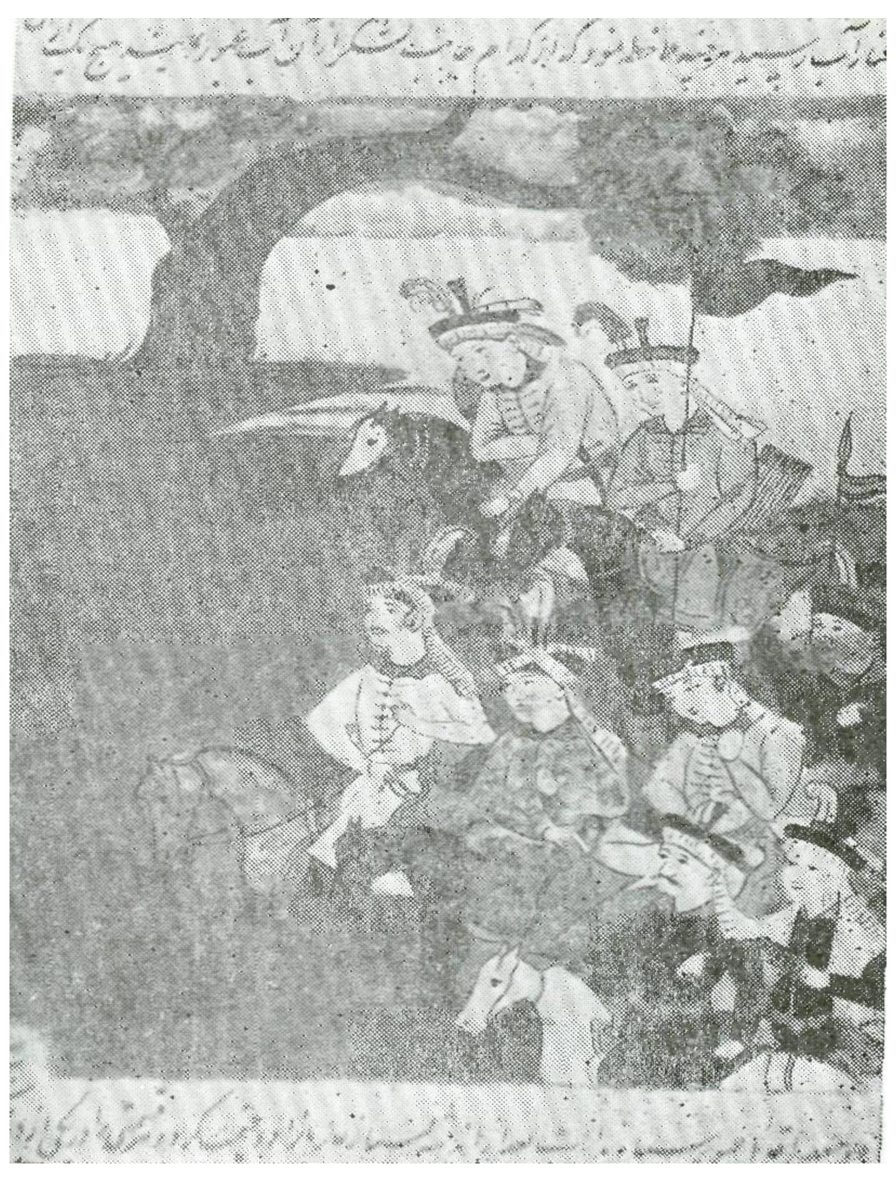

Рис. 1. **Переход Куры Исмаилом Сефеви во главе кызылбашей в 1500 г. (Миниатюра рукописи Британского Музея).**

Рис. 2. **Взятие крепости Баку Исмаилом Сефеви в 1501 г.**
(Миниатюра рукописи Британского Музея).

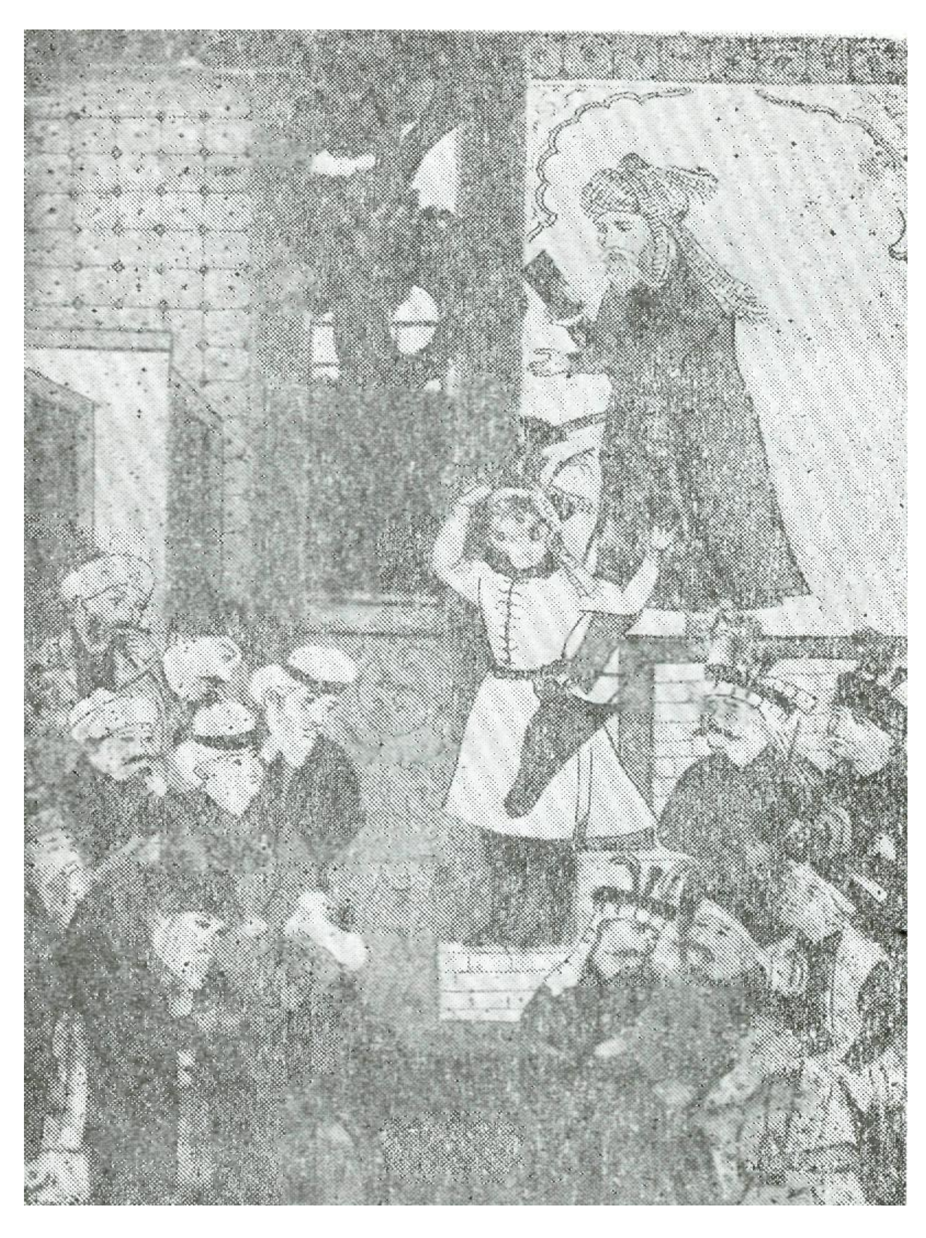

Рис. 3. **Чтение шиитской хутбы в соборной мечети Тебриза. (Миниатюра рукописи Британского Музея).**

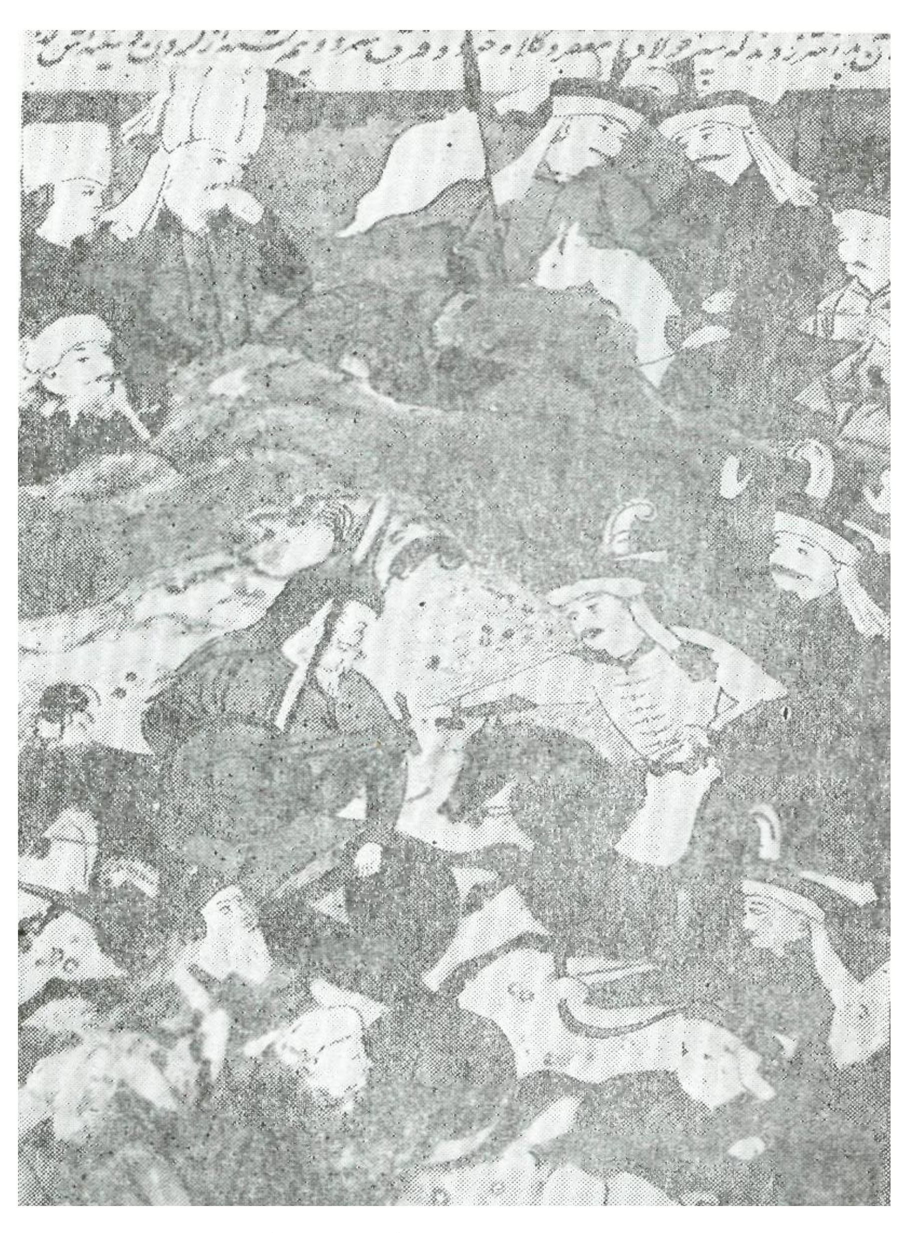

Рис. 4. **Чалдыранская битва. Единоборство шаха Исмаила с турецким полководцем Малкуч-оглы. (Миниатюра рукописи Британского Музея).**

Рис. 5. **Прием шахом Исмаилом I иностранных послов.**
(Миниатюра рукописи Британского Музея).

Рис. 6. **Шах Исмаил I.**
(Репродукция с портрета, хранящегося в музее Уффици во Флоренции).

Рис. 7. **Прием шахом Тахмасибом I турецких послов.**
(Миниатюра рукописи ГПБ им. Салтыкова-Щедрина).

Рис. 8. **Свидание шаха Мухаммеда Худабенде со своим сыном Хамза-мирзой в 1585 г. (Миниатюра рукописи Берлинской государственной библиотеки).**

ОГЛАВЛЕНИЕ

Əfəndiyev Oqtay Əbdülkərim oğlu
XVI ƏSRDƏ AZƏRBAYCAN SƏFƏVİLƏR DÖVLƏTİ
(rus dilində)

Редактор издательства *М. Высоцкая*
Художник *Ф. Сафаров*
Художественный редактор *Ф. Сафаров*
Технический редактор *В. Огниенко*
Корректор *А. Гамедова*
ИБ № 91

Сдано в набор 5/VI -1980 г., Подписано к печати 10/VII-1981 г. ФГ 24298. Формат бумаги 60x90$^{1}/_{16}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура шрифта литерат. Печать высокая. Печ. лист. 19,25+4 вклейки. Уч. изд. лист 22,02. Тираж 1800. Заказ 357. Цена 3 руб.

Издательство "Элм".
370143 Баку-143, проспект Нариманова, 31.
Академгородок, Главное здание
Типография "Красный Восток" Государственного комитета Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Баку, ул. Ази Асланова, 80.